

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

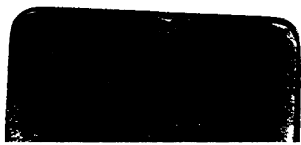
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854610 2

* BCA

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

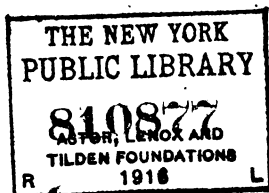
Оксенштирнъ.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1826.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи; до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Октября 18 го дня, 1876 года. *Экстраординарный Профессоръ Дмитрій Первозицковъ.*

**МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.**

ЧАСТЬ ХІ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

- I. НАУКИ И ИСКУСТВА.**
 - II. КРИТИКА.**
 - III. ВИБЛІОГРАФІЯ.**
 - IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.**
-

101 101 101 101

101 101 101 101

101 101 101 101

101 101 101 101

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Письма изъ Сибири ()*

Еще разъ оставилъ я Иркутскъ, когда въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ любилъ бы и впредь прожизиваться около шумошняго кладбища, гдѣ меньше спрашнаго, что нынѣ оно ограждается премо каменными храмами. — Не подумайше, чтообы оспа-вилъ эщопъ горедь по физическимъ не-удобствамъ — нѣтъ; шамъ барометръ обыкновенно сповитъ выше пропцаъ Запад-

(*) Письма изъ Сибири, писанныя въ 1809 и 1810 годахъ, напечатаны съ пропусками, не всегда не-обходимыми, въ Азіатскомъ Вѣстникѣ на 1825 годѣ, но послѣдующія письма, 1814 и 1815 годовъ, изъ Восточной Сибири, по обстоятельству, еще не выданы; а настоящія суть продолженіе послѣд-нихъ. *Сог.*

Издатель должомъ почитавтъ благодаритъ по-теннѣйшую Особу, доставившую оныя въ Теле-графъ и смететь надѣяться, что оныя будутъ про-должаемы.

Ч. XI. No 17.

А

ной Сибири; термометръ, какъ ни опускается подъ вечеръ, къ полудню однакожь всегда, даже и зимою, восходитъ на приличную широтѣ мѣста высоту; небо почти безоблачно, сводъ небесный горитъ и въ эпохи равноденствій; въ такіе времена, въ которыя по инымъ мѣстамъ атмосфера бываетъ обвѣшена толстыми туманами, а тамъ и въ эти времена, по вечерамъ не разъ я наслаждаюсь зрѣлищемъ чудесно-опишвеннаго преугольника, известнаго подъ именемъ зодіакальнаго свѣта. Чего еще хотѣть въ старости, когда припомъ шумитъ тамъ Ушаковка, которой вода превосходна для питья и цѣлебна въ дальнее купанье? Чего бы хотѣть? Но есть другія не меньше сильныя причины, которыя нудятъ равномерно старика и юношу къ переселенію, назовите ихъ, если угодно, метафизическими.

Вамъ очень известно, что у человека сверхъ дешеваго хлѣба и изобилія въ чаю, есть нужды ума, удовлетворлемыя бесѣдою, приличною степенію просвѣщенія и сану возраста. Но пребываніе сего рода удивительно какъ несовмѣстны съ возможностью въ тамошней дали! Въ Иркутскѣ, какъ подъ какимъ-то полюсомъ, метафизической кругъ человеческого бытія течетъ медленно, тяжело; однажды въ недѣлю почта принесетъ газету и разговоръ; прочіе шесть дней проходятъ въ сумракъ повторовеній! Надобно имѣть на-

рочиную готовность ума, чтобы въ такихъ пошьямахъ умѣть часто высвкати огонь, или довольно масла, чтобы его подерживать.

Вы надѣшесь, что и въ провздѣ осмошрю Тельминскую казенную фабрику, въ 60 верст. отъ Иркутска општолщую, и сообщу вамъ нѣкоторое описаніе: вотъ оно!

Фабрика заключаетъ въ себя при производствѣ — суконное, полошняное и стеклянное.

Производство суконное началось въ 1797 году, и всѣ работы продолжались отъ руки, до привѣда послѣдняго Сибирскаго Генераль-Губернатора М. М. Сперанскаго. Въ 1819 году, осмошравъ сіе заведеніе, онъ судилъ, что путь не достаетъ главнѣйше сукнодѣльныхъ машинъ и челоуѣка, которыйбы могъ устанавишь машины, выписныя. Вотъ и заказывается одинъ экземпляръ машинъ, и чиновникъ Таланкинъ, котораго между тѣмъ командируютъ на лучшія въ Россіи фабрики, чтобы высмошрѣвъ устройство фабричнаго механизма, въ послѣдствіи устанавляетъ машины привезенныя, а дѣятельностію Директора фабрики И. Е. Платонова заготовляюшя на мѣстѣ другіе экземпляры машинъ. Такимъ образомъ суконное производство съ 1823 года пошло уже на водномъ ходу, искусшвенными способами.

Во время моего проезда работали :

- 4 экз. машинъ прядильныхъ, чесальныхъ и кардочныхъ.
- 2 спана нарядныхъ.
- 6 ——— упочныхъ.
- 29 ——— основной пряжи, изъ коихъ каждый содержитъ отъ 40 до 60 вершенъ.
- 10 мотовиль для уравненія пряжи.

Весь механизмъ чесанія и пряденія движется водою, а управленіе всѣми машинами и спанами ввѣрено 36 человекамъ взрослымъ и 30 мальчикамъ; они замѣняютъ больше 350 взрослыхъ человекъ, въ прежнемъ ручномъ дѣлѣ.

Каждый рабочій день, помощію этого механизма, даетъ до 16 пудъ пряжи на солдашскія сукна.

По части шкацкаго искусства и орудій онъ усовершенствовано :

- 65 шкацкихъ суконныхъ спановъ, по образцу лучшихъ фабрикъ, т. е. каждый спанъ работаетъ съ однимъ шкачемъ.
- 11 — — старой фабрики, т. е. за каждымъ спаномъ сидятъ двое шкачей.
- 3 спана приспиргальныхъ, водою дѣйствующихъ.

Годовая работа даетъ 2000 половинокъ указной длины и ширины, слѣдственно

выходить сукна 62,000 аршинъ, на одежду Сибирскаго войска и служивыхъ командъ.

Довольноли этихъ новостей съ васъ? Чтобы вы не подумали, что я пишу къ вамъ изъ Силезіи, а не изъ Сибири, поспрудитесь взглянуть на мѣсто моего ночлега.

Нижнеудинскѣ.

15 Мая, 1826 года.

Въ прежнемъ письмѣ мы прошли мимо ларей, на рѣчкѣ Тельмѣ построенныхъ для промывки шерсти, мимо красильной, выстроенной по фасаду Павловской фабрики, и пропустили также прессовую, дабы скорѣе провеспи васъ по прочимъ опредѣленіямъ фабрика; и вошь вы шеперешоите между

40 ткацкихъ становъ,
200 самопрякъ и
1 дома съ голандеромъ.

Вы знаете дѣйствія ихъ, а я долженъ прибавить въ поясненіе, что *производство фламскаго полотна*, какъ здѣсь небывалое, одолжено своимъ началомъ, устройствомъ и успѣхомъ усердію Г. Платонова. Доказательство усердія очень ясно, когда услышите, что въ 1825 году фабрика сдала въ военное вѣдомство 30,000 аршинъ полотна = 600 кусковъ, надъ которыми въ теченіе 10 мѣсяцовъ трудились 200 прядильщицъ, да 82 ткача съ прочими

прислужниками. При всей новостн завешденія, аршинъ полошна обошелся по 65 коп. Можешь бышь, доброша Сибирскаго полошна, какъ и сукна, не доидеть до Русскихъ издвльй сего рода, къ чему нужны время и приспособленіе; но обращаешъ къ тому, что въ Восточной Сибири, по привычкѣ къ Кипайскимъ бумажнымъ шканямъ, жители не радьютъ о издвльяхъ изъ пеньки и льна, полагаешъ должно, что водвореніе полошнянаго искусства есть тамъ дѣло государственнаго хозяйства, а не простое дѣло бухгалтеріи.

Теперь переведу васъ къ стеклянному производству. Оно правда здѣсь не новое, но въ сравненіи съ прежнимъ гораздо улучшено; зелень стекла прежде очищалась только до вида полубѣлаго. Съ 1822 года фабрика приобрѣла знаніе выдѣлывать хрусталь довольно бѣлый, и присоединила къ тому такое искусство, что имья подѣлки, по красотѣ рисунка и масперскому граенію, не уступали бы издвльямъ лучшихъ въ Россіи заводовъ, если бы льдистый цвѣтъ стекла не измѣнялъ имени фабрики.

Но сколько ли уже, стекло, проишь похвалъ,
Что намъ въ шебъ вино и медь самъ слаще сталь?
Никакъ! (Ломон. къ Шуа.)

Я видѣлъ въ Тельминской церкви подсвѣчникъ 2-хъ арш. вышины, изъ хрусталя узористо вышоченный. Довольно ли сего, чтобы не принимаешъ труда переска-

дывать имена различныхъ подълокъ, отъ которыхъ чистаго годоваго дохода получается до 25,000 рублей.

Въ семь заводовъ —

3 плавил. печи.

1 грандильная, водою дѣйствующая.

27 работниковъ.

На моемъ мѣстѣ, вы не оставили бы поспѣишь больницы и многія другія заведенія, съ шрема производствами неразлучныя; вы бы также полюбовались симметрическимъ расположеніемъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ, и съ примѣчаніемъ осмотрѣди-бы храмъ Божій, прежнимъ Директоромъ Г. Соколовскимъ сооруженный. Не льзя отрицать, что сей храмъ, по достоинству наружнаго чертежа и по приличію внутренняго украшенія, какъ и последнее устройство фабрики, на долго останущся для всей Сибири единственныи.

Канскѣ.

17. Мая,

Какой красивый и благословенный край между Каномъ и Енисеемъ! Земля исподоволь восходя отъ наклоненныхъ равнинъ къ холмистымъ возвышеніямъ и избѣгая повсюду горизонтальныхъ плоскостей, представляетъ широкія съ разными измѣненіями зрѣлища, угодья для пастбищъ и пашней. Сія пространства, ко-

порыл провѣзжалъ я между 16 и 20 Мая, были покрыты анемонами и полевою около дороги цикоріей; природа обѣими руками рассыпала желтые сіи цвѣты по зеленымъ покашамъ. Прежде сего я провѣхалъ другую полосу земли, между Каномъ и Бирюсою, нынѣ причисленную къ той же губерніи. Будучи похожа на описанный смежный край какъ наружнымъ земли образованіемъ, такъ и мѣлкопесчаниспымъ верхнимъ слоемъ, разнился по видимому отъ него уцѣлѣвшимъ лѣсомъ и диковатымъ черепомъ почвы, а глупъ напрошивъ давно все обсѣчено, давно все ушоптано полпившимися кочевыми народами и ихъ стадами. Урожай хлѣба, при разныхъ наружноспяхъ, бываешь глупъ и тамъ равно изобилень. Населенность, въ глазахъ путешественника представляется очень малою.

Красноярскъ, сей новый выведенецъ между губернскихъ городовъ, въ такъ короткое время начинаешь принимать уже значущій взглядъ. Въ 1822 году, когда указано здѣсь быть губерніи, люди даже умные ушверждали, что эпошь городъ не пойдетъ далѣе тогдашняго состоянія; но появленіе красивыхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, стройка казенныхъ зданій, благоустройство города, публичный садъ, своя крупчатка и расширение житейскихъ удобствъ ручаються, что Красноярску предспюишь прекрасная судь-

ба. Новый подъездъ къ городу со стороны западной такъ счастливо проложенъ, что путешественники, очутивъ у порога на высотѣ, вдругъ неожиданно видятъ цѣлый городъ съ живописными окрестностями въ двухъ превосходныхъ картинахъ, разделенныхъ улицею, версты на двѣ прямолинейно брошеною, да и самая улица, угломъ зрѣнія за р. Енисей продолжаемая, есть не меньше очаровательная картина.

Я не ошибусь, когда буду уверяивать; что всѣмъ благоустройствомъ, такъ скоро обозначившимся, Красноярскъ обязанъ вкусу и дѣятельности своего Гражданскаго Губернатора, который, къ достойному прохожденію государственной службы, присоединяетъ перо прозаика и мастерство поэта.

Красноярскѣ.

22 Мая.

По обязанностямъ службы я отправился въ Енисейскъ, и съ ловкими почти пудами началъ пользоваться спутничествомъ Енисея, такъ какъ дорога проходитъ подлѣ берега. Физическія окрестности, порядочныя деревеньки, пашни, луга и каменные по мѣстамъ церкви, невольно увлекли меня къ воспоминанію о Тобольскѣ, къ которому подъезжая со стороны Ишима, подобныя видѣлъ бы

положенія природы и успѣхи общежитія. Сравненіе тѣмъ правдоподобіе, что оба сіи не маловажные города лежатъ въ одной параллели 59-го градуса, что имѣли свою очередь торговли и выгоды торговаго сѣзда. Что же теперь значитъ Енисейскъ?

Прежде, нежели вы услышите отвѣтъ на вопросъ, дайте разложить цвѣты, на послѣдней къ городу станціи собранные въ 25-е Мая.

Вотъ вамъ и въпреница, *Anemone patens*, которая здѣсь уже опцвѣла, и которую съ неопалюю чашечкой едва я нашелъ. Вотъ вамъ стародубка, *Adonis vernalis*, *Ranunculus acris*, да еще цикорія *Leontodon taraxacum* и *Viola uniflora*; да еще *Iris ruthenica*, *Pulmonaria officinalis*, *Myosotis arvensis*, *Primula farinosa*, *Trollius asiaticus*, *Polygala vulgaris*, *Oxibus vernus* и *Geranium pratense*. Коллежскій Ассессоръ Щукинъ, Иркутскій Натуральщикъ, разсматривая сіи цвѣты, замѣчаетъ, что въпреница, фіалка и стародубка цвѣтуть около Иркутска между 10-мъ и 20-мъ Апрѣля. Не мудрено, когда припомнимъ, что Енисейскъ глубже Иркутска 6^д.

Теперь въ нѣсколькихъ словахъ перескажу, что такое Енисейскъ. Въ числѣ уздыныхъ Сибирскихъ городовъ онъ долженъ считаться первымъ по народонаселенію, по цѣнности домовъ каменныхъ и деревянныхъ; по числу церквей, довольно и даже богато украшенныхъ, по выразительной набожности, которая въ Русскомъ народѣ стараго спила всегда бываешь

данью богатства, благодарностию за Божескія благословенія. Если много промолвлено, что Енисейскъ имѣлъ очередь торговли и торговаго сѣзда, то не надобно вполне разумѣть, что будто-бы тамъ иссохли источники для богатства; а переѣзжна только произошла въ томъ, что переспали сѣзжаться на ярмарку, нѣкогда шумную, иногородныя торговцы, и взрочно потому, что сами Енисейцы основали непосредственныя связи съ Иркутскомъ, Кахтою, Ирбитью и Н. Н. городомъ. Городъ переспалъ видѣть движеніе торговли, но купечество его продолжаетъ торговать. По равнымъ обстоятельствамъ, во многихъ сѣверныхъ городахъ ярмарки, нѣкогда процвѣтавшія, падаютъ или упали, и излишно было-бы дѣлать вопросъ, къ лучшему-ли это? Къ лучшему для однопоржія, а прочимъ, само по себѣ разумѣется, пора смѣяться объ искуствахъ.

По сѣмъ переѣзжамъ въ оборотахъ промышленности и не меньше по швіи мясннмъ неудобствамъ, что года черезъ 3 или 4-ре періодически, Енисейскъ чуть не весь запопляется весеннею водою, что все лѣто и осень надобно ходить въ сѣннхъ, по краямъ даже города, ошъ несчетнаго множества уязвляющихъ насѣкомыхъ — едва-ли Красноярскъ, который

начинаешь такъ разцвѣтаться, не перема-
нишь къ себѣ многихъ здѣшнихъ гражданъ?

Енисейскб.

28 Мая.

Въ Кемчугахъ, въ опивѣлѣ Саянскихъ
горъ, нынѣ въ первый разъ я пользовался
всѣми удобствами дороги. Вездѣ спуски
или подъемы сняты; мосты наложены
прочные и гладкіе; крутизны ограждены
надолбами красивыми; все выровнено, все
устроено, и 135 гористыхъ верстъ пред-
ставляютъ непрерывную линію побѣд-
денныхъ препяшствъ и усилий.

Сколь ни суровы виды Кемчуговъ, но
Флора, улыбающаяся панисшвеннымъ пер-
спомъ украшаетъ и болотныя мѣста, въ
проездъ мой, т. е. ко 2 му Юня, пригошова
около дороги выспавку цвѣтущую. Наряд-
ная макушки пышныхъ піоновъ или рас-
кидывались, или еще покоились въ зем-
ныхъ пеленахъ. Просѣки и перелѣся кра-
совались шо жаркими (*Trollius asiaticus*), шо
желтыми цвѣтами (*Ranunculus acris*). Ме-
дунка, *Pulmonaria officinalis*, *Polemonium ceruleum*,
Pedicularis incarnata и *Geranium palustre*, были
наградой моего зрѣнія. Флора, улыба-
ясь, удалялась въ лѣса и шопи, и помя-
вала цвѣтучной влзью слѣдовать за нею;
но какъ слѣдовашь, когда со всѣхъ спо-
ронъ слѣпались на меня ополченія злоб-
ныхъ насѣкомыхъ?

Конецъ Кемчуговъ и начало воспочной Сибири естъ Ачинскъ, который пожалованное ему Сибирскимъ Учрежденіемъ имя города очевидно спѣшишь оправдать, какъ замѣшно по новымъ домикамъ, по ошспройкѣ помѣщенія для Узднаго Училища и по выпянувшимся улицамъ.

3 Іюня.

Ачинскѣ.

За всѣ неудобства и опасности, какимъ подвергаюся на Барабѣ въ лѣшніе жары, я ожидалъ себѣ за Каинскимъ, въ деревнѣ Каменевой, нѣкопороу награды — свиданія съ пріятелемъ Федуломъ Кондрашевичемъ, сполѣшнимъ старцемъ, съ копорымъ познакомился за 15 лѣшъ. Я наименовалъ сего Барабинца въ числѣ пріятелей по праву 10-лѣшняго знакомства, по праву нравственному, кошораго вы не захопите оспоривашъ, если и объявлю, что эпомъ крестьянинъ въ зачешъ рекрута былъ посланъ въ Сибирь и за 60 лѣшъ поселенъ въ Каменевой. Трудолюбіе, хозяйство, добросовѣстность съ своими работниками, уважительность поварищей-поселянъ и гостепрѣмство для провзжихъ — вопъ самыя честныя шипла, съ копорыми крестьянинъ, по крайней мѣрѣ въ Сибирскихъ нравахъ, можешъ пожашъ руку нашему брату чиновнику. Крестьяне не таяшъ его услуги, оказанной селе-

Ч. XI. № 17.

Б

нію пѣмъ, что, когда при началѣ водворенія, все рубили да жгли, онъ одинъ поспавилъ на своемъ, сберегъ рошу, копорая нынѣ служишъ зимою всей деревнѣ спасеніемъ отъ мяпелей, а льшомъ скошу убъжищемъ отъ овода.

Нынѣ при моемъ приѣздѣ въ Каменеву, спарый пріятель потчасъ узналъ меня, всталъ съ бодрою поропливостью, началъ говорить, и шолько могъ вымолвить: *да — ду, да — ду, кормилецъ*. Въ продолженіе часа, какъ я оспавался въ его домѣ, онъ много разъ начиналъ ошвѣчать на мои воспоминанія, говорилъ по нѣскольку минутъ, но все выходило не больше, какъ *да — ду*, съ жалобнымъ финаломъ, *кормилецъ*. Кто пойметъ эшопъ разговоръ? Но, когда вообразу выраженіе лица его, прогашельную перемѣну въ голосъ, когда вспомню пусклые, но одушевленные глаза его, пусклые, но быспро смотрящіе, какъ бы изъ вѣчноспи, — я и шеперь вижу, какъ свѣшовалъ со мною упружденный спранникъ при концѣ юдоли, какъ бесѣдовалъ со мною духъ безсмертннй другаго міра; я и шеперь чувспвую въ себѣ шеплое смущеніе мыслей.

Такъ, повшореніе двухъ слоговъ: *да-ду, да-ду*, ошанешся для меня языкомъ незабвеннаго краснорѣчія. Садясь въ коляску, я думалъ про себя:

Vivite felices quibus est fortuna peracta
Iam sua ; nos alia ex aliis in fata vocamur.

Aeneid. libr. III.

Тара.

22 Іюня.

Вы читали *Описаніе Сибирскаго царства*, въ 1750 году Исторіографомъ Миллеромъ изданное, и конечно припомните сказаніе его о перекопи Иршыша, Ермакомъ сдѣланной для обхода Вагайской луки, къ востоку локтемъ уклонившейся, или просто говоря, о перекопи *Ермаковой*. Чтобы повѣрить изложеніе Исторіографа о перекопи, давно мнѣ казавшееся не довольно яснымъ, нынѣ, не довзжая до Тобольска 45 верстѣ, я остановился въ спаромъ погоспѣ.

Дайте мнѣ напередъ совокупить показанія, какія Миллеръ (*) помѣспидъ о перекопи, попомъ записанъ мои повѣрки, на мѣспяхъ взяспія; и вы, сличивъ одиъ съ другими, будете въ состояніи судить, почень ли былъ Исторіографъ, въ спашъ оподозриваемой? Въ его описаніи гласитъ. 1 е, что перекопъ длиною съ верспу и кончипся не въ дальнемъ разспояніи опъ р. Вагая; 2 е, что Ермакъ велѣлъ перекопашъ сухопупную прямую небольшую дорогу, дабы не дѣлать околицы рѣкою; 3 е, что околица или кривизна рѣки будешъ

(*) Гл. 3. Опис. Сиб. Цар.

шестъ верстъ ; 4 е, что по той кривизнѣ шечень мало воды до времени перекопи , по копорой почти рѣка вся направилась , и 5 е, что Ермакъ ввечеру гибельной ночи , въ копорую ушонулъ , доплывъ съ Вагаю до перекопи , ночевалъ на берегу того острова , копорый окруженъ водою и перекопью.“

И такъ выходишь по Миллеру , что Ермакъ , съ часстію дружины , повѣхавъ дней на десять вверхъ по Иртышу , прорылъ , между дѣлами , каналъ на версту и великую рѣку заставивъ идти по новой поспель , пѣмъ сократилъ шеченіе ея 6-ю верстами . Столь быспрая казачья гидропехника была-бы чудесна , если-бы можно было увѣришься въ дѣйствительности такой важной услуги для судоходства ; но повѣрите-ли , что ни кто изъ близъ живущихъ Сибиряковъ не слышалъ о повѣспуемомъ переворотѣ Иртыша , копорый , какъ нынѣ , такъ и прежде , льется по неизмѣнному ложу , пою же лукою , копорую Миллеръ называетъ Вагайскою . Это физическая и всенародная истина , копорую впрочемъ совѣстно и доказывать наряднѣе . Поищемъ же перекопи другой и дѣйствительной .

Подъ руководствомъ крещянина Завьялова , спускаясь изъ селенія на луговую западную сторону Иртыша , я повѣхалъ на NO , и верстажъ въ двухъ вспрѣшилъ озеро Табай (въ 100 шир. и въ 300 сажен. длины) . Изъ

сего озера проходить на Z сухое, разложившее русло, соединяющееся съ Ирпышемъ; такая-же сухая желобовина, больше изгибистая, съ другаго края озера идетъ къ N. Обѣ желобовины, въ водополь, наводняющіяся будто-бы изъ Ирпыша. Не лѣзя не видѣшь, чтобы оба сія рукава Табая образовались естествененно, хотя въ народномъ преданіи слывуть *малую перекопью Ермаковой*. Линія обоихъ рукавовъ, проводимая чрезъ озеро, будетъ основаніемъ Вагайской луки, выгибающейся на 4 или 6 верстѣ; слѣдствененно она будетъ крапчайшая для лодки, копорая-бы симъ путемъ миновала кривизну Ирпыша. Озеро сверхъ того для лодочной Ермаковой флотиліи было-бы наилучшею гаванью; но вопшь помѣха, что въ Августѣ, когда Ермакъ дѣлалъ перекопь и вмѣстѣ ею пользовался, рукава не могли бышь поняты водою. Скорѣе можно думать, что Ермакъ, слѣдуя на Вагай, велѣлъ для пробы койгдѣ расчищать и углубить эти рукава, что можетъ бышь работа и начиналась руками покоренныхъ жипелей, и вопшь имовѣрное основаніе, для чего Табайскія сухія ложбины получили названіе *малой перекопи*.

Стало, есть *большая перекопь Ермакова*? Точно такъ, если вы хошите слѣдовать народному преданію, копорое по недавности происшествій не лѣзя и оп-

вергать, равно прямымъ и несбивчивымъ указаніемъ моего жокаша.

Отъ южнаго рукава малой перекопи поворошивъ къ Иртышу на О, я поравнялся скоро съ другимъ озеркомъ, называемымъ *Становое* и самымъ названіемъ его возбужденъ былъ къ сообразному примѣчанію. Изъ него на Z выпадаетъ рукавъ, водою наполненный, и продолжаясь саж. на 200, соединяется чрезъ *Собатье* озерко съ самымъ Иртышемъ, немного повыше заводи *Ермаковой*. Возвращаясь къ *Спановому*, я обогнулъ его и нашелъ на противоположномъ краѣ другой рукавъ, направляющійся свозь протокъ сперва къ NO, потомъ къ О, потомъ къ W, и который кривляясь верспы на двѣ въ своемъ теченіи, всегда водяномъ, наконецъ направляясь къ N и прямолинейно падаетъ въ Иртышъ. Вотъ эти два рукава называются *большою перекопью Ермаковой*. Линія сей перекопи, если-бы исключитъ кривизны, составляетъ меньшую хорду Вагайской луки, въ сравненіи съ хордою малоперекопною, но и сія перекопь, хотя водяная, не только не приняла въ себя Иртыша, но и нигдѣ не показываетъ живой струи. Рукава ея, не считая подводной глубины (*), не выше 2 саж. отъ

(*) Подводная глубина тамъ, гдѣ рукава подходятъ къ Иртышу, примѣрно глубока, а въ прочихъ мѣстахъ отъ 1 до 3 аршинъ.

земли до воды, а шириною около 2 саж. Южный рукавъ тѣснѣе, прямѣе, во всемъ правильнѣе и больше походитъ на канаву, нежели сѣверный, которой слѣдуя естественной ложбинѣ, могъ быть искусствомъ прочеркнутъ только при концѣ.

Судя по мѣстности, что прорытіе сей перекопи не могло стоить ни времени, ни большаго труда, и что лодочному конвою, сверхъ другихъ выгодъ, обезпечивалось отъ преслѣдованій непріятеля двойное убѣжище по Иртышу или по перекопи, я полагаю 1) что Ермакъ велѣлъ соединить рукава озера Становаго съ Иртышѣмъ къ N и къ Z, для лучшаго плаванія въ казачьихъ лодкахъ, а не въ чаяніи сворошить печеніе большой рѣки, въ пользу судоходства, о которомъ нѣкогда и не для чего было заботиться; 2) что, возвращаясь съ Вагай, онъ безъ сомнѣнія остановился у южнаго конца перекопи, какъ ближайшаго и удобнѣйшаго для предпріятій, тѣмъ болѣе, что путь берегъ приглубый, что вблизи островъ и заводъ — послѣдняя могла быть и пристанью для конвоя лодочнаго, а первый для спасенія отъ непріятеля, и 3) что водоворотъ, гдѣ Ермакъ утопулъ, по преданію народному и по всемъ догадкамъ, не даромъ донынѣ называется заводью *Ермаковой*, съ прибавленіемъ баснословныхъ подробностей, которыхъ не принадлежать къ дѣлу.

Такимъ образомъ, показавъ вамъ свѣжіе слѣды перекопи Ермаковой, свидѣтельствуемой преданіемъ, мѣспною соопвѣш-спвенноспію, повѣркою мѣспною и совершеннымъ согласіемъ всего шого съ названіями еще памяшущемыми, я вмѣспшъ съ шѣмъ предспавиль вамъ и случай усмопрѣшъ, какъ покойно и какъ поспоянно кашитсѣ Иршшшъ по древнему ложу, мимо двухъ оконечностей водопровода, завоеващелемъ Сибири наскоро, какъ видно, дѣданнаго.

Теперь вы сами въ соспопніи судитѣ 1 е, что перекопъ не съ вершш, и что разспяніе южнаго края перекопи — это добавляю—опшъ устѣя Вагая въ 2-хъ верспашъ; 2 е, что перекопаніе дорожки прямой или кривой не есптъ признакъ топографическій; 3 е, что въ мѣрѣ Вагайской луки, глазомѣрно опредѣляемой Миллеромъ и монимъ вожащаемъ, можно разоидписъ миролюбно; 4 е, что Испориографъ вздумалъ пересушитѣ Иршшшъ и перенесшъ его въ какуюто перекопъ, безъ всякаго основанія, и 5 е, что, пѣмѣщая послѣдній нощлегъ Ермака на оспровѣ, едва ли онъ не разумѣлъ шото меньшаго оспрова, между которымъ и берегомъ кружашсѣ заводъ Ермакова и что въ шакомъ смѣслѣ ищпина ищпоришеская снова бы обмѣлѣла.

Старый погостѣ.

30 Іюня.

Солнце взошло и освѣщило меня на знакомомъ крупоярѣ, окруженномъ грозными спремнинами. Въ радостномъ воспоминаніи озираюсь на всѣ спороны, и вижу — тамъ позолоченныя маковицы Абацкой обители; тамъ примѣшны скрывающейся въ горахъ, пѣвительной Межугорской пущыни; тамъ чрезъ пропасть, по которой въ молчаніи бѣжишь ручей Сибирка, вижу веселую Преображенскую равнину съ бѣвующимся храмомъ и колокольнею; а шущъ передъ глазами раскинуша чудесная панорама природы — широкая рѣка, самолоры, параллельныя ей заливы, деревни съ угодьями, роши, кладбища Магомешанскія, и чего шущъ не вижу!

Теряясь въ прелестяхъ зрѣнія, я споялъ почти неподвижно на крупоярѣ, на той исторической пядени земли, гдѣ въ низложеніи сильнѣйшаго владѣтеля завоевана вся Сибирь, гдѣ было державное стойбище Кучума, словомъ — я споялъ въ Искерѣ (*). Я прихожу сюда съ однимъ взоромъ, а не на смѣну Академикомъ Миллера и Фишера, которые за 75 лѣтъ, одинъ за другимъ, въ маломъ разспояніи, присушествовали здѣсь съ рѣзцомъ Исторіи.

(*) Ташары произносятъ слово еіе съ тяжелымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, и притомъ въ этомъ слогѣ слышится оборотное э. Искеръ, подобно бл писашъ и говорись.

Искеръ не Кароагенъ, не Панпикацеа-
умъ или не Пальмира; я сполялъ не на
гордыхъ развалинахъ, но на развѣянномъ
пепелищѣ курена, который пересталъ
дымишью съ паденіемъ первенствующей
жорпы, и который пересталъ, въ выс-
шемъ смыслѣ, дымить полъ обширную
область, какова Сибирь. Въ лѣтописи
Искера достопамятна одна минуца, когда
опъ кадила христіанскаго воскурился ко
Всевышнему еиіамъ благодарспвенный:
ибо послѣ того долженствовало, со вре-
менемъ, и озариться мысль обшашеля и
исчезнуть мгла невѣжества.

И такъ не сокровищами древнихъ кла-
доевъ, не надеждою отрыць спаринныхъ
металлическія бездѣлки, Искеръ меня за-
манилъ, но своимъ единспвеннымъ поло-
женіемъ, своимъ царскимъ видомъ, и оп-
часши воспоминаніемъ загородныхъ сюда
повздокъ, въ кругу Тобольскихъ пріате-
лей. Въ сихъ незабвенныхъ прогулкахъ и
вы, просвѣщенный другъ, также уча-
спвовали, за нѣсколько лѣтъ.

Все воскресло въ памяти: и то,
какъ повѣряя Миллера и Фишера, мы ша-
гами измѣряли длину и ширину Кучумо-
вой столицы; и то, какъ заключали, что
площадь ея съ тѣхъ поръ уже убавилась
опъ осыпей берега, по сравненію ихъ мѣ-
ры съ нашею; и то, какъ мы осматри-
вали поросшіе правою слѣды рва и вада,
съ сѣверной стороны. Я вспомнилъ, какъ

одинъ изъ пріятелей дня, съ жаромъ тогда утверждалъ, что эта пустынная глыба земли способна быть только для подножія колоссальной статуи Ермака; какъ другой сравнивалъ славу царства Кучумова съ ручьемъ Сибиркою, котораго съ Искера и не видно и не слышно, течетъ ли онъ, или нѣтъ.

Сравненіе, надобно признаешь, заключало въ себѣ больше правды и больше смысла, нежели сколько хохляки тогда въ немъ подозрѣвали. Сибирка, это пакъ, и не слышна и не видна, но все течетъ, да течетъ по дну пропасти; равномерно исторія державы Кучумовой безгласна и безыменна, если взглянуть на нее съ лѣствицы всемірной исторіи, но известно ли вамъ установленіе, два слишкомъ сподвигія не прерывающееся, установленіе покореннаго племени? Татары окрестныхъ и дальнихъ юрть, черезъ 3 или 4 года, въ срединѣ лѣта, постоянно спекаются на Искеръ, въ торжественномъ видѣ совершаютъ поминовеніе по Кучумъ (*)?

Тобольскѣ близко! близко Тобольскѣ!
1 Юля.

(*) Лѣтъ за 20 совершалось это поминовеніе чаще, черезъ годъ или черезъ два, но всегда около 10 Юля. Точною примѣтою этого срока я не могъ доказатьса.

Государственные законы и постановленія Оттоманской Порты.

(Окончаніе.)

Объяснивъ сущность гражданскихъ и уголовныхъ законовъ Турціи и учрежденіе придворнаго шшапа Сулпана Турецкаго, намъ остается описатьъ образъ управленія гражданскими, военными и духовными дѣлами въ семь государствѣвъ.

Между всѣми чиновниками въ Турціи, высшую степень занимаетъ *Великій Визирь*. Начало сего достоинства относится къ древнѣйшимъ временамъ. Въ древней Персидской Имперіи, Великіе Визиря занимашъ важныя роли. Въ позднѣйшія времена, Али былъ Великимъ Визиремъ Магомета; при Халифахъ Омміадахъ и Аббасидахъ находимъ непрерывный рядъ Великихъ Визирей. Орканъ, второй Сулпанъ Османлисскій, наименовалъ Визиремъ брата своего Уледдина - Пашу. До завоеванія Констаншинополя всегда бывалъ одинъ Визирь; Могаммедъ II возвелъ въ сіе достоинство многихъ государственныхъ сановниковъ и преемники его послѣдовали сему примѣру. Нынѣ, шишуль *Визиря* принадлежишь по праву каждому трехъ-бунчужному Пашѣ; но это только почетное названіе, кошорое не даетъ никакой власни

и не избавляетъ отъ виновенія *Великому Визирю* : ему подчинены, какъ Паши, такъ и всѣ другіе чиновники.

Великій Визирь управляетъ всѣми дѣлами гражданскими и военными, финансовыми и политическими. Онъ живой и видимый образъ Султана, который, заключившись во дворецъ своемъ, кромѣ его не приступенъ никому изъ своихъ подданныхъ. Будучи представителемъ Султана, Вел. Визирь управляетъ его именемъ и можетъ располагать жизнью всѣхъ подданныхъ Турецкаго Султана, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законы не поспѣваютъ границъ его власти. Ему подчинены даже всѣ служители Гарема. Ни одинъ министръ, ни одинъ чиновникъ не можетъ противопоставить ни малѣйшаго сопротивленія его приказамъ, ибо они почитаются исходящими изъ устъ самого Султана. Великолѣпіе, съ какимъ Вел. Визирь показывается въ народъ, соперничествуетъ его власти. Дворецъ имъ занимаемый, называется *Высокая Порта* — имя, которымъ означаетъ вообще правительство Опшоманское. Символь могущества Вел. Визиря состоитъ въ государственной печати : ее вручаетъ ему самъ Султанъ, если избираемый въ Великіе Визиря находится въ Константинополѣ ; въ противномъ случаѣ онъ, получаетъ сей знакъ власти чрезъ *Капиджиларъ-Кіажасси* (главнаго Камергера). Если Вел. Визирь

лишается своего достоинства, сей-же самый чиновник беретъ ошь него государственную печать обратно.

Диванъ, или Государственный Совѣтъ, собирается постоянно пять дней въ недѣлю, во дворцѣ Великаго Визиря. Диванъ состоитъ изъ государственныхъ чиновниковъ, имѣющихъ титулы Визирей, *Кадіаскеревъ* (Kadiaskers) или великихъ Судей; *Дефтердаровъ* (Defterdars) или Президентовъ и Вице - Президентовъ Департаментша Финансовъ и *Нишанджисевъ* (Nischandschi) или Спашсъ-Секретарей. Иногда Диванъ собирается въ Сералъ; тогда приглашаютъ въ него и другихъ чиновниковъ, но во всякомъ случаѣ, онъ находится подъ председательствомъ Великаго Визиря (*). Всѣ важныя дѣла поступаютъ въ Диванъ. Тяжебное дѣло, Великій Визирь отдаетъ присутствующимъ Судьямъ, которые немедленно произносятъ приговоръ свой. Другія дѣла рѣшаетъ Великій Визирь, испребовавъ предварительно мнѣніе присутствующихъ членовъ. Сверхъ того, Великій Ви-

(*) Описаніе этикета, предписаннаго для большихъ Дивановъ Серальскихъ, относительно введенія въ Диванъ присутствующихъ чиновниковъ, поклоновъ, которые они обязаны дѣлать взаимно одинъ другому, мѣстъ, назначенныхъ каждому изъ нихъ, обрядовъ при производствѣ дѣлъ, учрежденія стола, которымъ оканчивается Диванъ, и проч. занимаетъ въ сочиненіи Г. Гаммера *пятнадцать* страницъ.

Визирь даетъ въ извѣстные дни аудіэнціи для рѣшенія дѣлъ не споль важныхъ. Прежде, Вел. Визирь часто долженъ былъ дѣлать объѣзды въ столицу, дабы собственными глазами видѣть, исполняются ли предписанія полиціи относительно къ мѣрѣ, вѣсу и цѣнѣ жизненныхъ припасовъ, и немедленно наказывать нарушителей закона. Ему сопутствовали обыкновенно главный Судья Конспаншинопольскій, Янычарскій Ага, Полицейскій Намѣстникъ (Subaschi), Судья Рынковъ (Muhtessib), множество чиновниковъ, пѣдохранителей и Великій Надзиратель янычаровъ (Muhsir aga) съ палачами. Нынѣ, сіи объѣзды, возвѣщаемые заранѣе и потому не достигающіе своей цѣли, бывающъ весьма рѣдко; они замѣнены объѣздами, которые Великій Визирь дѣлаетъ скрытно по улицамъ Конспаншинопольскимъ. Сія обязанность почитается важнѣе всѣхъ другихъ, ибо сохраненіе столицы въ спокойствіи составляетъ для Вел. Визиря главный предметъ. При малѣйшемъ возмущеніи можетъ онъ лишиться головы, или, по крайней мѣрѣ, мѣста.

Когда Великій Визирь начальствуетъ войскомъ, всѣ главные чиновники и всѣ начальники департаментовъ за нимъ слѣдуютъ; но дабы текущія дѣла могли производиться безостановочно, чиновниковъ назначаютъ вдвойнѣ, такъ, что въ военное время бѣдваетъ два Кіад-бега, два

Рейсь-Эфендія и проч., изъ коихъ одинъ слѣдуетъ за Великимъ Визиремъ въ армію, а другой оспаешся въ Константинополь. Въ такомъ случаѣ, мѣсто Великаго Визиря заступаентъ *Каймакалѣ Паша*, или Намѣспникъ, который въ Константинополь имѣетъ всю власть Вел. Визиря, но при возвращеніи его долженъ отдашь ошчепъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Важнѣйшее опличіе Вел. Визиря состоишь въ исключительномъ правѣ, во всякое время, приближаться къ особѣ Султана и отдавашь ему ошчепъ въ правленіи государства. Впрочемъ, ни сіе преимущественно, ни почести, коими онъ окружень, не предохраняють его отъ ссылки и смерти.

Часть своихъ должностей слагаетъ Вел. Визирь на Кіая-бега, на Рейсь-Эфендія, на Чаушь-Пашу и на шестерыхъ Сшатсь-Секретарей, которые всѣ живутъ въ его дворцѣ и непосредственно съ нимъ занимаются. *Кіая-бегъ*, или Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣетъ въ департаментѣ своемъ всѣ дѣла, относящіяся къ внутреннему управленію. Султанскіе фирманы, бужурульди, или приказы Великаго Визиря, депеши, имъ получаемыя или отправляемыя — все проходитъ черезъ его руки. Онъ исполнитель власти Великаго Визиря и предспавишель его во всемъ, касающемся до безопасности и благоустройства столицы, и пошому, онъ всегда

спасается во дворецъ, при выезде изъ него Великаго Визиря, и никогда не показывается въ публичныхъ церемоніяхъ. *Рейсѣ - Эфенди* или министръ иностранныхъ дѣлъ начальствуетъ надъ Султанскою канцеляріею. Онъ сочиняетъ донесенія (*telchiss*) и пишетъ записки (*takgir*), копорыя Вел. Визирь ежедневно подаетъ Султану, отдавая опчесть въ дѣлахъ и пребуя рѣшеній. Будучи хранилищемъ всѣхъ государственныхъ шайнъ, *Рейсѣ - Эфенди* имѣетъ большое вліяніе въ Турецкомъ правительствѣ. Переводчикъ Дивана (*Diwari humajun terdashimani*), въ качествѣ посредника между *Рейсѣ - Эфендіемъ* и иностранными посланниками, занимаетъ второе мѣсто въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Его посылаютъ поздравлять посланниковъ и передавать имъ извѣстія. *Маврокордапо*, бывшій при Карловицкихъ переговорахъ (въ 1699 году), придалъ должности переводчика важность, какой она до того времени не имѣла. Нынѣ переводчикъ полагается въ качествѣ двухъ-бунчужнаго паши. *Чаушъ-Пашѣ* ввѣрена исполнительная власть и оцъ, шакъ сказашъ, рука правосудія. Онъ начально разбираетъ всѣ процессы гражданскіе и уголовные; опсылаетъ ихъ къ судьямъ и исполняетъ приговоры, по утверженіи оныхъ Великимъ Визиремъ. Онъ представитель сего послѣдняго во всемъ, что опносится къ исполнительной власти. Такимъ образомъ,

военный совѣтъ, Янычарскій Ага занимаетъ первѣйшее мѣсто въ числѣ военныхъ начальниковъ: онъ производится обѣдновенно изъ числа янычаровъ; но впрочемъ иногда мѣсто сіе ввѣряется особамъ, на вѣрность коихъ Султанъ можетъ полагаться. Яныч. Ага имѣетъ право присупствовать въ большомъ Серальскомъ Диванѣ, но можетъ подавать голосъ только въ случаяхъ, относящихся до его корпуса. Онъ имѣетъ главный надзоръ за полиціею въ Константинполѣ, назначаетъ коммандантовъ во всѣ вѣрности государства, производитъ офицеровъ въ своемъ корпусѣ, начиная отъ главныхъ чиновниковъ до начальниковъ ортъ или до полковниковъ включительно, исключая *Куль-Кіая* или перваго Генераль-Лейтенанта, занимающаго по немъ первое мѣсто, котораго назначаетъ самъ Султанъ и который, будучи однажды наименованъ, не можетъ быть смѣненъ безъ согласія янычарскаго корпуса. *Куль-Кіая* производитъ офицеровъ ниже полковника и по произволу своему лишаетъ ихъ чиновъ.

Дшебедши (числомъ до шести тысячъ) обязаны дѣлать оружіе для всего войска и смотрѣть за арсеналами. Начальникъ ихъ называется *Дшебедши-Баши* и почитается непосредственно первымъ послѣ янычарскаго Аги.

Благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ Венгерскихъ ренегатовъ и многихъ Англическихъ и Французскихъ офицеровъ, корпусъ

Турецкихъ артиллеристовъ гораздо лучше устроенъ и обученъ, нежели другія отдѣленія Турецкой арміи. Десятъ или двѣнадцать тысячъ человекъ, его составляющія, разсыпаны по всему государству; но большая часть ихъ живетъ въ Константинополѣ, въ казармахъ, построенныхъ близъ литейнаго завода (Topchana). Когда Султанъ Селимъ III образовалъ регулярное войско, подъ именемъ *войска новаго образованія* (Nisami Dschehit Askeri), которое онъ хотѣлъ употреблять для удержанія янычаръ въ границахъ повиновенія, онъ соединилъ его съ корпусомъ артиллеристовъ, чтобы придать ему, въ глазахъ Турковъ, законный видъ. Известно, что революція, свергнувшая съ престола Султана Селима, уничтожила Низами-Джедидъ и артиллеристы, принявъ снова древнюю свою организацію, сохранили только новыя, данныя имъ мундиры. Корпусъ обозныхъ солдатъ состоитъ изъ седельниковъ, кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ. Бомбардиры составляютъ малочисленный корпусъ, живущій въ казармахъ Константинопольскихъ; они и минеры обязаны слушать учебные курсы: ихъ учатъ Математику и въ некоторыхъ частяхъ инженернаго искусства.

Въ военное время, войско собирается изъ нерегулярной милиціи, не получающей жалованья, но за то избавленной отъ всякихъ подапей, на то время, пока на-

ходился она подъ знаменами. Вся сія милиція называется общимъ именемъ *освобожденныхъ* (*Mosselim*). Не зная никакой дисциплины и не будучи ни сколько приучены къ военнымъ движеніямъ, войска сіи часто болѣе запрудняютъ другихъ солдатъ, нежели помогаютъ имъ.

Конница Турецкая состоитъ изъ войскъ, частію получающихъ жалованье, а частію изъ войскъ удѣльныхъ. Состоящая на жалованьи конница раздѣляется на шесть корпусовъ, изъ коихъ корпуса *сипагоовъ* и *силлидаровъ* почитаются главными и состоятъ, каждый изъ 10—12 тысячъ чело-вѣкъ. Четыре остальные корпуса не многочисленны и выходятъ только въ такомъ случаѣ, когда самъ Султанъ предводительствуетъ войскомъ. Второе опѣяленіе конницы, служащее безъ жалованья, состоитъ изъ владѣтелей военныхъ удѣловъ (шимаръ и сіамешъ), которые въ военное время обязаны выступать въ поле съ известнымъ числомъ всадниковъ, сообразнымъ съ ихъ доходами. Въ каждой изъ двадцати пяти областей, составляющихъ Турецкую Имперію (изъ коихъ три въ Европѣ, двѣ въ Африкѣ и двадцать въ Азій), заключается известное число такихъ удѣловъ, всѣ вмѣстѣ простираются до сорока тысячъ, большихъ и малыхъ, которыя должны выставить сто тысячъ всадниковъ. Паша или беглербей, управляющій областію, исправляетъ должность

гражданскаго и военнаго ихъ губернатора. Бей сандшаконъ подчинены ему въ помѣи и другомъ званіи . и подъ его начальствомъ, въ военное время , предводительствуютъ удѣльнымъ войскомъ. Удѣлы причислены къ наследственнымъ имуществамъ; владѣлецъ каждаго изъ нихъ обязанъ жить въ помѣи мѣстѣ , гдѣ находится его удѣль; въ противномъ случаѣ онъ его лишается. Не-музульмане , подданные Порты (Рааја) не допускаются въ конную службу и не могутъ получать военныхъ удѣловъ , кроме только особенной милости. Г. Гаммеръ полагаетъ , что вся военная сила Порты , состоящая на жалованьи и удѣльная , простирается до 240,000 человекъ , изъ коей половина конницы.

Въ древности , Оптоманскій флотъ состоялъ по большой части изъ галеръ ; нынѣ-же употребляютъ ихъ только для прогулокъ. Турецкіе военные корабли строятся по образцамъ Французскихъ или Англинскихъ кораблей.

Капуданъ-Паша или Великій Адмиралъ имѣетъ неограниченную власть надъ всею Турецкою морскою силою и въ дѣйствіяхъ своихъ не отдаетъ отчета Великому Визирю. Сверхъ того , онъ правитель всѣхъ острововъ *Бѣлаго* (?) и Чернаго морей, Архипелага и Варварійскаго берега Непосредственно подъ нимъ находятся : *Капуданъ-Бегъ*, *Патрона-Бегъ* и *Рааль Бегъ*, или первый , второй и третій адмиралы. Капи-

ланъ кораблей имѣютъ громкое названіе князей моря (*umerai derja*), но не взирая на сей шипуль, Капуданъ-Паша наказываетъ ихъ палками за малѣйшее нерадѣніе (*); и они, въ свою очередь, на корабляхъ своихъ имѣютъ власть почти неограниченную. Диванъ Капуданъ Паши или Совѣтъ Адмиралтейства состоитъ изъ Генераль-Инпенданта, трехъ адмираловъ и капитановъ линейныхъ кораблей. Переводчикъ Капуданъ-Паши — важное званіе въ семъ Диванѣ, ибо все относящееся до дѣлъ Архипелага, до выгодъ Греческихъ старшинъ и начальниковъ острововъ, проходитъ черезъ его руки.

Корпусъ *улемовъ* составляютъ судьи (*кади*), юрисконсульты (*муфти*) и священнослужители (*иманы*). Симиъ корпусомъ начальствуетъ Константинопольскій Муфти, или Шейкъ Исламизма, коего чинъ равняется съ чиномъ Великаго Визиря. Въ большихъ церемоніяхъ, сіи два сановника идутъ вмѣстѣ и чтобы каждый изъ нихъ могъ занять первое мѣсто, положено, что правая сторона есть почетное мѣсто для всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ и воен-

(*) Дабы показать, какъ мало умѣютъ Турки уважать достоинство офицера, Г. Гаммеръ пишетъ, что онъ неоднократно видалъ, какъ капитанъ большаго адмиральскаго корабля служилъ за столонъ, съ шарелкою въ рукѣ, когда Капуданъ-Паша угощалъ Англическихъ офицеровъ по-Европейски.

ныхъ , а лѣвая сторона для всѣхъ судей собственно. Хотя Муфти начальникъ всѣхъ судей , но самъ никогда не исправляетъ судейской должности. Онъ только оракуль и органъ закона, съ которымъ совѣщаются въ сомнительныхъ случаяхъ. Если предлагается вопросъ о дѣлѣ, не разрѣшаемомъ законами Исламитскими , то Муфти обыкновенно даетъ свое рѣшеніе или *фетву*, посоветовавшись предварительно съ главными улемами. Собраніе фетвъ составляетъ одинъ изъ источниковъ Оппоманскаго законодательства. Г. Гаммеръ говоритъ, между прочимъ, объ одной фетвѣ, изображающей духъ Исламизма, и потому мы представляемъ здѣсь переводъ оной. Сія фетва дана была, когда Султанъ Сулейманъ I, прозванный Великимъ и Законодателемъ, желая опяять оспоровъ Кипръ у Венеціанъ, съ которыми онъ тогда былъ въ мирѣ, совѣтовался съ Муфтиемъ о законности своего предположенія и предложилъ ему слѣдующій вопросъ :

»Полагается, что въ странѣ, которая прежде составляла часть владѣній Исламитскихъ и была потомъ отдѣлена, невѣрные превращаютъ мечети въ церкви, угнетаютъ Исламизмъ и дѣлаютъ безчисленные злодѣянія; полагается, что Государь Исламитскій, одушевленный ревностію къ истинному закону, желаетъ опяять сію землю у невѣрныхъ и снова

ма просто; свидѣтельства допускаются въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Муфти или юрисконсульты (числомъ 210) не имѣютъ никакого другаго занятія, кромѣ отвѣтовъ на вопросы, дѣлаемые имъ по предметамъ законовѣдѣнія или религии. Они должны утвердить отвѣтъ своею печатью, означить мѣсто своего жительства и наименовать книгу законовъ, изъ коей они извлекли свое рѣшеніе.

Духовныя особы раздѣляются на пять классовъ. Изъ нихъ, *шейки*, проповѣдуютъ каждую пятницу въ мечетяхъ. Они обыкновенно читаютъ свои проповѣди, не дѣлаютъ при этомъ никакихъ шлодженій и касаются только нравственно-сти или догматовъ вѣры, избѣгая правилъ оной, подверженныхъ спорамъ. Шеики не имѣютъ между собою никакихъ опличій, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ имъ общественное мнѣніе, смотря по ихъ талантамъ и добродѣтелямъ. Надобно выключить однакожь шейковъ пятнадцати Султанскихъ мечетей, которые имѣютъ первенство передъ всеми своими собратіями. *Хатибы* каждую пятницу читаютъ *хутбу*, то есть, публичную молитву о сохраненіи здравія царствующаго Султана. *Иманы* присушествуютъ при пяти ежедневныхъ молитвахъ, предписанныхъ закономъ; они-же опправляютъ все обряды духовныя, относящіяся къ обрѣзанію дѣшей мужескаго пола, женишьбамъ и погреб-

беніямъ. *Муезины* призывають крикомъ своимъ музульманъ къ общеспвенной молшвѣ; наконецъ *каимы*, низшій класъ духовныхъ музульмамскихъ, опсправляютъ должности ризничихъ.

Число причешниковъ соразмѣрно съ доходами каждой мечети. Ни одна не имѣеть болѣе одного шеика и двухъ хашибовъ. Имановъ бываетъ иногда чешыре, муезиновъ двѣнадцать, а каиновъ до двадцати. Въ селахъ, одинъ имамъ исправляетъ должность шеика, хашиба, муезина и каима. Основатели мечети или тѣ люди, кошорымъ ввѣрено попеченіе объ нихъ, назначаютъ служителей; но наименованіе ихъ должно бытъ утверждено однимъ изъ трехъ высшихъ сановниковъ корпуса улемовъ.

Извѣстно, что *эмиры*, или попомки Магомета по женскому колену, составляютъ въ Турціи особый родъ и имѣють исключительное право носить зеленые шюрбаны. Число ихъ, весьма значительное, болѣе заключается въ низнихъ, нежели въ выснихъ сословіяхъ общества, но по мнѣнію народа, они особенно покровительствуемы Богомъ и Магометомъ. Начальникъ ихъ называется *Накиболъ-Эшрафъ* (Nakibol, Eschraf) и принадлежитъ къ званію улемовъ. Онъ родовой хранитель останковъ (reliques) Магомета, положенныхъ въ Серадъ и въ особенности блюстителъ священной хоругви. Онъ имѣеть

почти неограниченную власть надъ всеми эмирами.

Училища и начальники училищъ, причисленныхъ къ мечетямъ, составляютъ разсадникъ улемовъ. Послѣ долговременнаго ученія и испытанія, въ присутствіи Константинопольскаго Муфти, магометане достигаютъ чести называться *учителями* (*muderrî*). Они раздѣлены на десять классовъ, которые должны пощепенно проходить всѣ желающіе получить мѣсто моллы, такъ, что большая часть ихъ достигаетъ до старости, все будучи не способна къ выбору. Таково по крайней мѣрѣ правило; но улемы имѣютъ преимущество именовать дѣтей своихъ учителями, въ самомъ младенчествѣ. Они возвышаются пошомъ по старшинству и на тридцатомъ году оканчиваютъ уже весь курсъ своего ученія.

Дервиши посвящаютъ всю жизнь свою благочестивымъ размышленіямъ и живутъ въ монастыряхъ, построенныхъ и снабженныхъ набожными музульманами. Они не принадлежатъ къ сословію улемовъ. Въ Турціи находится до тридцати орденовъ дервишей, различаемыхъ одеждою. Каждый изъ сихъ орденовъ имѣетъ своего начальника (*reis-ol-scheich*); который живетъ всегда въ томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ основатель его ордена. Всѣ дервиши обязаны множество разъ въ день повторять семь таинственныхъ именъ Бога, примѣняемыхъ

къ семи небесамъ, семи землямъ, семи морямъ, семи цвѣтамъ, семи планетамъ, семи металламъ и семи звукамъ. Другія упражненія ихъ различны, смотря по ордену. Христіанамъ дозволено присушествовать при набожныхъ упражненіяхъ дервишей, но входить въ мечети имъ строго возбраняется. Если Мослимъ хочеть сдѣлаться дервишемъ, то долженъ подвергнуться искусу. Есть ордена, въ которыхъ сей искусъ продолжается 1001 день. Обряды принятія состоятъ въ томъ, что настоятель пересказываетъ принимаемому поспешенно семь таинственныхъ именъ Бога, черезъ нѣсколько недѣль, а иногда, смотря по уставамъ ордена, и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ. Когда принимаемый выучилъ седьмое, послѣднее имя, искусъ его конченъ. Многіе музульмане, разныхъ чиновъ, записываются въ реэспры дервишей, не дѣлаясь чрезъ по настоящимъ дервишамъ и не подвергаясь никакому искусу. Въ военное время, толпы дервишей сопровождаютъ армію; они умоляютъ Бога о покровительствѣ.

II. КРИТИКА.

Voyage d'Orenbourg à Boukhara, etc. Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарію, въ 1820 году, чрезъ степи, простирающіяся на Востокъ отъ моря Аральскаго и древняго Яксарты, опис. Барономъ Е. Мейендорфомъ.

(О к о н ч а н і е .)

Свѣдѣнія, собранныя въ путешествіи Г-на М., касающія обширнаго пространства земель, которое донынѣ означали въ Географіяхъ именемъ *Независимой Татаріи*, и на Востокъ отъ нее, *Китайской Татаріи*, подраздѣляя все это пространство, произвольно, на разныя области, на примѣръ, *Большую и Малую Бухарію* и проч.

Нѣкоторые Географы присовокупляли сюда все пространство земель до 55° С. ш., слѣд. захватывали даже часть Россіи, можетъ быть, желая чрезъ то означить мѣсто жительства всѣхъ Татарскихъ родовъ, полагая въ то число и Башкировъ. Духъ системы приводилъ нѣкоторыхъ Географовъ къ другимъ произвольнымъ раздѣленіямъ, которыя могутъ быть приняты и опровергнуты, ибо не основаны ни на какихъ необходимыхъ причинахъ.

Г-нъ М., опровергая названія *Большой и Малой Бухаріи*, предлагаетъ назвать *Среднею Азією* (*Asie centrale*) все пространство между Иртышемъ, Алшамъ, Тарбагатаемъ, Муссаршомъ (Мустагомъ), Белуромъ, Инадукушомъ, Гаурскими горами (составляющими сѣверную границу Персіи), восточнымъ берегомъ

Каспійскаго моря, Ураломъ и сѣверными границами Киргизской степи. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, опредѣлялся правильно и несбивчиво племена Ташарскія, съ Юга, отъ Персіи, Авганистана и Тибета; съ Востока, отъ Калмыкіи и Монголіи; съ Сѣверо-Востока, отъ бывшей Зюнгариіи или нынѣшней Илійской области.

Но названіе: *Средняя Азія*, не будетъ-ли слишкомъ обширно и неопредѣленно? Какое величайшее пространство остается еще до восточнаго края Азіи! И что выражаетъ это названіе?

Е. Ѳ. Тимковскій предполагалъ гораздо удобнѣйшее раздѣленіе (*). Онъ назвалъ *Туркестаномъ* все означенное нами пространство, раздѣливъ его на *Сѣверный* (Киргизъ - Кайсаки), *Южный* (независимыя владѣнія: Хива, Бухарія и проч.) и *Восточный* (влад. Китайцевъ). Недостаетъ *Западнаго Туркестана*, и притомъ, главнѣйшее возраженіе прошивъ всякихъ раздѣленій состоитъ въ словахъ: для чего они полезны? Если мы составляемъ этнографическую карту, по племенамъ народовъ, оставляя политическое ихъ положеніе, тогда сіе раздѣленіе недостаточное, а въ политическомъ положеніи народовъ, лучше означать ихъ по государствамъ, къ коимъ они принадлежатъ, безъ всякихъ общихъ названій, большею частію сбивчивыхъ.

Другое предположеніе Г-на М. опровергнуто уже Издашедемъ его книги, Г-мъ Жоберомъ (стр. 88). Г-нъ М. различаетъ Ташаръ отъ Монголовъ, Чингисъ-

(*) Пущеш. въ Китай (Спб. 1824), т. I, стр. 13, II, 76 и III, 224.

Хановыхъ, не соглашаясь, что это были два одноплеменные народа. Но, кажется, здѣсь спорить нечего — и потому имя *Монголо-Татаръ*, коимъ, по своему географическому опредѣленію, называетъ обитателей *Средней Азии* Г. Мейендорфъ, оказывается неправильнымъ и его должно замѣнить *Турко-Монголами* или просто *Татарами*, какъ мы называемъ вообще всѣхъ народовъ, говорящихъ Турецко-Монгольскимъ или Татарскимъ языкомъ.

Положеніе и качества земли, климатъ, цѣпи горъ и печеніе рѣкъ на семь пространствъ, представлены Г-мъ М. съ отличною точностію и въ крашкѣ изображеніи (спр. 92—108): это страницы драгоценныя для Географіи. Почитая излишнимъ списывать ихъ, удовольствуемся, представивъ читателямъ полиграфическое состояніе тамошнихъ земель.

Къ Северу, находятся здѣсь Киргизъ-Кайсаки, къ Западу, отъ самаго Каспійскаго моря; Хива, съ Каракалпаками, Аральцами и Туркменцами (*Туркменцами*, по просонародному выговору Рускихъ); къ Востоку, Китайскій Туркестанъ, отъ коего къ Западу, до Хивы, лежатъ Коканъ и Бухарія. Южную сторону, къ Персіи, Авганистану и Тибету, занимаетъ множество мѣлкихъ владѣній.

Киргизы описаны Г-мъ М. довольно подробно и подробности весьма любопытны. Онъ изображаетъ сей дикій, кочевой народъ, вольно живущій на степяхъ и долинахъ, отъ Мангышлакской степи (почти 45° С. ш.), при Каспійскомъ морѣ, вокругъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго береговъ Аральскаго моря, до границы Россійской, къ Во-

стоку до Китайской и къ Югу до границъ Хивы, Бухарии и Кокана.

Киргизы раздѣляются на три орды. Киргизы Средней и Малой орды сами себя называютъ *Казакми* (Kazak), что значитъ, по объясненію однихъ, конникъ (homme à cheval), а по объясненію другихъ, наѣздникъ (guerrier); они приписываютъ имя Киргизовъ Большой орды, и сами не знаютъ, что оно значитъ, увѣряя, что такъ называютъ ихъ Башкиры. Большая орда раздѣляется на множество султанствъ. Китайцы имѣютъ на нее великое вліяніе. Ханы двухъ другихъ ордъ утверждаютъ въ ихъ достоинствѣ Россійскимъ **ИМПЕРАТОРОМЪ**.

Г-нъ М. полагаетъ, что обезопасивъ Киргизовъ отъ междоусобій и отъ нападенія Хивинцовъ, Россія удобно можетъ сдѣлать ихъ своими подданными и образоватъ ихъ, хотя Киргизы выше всего ставятъ бездѣйствіе и свободу. Сей народъ находится еще въ полудикомъ, варварскомъ состояніи. Ихъ Ханы повелѣваютъ ордами, воюютъ и сами пасутъ стада свои. Жены у нихъ работницы и рабыни. Среди парчевыхъ одеждъ, въ ихъ шапкахъ висятъ сырыя овчины. Чаша кумыса и баранина, поджаренная на угольяхъ, составляютъ пищу и богатаго и бѣднаго. Откочевывая зимою къ рѣкѣ Сиру, гдѣ природа благосклоннѣе, нежели въ сѣверныхъ, глинистыхъ и бесплодныхъ степяхъ, Киргизъ задумчиво сидитъ цѣлую ночь, слушая унылое журчаніе сей рѣки и напѣвая пѣсню. Вдругъ, онъ ославляетъ свой шашеръ, бросается на коня, скачетъ

Г 2

500 или 600 верстъ — повидаться съ другомъ! Онъ ѣдетъ одинъ, вездѣ принятой дружески, узнаешь дорогу по примѣшамъ и возвращается домой, привозя новыя повѣсти, новыя рассказы для своихъ друзей и родныхъ. Убійство прѣбуешь у нихъ кроваваго возмездія. Сражаясь между собою, они не знаютъ милосердія — смерть, разграбленіе и рабство, участь побѣжденныхъ! Съ Хивинцами ведутъ Киргизы непрерывную войну и гораздо болѣе любятъ Бухарцовъ, враговъ Хивинцамъ; но когда Бухарцы отказали имъ однажды въ помощи, одинъ изъ Киргизскихъ Султановъ приѣхалъ въ Бухару, отрубилъ хвостъ у своей лошади и бросивъ его предъ Визиремъ, сказалъ: «Какъ отдѣленъ эшотъ хвостъ у моего коня, шакъ мы отдѣляемся отъ васъ; мы враги ваши!» Они мстили послѣ шого Бухарцамъ разбоями. Малѣйшее обстоятельство раздражаетъ Киргиза и ничто не кажется ему опаснымъ для мщенія. Когда жестокія зимы довели ихъ до крайности, они собрались толпами, ворвались въ Бухарию и зимовали въ сей сгранѣ, не смотря на опасность, непрерывно имъ угрожавшую. Остлость, земледѣліе, рыболовство кажутся Киргизу унижительными. Только отчаянное состояніе нѣкоторыхъ племенъ Киргизскихъ, воевавшихъ съ Хивинцами, заставило ихъ поселиться постоянно при рѣкѣ Сирь, близъ Аральскаго моря, и за то, прочія поколѣнія ихъ презирають. «Киргизъ будетъ рабъ, когда поселится въ домъ и будетъ пахать землю» — таково старинное ихъ повѣрье, и потому бѣднѣйшіе только изъ нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особливо на бывшихъ земляхъ Каракалпаковъ, занимающа земляпашествомъ.

О Кипайскомъ Туркестанѣ, донинѣ несправедливо называемомъ *Малою Бухарією* (*), Г-нъ М. говоритъ мало. Бухарцы называютъ сію страну *Алти-Шаканъ* (Alti-Chakan), т. е. *страна шести городовъ*, ибо они полагаютъ въ немъ шесть главныхъ городовъ: Кашгаръ, Яркандъ, Хошанъ, Аксу и два города Или. Жителей Кипайскаго Туркестана, и на Кяхтѣ, и на Южной Сибирской линіи, называютъ ошибочно Бухарцами, но въ самомъ дѣлѣ они Ташары. Соображая извѣстія, полученныя Г-мъ М. отъ Бухарцовъ и Г-мъ Тимковскимъ отъ Кипайцовъ, мы имѣемъ довольно полное понятіе о Кипайскомъ Туркестанѣ, который Кипайцы называютъ *Новою мліею*. Они покорили сіи области въ 1757 и 1758 г., когда истребили Зюнгаровъ, населили ихъ землю выселенцами изъ Кипая и поставили тамъ сильный охранительный корпусъ войскъ.

»На Югъ отъ земли Киргизовъ — говоритъ Мальшебрёнъ — «Географія шеряется въ лабиринтъ небольшихъ раздѣленій, большею частію малоизнаемыхъ (**).» Трудность познанія оныхъ увеличивается отъ малыхъ свѣдѣній, какія имѣютъ сами жители о Географіи ближайшихъ даже къ нимъ земель. Не имѣя дипломатическихъ сношеній, безопасной торговли и не путешествуя для ученыхъ открытій, они затрудняютъ припомъ Географію вѣчными своими междоусобіями, набѣгами и завоеваніями. »Нѣтъ ничего неопредѣленнаго, какъ границы государствъ въ Азіи — говоритъ Г-нъ М. — Такъ

(*) Это доказалъ Г. Тимковскій и подтверждаетъ Г-нъ М. Названіе: *Китайскій Туркестанъ*, должно бытъ принято въ Географію.

(**) *Précis de la Géogr. universelle*, Т. III. стр. 319.

на примѣръ, въ 1808 г. Хива была завоевана Бухарцами, а въ послѣдствіи отшоргалась отъ нихъ (*) и усилилась завоеваніемъ земли Туркменцовъ. Земля *Каракалпаковъ* отдѣльно уже не существуетъ. Сей слабый и бѣдный Калмыцкій народъ шщетно умолялъ другихъ о защитѣ отъ хищности Киргизовъ и Хивинцовъ, и въ 1807 г. принужденъ былъ бросить свои кочевья и разсѣяться въ Хивѣ и областяхъ Бухаріи, гдѣ ведетъ жизнь кочевую и бѣдную. Въ 1805 г. Коканцы завоевали Ташкендъ. Въ 1751 г. въ срединѣ Бухаріи основалось независимое Ханство Шерзабесъ (*Sherzabés*); около 1810 г. Балхъ (древняя Бактра) былъ завоеванъ Авганцами, а нынѣ зависитъ отъ Бухаріи.

Мы означили однакожь, сколько возможно, существенное нынѣшнее раздѣленіе сихъ земель. Хива, усиленная предприимчивымъ, хитрымъ и отважнымъ Ханомъ Могаммедомъ-Рагимомъ, нынѣ царствующимъ, описана довольно подробно Г-мъ Муравьевымъ, Хивинцы почти совершенно покорили Туркменцовъ, какъ живущихъ при Каспійскомъ морѣ, такъ и живущихъ на Персидской границѣ. Будучи западными сосѣдами Бухарцовъ, Хивинцы находятся съ ними въ вѣчной враждѣ. Хивинцы, болѣе хищные, менѣе образованы, нежели Бухарцы. Отъ Хивы до Бухары считается 350 верстъ.

Вражда съ Бухарцами миритъ Хиву съ Коканомъ, государствомъ, усилненнымъ въ последнее время завоеваніями Хана Нарбушы и нынѣшняго Хана Ома-

(*) Самъ Ханъ Бухарскій освободилъ ее, говоря, что музульмане не могутъ быть добычею музульманъ, по словамъ Корана.

ра, государя умнаго и храбраго. Коканъ, у Арабскихъ писателей Фергана, съ Сѣверо-Востока граничитъ съ Бухаріею. Онъ уступаетъ Бухаріи въ силѣ и пространствѣ. Въ главномъ городѣ Коканъ до 6000 домовъ. Туркестанъ, завоеванный въ 1815 г. и бывшій прежде подъ властью Киргизовъ, славится на Востоку, а въ Ташкентѣ, завоеванномъ въ 1805 г., находится до 3000 домовъ. Между Коканомъ и Кашгаромъ живеть въ горахъ отдѣльное поколѣніе Калмыцко-Киргизское, славное своимъ наѣздничествомъ.

На югъ отъ Кокана и юго-востокъ отъ Бухаріи, въ гористыхъ мѣстахъ, находится множество Ханствъ Магомешанскихъ. *Гиссаръ*, есть значительнѣйшее между ними. Столица сего владѣнія заключаетъ до 3000 домовъ. *Рамидъ*, верстъ около 100 сѣвернѣе Гиссара, можетъ выставить до 10,000 всадниковъ. На дорогѣ изъ Бадакшана въ Коканъ и на востокъ отъ Гиссара, находишься Ханство *Кулабъ*; на югъ отъ всѣхъ сихъ владѣній, *Бадакшанъ*, въ коемъ столица сего-же имени, называемая иначе *Фейзабадъ*. Горы раздѣляющія Бадакшанъ отъ Кашемира непроходимы. На сѣверъ отъ Гиссара и востокъ отъ Бухаріи, живутъ *Галгасы*, народъ независимый и бѣдный, называемый иногда *Восточными Персидцами*, ибо они Персидскаго происхожденія. Главные города у нихъ *Мага* и *Иньяу*. Далѣе къ Востоку, находятся *Кафиры*, народъ храбрый и дикій; у нихъ значительный городъ *Калей-Хумъ* или *Дервазегъ*. На югъ и востокъ отъ Бадакшана живутъ полудикіе *Сикнаны* или *Сягъпуши* (*). Мы упоминали о Ханствѣ *Шерзабесъ*,

(*) Кажется, сихъ двухъ народовъ описывалъ Г. Тимковскій, подъ именемъ *Кафери-Сяпушъ* — ч. II. 126.

состоящемъ въ срединѣ Бухаріи и которое можетъ выставлятъ до 25 м. конниковъ. Столица его находится на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была деревня Кешъ, мѣсто рожденія страшнаго Тимура. *Балъхъ*, *Хулмъ*, другія мѣлкія владѣнія, къ югу лежація, подверженныя вліянію и нашествіямъ Кандагарскихъ или Авганскихъ Хановъ и бранъ *Эймаковъ* и *Ялунтушовъ*, оканчивають исчисленіе народовъ, копорые, до извѣстній доставленныхъ Г-мъ М., едва были вѣдомы Европейскимъ географамъ. Г-нъ М. предлагаетъ о всѣхъ сихъ государствахъ и народахъ, болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія.

Онъ сообщаетъ нѣсколько важныхъ извѣстій объ Авганцахъ. Сіе государство раздирается междоусобіями. Такъ на примѣръ, въ 1819 г. Камеранъ, правитель Герата и сынъ Кабульскаго Шаха Магмуша, зарѣзалъ Визиря его Фатига-Хана. Сильное семейство сего Визиря взбунтовалось. Братъ его, Мегеметь-Азамъ, правитель Кашемира, убѣжалъ въ Кабуль и сдѣлался тамъ независимымъ. Махмуть принужденъ былъ скрыться въ Гератъ, а Кашемиромъ отчасти овладѣли Сеики. Можно полагать, что волипка Персіянъ и Англичанъ дѣятельно работаетъ въ Авганистанѣ.

Описаніе Бухаріи занимаетъ у Г-на М. 157 стр. Сіе государство находится между 41—37° С. ш. и 61 и 66° 30' В. д. (отъ Париж. Мер.), заключая въ себѣ пространство земли до 10 тысячъ квадр. льѣ. Его окружають степи, такъ что оно составляетъ среди нихъ *оазисъ*, орошаемый рѣками Зерь-Афшаномъ и Кашкою, оазисъ цвѣтуцій и плодоносный. Бухара, Самаркандъ, Карши и Каракуль важнѣйшіе города въ Бухаріи. Во второмъ изъ

нихъ до 50, въ послѣднемъ до 30 тысячъ жителей. Бухара, столица государства, около 14 верстъ въ окружности; 70 тысячъ Таджикивъ, Узбековъ, Жидовъ, Ташаръ, Авганцовъ, Калмыковъ, Индійцовъ и разныхъ рабовъ (въ томъ числѣ есть Рускіе, Негры и Сіапуши) составляютъ ея народонаселеніе. Улицы въ ней тѣсны, дома обнесены стѣнами, и только публичныя зданія и мечети развлекаютъ вниманіе странника, утомленное единообразіемъ и ничтожностію строеній. Стѣна окружаетъ весь городъ. Славившись прежде своимъ богатствомъ, учеными заведеніями, многолюдствомъ, Бухара нынѣ въ упадкѣ. Война, бѣдствія и деспотизмъ разорили сей славный городъ. Самаркандъ, столь знаменитый въ древнія времена, также упалъ и нынѣ видятъ одну только стѣну пого, о чемъ находимъ громкіе рассказы въ сочиненіяхъ древнихъ Арабскихъ писателей.

Главныхъ жителей Бухаріи вообще можно разделить на два рода: побѣдителей и побѣжденныхъ. Первые *Узбеки*, пришельцы изъ Аспраханскихъ степей; вторые *Таджики*, первобытные жители Бухаріи. Узбеки есть средній родъ между Ташарами и Калмыками. Бухарскіе Ханы происходятъ отъ сего народа. Кромѣ сихъ народовъ, въ Бухаріи живутъ Туркоманы, Арабы, Калмыки, Киргизы, Авганцы, Цыгане, Жиды. Вообще Г-нъ М. полагаетъ все народонаселеніе Бухаріи около 2½ милліоновъ, изъ коихъ милліонъ человекъ ведутъ жизнь кочевую.

Правленіе Бухаріи деспотическое. И хотя духовенство имѣетъ сильное вліяніе на правительствово, но между тѣмъ, все трепещетъ и гибнетъ

тамъ подъ желѣзнымъ скипетромъ деспотизма. Г-нъ М. представляешь вѣрную и разительную картину бѣдствій, происпекающихъ отъ такого образа правленія, общаго почти всѣмъ Азіятскимъ государ-ствамъ. Сверхъ того, ненависть между Узбеками и другими обитателями разрушаетъ всякое спокойствіе и безопасность. Войскъ постоянныхъ, получающихъ жалованье, находишься въ Бухаріи до 25 т., но вслучаѣ нужды можешь быть выставлено миліи до 60 т. — Вообще, кто имѣетъ понятіе о правленіи Турецкомъ, тотъ легко пойметъ образъ управленія другихъ музультманскихъ владѣній, слѣдовательно и Бухаріи.

Музультманизмъ, со всѣми его суевѣріями и гибельными слѣдствіями, поработаетъ Бухарію. Состояніе тамошнихъ невольниковъ, полоненныхъ и купленныхъ, горестное. Между ними несчастными есть и наши соотечественники, для которыхъ всего ужаснѣе принужденіе къ принятію музультманизма. Многіе изъ нихъ жертвуютъ жизнію, прощаясь въ семь случаевъ волѣ своихъ повелителей. Науки въ Бухаріи совсѣмъ въ упадкѣ. Все ученіе заключаетъ въ чтеніи и толкованіи Корана и въ слабыхъ началахъ Астрономіи, Математики, Географіи и Исторіи. Странно, что любимое историческое чтеніе Бухарцовъ есть исторія Александра Македонскаго (Iskander Zoulkarnein), кошораго они считаютъ Персидскимъ Ханомъ. Астрологія составляетъ науку. Ханъ имѣетъ при Дворѣ аспролога, который предсказываетъ ему заплмнія и проч. Медицина Бухарцовъ представляетъ хаосъ невѣжества. Употребительнѣйшіе языки суть: Персидскій, которыми говорящъ Таджики и всѣ образованные люди;

онъ-же въ Бухаріи есмя языкъ судебныхъ дѣлъ и дипломашики. Турецкимъ языкомъ говорятъ кочующіе народы и Туркоманы.

Земледѣліе и садоводство могли-бы достигнуть въ Бухаріи большаго совершенства, если-бы искусство помогало орошенію полей, ибо въ Бухаріи вообще не достаешь воды, и если-бы кочевая жизнь многихъ обитателей не препятствовала занятіямъ, преобладающимъ осѣдой жизни. Скоповодство и особливо овцеводство довольно значительно. Къ сожалѣнію, пошлины и деспотическія приходы правительства останавливаютъ всякую промышленность и всѣ успѣхи произведенія.

Мѣра, вѣсъ и монета Бухарскія описаны Г-мъ М. съ большою подробностію (стр. 211 — 214). Внутренняя торговля въ Бухаріи маловажна, но внѣшняя довольно значительна. Описаніе оной, сдѣланное Г-мъ М., весьма любопытно, и цѣлику оно изображаетъ вообще торговлю Средней Азии и во многихъ отношеніяхъ касается нашей Азіатской торговли, но въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа мы представимъ читателямъ вполне переводъ сего описанія.

Весьма поверхностно коснулись мы разныхъ предметовъ, которые заключаетъ въ себѣ Путешествіе Г. Мейендорфа, желая только показать важность его книги, особенно въ отношеніи Географіи и Исторіи. Но кромѣ того, въ Путешествіи Г-на М. находится множество важныхъ для статистика, политическаго эконома и законовѣдца подробностей: ихъ не возможно обозначить въ краткомъ обзорѣ. Просимъ почтеннаго путешественника обогатить переводомъ своей книги

нашу отечественную Лашперашуру, которой принадлежишь она по всѣмъ правамъ. При семь случаевъ могушь быть исправлены погрѣшности Французскаго подлинника.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1825.

179. *Description des ponts en chaines exécutés à St. Pétersbourg, sous la direction de son Altesse Royale le Duc Alexandre de Wurtemberg, en 1824; par G. de Traitteur Colonel etc. Описание цѣпныхъ мостовъ, устроенныхъ въ С. Петербургѣ, подъ управленіемъ Его Высочества, Принца Александра Виртембергскаго, въ 1824 г. — Соч. Г. фонъ-Трештера, Полковника въ Корпусѣ Инженеровъ путей сообщения и разныхъ орденовъ кавалера. Спб. 1825 г. in 4. VII и 74 стр., и въ особой тетради — планы, профили, изображенія и подробности цѣпныхъ мостовъ, на 9 листахъ.*

Изобрѣшеніе висячихъ мостовъ, которые держашся не на каменныхъ быкахъ и не на деревянныхъ сваяхъ, устроенныхъ въ рѣкѣ, но на желѣзныхъ цѣпяхъ, просянушыхъ съ береговъ, принадлежишь къ числу изобрѣшеній новѣйшихъ, полезнѣйшихъ и съ удивительною скоростію вездѣ распространившихся. Первый изобрѣшатель ихъ былъ Г. Финлей, жишель Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Небольшіе мосты для пѣшеходовъ и прогона скота давно находили Европейскіе путешественники

въ Кишаѣ и Южной Америкѣ. Г. Финлей вздумалъ приложитъ сей образъ устройства къ сооруженію мостовъ огромныхъ, которые могли-бы переноситъ большія шягоспи и экипажи. Первый мостъ построенъ былъ имъ въ 1798 г. и послѣ того построено еще много мостовъ. Но метода изобрѣшашеля не была еще совершенна и самый большой изъ мостовъ, имъ сооруженныхъ, былъ не болѣе 74 метровъ длиною. Вскорѣ перешло это изобрѣшеніе въ Европу. Въ 1807 г., Г. Белю предлагалъ устройство висячаго моста на Рейнѣ; его предложеніе было оставлено. Но въ Англіи занялись симъ предметомъ дѣшательно, и въ 1813 г. Г. Тельфордъ началъ дѣлать тамъ висячіе мосты. Въ 1820 г. построенъ былъ Г-мъ Броуномъ мостъ на Твидѣ, близъ Вервика, въ 132 метра длиною, и съ тѣхъ поръ во всѣхъ странахъ Европы введены висячіе мосты. Въ разныхъ журналахъ и газетахъ безпрестанно писали о семъ новомъ и прекрасномъ изобрѣшеніи; подробныя описанія, какъ удобства, такъ и выгоды, ошъ онаго происпекающихъ, описаны были Г. Навье (*Mémoire sur les ponts suspendus*. Парижъ, 1825 г. in 4), Г-мъ Дюфу (*Description du pont suspendu en fil de fer, construit à Genève — 1824 г.*) и Г-мъ Дюпенемъ (въ его *Путешествіи въ Великобританію*, Т. III). Висячіе мосты доведены въ продолженіе сего времени до великаго совершенства.

Въ 1823 г. Его Высочество, Принцъ Александръ Виртембергскій, обративъ вниманіе на удобство и пользу висячихъ мостовъ, препоручилъ Г. Трешперу, для образца, построить въ Петербургѣ мостъ черезъ Мойку для пѣшеходовъ, а потомъ устроень былъ великолѣпный мостъ Пантелеймо-

новскій, чрезъ Фоншанку. Сямъ двумя мостамъ издано теперь Г-мъ Т. описаніе.

Удобства и выгоды оныхъ легко поняшь, если сообразимъ огромность работъ и иногда невозможность построения каменныхъ мостовъ и неудобства и затрудненія, какимъ подвержены мосты деревянные. Съ самаго начала кажется затруднительнымъ и опаснымъ повѣсись на цѣпяхъ огромную тяжесть; но прочность висячихъ мостовъ уже доказана опытами. Другое затрудненіе состоить въ качаніи или пряскѣ, какой по видимому долженъ подвергаться висячій мостъ; но сіи неудобства оказываются весьма небольшими. Наконецъ, третье затрудненіе — расходы на постройку моста, но они гораздо менѣе, нежели расходы на постройку всякаго другаго рода мостовъ.

Г. Трешперъ описываетъ сначала, что по увеличивающемуся народонаселенію и происходящей отъ того большей дѣятельности въ сообщеніи жителей, давно чувствованъ былъ недостатокъ мостовъ въ С. Пешербургѣ. Правительствомъ предположено построить пять новыхъ мостовъ — два большихъ и три малыхъ, все висячіе на цѣпяхъ. Два изъ сихъ мостовъ, какъ мы сказали выше, уже окончены.

Паншелеймоновскій мостъ построенъ въ одной изъ лучшихъ частей города, гдѣ множество новыхъ и великолѣпныхъ зданій и двѣ новыя улицы, дѣлая сію часть города многлюдною, привлекають множество идущихъ и ѣдущихъ. Исчислено, что каждый день чрезъ сей мостъ проходитъ до 8000 человекъ и проѣзжаетъ до 900 карешъ, шлѣгъ, дрожекъ и проч.

При книгѣ Г. Трешпера приложены прекрасныя и подробныя гравированныя планы и литографированныя изображенія, а описанія его такъ обшояпельны, шочны и просты, что каждый, и не выдавши никогда висячихъ мостовъ, можетъ имѣть полное понятіе объ устройствѣ ихъ и видѣ. Не входя въ подробности и расчеты, представляемъ читателямъ самое крашкое извѣстіе.

Пять огромныхъ желѣзныхъ цѣпей протянуты горизонтально съ берега на берегъ; на нихъ положенъ мостъ. На обоихъ берегахъ находишь по пяти чугунныхъ столбовъ, кошорые представляютъ собою огромныя вороба, готической фигуры. Украшая мостъ, въ шоже время они служатъ средствомъ поддержанія его, ибо опъ нихъ висятъ дугами пять желѣзныхъ цѣпей, изъ кошорыхъ каждая, 27-ю опвѣсными желѣзными прутьями, схватываетъ прошивоположную ей, горизонтальную цѣпь, будучи укрѣплена въ берегъ. Все это, съ красивыми украшениями и перилами, составляетъ огромное и прекрасное построеніе. Таковъ висячій Пантелеймоновскій мостъ. У моста для пѣшеходовъ, на Мойкѣ построенаго, какъ несравненно легчайшаго, нѣтъ огромныхъ столбовъ. Двѣ горизонтальныя цѣпи и двѣ цѣпи, протянутыя дугами съ небольшихъ гранитныхъ колоннъ, на берегу поставленныхъ, поддерживаютъ мостъ.

Вся постройка большаго моста, со вѣтми великолѣпиемъ сдѣланнаго (одни украшения, позолота, раскраска и фонари, стоили болѣе 9000 рублей) обошлась въ 161,260 руб. 23 коп., а малаго, на Мойкѣ, 13,493 р. 13 к. Исчислено, что подобныя

мосты, построенные из чугуна, стоили-бы втрое, а из граниша впятеро дороже.

«Можно смѣло заключить изъ сдѣланныхъ опытовъ,» говоритъ Г-мъ Г., «что висячіе мосты удобны къ сооруженію не только въ С. Петербургѣ, гдѣ, сверхъ великой пользы, они сославляютъ большое украшеніе, но и во всѣхъ мѣстахъ Россіи, особливо шамъ, гдѣ должно дѣлать мосты на большомъ разстояніи.»

Книга Г-на Т. издана шакъ великолѣпно, что кажешся, донинѣ мало бывало въ Россіи изданій споль богашыхъ. Рисунки и планы, при ней находящіеся, превосходны. Въ концѣ книги приложено описаніе *сидерометра*, или машины, посредствомъ коей испытываютъ растяженіе желѣза въ цѣпяхъ, для мостовъ употребляемыхъ.

180. *Описаніе Гиперборея*, или письмо Сѣвернаго Путешественника къ Издателю Благонамѣреннаго (Докшора Якова Говорова). Слб. 1825 г. in 8. 15 стр.

Подъ именемъ *Гиперборея*, Авторъ разумѣетъ сѣверную часть Россіи — Архангельскую и Вологодскую губерніи, въ которыхъ путешествовалъ онъ, въ прошломъ году. Зная Г-на Говорова какъ ученаго писателя и въ описаніи Гиперборея — опышъ описанія величественныхъ картинъ природы, видѣнныхъ имъ на Сѣверѣ — находя даръ наблюденія и искусство писать пріятно, не лзя не пожалѣть, что Авторъ не продолжалъ занимательныхъ своихъ писемъ, особливо если вспомнимъ, что онъ объѣхалъ всю *Европейскую Россію*. Описанія его еще болѣе имѣли-бы достоинства, если-бъ онъ удался ошъ желанія писать (какъ онъ самъ гово-

ришь) *высокимъ тономъ*. Даже названіе *Гиперборей* не слишкомъ-ли запѣяливо? Къ чему Россію называшь этимъ необыкновеннымъ именемъ, которое давали Греки людямъ, которые, по мнѣнію ихъ, жили гдѣ-то далеко на Сѣверѣ, за небывалыми Рифейскими горами, пили медъ и росу, и проблаженствовавъ тысячъ двѣ лѣтъ, отъ скуки поднялись въ морь? Описанія Автора, по сущности предмета ихъ, такъ любопытны, что не требуютъ никакихъ румянъ.

1826.

126. *Проложеніе Речи Преподобнаго Митрополита Филарета*, въ день Высокошоржественнаго Коронованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, на Французскій, Английскій, Италіанскій, Нѣмецкій и Испанскій языки, служащимъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, Типулярнымъ Совѣтникомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Спб. 1826 г. in 4. 12 стр.

127. *Слово къ православнымъ воинамъ на новый 1826 годъ*. Спб. 1826 г. in 8.

128. *Инженерныя Записки*, издаваемые по повелѣнію Инженернаго Начальства, Инженернымъ Отдѣленіемъ Военно - Ученаго Комитета. Часть I. Спб. 1826 г. in 8. 120 стр.

Въ сей книжкѣ помѣщено шесть статей, изъ коихъ, сданы: *О измѣреніи текущихъ водъ и Минныя опыты*, переведены изъ *Mémoires de l'Officier du Génie*, изданы въ Парижѣ, 1821 г.; статья: *О скорости теченія рѣкъ*, переведена изъ Зильбершлагова разсужденія о Гидротехникѣ, издана въ 1772 г.;

Ч. XI. No 17.

Д

накопецъ ; три небольшія статьи составлены Русскими Инженерными офицерами. Инженерное Начальство, въ предисловіи приглашаетъ офицеровъ Инженернаго Корпуса и занимающихся Инженерною наукою участвовать въ изданіи Записокъ, присылкою статей къ Инспектору Инженернаго Корпуса — какъ оригинальныхъ , такъ и переводныхъ. «Статьи сіи , по надлежащемъ разсмотрѣніи Военно - Ученаго Комитета Инженернымъ Отдѣленіемъ , иногда и особенно приглашенными къ сужденію особами, издаваемы будутъ въ Инженерныхъ Запискахъ, въ полномъ своемъ содержаніи , или въ сокращенномъ видѣ, и о достоинствѣ каждаго такого сочиненія доведено будетъ Его Императорскому Высочеству Генералъ - Инспектору по Инженерной части, съ испрашиваніемъ приличнаго и трудамъ сочинителя или переводчика соразмѣрнаго вознагражденія.»

129. *Патологическая Анатомія важнѣйшихъ частей тѣла человеческого*, сочиненіе Маш. Бэйлли, перевелъ съ Англинскаго И. Костомаровъ. М. 1826 г. in 8. XXVII и 232 стр.

«Патологическая Анатомія — познаніе много-различныхъ, чувствамъ подлежащихъ болѣзненныхъ измѣненій, каковымъ подвержены разные составы и орудія тѣла человеческого.» Эта наука есть одна изъ значительнѣйшихъ и основныхъ въ сферѣ наукъ Медицинскихъ. Болѣзненное состояніе частей тѣла или уклоненіе ихъ отъ надлежащаго образованія весьма важно для Анатоміи, поелику часто чрезъ оное только состояніе частей обнаруживается ихъ строеніе, о которомъ въ состояніи здоровомъ, по невозможности постичь ихъ чувственно, либо совсѣмъ мы не имѣемъ понятія, либо только дога-

дываемся. Такъ напр. каждая часть шѣла для сохрaненія бытія своего питается, а питаніе заимствуется изъ крови, слѣд. должно заключить, что къ каждой части шѣла проходятъ кровеносные сосуды, чего однакожь чувственно замѣшшищъ мы не можемъ на всѣхъ здоровыхъ частяхъ: прозрачныя плевы глаза, наприм., кажутся не имѣющими сосудовъ, но при воспаленіи глаза оказываются явственно сосудистыми.

Такимъ образомъ едѣланы многія открытія въ Анапоміи; по-же самое должно сказать относительно и Физиологій: неправильное образованіе органовъ и уклоненіе ихъ дѣйствій, часто удостовѣряють насъ и служатъ къ узнанію шѣхъ назначеній, съ коими производитъ ихъ природа, и нушей, коими достигается она своей цѣли, что при надлежащемъ образованіи, бываешь верѣдко весьма неудобопослужимо. Черезъ сіе самое опровергаются многія мнѣнія и положенія, выдуманная для объясненія жизненныхъ дѣиспій и служившія основаніемъ при леченіи болѣзней — шуть ошкрывается великая польза и даже необходимость Патологической Анапоміи для наукъ врачебныхъ — Патологій, Хирургіи, Повивальнаго Искусства, Судебной Медицины и для самаго врачеванія; ибо она показываетъ, что наружныя болѣзненные принады, или что болѣзны, какъ общія, такъ и частныя, происходятъ отъ внутренняго поврежденія организма. Не смотря на такое вліяніе и важность Патологической Анапоміи — она очень поздно началась и Медицина существовала безъ нее очень долго; на Русскомъ языкѣ и совѣсь ее не было. Г. Докторъ Костомаровъ, имѣющій полное право на признательность

вашу за переводъ прекраснаго и большаго сочиненія — Хирургіи Купера, нынѣ предложилъ — переводъ сочиненія Бэйлли — книгу, по своей важности, долженствующую быть необходимою во всѣхъ Медицинскихъ библіотекахъ.

Книга сія починается одною изъ лучшихъ, по обстоятельному описанію болѣзненныхъ явленій въ частяхъ шѣла человеческого, кои хъ достоинства прицаны лучшими врачами; любопытны и шѣ многія примѣчанія и прибавленія, кои сдѣлалъ самъ переводчикъ.

Теперь остается спросить: книга Г. Бэйлли удовлетворяетъ-ли требованіямъ науки? Мы хвалили ея содержаніе — собраніе наблюденій, къ сему предмету относящихся; но сіи наблюденія не представлены въ надлежащей формѣ. Они расположены по главамъ, такимъ образомъ: глава — болѣзненные явленія сердца; глава — болѣз. явленія легкаго и проч.; но сіи главы не имѣютъ систематическаго порядка и послѣдовательности, не видно, почему здѣсь начало, а тамъ конецъ, слѣдовательно, нѣтъ цѣлости и стройной формы, а безъ сего наука не есть вполне наука. Но Патологическая Анатомія и не была еще никогда такъ представлена; въ лучшемъ, но также неудовлетворительномъ видѣ, по ипльнѣю Г. Переводчика, представлена она Лениномъ. Чувствуя такой недостатокъ, П. Косиомаровъ приложилъ свой прекрасный Трактатъ, въ которомъ изложены Исторія Патологической Анатоміи, отношеніе оной къ другимъ врачевнымъ наукамъ, и наконецъ предложенъ способъ усовершенствованія ея.

Точка зрѣнія, съ которой Г. Кростмароу смотритъ на свою науку и предполагаемый планъ, по нашему мнѣнію, оуть именно такіе, каковыми быть должны. Вошь они: Патологія Анатомическая разсматриваемая съ цѣлію врачебною, должна быть познаваема совокупными трудами патолога и анатомика. Первый оупъ явленій болѣзней переходитъ къ измѣненіямъ въ орудіяхъ; другой оупъ измѣненій, найденныхъ въ строеніи частей, долженъ доходить: какимъ образомъ бывающъ при оныхъ разсматриваемыхъ дѣйствіяхъ жизненныхъ, т. е. какими явленіями они бывающъ сопровождаемы? . . . Сидь двѣ различныя точки зрѣнія имѣющъ одну общую цѣль, т. е. познаніе органическихъ болѣзней въ матеріальномъ и динамическомъ отношеніи. Но при самомъ матеріальномъ познаніи органическихъ болѣзней недостаточно будетъ ограничиваться тою только частью, въ которой выходитъ болѣзненное измѣненіе строенія. Не обращая никакого вниманія на другія части, съ которыми болѣзненное оудіе находится въ связи матеріальной или сочувственной, однимъ изслѣдованіемъ послѣдняго едва-ли можно достигнуть настоящеее свойство болѣзни и причины вліянія оной на организмъ; такое изслѣдованіе будетъ бесплодно, т. е. не можетъ открыть намъ никакихъ новыхъ понятій о явленіяхъ жизненныхъ, на пр. о сочувствіи печени съ мозгомъ, мозга съ легкими, легкаго съ печенью, матки съ желудкомъ и т. д. Одни наблюденія чувственныя, сколько-бы ни были многочисленны, никогда не могутъ служить источникомъ новыхъ истинъ, ежели не будутъ согласованы и разсматриваемы въ отношеніяхъ ихъ.

Изъ сего предполагается широкій образъ познанія Патологической Анатоміи :

1) Изслѣдовать анатомически орудіе, измѣненное въ строеніи, и другія части, съ коими оно имѣетъ связь соугубственную или матеріальную.

2) Стараться постигнуть физиологически, или физиологико-патологически механизмъ образованія и развитія оного измѣненія.

3) Опредѣлить отношеніе между органической болѣзнію и явленіями жизненными, или другими словами, показать припадки и явленія болѣзни.

Сею выпискою мы оканчиваемъ наше извѣстіе о книгѣ Г. Косцоварова, изъ коего члѣстатели могутъ о ней имѣть достаточное понятіе. Пожелаемъ, чтобы Г. Косцоваровъ, по предложенному плану, написалъ свою Патологическую Анатомію, для пользы и чести Русской Медицины.

W. W.

136. *Опыты Свѣщенной Поэзіи*, Федора Глинки. Съ эпиграфомъ: *«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, воспою и пою!»* Псал. 107. Сиб. 1826 г. вѣ 8. 180 стр.

Любителямъ Олонецкаго Словесности давно уже извѣстны два особенныя рода сочиненій, преимущественно занимавшихъ Ф. Н. Глинку. Мы говоримъ о духовныхъ стихотвореніяхъ его и аллегорическихъ повѣствованіяхъ. Склонясь на желаніе многихъ, онъ рѣшился собрать всѣ сочиненія свои въ сихъ двухъ родахъ и напечатать отдѣльными кни-

санное Г. Геро. Представляя его читателямъ вполнѣ, какъ рѣдкость въ дѣлописяхъ нашей Литтературы, замѣтимъ, что и Переводчикъ поэмы Пушкина, Г. Шопенъ, и Рецензентъ, Г. Геро, оба долго жили въ Россіи (Геро, говорящъ, былъ у насъ дѣтъ десять), оба хорошо знаютъ нашъ языкъ и Литтературу. Читателямъ Телеграфа извѣстны подробный разборъ *Перевода Басенъ Крылова*, написанный тѣмъ-же Г. Геро (см. Телеграфъ 1825 г. № 18). И тамъ и здѣсь видно, что онъ судитъ не по наслышкѣ о нашихъ произведеніяхъ, и потому, мы должны дорожить мнѣніемъ сего просвѣщеннаго и умнаго Литтератора. Онъ высказываетъ свое мнѣніе безпристрастно, о предметѣ ему нечуждомъ. Почитаемъ ненужнымъ прибавлять, въ чемъ мы несогласны съ мнѣніемъ Г-на Геро.

«La Fontaine des pleurs, poëme traduit librement du russe par J. M. Chopin. Фонтанъ слезъ, поэма. Вольный переводъ съ Русскаго, Ж. М. Шопена; Парижъ 1826 г. въ 8. 40 стр. Цена 2 фр. 50 с.»

«Юный лирическій Поэтъ, котораго послѣднее сочиненіе Г. Шопенъ попытался сдѣлать намъ извѣстнымъ, есть драгоценнѣйшая надежда Русскаго Парнасса. Сопатриоты съ гордостію могутъ противопоставить его отличнѣйшимъ новымъ поэтамъ другихъ Европейскихъ народовъ. Александръ Пушкинъ родился въ Сибургѣ, 26 Мая 1799 года. Пятнадцати лѣтъ онъ сталъ уже извѣстенъ своими стихотвореніями, обѣщавшими все то, что съ тѣхъ поръ совершила его Муза. Литтературные Журналы обогащены его *одами* и *поэмами*. Но сочиненіе, особенно обращающее на

автора вниманіе всѣхъ друзей Изыщной Словесности въ Россіи, есть его *Рустанъ и Людмила*, поэма; въ которой, по мнѣнію самыхъ просвѣщенныхъ судей, соединены достоинство воображенія, равно богатого и необыкновеннаго, съ положеніями самыми занимательными, счастливая смѣсь шалости и ума (*un mélange heureux de folie et de raison*), веселости и чувства, и особенно поэтический колоритъ; истинно необыкновенный въ столь юномъ авторѣ. *Кавказскій Плиникъ* увеличилъ извѣстность Г. Пушкина, который послѣ сего (въ 1824 г.) издалъ *Бахчисарайскій Фонтанъ*: о немъ мы извѣщали въ *Revue Encyclopédique* (Т. XXIII, р. 643). Г. Шопенъ назвалъ его въ своемъ переводѣ *Фонтаномъ слезъ*, боясь оскорбить Татарскимъ словомъ нашу привычку къ сладкогласію (*). Мы имѣемъ передъ глазами оригиналъ сей поэмы и должны признаться, что онъ не исполнилъ нашихъ ожиданій. Соотечественники почитаютъ Пушкина поэтомъ романтическимъ, и къ несчастію, въ Россіи, также какъ во Франціи, если это слово еще не совсѣмъ определено, то по крайней мѣрѣ, по какому-то нѣмому соглашенію, его соединяють со всѣми произведеніями, которыя запечатлѣны большою вольностью въ слогѣ, или въ которыхъ мысли и изображенія оставляють въ умѣ читателя неопредѣленность и темноту. И дѣйствительно, это главный, замѣченный нами недостатокъ въ новой поэмі

(*) Бахчисарай есть имя древней столицы Крыма. Это слово составлено изъ *багге*, садъ и *сарай*, дворець. Бахчисарай былъ разоренъ Русскими въ 1736 году и вновь выстроенъ уже послѣ. Г.

Г. Пушкина, гдѣ совсѣмъ нѣтъ переходовъ — а это не разъ сбывало съ пушки наше вниманіе и наше понятіе.

»Однѣ подробности сей поэмы — въ ней много подробностей прелестныхъ — могли заставить Г-на Шопена предпринять трудъ, за который Авторъ обязанъ ему такою-же благодарностію какъ и мы, который можно оцѣнить только сравнивъ оба стихотворенія, Русское и Французское. Наименованіе *переводомъ вольнымъ* — которое далъ своему труду скромный переводчикъ — можетъ заставить подумать, что онъ удалялся отъ нѣкоторыхъ трудностей текста, или по крайней мѣрѣ старался уклоняться отъ нихъ; но мы можемъ узрѣть, что почти нѣтъ стихъ красотъ въ оригинальной поэмы, которыя-бы съ вѣрностію не были переданы Г-мъ Шопеномъ, и Г-нъ Пушкинъ еще обязанъ ему многими, которыя не мало способствовали прикрыть длинноты, а иногда и возвысить нѣсколько — простонародныя украшенія его разсказа. Ремесло переводчика самое неблагодарное: сдѣлайте хорошо — вся слава принадлежитъ оригинальному автору; сдѣлайте худо — все порицаніе обратится на васъ. И такъ, надобны не одинъ талантъ и добрая воля для перевода поэтического произведенія; надобны еще вкусъ и воображеніе, наконецъ надобно чтобъ переводчикъ самъ былъ поэтъ. Одинъ примѣръ, взятый впрочемъ изъ такого мѣста, гдѣ самъ Русскій Авторъ возвысился до величія необыкновеннаго, можетъ рѣшить, имѣетъ-ли права Г. Шопенъ на названіе поэта. Это картина однообразной и монотонной жизни красавицы, осужденныхъ на почески гарема:

Les mois, les ans se succèdent pour elles,
 Dans les langueurs de l'uniformité;
 Et le Temps fuit, emportant sur ses ailes,
 D'un vol égal, leur âge et leur beauté. . .
 Un jour s'écoule, un autre le remplace,
 Et fuit, semblable au jour évanoui. . .
 Le jour suivant et commence et s'efface,
 Sans que son vol ait imprimé de trace
 En fournissant le cercle de l'ennui.
 Dans le harem la froide indifférence
 Voit sans regret s'effacer chaque instant;
 Et la gaieté ne vient que rarement
 Y réveiller la molle nonchalance.
 L'essaim captif de ces jeunes beautés,
 Pour alléger le poids mortel des heures,
 Souvent déploie en leurs riches demeurs
 Les fins réseaux et les tissus vantés,
 Orgueil de l'Inde, à prix d'or achetés.
 Les entretiens, les jeux et la parure
 Trompent leur coeur, sans jamais le remplir. . .

«Татарская пѣсня, положенная на музыку Г-жею Шопень и три литографическіе рисунка, которыми одолжены мы брату переводчика, показываютъ, что всѣ роды талантовъ какъ-бы соединились въ сей фамиліи и даютъ новую цѣну, сей Поэмѣ, которую Издашеть, Г. Дондей-Дюпре, украсилъ сверхъ того всею типографическою роскошью.» —

Новая больница въ Лондонѣ. Знаменитый Хирургъ Г. Уардронъ, извѣстный своими сочиненіями о глазныхъ болѣзняхъ, Fungus haemotodes etc., съ начала сего года основалъ въ Лондонѣ заведеніе для больныхъ ранами, которое ошлываеша отъ другихъ

Лондонскихъ больницъ шѣмъ, что въ него открыты входъ каждому, безъ всякихъ рекомендацій и свидѣтельствъ и что всякому молодому врачу или хирургу, желающему изучаться, отворены двери туда безъ всякой платы. Эта больница, подобно многимъ другимъ человеколюбивымъ заведеніямъ въ Лондонѣ и во всей Великобританіи, будетъ подкрѣпляема добровольными приношеніями. Списокъ благотворителей открылъ самъ Король, обязавшись вносить ежегодно по 100 фунтовъ стерлинговъ. Сія больница названа Hospital of Surgery (Хирургическая Госпиталь). Она находится въ восточной части города, въ Ponton - Square.

По жертвованіе Генерала Бойе. Генералъ Бойе, Президентъ Гаитской Республики, внесъ въ общественную кассу сорокъ тысячъ гурдій (200,000 франковъ), изъ собственныхъ своихъ доходовъ. Онъ назначилъ всю сумму для приобщенія къ другимъ патріотическимъ взносамъ Гаитскаго народа, на заплачу народнаго долга, по договору слѣдующаго Франціи за освобожденіе Гаити отъ всѣхъ требованій. Президентъ сказалъ при семъ случаѣ: »Денежныя пожертвованія мало значатъ для гражданъ, истинныхъ патріотовъ; а всякій добрый Гаитянинъ долженъ бытъ всегда готовъ пожертвовать жизнію, если то будетъ нужно, для защиты своей свободы и независимости отечества.»

Новое открытіе касательно горючаго газа. Профессоръ Олмстедъ, въ Іэлъ, (въ Сѣверн. Америкѣ), производилъ недавно окончательные опыты надъ горючимъ газомъ, извлекаемымъ изъ сѣмь хлопчатой бумаги. Тушь-же показывалъ онъ, какъ

должно извлекать сей газъ. Безъ сомнѣнн, его производство примѣнять и къ другимъ маслянистымъ сѣменамъ, а это предсавитъ двойную выгоду: уменьшишь издержки и увеличишь количество газа. Тогда можно будешь извлекать его не изъ масла, а прямо изъ сушеныхъ сѣменъ, какъ совѣтуешь Г-нъ Олмшедь. Сверхъ того масло, котораго не возможно извлечь никакими прессами, и нынѣ остающееся въ мякинѣ, увеличишь количество газа. Тогда, шакже, можно будеть удощреблять въ дѣло многія зерна, нынѣ совсѣмъ остающіяся безъ употребленія потому, что малое количество содержащагося въ нихъ масла не вознаграждаетъ за издержки.

Ибрагимъ Паша, его полководцы и войско.
 Г. Ловернъ, жившій въ арміи Ибрагима-Паши во время кампаніи 1825 года, издалъ нынѣ книгу: *Воспоминанія о Греціи и прог.* Онъ обѣдывалъ со всѣми начальниками, пользовался довѣренностью Французскихъ ренегатовъ и говоритъ о Севѣ: *«Мы скоро стали съ нимъ искренними друзьями!»* Не говоримъ, каковъ долженъ быть э тотъ Г. Ловернъ, но заставляемъ его пересказать нашимъ читателямъ нѣкоторыя подробности о Мари, Севѣ, Солиманъ-Бѣ и другихъ. Двое первые сами рассказывали ему свою жизнь. Мари родомъ Корсиканецъ, служилъ Генераломъ у Ибрагима и назвался *Бекиръ Агою.* Онъ средняго роста, шенокъ, сиронецъ, желтъ цвѣтомъ шѣла и когда говоритъ, то его голубые и прощипательные глаза мелькаютъ какъ маятникъ въ карманныхъ часахъ. Онъ сказываетъ, что съ жаромъ спалъ-было защищать дѣло Грековъ; но неблагодарность этого народа такъ оскорбляла его,

что онъ осматривалъ ихъ, и, какъ между свѣтъ надобно было жить (*), добрая или злая звезда привела его въ Александрію. Прежде онъ былъ капитаномъ въ Наполеоновой арміи. Онъ показывалъ намъ (говорить Г. Ловертъ) разные шешради, въ которыхъ у него записаны кой какія воспоминанія о походахъ, и хотя Мари совсѣтъ неученый челоуѣкъ, но началъ описывать Египетскій походъ. Это будетъ любопытное сочиненіе, если когда либудь оно явится въ свѣтъ. Но какъ отместишь авторъ грязь съ лавровъ, которыми украситъ свою голову? Г. Ловертъ говоритъ, что всѣ Европейцы, служащіе въ войскахъ Ибрагима, краснѣютъ передъ соотечественниками за свое положеніе. Желая прикрасить отпаденіе, они всегда говорятъ, что сначала Греція *воспламенила ихъ энтузіасмъ* къ святому дѣлу религіи, но что Греки, когда разсмотрѣли ихъ вблизи, хуже Арабовъ. Впрочемъ Мари говоритъ, что дѣло Грековъ возвышаетъ духъ; но они бѣдны также какъ я, и десять тысячъ франковъ въ глазахъ того, у кого ничего нѣтъ, вещь не-презрительная. *Эти десять тысячъ франковъ* жалованья, *разсмотрѣнный ближе*, однѣ потушили энтузіасмъ Мари къ дѣлу, *возвышающему душу*, и послѣ этого онъ увидѣлъ, что Греки *хуже Арабовъ*. Но Европа знаетъ, чего самъ онъ спомнитъ. Это *учитель арміи Ибрагимовой; онъ перевелъ на Турецкій языкъ Школу Солдата*. У него однакожь, странная совѣсть: *«Я не рѣшусь и одинъ разъ выстрѣлить въ христіанъ Востока»* — говоритъ онъ

(*) „Въ этомъ я не вижу никакой надобности,“ сказала Вольшеръ кому-то на подобное выраженіе. *Дере,*

(и довольствуется тѣмъ, что учить Арабовъ стрѣль-
 бѣ). «Это знаетъ самъ Пата. Ему также извѣстно мое
 упрямство : ошказись я ошъ вѣры моихъ предковъ
 и онъ одѣлаешь меня Беемъ.» Впрочемъ это не
 мѣшаетъ Мари завидовать возвышенію Сева въ до-
 стоинство Бея. «Севъ говоритъ онъ «прежде
 былъ меньше, нежели я, любимъ Мегемедомъ и сдѣ-
 лался его единовѣрцомъ не сполько изъ честолюбія,
 сколько изъ любви къ деньгамъ . . . Еще недавно
 онъ было назвалъ себя ошсавнымъ Французскимъ
 полковникомъ. «*Вы никогда имъ не были*, сказала
 я ему ; *чувствъ ренегата никогда не бывало въ*
душѣ Французскаго полковника.» — Но какія-же
чувства въ душѣ капитана Мари ? . . . Онъ го-
 ворить о своемъ соперникѣ : «Этотъ человекъ на-
 стоящій *шарлатанъ* : ошъ него *отвращаются* всѣ
 начальники арміи.» Если ренегаты такъ обрисовы-
 вають сами себя, то какого правосудія ожидають
 они ошъ современниковъ ?

Вошъ портретъ Солимана-Бея — словами Г.
 Доверна : «Севъ выше обыкновеннаго росла ; у него
 огромная голова и широкое лицо ; глаза голубые,
 пронцашельные. Онъ носитъ пребольшіе усы и
 безпрешанно закручиваетъ ихъ. Она обезобразила
 Сева , но вообще его фizioномія внушаетъ по-
 стеміе и призываетъ къ повиновенію. Онъ очень
 хорошо говоритъ по-Французски , не имѣетъ недо-
 статка въ этой поверхностной учености , необ-
 ходимой въ свѣтѣ , нолюк не можешь оста-
 вить тона и приемовъ гренадерскихъ. У него , мож-
 но сказать ; свой особенный языкъ : прекрасное ,
 священное , нециличное , ошвращательное , всегда
 вспрѣшашся въ его разговорахъ и этого образа

выражаться не оставишь онъ въ самомъ образованномъ обществѣ.»

Далѣ Салиманъ - Бей разоказываетъ свою жизнь Ловерну. Онъ говоритъ, что родился онъ Лионскаго мѣльника, которому, по сыновней покорности, дають двѣ тысячи франковъ пенсіона. Въ 1815 году онъ былъ начальникомъ эскадрона, былъ украшенъ орденами и находился адъютантомъ у Генерала Груши въ день Вашерлооской битвы. Боясь попасть въ хлопоты, по возстановленіи порядка, онъ уплылъ въ Египетъ и вышелъ на берегъ въ Александрійскомъ портѣ. На немъ былъ *поношенный серый фракъ* и 27 франковъ составляли все его богатство. Паша желалъ его видѣть и сказалъ ему: „*Мнѣ ты не нуженъ,*“ но велѣлъ однакожь давать ему по 20-ти піаспровъ въ день, на содержаніе; потомъ онъ былъ у него въ родѣ шпиона, потомъ *первымъ учителемъ арміи*. Наконецъ Паша предложилъ ему достоинство Бея, съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ своей религіи. Севъ выслушалъ философическое увѣщаніе Паши: „храни въ душѣ своей понятіе о Богѣ, какъ вы. Его понимаете, и завтра объяви главѣ молитвы намереніе свое, сдѣлаешь музульманиномъ.“ Тутъ Паша усмѣхнулся и наклонившись къ его уху сказалъ: „Что касается до церемоніи, то это останется между нами.“

Севъ надѣлъ шюрбанъ. — „Но, апо было *ложное отступничество*“ — сказала онъ Ловерну — „не думайте, чтобы я пересхалъ быть христіаниномъ.“ И въ самомъ дѣлѣ онъ не пересхалъ быть христіаниномъ шакже, какъ многіе другіе, которые, подобно ему, спараются объ истребленіи

христіанъ. „*Лицемеромъ* присутствую я въ мечетяхъ, при церемоніяхъ“ — говоритъ онъ. „Я завелъ варомъ въ Каирѣ, гдѣ у меня находится при жемъ. Иногда Солиманъ-Бей оканчиваетъ свою апологію у Г. Доверна, по сей послѣдній прибавляетъ: „Я не смѣю разсуждать. Предоставляю самому читателю судить о поведеніи, которое по обстоятельствамъ одѣлалось *страннымъ и непонятнымъ*“. Между тѣмъ оно довольно ясно и больше глупо, нежели странно. „Я видѣлъ“ — продолжаетъ путешественникъ — „при молитвѣ, которую пѣлъ иманъ, Солиманъ-Бей присутствовавшаго съ *ангельскою* горячностью (здѣсь вѣрно опечатка: авиеръ хотѣлъ сказать съ *дьявольскою* горячностью). Послѣ своего повѣствованія Солиманъ-Бей спалъ *играть картами, удивительно ловко*. Наконецъ спалъ курить кахибу съ Г. Доверномъ, и, куря, произнесъ великолѣпную похвалу Пашѣ Египетскому. „Если-бы Греки“ сказалъ онъ „знали намѣреніе Мегемеда, то конечно покорились-бы его сыну и тогда для невѣстнаго ихъ страны началась-бы новая эра! Я почти увѣренъ, что онъ объявитъ имъ всепрощеніе, если только они со своими семействами поселятся на Египетской землѣ.“ И такъ вѣчное изгнаніе или переселеніе, униженіе и бѣдность цѣлаго народа кажутся Солиману-Бею великодушнѣмъ Паши, благодарнѣмъ его полиціи, почтеннѣмъ сословіемъ и великою выгодой, которую Элины должны постигнута приобрести! Вошь какъ разсуждаютъ ревергаты, и во Франціи есть конгрегандисты, которые не лучше умѣютъ мыслить: ихъ взоръ гораздо короче ихъ платья.

Герой Туркофильскъ Ибрагимъ изображенъ у Г. Ловерна слѣдующимъ образомъ: »Росль его ниже малаго; дородство можешь сдѣлаться у него уродствомъ; приемы его отзываются какою-то грубостью. Пусть представлять себѣ небольшое лицо, съ острыми глазами, бѣглыми, даже ласковыми; рошь, всегда улыбающійся; черты лица, безпрестанно распрямляющіяся и обезображенныя веснушками — вотъ полная физиономія этого челоѵка. Не смотря на раннія морщины его висковъ и нависшія лужицы глазъ, лицо Ибрагима еще свѣжо и не сообразно съ лѣтами: ему 36 лѣтъ. Ничто не показываетъ въ немъ челоѵка съ характеромъ возвышеннымъ и качествами замѣчательными. Его называютъ кровожаднымъ, жестокимъ, но я вызываю Лафатера замѣтить на лицѣ Ибрагима знаки, которые показывали-бы это. . . . Сынъ Мегемеда страдаетъ перемежающеюся болѣзнію въ мозгу: это замѣтно и въ нѣружности его, по конвульсивнымъ движениямъ и бурнымъ, отрывистымъ звукамъ его голоса. Послѣ первыхъ словъ онъ обыкновенно молчитъ и ничто не можешь извлечь его изъ этой молчаливости. Ибрагимъ также мало ученъ какъ и отецъ его; впрочемъ онъ всегда удалялся отъ настоящаго ученія, по вѣраши къ женщинамъ, которой приписываютъ и его болѣзнь. Кровожадность его пробуждается вмѣстѣ съ болѣзнію, и замѣчательно, что малѣйшія прошиворѣчія приводятъ его въ бѣшенство.

Авторъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Турко-Египетской арміи. Главный учитель, Солманъ-Бей, не прекратилъ наказанія палками даже и для офицеровъ. Г. Ловернъ рассказываетъ, что въ лагерь подъ Навариномъ, передъ войсками, бывши-

ми подъ ружьемъ, Салиманъ своими руками далъ пятьдесятъ палочныхъ ударовъ капишану, обвиненному въ оскорбленіи одного Арабскаго подполковника. Онъ видѣлъ также, какъ два полка Арабовъ шли строемъ, въ то время какъ шестьдесятъ барабанщиковъ били маршъ, соименный въ честь одной Наполеоновои победы. Удивляясь маневрамъ, Хуршидъ сказалъ: „Всѣмъ этимъ одолжены мы Французскому ребенку.“ Медиками въ Египетской арміи были въ 1825 году: одинъ Италіянецъ, по имени *Лардонн*, и одинъ деревенскій цырюльникъ, Корсиканецъ, который зналъ только ялапу. Ни аптекарскихъ, ни хирургическихъ запасовъ у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Въ сочиненіи Ловерна есть любопытныя подробности о Морехъ, объ островахъ Архипелага и вообще объ Элливахъ. Сынъ знаменишаго Марко Боццари сказалъ своей безупѣшной матери: „Перестань плакать; мой отецъ умеръ за спасеніе отчизны и душа его шеперь на небесахъ. Оставимъ наше траурное платье; позволь мнѣ слѣдовать за моимъ дядею въ битвы. Дай мнѣ коня и оружіе: я уже могу управлять ими. Развѣ не долженъ я отмстить за моего отца? . . .“ Онъ говорилъ это, будучи одиннадцатилѣтнъ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Іоганнъ, Петръ Гебель*, Прелатъ, Консисторіальный Совѣтникъ, бывшій Профессоръ въ Карлсруэ и Членъ первой Баденской Палаты, скончался въ Швепцингентъ, сего 1826 г. Сентября 21 дня. Онъ незабвенъ въ исторіи Германской Словесности своими Аллеманскими стихотвореніями. Аллеманскимъ называется простонародное Нѣмецкое на-

рѣчіе, которымъ говорятъ въ окрестностяхъ Базеля, въ Швейцаріи. Гебель умѣлъ, не теряя милой сельской простоты, слить въ Поэзіи своей глубокое чувство и такъ воспользовался простонароднымъ нарѣчіемъ, на которомъ писалъ онъ, что вся Германія была восхищена его опытами. Подъ именемъ *Аллеманскихъ стихотвореній* (Allemannische Gedichte) они напечатаны были въ 1820 г. пятымъ изданіемъ (въ Аарау, in 8). Переводъ ихъ на чистый Нѣмецкій языкъ вышелъ въ 1808 г. (Gedichte für Freunde, aus dem Allemann. Dialekt, etc.). Впрочемъ легко и скоро можно привыкнуть и къ Аллеманскому нарѣчію. Нѣсколько подражателей пошло уже по слѣдамъ Гебеля, но съ нимъ едва-ли кто сравнится. Вотъ что писалъ Гёте о Гебелѣ и его твореніяхъ: *Гебель*, изображая свѣжими, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживлять ее милыми аллегоріями. Древніе Поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: Нимфы, Дриады, Ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель напротивъ видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ *поселянъ*, и всѣ его стихотворные вымыслы, самымъ пріятнымъ образомъ, напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и паслуха. Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго Поэтомъ, весьма благопріятны его пре-

красному, оригинальному шаланпу. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видишь своего сельскаго жишеля; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу распевающимъ; привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное и радуешь сердце картинами ястребеззаботной жизни. Но также просто и разитель-но изображаетъ онъ и ужасное и не рѣдко съ такою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ, о смерти, о шлѣнности земнаго, о неизмѣнимости небснаго, о жизни за гробомъ — и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселанина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно удачно, и важное, и высокое, и меланхолическое (*).» — В. А. Жуковскій такъ плѣненъ былъ сочиненіями Гебеля, что четыре прекраснѣйшія пьесы его: *Овсяный кисель*, *Деревенскій сторожъ*, *Тлѣнность* и *Красный Карбункулъ* перевелъ на Русскій языкъ. Излишне было-бы говорить о достоинствѣ перевода Жуковскаго. Заключимъ воспомина-ніе о любезномъ Германскомъ Поэтѣ его стихами:

. . . Всѣхъ на нуши
 Заспигнешь сонъ... Чшожь нужды! Вотъ мы будемъ
 На милой родинѣ! Кіпо на кладбищѣ
 Нашель постель — въ часъ добрый! вѣдь могила
 Послѣдній на землѣ ночлеги; когда же
 Проглянешь день и мы проснувшись, выдемъ
 На новый свѣтъ, тогда пуши и часу
 Не будешь намъ съ ночлега до опчины! . . .

(*) Стихотворенія В. Жуковскаго, Т. II.

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XI.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

К ъ Г ё т е.

Былъ и я въ справѣ чудесной,
Тамъ, куда мечты лешать,
Гдѣ средь синевы небесной
Ненасытный бродить взглядъ,
Гдѣ лишь мулъ на верхъ утеса
Путь находишь межъ стремниъ,
Гдѣ въ зеленомъ мракѣ лѣса
Рдѣшь сочный апельсинъ.

Край — любовь самой природы,
Родина роскошныхъ Музъ!

Свѣшлюю твоей луною
Былъ я по морю ведомъ;
Зыбь сверкала подо мною,
Тма горѣла за весломъ. . .

Былъ я на холмахъ священныхъ,
Средь таинственныхъ гробовъ,
Въ темныхъ рощахъ, напоенныхъ
Сладкимъ запахомъ цвѣшовъ;
Надъ истокомъ Палліона
Я задумчивый стоялъ;
Мнѣ казалось, Миньона (*)
Тужишь между дѣкихъ скалъ.

(*) Wilhelm Meißner's, Schriafre:

Ч. XI. № 17.

1*

Къ пѣснѣ тихой и печальной
 Преклоняль я жадный слухъ ;
 Изъ сѣраги , казалося , дальной
 Прилетѣль безплошный духъ :
 Онъ оставилъ мракъ могилы
 Разъ еще взглянуть на свѣтъ ;
 Только край родной и милый
 Дастъ ему забвенье бѣдъ . . .

На горахъ , среди тумановъ ,
 Я встрѣчалъ толпу стѣней ,
 Полкъ безсмертныхъ великановъ ,
 Ратныхъ , Бардовъ и вождей .
 Вѣчный Римъ , кладбище славы ,
 Я къ тебѣ летѣлъ душой !
 Но встаетъ раздоръ кровавый ,
 Брань несется въ рай земной . . .

Громъ завоешь , заревъ блески
 Ослѣпятъ унылый взоръ ,
 Бранноносные Тудески
 Низпадутъ съ высокихъ горъ ;
 Громъ изъ тысячъ ружей грянешъ ,
 Въ тысячахъ штыковъ сверкнешъ —
 Ахъ ! безъ розъ весна увянешъ ,
 Радость не родясь умрешъ !

Васильковою лазурью
 Здѣсь плѣняють небеса ,
 Подъ рушительною бурью
 Здѣсь не могутъ пастъ лѣса .
 Здѣсь душа въ лугахъ шелковыхъ ,
 Жизнь и въ камняхъ и въ водахъ !

Что-жь законъ судебъ суровыхъ
Щель сюда и смерть и страхъ?

. . . Здѣсь я видѣлъ обещанья
Свѣтлыхъ, беззаботныхъ дней;
Но и здѣсь не спитъ страданье,
Музь пугаешь звукъ мечей.

К ъ И н е з ѣ ѣ.

Не улыбайся предо мною!
Твоей улыбки я не спою,
Я не могу ее длить.
Ахъ! не извѣдывай печали;
Чтобъ очи черныя не знали
Въ шокъ напрасной слезы лить.

Ты хочешь снять съ меня личину?
Ты хочешь выведать причину
Сокрышой горести моей?
Ты только душу мнѣ превозишь;
Ты укротить ее не можешь —
Не знай, не спрашивай о ней!

Изъ края въ край — вездѣ я странникъ.
Бѣгу отчизны какъ изгнанникъ;
Туда не возвращусь я вновь.
Не ненависть и не родные
Убили дни мои злые,
Не почести и не любовь.

Нѣтъ, нѣтъ! . . . Но скука роковад
 Меня преслѣдуешь перзая;
 Что вижу я, что слышу я —
 Все, все мнѣ сердце раздрашаетъ,
 Меня едва, едва плѣняешь
 Твой взоръ и красота швоа.

Какъ Каинъ отъ людей скрываюсь,
 Мнѣ скучно, душно мнѣ; сжимаюсь,
 И жизнь и смерть ужасны мнѣ.
 На гробъ я и взглянушь не смѣю,
 Хотя надежды не имѣю
 Вкусить цоккой въ иной сбранѣ.

Кто скрылся-бъ отъ себя въ изгнаньѣ?
 Мнѣ жизнь цодя — ярмо, сшраданьѣ.
 Всегда во снѣ и на яву
 Гонимъ я скукой ядовитой;
 Отверженъ смертью, позабытый,
 Вездѣ я чувствую, живу.

Оставь меня помнитъся тайно!
 Дай Богъ, ишобм еще случайно
 Мнѣ въ душу не проникъ швой взглядъ!
 Ее извѣдашь не сшарайся,
 Не знай о ней, не улыбайся;
 Во мнѣ найдешь шм цѣлый адъ.

Ник. Маркевичъ.

С. Туровка.

Русская пьеса.

Вейся , вейся , желтый хмель ;
 Вкругь родной пычки ;
 Погости , сердечный другь ,
 У души-дѣвицы .
 Скоро въсперъ зашумишь
 Холодомъ осеннимъ ;
 Пожелтѣешь на лугахъ
 Трава зеленая ;
 Радость шихая летишь
 Перелетной пчашкой —
 А злодѣйка грусть живешь
 Гостемъ въковалымъ .
 Нацѣлуйся , насмотришь
 На милаго друга !
 Какъ узнашь , что завтра намъ
 Будешь по же счастье ?

В. И.

Пьеса.

Съ горемъ юноша печальный
 На чужбину ошѣзжалъ ,
 И , лобзая въ часъ прощальный
 Дѣву грустную , сказалъ :

»Все съ шобою раздѣляли
 Мы на роднѣ сродной;
 Съ кѣмъ души моеи печаль
 Раздѣлю въ странѣ чужой?»

О дѣвица! въ край далекій
 Гонишь злобный рокъ мена!
 Тамъ увяну одинокій,
 Не увидѣвши себя!

Заблещала на рѣсницѣ
 Безнадежности слеза.
 Онъ сказалъ: »прости!« дѣвицѣ
 И взглянулъ на небеса!

В. Астафьевъ.

Четыре сестры.

Надежда всю мою надежду опшимаешь,
 Любовь не плашишь мнѣ любовью за любовь,
 Я къ Вѣрѣ съ вѣрою, но Вѣра увѣряешь,
 Что щещтно я для ней вѣсѣмъ жершвованъ гошовъ.
 Осталась Софія: ей душу посвящаю
 И спущницѣ, вѣрнцхъ ей, съ собою примиряю.

Ф. Рык скій.

Казань.

Стрѣжа знамени.

(Соч. Валпера Скопша.)

(Помѣщаемый нами опривокъ, взятъ изъ Романа: *Талисманъ или Ричардъ въ Палестинѣ*, изданаго В. Скопшомъ въ прошедшемъ году. Здѣсь читатели увидятъ масшерскую картину нравовъ рыцарскаго времени, искусство Автора, въ изображеніи различныхъ спрашей и поспепенно возраспающую занимательность въ самомъ происшествіи. Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ переводъ изъ другаго романа В. Скопша: *Вудстокъ*, изданаго за нѣсколько передъ симъ мѣсяцовъ. Тамъ увидятъ читатели превосходное изображеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ въ Испоріи. Такимъ образомъ мы предспавимъ два опривка, изъ коихъ каждый самъ по себѣ составляетъ нѣчто цѣлое, совершенно въ различныхъ родахъ. Для лучшаго помѣніа насполящаго опривка скажемъ, что Ричардъ Львиное Сердце, герой своего времени, пылкій, благородный, неукропимый, находясь въ Палестинѣ, въ Крестовомъ походѣ, вдругъ подвергся жестокой и продолжительной лихорадкѣ. Во время сей болѣзни, обиженные превосходствомъ его, враждующіе союзники, вздумали явить свою робкую маглость и показатъ, что Ричардъ не первый въ общемъ рашномъ

спань. Для этого, подлѣ знамени Ричарда, которое одно посреди союзныхъ спавокъ развѣвалось на высокомъ холмѣ, посщавши они знамя Эрць-Герцога Австрійскаго. Между тѣмъ Ричардъ, чудесною силою цалисмана Эль-Гакимова, вдругъ получилъ облегченіе отъ болѣзни и, услышавъ шумные крики въ спань, узналъ что Эрць-Герцогъ осмѣлился оспоривать у него первенство, воздвигнулъ свое знамя подлѣ его знамени и празднуетъ, вмѣстѣ съ союзниками, свой дерзкій поступокъ. Ричардъ, въ бѣшенствѣ бросился на холмъ, посреди всего собранія союзниковъ разбилъ въ куски древко Австрійскаго знамени и попраля ногами шкань съ гербомъ онаго. Никто не осмѣлился противостать ему. Но чтобы вѣдъ не причинили какого оскорбленія знамени Англицкому и въ доказательство силы своего имени, Ричардъ повелѣлъ юному Сиру Кеннету, извѣстному благородствомъ и мужествомъ своимъ, одному охранять во время ночи Англицкое знамя. Надобно вспомнить, что вслучаѣ оскорбленія или похищенія охраняемаго знамени, Сира Кеннета ожидала вѣрная смерть.)

— Но въ вѣки рыцарства, важный припинеъ или опчаянное предиріяшье часто бывали наградою воинской храбрости и какъ-бы воздаяніемъ за первыя опыты рной. Была полночь и луна сіяла полнымъ.

блескомъ съ высоты небесной въ то время, когда Рыцарь Леопарда былъ на стражѣ, подлѣ знамени Англїи, на высотѣ Св. Георгія, уединеннымъ стражемъ, защитникомъ эмблеммы Англинскаго народа отъ оскорбленій, всегда готовыхъ среди тысячи враговъ, призванныхъ на Ричарда его гордостью.

Великія думы лезали въ умъ Шотландскаго война. Ему казалось, что онъ заслужилъ нѣкоторую благосклонность своего Монарха - Рыцаря, который до сего времени не отличалъ его отъ толпы храбрыхъ, привлеченныхъ славою подлѣ знамени Ричарда. Сиръ Кеннетъ мало заботился о томъ, что доказательство своего уваженія Король явилъ ему въ назначеніи опаснаго пришина. Дерзкая любовь молодого рыцаря, отъ которой высокая по сану и достоинству обожаемой имъ особы, также воспламеняла его воинскій энтузіазмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ почти никакой надежды въ этой страсти; но ему казалось, что послѣднее происшествіе уменьшало нѣкоторымъ образомъ разстояніе его отъ той, которую онъ любилъ. Кому Ричардъ явилъ высокій знакъ довѣренности и отличія, тотъ конечно былъ уже не ничтожный искашелъ приключеній, но человекъ, достойный взора Принцессы, хотя еще и далеко отдѣленный отъ нея своимъ званіемъ. Теперь, назначеніе его не могло быть ни низко, ни

безвѣстно. Но если-бы на него вдругъ напали на этой снражѣ, если-бы онъ лишился жизни, защищая ее, то его смерть — умереть хотѣлъ онъ со славою — вѣрно заслужила - бы хвалу Львинаго Сердца, призвала мщеніе сего Государя и заставляла-бы знаменитѣйшихъ и благороднѣйшихъ красавиць Англинскаго Двора пожалѣть и даже пролишь слезы. Ему уже нечего было бояться, что смерть его произведетъ такое-же легкое впечатлѣніе, какъ смерть дурака.

Сирь Кеннешъ имѣлъ время предасться этимъ и подобнымъ имъ благороднымъ помышленіямъ, которыя рождались въ его воображеніи отъ романическаго духа рыцарства, со всѣми своими фаншаспическими и безумными увлеченіями всегда чуждаго не только самаго малѣйшаго эгоизма, но великодушнаго, вѣрнаго и, можетъ быть, заслуживавшаго порицаніе только за цѣль, несообразную съ несовершенствомъ и легкомысліемъ человѣческаго рода. Вокругъ него вся природа казалась усыпленною подъ тишиной луннаго свѣта или въ непроницаемости шѣни. Ряды шашпроевъ и палатокъ, освѣщенные лучами ночнаго свѣтила и часшію скрытые въ темнотѣ, были молчаливы, какъ улицы пущыннаго города.

Подлѣ пики, на верху которой развѣвалось Королевское знамя Англій, лежала огромная борзая собака, единственнѣй

товарищъ, котораго взялъ Кеннешъ, вступа-
 ная на спражу, и былъ увѣренъ, что онъ
 рано дасть знать ему о приближеніи ка-
 кого-бы то ни было непріятеля. Благо-
 родное животное, казалось, поняло цѣль
 сторожки своего повелителя: опъ време-
 ни до времени оно поднимало голову и
 взглядывало на знамя, котораго богатцы
 складки развѣвались по волѣ вѣтра. Когда
 опилки караульныхъ, распавленныхъ
 по вѣшнимъ укрѣпленіямъ спана, слы-
 шались издадека, вѣрная собака опивчала
 имъ лаемъ, какъ будто желая дать знать,
 что и она также бодрствуетъ на своей
 спражѣ. Она наклоняла голову и поджи-
 мала хвостъ, когда хозяинъ проходилъ
 мимо нея, взадъ и впередъ раскачивая под-
 лѣ знамени; если-же рыцарь останавли-
 вался, разсѣянный, молчаливый, и опи-
 рался на копье, поднявъ глаза къ небу,
 вѣрный товарищъ — употребимъ рома-
 ническую фразу — *возмутилъ ея мысли*,
 протягивая рыло свое на закрытую пер-
 чашкой руку господина, надѣясь внима-
 нить у него мгновенную ласку. Но
 вдругъ собака съ яростію начала лаять
 и, казалось, готова была броситься въ
 ту сторону, гдѣ темноша была мрачнѣе.
 Будто привязанная на свору, она ожи-
 дала знака только своего господина. —

«Кто идетъ?» — вскричалъ Кеннешъ,
 увѣренный, что кто нибудь приближаеи-
 ся въ темношѣ.

— Ради Мерлина и Маугиса, отвѣчалъ рѣзкій и непріятный голосъ, удержи своего четырехъ-лапаго демона, или я не пойду къ тебѣ.

«Но кто ты, который осмѣлился подойти къ моему прищину? . . .» спросилъ рыцарь; со вниманіемъ устремляя глаза на предметъ, двигавшійся, но котораго онъ не могъ еще различить по вѣду. — «Берегись! дѣло идешь о жизни или смерти.»

— Говорю тебѣ: удержи этого сапана съ длинными зубами, или я заклану его стрѣлою изъ моего лука.

И въ это-же время Сиръ Кеннетъ услышалъ обыкновенный звукъ опъ напѣтиваемаго лука.

«Спусти лукъ и покажись къ лунному свѣту!» закричалъ Шошландецъ. «Не то — кланусь Св. Андреемъ — я приколю тебѣ къ землѣ, что-бы, или что-бы ты ни былъ.»

При сихъ словахъ; старался разглядѣть предметъ; казалось, двигавшійся, онъ схватилъ свое длинное копье и размахивалъ имъ по воздуху, какъ-бы приготовляясь поработать этимъ оружіемъ, которое впрочемъ употребляли рѣдко, въ тѣхъ случаяхъ, когда недоставало стрѣлъ. Но онъ почти застыдился своей поспѣшности, остановился и увидѣвъ, что изъ щемношны выходилъ, какъ акшеръ на

сцену; безобразное существо: по росту и по одеждѣ онъ тотчасъ узналъ, даже въ некоторомъ разстояніи, что это карло; уже видѣнный имъ въ часовнѣ Эггидіи. Въ ту-же минушу вспомнивъ разныя видѣнія, совсѣмъ другаго рода, явившіяся ему въ ту достопамятную ночь, онъ сдѣлалъ знакъ себѣ собацѣ, тотчасъ ею понятый — и животное съ глухимъ ворчаньемъ легло опять на свое мѣсто, подлѣ древка знамени.

Крошечное безобразіе челоуѣчества, не спрашась болѣе ужаснаго неприятели, начало всходить на довольно крушую покатость холма Св. Георгія — а это было очень трудно его корошенькимъ ножкамъ — и оно совсѣмъ запыхавшись взлѣзло на платформу пригорка. Перенявъ въ лѣвую руку свой маленькій лукъ, копорый былъ не что иное какъ игрушка, которую тогда давали дѣтямъ для спрѣльянья воробьевъ, карло спалъ въ самую гордую позицію и пропянулъ правую руку къ Сиру Кеннету, какъ-бы ожидая, что тотъ отдастъ ему воинское привѣтствіе. Обманувшись въ своемъ ожиданіи, онъ вскричалъ рѣзкимъ, раздраженнымъ голосомъ:

— Солдашь! Почему ты не отдаешь Небекшамусу почестей, должныхъ его достоинству? Не уже-ли ты позабылъ его?
— Великій Небекшамусъ! — отвѣчалъ рыцарь, желая польстить своенравію

карлы — итакое забытые трудно шому, кто видѣлъ тебя одинъ разъ. Но, просты чпо я, солдакъ, на спражъ, съ оружіемъ въ рукахъ, столь грозному существу какъ ты, не даѣтъ преимущества заспанъ меня врасплохъ и овладѣвъ мощью оружіемъ. Довольспвайся тѣмъ, что я уважаю твое достоинство, со всею некорреспондентъ и униженностью, какія только можешь оказывашь воишь на спражъ.

»Я доволенъ« — сказалъ Небектамусъ, если только ты сію минуту пойдешь за мною, предъ лицо тѣхъ, которые послали меня опидать тебѣ это приказаніе.»

— Почтенный Небектамусъ! возразилъ рыцарь: — ты пребуешь невозможнаго: я долженъ оспаваться подлѣ этого знамени до восхожденія солнца. И шакъ, прошу меня извинишь.

Сказавъ это, Сиръ Кеннетъ опять началъ прохаживашься по платформѣ; но карло не такъ легко избавилъ его отъ своей докучливости.

»Послушай, Господишь Рыцарь!« сказалъ онъ, ставъ противъ него такъ, что затчродилъ ему дорогу; — штыгъ долженъ мнѣ повиноваться: этого пребуешь твоя обязанность, а не то, я прикажу тебѣ именемъ той, которой крестна могла-бы призвашь геніевъ изъ ихъ міровъ, и коной величество могло-бы повелѣить безсмертнымъ, ихъ родоначальникамъ.»

Равно спрванное и невѣроятное предположеніе вспало на умъ Сирю Кеннету; но онъ потчасъ прогналъ его изъ своихъ мыслей. Не возможно, думалъ онъ, чтобы царица его помышленій послала къ нему съ такимъ приказомъ, такого вѣспника. Однакожь голосъ его дрожалъ, говоря:

— Не шути, Небекпамусъ, и сей часъ скажи мнѣ, искренно скажи: знаменитая дама, о кошорой ты говоришь, не та ли гурія, кошорая вмѣстѣ съ побюю подмешала полъ въ часовнѣ Энгадди? —

»Надменный рыцарь!« вскричалъ карло— «не уже-ли ты думаешь, что владычица нашихъ царскихъ склонностей, кошорая раздѣляетъ съ нами величіе и красоту, рѣшившися до того унизиться, что будетъ пересылаться съ такимъ вассаломъ, какъ ты? Нѣтъ; честь, кошорую получаешь ты, велика, но ты еще не заслужилъ вниманія особы, для кошорой, съ высоты ея возвышенности, всѣ кажутся пигмеями. Вотъ, гляди, и смотри потшому, узнаешь-ли ты эту драгоцѣнность или нѣтъ, повинуйся или отказывайся отъ приказаній, по всей правдѣ къ тебѣ посланныхъ.»

Говоря сіи слова, онъ подалъ рыцарю перстень, украшенный превосходнымъ рубиномъ, кошорый, даже при лунномъ свѣтѣ, Сиръ Кеннетъ потчасъ узналъ: этотъ перстень обыкновенно носила на палецѣ благородная дама, кошорой онъ

посвящилъ свою службу. Но если-бы онъ и еще сомнѣвался въ истинѣ, то былъ-бы пошчасъ увѣренъ въ ней, взглянувъ на небольшой бантъ изъ алой ленты, привязанный къ перстню. Это былъ любимый цвѣтъ его дамы; онъ самъ много разъ носилъ его на поляхъ битвы и въ турнирахъ; онъ заславлялъ алый цвѣтъ торжесгвовать надъ всѣми другими цвѣтами.

Удивленіе опняло у него языкъ и движеніе, когда увидѣлъ онъ въ такихъ рукахъ эшопъ несомнѣнный знакъ посольства. Карло, принявъ на себя торжесгвующій видъ, захохоталъ во все горло и вскричалъ, попрыхивая своею огромною головою:

— Теперь осмѣлся ошказаться за мною слѣдовать; осмѣлся не повиноваться моимъ приказаніямъ; осмѣлся усомниться, что я не Артуръ Гвинегель, имѣющій право повелѣвать всѣми Англинскими рыцарями! —

— Заклинаю тебя всѣмъ, что полѣе есть святаго — вскричалъ рыцарь — скажи: кто тебѣ далъ эшопъ перстень? Постарайся оспановить на одну или на двѣ минушты, если можешь, твоей блуждающій разсудокъ и скажи мнѣ, кто тебя послалъ и какая истинная цѣль твоего посольства? Но напередъ подумай о томъ, что ты станешь говорить, допотому что шутить шушить не лзя.

«Рыцарь дерзкій и безумный! Что хочешь ты знать еще, если уже знаешь, что Принцесса удостоиваетъ тебя своими приказаніями и для оправданія ихъ тебѣ избрала Короля? Но мы не удостоимъ тебя длинными переговорами. Мы приказываемъ тебѣ, именемъ въ могуществѣ сего цесаря, следовать за нами сію минуту и явиться къ той, къ которой онъ принадлежитъ. Каждая промедленная минута — есть преступленіе противъ твоей клятвы.»

— Но подумай хорошенько, добрый Небекшамусъ! Знаешь-ли еще дама гдѣ я, и какую должность повелѣно мнѣ исполнить въ эту ночь? Знаешь-ли она, что моя жизнь. . . Но къ чему говоришь о жизни! Знаешь-ли она, что моя честь зависитъ отъ шлоносни, съ какою буду я хранить это званіе до разсвѣта? Можешь-ли она желать, чтобы я лишился чести, для свиданія съ нею? Невозможно! Принцесса хотѣла позабавиться на счетъ своего служителя: такое посольство и еще болѣе — такой посоль, увѣряюль меня въ этомъ.

«Оспавайся при своей увѣренности» — сказалъ Небекшамусъ, оборачиваясь, казлось, для того, чтобы оставить плащформу — мнѣ что за нужда, мясехники-ли ны, или вѣрный служитель знаменитой Принцессы! Прощай!»

— Одну минуточку! вскричалъ рыцарь — одну минуточку помедли! Ошвѣчай на одиѣ

только вопросъ : близко-ли отсюда дама, копорая прислала тебя?

«Какая тебѣ надобность? ошвчаль кардо : «Вѣрность развѣ считаешь четверти миль, мили и льѣ, подобно бѣдному гонцу, копорому плашать за пруды; смотри по тому, сколько онъ проскачетъ? Но какъ бы то ни было, я тебѣ скажу, душа подозрительная, что прелестная рука, копорая всегда носишь жершень, посланный къ самому недостойному вассалу, отсюда въ такомъ разстройнн, что туда можетъ долетѣшь спрѣла, пущенная изъ моего лука.»

Сиръ Кейнентъ еще разъ взглянулъ на перстень, какъ-бы желая точно удостовериться, что онъ не обманывается.

— Скажи мнѣ, спросилъ онъ у карды — на какое время надобно мое присутствіе?

«На какое время!» повторилъ Небектамусъ такимъ голосомъ, копорый показывалъ разстройство его ума. «Что ты называешь временемъ? Я не вижу его; я не чувствую его; это только шѣнь слова, продолженіе минутъ, измѣряемыхъ ночью звономъ колокола, а днемъ шѣнью, идущую по солнечнымъ часамъ. Знай, что время истиннаго рыцаря должно считаться только по ударамъ, коперые наносишь онъ въ честь Бога и своей дамы.»

— Это слова истины, сказалъ рыцарь, хотя они исходятъ изъ устъ дурачества. Но, дама точно-ли требуетъ меня для

возложенія на мой либо обязанности, которую надобно исполнить для нея и во славу ея имени? Нвпть-ли возможности промедлить ея повелѣніями до восхода солнца?

«Она пребуешь твоего присутствія въ первую минуту,» отвѣчалъ карло — «не шперяя и столько времени, сколько нужно его для паденія десяти песчинокъ въ песочныхъ часахъ. Слушай, холодный и недовѣрчивый рыцарь—вопшь собственныя ея слова: «Скажи ему, что рука, бросившая розы, можетъ награждать и лаврами.»

Это примѣненіе къ тому, что проеходило въ часовѣ Энгадди (гдѣ красавица никоимъ образомъ бросила розы Сиру Кеннепу), породило тысячу воспоминаній въ умъ рыцаря и увѣрило его, что карло былъ истинный къ нему посланникъ. Розы, уже совсѣмъ увядшія, все еще были подъ его рыцарскою броней, подлѣ сердца, какъ драгоценнѣйшее его сокровище. Онъ колебался и не могъ рѣшиться не воспользоваться этимъ случаемъ, можетъ быть, единственныиъ на всю жизнь, гдѣ могъ онъ получить благосклонный взглядъ, или той, которую призналъ царицею всѣхъ своихъ помышленій. Между тѣмъ карло умножалъ его смущеніе, неопшшупно пребуя, чтобы онъ или опдалъ персень, или немедленно слѣдовалъ за нимъ.

— Одну минуту, еще одну минуту — сказалъ рыцарь и прибавилъ самъ въ себя: — развѣ я невольникъ, или подданный

Короля Ричарда? Я свободный рыцарь, посвятивший себя на службу Святому Кресту! Кому пришелъ я служишь копьемъ и мечемъ? Нашему святому дѣлу и моему даю.

»Перстень! перстень!« вскричалъ карло съ нетерпѣнiемъ: »Вароломный и беззаботный рыцарь! отдай мнѣ эпокъ перстень: ты недостойно прикоснулся къ нему, недостойно посмотрѣть на него.«

— На одну минуту, добрый Небекшамусъ, на одну минуту не прерывай моихъ размышлений. — Какъ, если-бы Сарацины напали на нашъ лагерь, не уже-ли бы я остался покорнымъ вассаломъ Англичян и спалъ заниматься спражею, чтобы его гордость не потерпѣла униженiя? Или бросилъ-бы на нападающихъ, сражаясь за Крестъ Вожий? Но послѣ Бога, мною повелѣвается моя дама. Однакожъ — повелѣнiя Львиного Сердца, мое обещанiе... Небекшамусъ! заклинаю тебя, скажи: далеко-ли отсюда долженъ ты проводить меня? —

»Въ эту палашку, которую ты увидишь, намъ — опѣвчалъ Небекшамусъ — и, если тебѣ нужно знать, свѣтъ ушра уже ударяетъ въ золотой шаръ, поставленный надъ нею и цвѣною копорога можно выкупить даже Короля.«

— Я могу возвратиться въ одну минуту — сказалъ рыцарь, съ нѣкоторымъ опечаленiемъ стараясь забыть все возмож-

ныя слѣдствія своей рѣшимости. — Если кто нибудь приблизится къ знамени, я испуга услышу лай моей собаки. Я брошусь къ ногамъ этой дамы и умолю ее позволить мнѣ окончить свой карауль. Разволь, сюда! — вскричалъ онъ, призывая свою собаку и сбрасывая свой плащъ подъ Королевское знамя Англiи: смотри хорошенько и не давай никому приближиться.

Славная собака посмотрѣла въ лицо своему господину, какъ-бы желая показать ему, что она понимаетъ его слова и послѣ этого легла на плащъ, поднявъ голову и настороживъ уши, точно какъ-бы совершенно зная, для чего ей назначили бытъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну, Небекпамусъ, сказалъ Сиръ Кеннетъ, теперь поспѣшимъ исполнить приказанiя, которыя ты принесъ ко мнѣ.

«Пусть сившишь кто хочетъ!» проговорилъ карло съ досадою: «Ты не спѣшилъ исполнить моихъ приказанiй, а я не могу успѣвать за тобою. Ты не идешь какъ человекъ, а бѣжишь какъ пусынный спорокамилъ.»

Двумя только средствами можно было побѣднть упрямство Небекпамуса, копорый, говоря такимъ образомъ, шелъ черепашьимъ шагомъ: первое средство — подарки, но это невозможно было рыцарю; другое — ласка, но для этого у него не было времени. Въ нешерцѣннiи, онъ схва-

пилъ карлу, понесъ его на рукахъ и скоро достигъ къ назначенной палашкѣ. Приближаясь, онъ увидѣлъ небольшой отрядъ воиновъ, сидѣвшихъ на землѣ: прежде ихъ не лзя было увидѣть за шапрами, сплотившимися впереди. Онъ изумился: какъ звукъ его доспѣховъ не возбудилъ ихъ вниманія? Но, полагая что, можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ, должно было производиться всѣ свои движенія тайно, онъ ссадилъ на землю своего запыхавшагося, крошечнаго провожащаго, дасть ему перевести духъ и узнать, что должно дѣлать. Небепшамусъ былъ въ ужасѣ и гнѣвѣ, но чувствовалъ, что въ могучихъ рукахъ рыцаря онъ также во власти его, какъ сова въ когтяхъ орла, да и не хотѣлъ новыхъ доказательствъ рыцарской силы.

Это было причиной, что онъ не жаловался на обхожденіе рыцаря, но, сдѣлавъ обходъ въ лабиринтѣ шаптровъ, въ молчаніи повелъ его съ другой стороны палашки, скрывая своего сопутника отъ взоровъ стражей, которые были слишкомъ беспечны или слишкомъ обременены сномъ и потому не такъ-то строго исполняли свою обязанность. Подошедши къ палашкѣ, карло поднялъ конецъ шкани, упавшій на землю, и сдѣлавъ знакъ Сиру Кеннешу нагнуться и войти. Рыцарь былъ въ затрудненіи; ему казалось неприличнымъ украдкою входить въ палашку, которая, вѣроятно, была жилищемъ знатныхъ дамъ; но онъ вспомнилъ

о несомнѣнномъ залогѣ посольства, переданномъ ему карлою, и заключилъ, что не его дѣло оспаривать добрую волю своей дамы. И такъ онъ наклонился проходя въ палатку и когда былъ внутри оной, карло оказалъ ему: — Подожди здѣсь, пока я тебя позову. —

Сиръ Кеннетъ нѣсколько минутъ оспавался въ совершенной шемношѣ. Необходимость ждаль продолжала такимъ образомъ его опсупснвие опъ назначенной ему спражи и онъ начиналъ почти расклавашься о легкости, съ какою позволилъ убвдиль себя оставиль свой припиль. Но возвращилься шуда, не видавъ Леди Эднѣ — объ этомъ онъ не могъ и помыслишь. Онъ уже пресшупиль военную дисциплину и рвилься по крайней мѣрѣ увидиль исполненіе обольспивельнаго ожиданія, заставившаго его дѣйствовашь такимъ образомъ. Впрочемъ, положеніе его было совсемъ неприяно: свѣту не было, и поэтому онъ не могъ увидиль, куда зашелъ; а какъ Леди Эднѣ принадлежала къ свиль Королевы, то если-бы опкрылось, что онъ шайкомъ вошелъ въ палатку супруги Ричарда — это могло-бы причиниль самыя опасныя подозрвнія.

Въ то время, какъ онъ занялъ былъ такими неприяными размышленіями и почти желалъ сыскаль возможность уйдиль не бывъ замѣченнымъ, вдругъ слышался ему хохощъ и разговоры женщины;

въ ближнемъ покоѣ, опъ котораго, сколько могъ угадывать, онъ былъ онѣдѣленъ однимъ напямнымъ полошномъ. Тамъ зажали лампы: это спало ему видно по свѣшу, опразившемуся на полошнѣ, служившемъ перегородкой комнатамъ, и онъ шопчасъ замѣшилъ по шѣнямъ, что нѣсколькo особъ, сидѣвшихъ и ходившихъ, было въ сосѣдственномъ покоѣ. Жестко было-бы осуждать Сира Кеннеша за то, что онъ, въ настоящемъ положеніи своемъ выслушалъ разговоръ, возбуждѣвшій въ немъ живѣйшее любопытство.

— Позовите его, позовите, ради Пресвятой Богородицы! — сказала одна изъ невидимыхъ, смѣясь опъ всего сердца. Небекшамусъ! неба опправлять посломъ ко Двору Попа Ивана, чтобы показашъ ему искусство швое въ исполненіи посольскихъ дѣлъ.

Послышался рѣзкій звукъ голоса карлы; но онъ говорилъ шакъ тихо, что Сиръ Кеннешъ не могъ разслушашъ его словъ.

Но шакъ шакъ избавишъся опъ этого духа, шриваннаго Небекшамусомъ? сказала другой голосъ.

— Удостойте меня выслушашъ, Государыня! сказала шрешій голосъ. — Если премудрый Король Небекшамусъ не слишкомъ ревнивъ къ своей высокоурожденной и шѣзвѣстной супругѣ, шакъ препоручимъ ей выпроводишъ этого дерзкаго рыцаря, котораго шакъ легко далъ себя уви-

ринь, будто знаменитыхъ дамъ моруша
нмѣшь нужду въ его надменной храбрости.

«Мнѣ кажется» — сказала прежній го-
лось — «что будетъ очень справедливо вы-
проводить любезностью Королевы - Мож-
жевелиницы того, который приведенъ сю-
да мудростью достопочинаго ея супруга.»

Опечаленіе и стыдъ обняли Сира Кен-
неша при этихъ словахъ: онъ головой
былъ, какимъ-бы то ни было средствомъ,
вырваться изъ шахра — но вошь что его
осстановило :

— Въ самомъ дѣлѣ — сказала впрочемъ
голосъ — надобно показать нашей любез-
ной родственницѣ Эднѣ, какъ поспешила
эпопъ кваленый рыцарь. Надобно сыскать
средства показать въ собственныхъ ея
глазахъ, что онъ не исполняетъ своей дол-
жности. Это будетъ для нея очень полез-
нымъ урокомъ, потому что, повѣрь мнѣ,
Калиста, я думала иногда, что она все
еще помнитъ объ эпопѣ Шопландскомъ
бродягѣ, и очень помнитъ.

Калиста пробормотала нѣсколько
словъ въ похвалу разсудительности и бла-
горазумія Леди Эднѣ.

— Благоразуміе! — повторила кино-
шо другая — это одна гордость и желаніе
показаться болѣе осторожною, нежели всѣ
мы. Нѣтъ, я не откажусь оны моего ма-
ленькаго преимущества. Вы сами знаете,
что если ей случается замѣнить вамъ ка-
куюнибудь ошибку, то никто не можетъ

такъ хорошо объяснить вамъ: вашего заблужденія, какъ Леди Эдиъ, хотя она дѣлаетъ это очень вѣжливо. Но вопиетъ она сама. —

Приходъ новаго лица въ комнату изобразился тѣнью, нарисовавшеюся на подолѣ: она видна была до тѣхъ поръ, пока не смѣшалась съ тѣнями другихъ. На переборъ горькому объясненію и несправедливой обидѣ, претерпѣнныхъ Сиромъ Кеннепомъ, которыхъ были свидѣтелемъ, какъ казалось, злоспий или вздорныхъ причудовъ Королевы Беренгаріи — ибо рыцарь догадался уже, что говорившая громче другихъ и повѣшительнымъ тономъ, была супруга Ричарда — онъ находилъ столько много упреждающаго въ мысли, что Эдиъ не была участницею въ недостойномъ поступкѣ, съ нимъ сыгранномъ, и предшоявшая сцена была такъ для него любопытна, что вмѣсто благо-разумной рѣшительности — удалился въ ту-же минушу, онъ напропихъ искалъ какой нибудь щели, сквозь которую могъ-бы, глазами и ухомъ, принимать участіе въ томъ, что будетъ происходить.

Конечно, думалъ онъ самъ въ себя, Королева, которой вздумалось позабавить-ся на счетъ моей чести, а можетъ быть и жизни, не вправъ будетъ жаловаться, если я воспользуюсь случаемъ, совсѣмъ нечаяннымъ, и узнаю ея скрышныя на-мѣренія.

Между шитья Эднѣ, казалось, ждала приказаній Королевы, а Ея Величество не смѣла говорить, боясь дать волю веселости своихъ собесѣдницъ и своему смѣху. Такъ думала Сиръ Кеннешъ попому, что онъ слышалъ, какъ говорили тихимъ голосомъ и съ задушаемымъ смѣхомъ.

»Ваше Величество!« сказала наконецъ Эднѣ: — «Кажется, вы въ веселомъ расположеніи, хотя въ эти часы скорѣе надобно-бы бышь расположенными ко сну. Я совсѣмъ гошова была лечь въ постелю, когда мнѣ сказали, что Ваше Величество меня пребуешетъ.»

— Я не надолго помѣшаю вашему покою, кузина, ошвѣчала Королева. — Одна-кожь, боюсь, что вы худо будете спать, если скажу вамъ, что вы проиграли свой закладъ.

»Это значить слишкомъ занимались душкою, которую пора забыть. Я не хотѣла билсья объ закладъ, хотя Вашему Величеству и было угодно думать и утверждать, что я согласилась на него.«

— И такъ на зло нашему пилигримству, прекрасная моя кузина, вы слушаетесь сашаны и онъ заспавляетъ васъ лгать! Не уже-ли вы будете осноривать, что поспавили свой рубиновый перстени дропивъ моего золотого браслеша, именно въ помъ, что эпомъ Рыцарь *Леопарда*, или какъ-бы онъ ни назывался, не поз-

волишь себя убѣдить, оставишь назначенный ему припинъ?

«Мое уваженіе къ Вашему Величеству не позволеть мнѣ прошиворѣчь; но присутствующія здѣсь дамы могушь засвидѣтельствовать, если только захопять, что Ваше Величество сами предложили эшошь закладъ, сами сняли перстень съ моего пальца, въ то время, какъ я не соглашалась и повторяла, что не нахожу приличнымъ ни моему возрасту, ни полу, держать закладъ о подобномъ предмѣшъ.»

— Но вы вѣрно согласитесь, Леди Эдиень — сказала одна изъ Королевинныхъ дамъ — что вы показывали большую увѣренность въ храброси эшого Рыцаря Леопарда?

«А если-бы это было и такъ,» отвѣчала Эдиень съ живоспью, — «не уже-ли это заславляетъ васъ говорить для того только, чтобы польстивъ расположенію Ея Величества? Я говорила о Рыцарѣ Леопарда такъ, какъ говорятъ всѣ, кто видалъ его въ битвахъ; но мнѣ было споль-же мало выгоды защищать его, сколько вамъ нападать на него. О чемъ могушь говорить женщины въ лагерь, если не о войнахъ и не о воинскихъ подвигахъ?»

— Благородная Леди Эдиень — сказала другая дама — никакъ не прощаетъ мнѣ и Каллисть, что мы сказали Вашему

Величеству, какъ она уронила двѣ розы въ часовнѣ Энгадди.

«Если Ваше Величество,» — сказала Эдиѣ такимъ тономъ, который показался Сиру Кеннѣшу почтительнымъ напоминаніемъ, «не имѣете приказать мнѣ чего нибудь другаго, то я прошу васъ позволить мнѣ удалиться.»

— Молчи, Флориза! — сказала Королева. — При нашей снисходительности вы не должны забывать различія, существующаго между вами и нашею Королевскою родственницею. А вы, прелестная кухарка — продолжала она опять шутливымъ тономъ — какъ могли вы, при своей добротѣ, укорять за нѣсколько веселыхъ шутокъ бѣдныхъ дамъ, которыя столько дней провели въ слезахъ и скрежетаньи зубами?

«Дай Богъ, чтобы веселость Вашего Величества продолжилась навсегда!» отвѣчала Эдиѣ. «Что касается до меня, то я скорѣе соглашусь не улыбаться во всю свою жизнь, нежели. . . .»

Она замолчала, конечно изъ почтенія, но звукъ ея голоса показалъ Сиру Кеннѣшу, въ какомъ сильномъ волненіи была обожаемая имъ дама.

— Извините свою неблагоразумную, но веселую Королеву, отпраשלъ Императорскаго Дома — сказала Беренгарія. — Да и что шутъ за великая бѣда? Хищроспью приманили сюда молодаго рыцаря;

онъ ушелъ, или его увели, съ такого караула, на которъй вѣрно никто не нападетъ въ его отсутствіе — увели любовью къ прекрасной дамѣ, потому что, надобно отдать справедливость своему герою, Эдио! Небешамусу нужно было только произнести свое имя, въспло форменнаго заклинанія.

«Боже милосердый!» вскричала Эдио прерывающимся голосомъ и съ такимъ смятеніемъ, какого не замѣтно въ ней было до сихъ поръ. «Ваше Величество шутите! Вы не можете говорить такъ, изъ уваженія къ вашей собственной чести и чести родственницы вашего супруга. Скажите, Государыня, что вы шутите и просите, что я одну минуту могла въ шомъ сомнѣваться.»

— Леди Эдио сердится о потерѣ перстня, которъй мы у нея выиграли — сказала Королева недовольнымъ тономъ. — Мы возвращаемъ вамъ закладъ вашъ, прекрасная кузина! Но не укоряйте насъ за маленькую побѣду, одержанную надъ благоразуміемъ, часто распроспиравшимся передъ нами подобно знамени, которое покровительствуетъ арміи.

«Побѣду, Государыня!» вскричала Эдио съ негодованіемъ: «побѣду! Побѣда будетъ на сторонѣ невѣрныхъ, если они узнаютъ, что Англинская Королева можетъ дѣлать предметомъ шушки чести родственницы своего супруга!»

— Вы жалѣете о потерѣ своего любимаго перстня, прекрасная кузина! — сказала Королева — но — погодите — если вамъ такъ тяжело расставаться съ этимъ закладомъ — мы отказываемся отъ своего права. Ваше имя, вашъ перстень привлекли сюда рыцаря — и мы мало заботимся о приманкѣ, когда рыбка уже поймана.

»Государыня!« вскричала Эдиѣ съ неперпѣніемъ — вы слишкомъ хорошо знаете, что все принадлежащее мнѣ — въ волѣ Вашего Величества, при первомъ вашемъ желаніи; но я-бы отдала цѣлый четверикъ рубиновъ за то, чтобы не моимъ перстнемъ, не моимъ именемъ заспавили храбраго рыцаря сдѣлать проступокъ, могущій привлечь на него посрамленіе и наказаніе.»

— А! мы боимся за безопасность нашего вѣрнаго рыцаря — сказала Королева. — Но вы слишкомъ мало уважаете нашу силу, прекрасная Кузина, если воображаете, что шалость, которую мы себѣ позволили, можетъ стоить кому-нибудь жизни. И другія, кромѣ Леди Эдиѣ, могутъ имѣть какую-нибудь власть надъ воинами, обвиненными желѣзомъ. Сердце самаго льва не изъ мрамора, и повѣрьте, что я имѣю довольно силы у Ричарда и могу избавить рыцаря, въ которомъ Леди Эдиѣ принимаетъ столь живое участіе, избавить отъ наказанія, какому могло-бы

его подвергнуть неповиновеніе приказамъ Короля.

«Именемъ Святаго Креста, Государыня! вскричала Элиэ — и Сирь Кемпентъ съ неизобразимымъ волненіемъ услышала, что она упала къ ногамъ Королевы — „Ради Пресвятой Дѣвы и всѣхъ Святыхъ! Берегитесь того, что вы хотите дѣлать! Вы еще не знаете Короля Ричарда: вы еще недавно его упруга! Скорѣе ваше дыханіе можетъ обратиться назадъ самый жесточайшій восточный вѣтеръ, нежели ваши слова убѣждать Короля простить забвеніе военнаго порядка. Для самаго неба, отошлите скорѣе этого рыцаря, если вы въ самомъ дѣлѣ призвали его сюда. Я даже готова согласиться принять на себя стыдъ приглашенія его сюда, если бы только знала, что онъ уже возвратился и теперь тамъ, гдѣ его присутствіе пребудетъ обязанностью, на него возложенна.“

— Встаньте, кузина, встаньте — сказала Королева — и повѣрьте, что все окончится лучше, нежели вы думаете. Встаньте, говорю я вамъ, милая Элиэ! Мнѣ досадно, что я сдѣлала глупость, подшутивши надъ рыцаремъ, въ которомъ вы принимаете слишкомъ живое участіе. Не ломайте такъ своихъ рукъ: я хочу вѣрить, что вы совсѣмъ не думаете о немъ. Я повѣрю всему, чему вы хотите, только-бы не видашь на лицѣ

вашемъ такого опчаянiя. Я говорю , что всѣ порицанiя приму на себя , оправдаю передъ Ричардомъ вашего милого свѣрнаго друга , вашего знакомаго , если вы не хотите признатъ его своимъ другомъ. Не глядите на меня съ такимъ укоряющимъ видомъ ; мы сей часъ велимъ Небекшамусу отослать этого рыцаря знамени къ своему припину Вѣрно онъ скрѣпъ въ кошоромъ нибудь изъ ближнихъ шапровъ?»

— Клянусь моимъ вѣнцемъ и скипетромъ — сказала Небекшамусъ — Ваше Величество ошибаетесь Онъ гораздо ближе , нежели вы думаете : онъ спрятанъ здѣсь , за этимъ полошномъ.

»И могъ слышать все , что мы говорили !« — вскричала Королева , изумленная въ свою очередь. — Вонъ отсюда , чудовище глупости и злости !«

Едва успѣла она произнести сіи слова , какъ Небекшамусъ побѣжалъ съ такимъ пронзительнымъ крикомъ , что можно позволить себѣ сомнѣваться , удовольствовалась-ли Королева одними упреками , или присовокупила къ нимъ какой нибудь болѣе оцущительный знакъ своего гнѣва.

»Что-же дѣлать теперь ?« — спросила Королева у Эдины , въ полголоса и съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Чего требуютъ обстоятельства , — съ твердостью отвѣчала Эдина. — Надобно увидѣть этого рыцаря и опдаться въ его волю. —

Не медля ни минуты, она приблизилась къ занавѣсу, закрывавшему входъ изъ одной комнаты въ другую, и хотѣла отдернуть его.

»Ради Бога, постойте!« — вскричала Королева. — »Подумайте моя комната въ это время, въ этомъ платьѣ честь моя. . . .«

Но она не успѣла еще окончить своихъ увѣщаній, какъ занавѣсъ былъ уже отдернутъ и ничто болѣе не отдѣляло дамъ отъ рыцаря. Жаръ восточной ночи заставилъ Королеву и собесѣдницъ ея бытъ одѣтыми гораздо легче и простиже, нежели требовало ихъ званіе и особенно присутствіе рыцаря. Королева вспомнила это, громко вскричала, вышла изъ комнаты, въ которой тогда находился Сиръ Кеннетъ, и скрылась въ другомъ отдѣленіи палатки; за нею ушли и всѣ ея собесѣдницы, кромѣ Эдины, потому что горестъ, волненіе и неперпѣливое желаніе поскорѣе объясниться съ Шотландскимъ рыцаремъ, можетъ бытъ, заставили ее забыть, что волосы у нее были въ безпорядкѣ и вся она была такъ мало закрыта, что это казалось-бы неприличнымъ дѣвушкамъ высокаго происхожденія и въ такомъ вѣкѣ, который впрочемъ не былъ уже эпохою древнихъ временъ, болѣе управлявшихся ханженствомъ и жеманствомъ. Легкое и несчастное платье, изъ алой шелковой матеріи, составляло главную часть ея наряд-

да. Одѣваясь наскоро, она надѣла на ноги однѣ восточныя бабуши; богатый шарфъ былъ небрежно накинутъ на ея плеча. На головѣ у нее не было покрывала: одни прелестныя волосы, которые въ безпорядкѣ упали на всѣ стороны, закрывали нѣсколько лицо, разгорѣвшееся отъ гнѣва, смущенія и другихъ, не менѣе сильныхъ ощущеній.

Она чувствовала свое положеніе, чувствовала со всею нѣжностію, которая составляетъ величайшую прелесть ея пода, и ни на одну минуту не оказала боренія робости съ тѣмъ, что должна была, по ея мнѣнію, сдѣлать въ отношеніи къ рыцарю, для нее введенному въ заблужденіе и даже въ опасность. Однимъ движеніемъ пожертвовала она стыдливости — поставила на столъ лампу, бывшую въ ея рукахъ и слишкомъ ее освѣщавшую; потомъ, болѣе надвинула на плеча и на грудь свой шарфъ, и сдѣлавъ одинъ шагъ къ Сирю Кеннету — который совсѣмъ не думалъ бѣжать и неподвижно оставался на своемъ мѣстѣ съ той самой минутой, какъ занавѣсъ былъ опущенъ — вскричала:

«Спѣшите возвратиться къ своему приюту, храбрый рыцарь! Васъ обманомъ призвали сюда. Не спрашивайте ни о чемъ.»

— Я не имѣю нужды спрашивать — отвѣчала Сиръ Кеннетъ, съ глубочайшимъ

благоговѣніемъ , какъ передъ олтаремъ Святаго , преклонивъ одно колѣно передъ нею Онъ успремилъ глаза въ землю , спрашась увеличить смущеніе Эдиовъ .

»Вы все слышали?» вскричала Эдиовъ съ нетерпѣніемъ . »Для чего-же оспаваться здѣсь , когда каждая промедленная минута грозитъ вамъ безчестіемъ ?»

— Я знаю , что уже погубилъ честь свою : это сказано было вашимъ голосомъ . И что значитъ для меня наказаніе ? Объ одномъ буду просить васъ : я поспѣшу броситься въ чашу сабель невѣрныхъ ; но можно-ли безчестіе омытъ кровью ?

»Не дѣлайте этого ! Не оспавайтесь долѣ здѣсь ; будьте благоразумны . Все поправится , если вы сей часъ возвратитесь къ своему мѣсту.«

— Я ожидаю только вашего прощенія въ моей гордости : я виновенъ въ этомъ , повѣривъ , что мои ничтожныя услуги могутъ быть вамъ полезны и заслужать нѣкоторое уваженіе .

»Я прощаю васъ ! Но нѣтъ , мнѣ не въ чемъ васъ прощать : я сама причиною вашего несчастія . Идите , идите ! Да , я васъ прощу , я буду уважать васъ , какъ уважаю всѣхъ храбрыхъ крестоносцовъ , если вы сію минуту уйдете.«

— Прежде всего возьмите назадъ этою драгоцѣнный и пагубный залогъ — сказалъ рыцарь , все еще стоявшій преклонивъ колѣно . Онъ подалъ Эдиовъ , изъяснив-

шей новые знаки неперлвнїя , перстень ,
полученный имъ отъ Небекшамуса.

„Нѣтъ , нѣтъ!“ вскричала она , непри-
нимаемая перстня — „сохраните его , сохраните
те , какъ знакъ моего уваженїя — — моей
горести , хотѣла я сказать . Но , идите , если
не для самихъ себя , то для меня “

Участїе , которое , казалось , принимала
Эдиель въ безопасности рыцаря , почти воз-
награждало его за потерю чести , объяв-
ленную ему ея голосомъ . Онъ всталъ , съ
минуту глядѣлъ , устремивъ глаза на Эдиель ,
почтительно поклонился ей и пошелъ .
Робкая ошорожность , которую Эдиель
удерживала силою и возвышенностью
чувствъ , воспоржесство вала въ свою очередь
и Принцесса тотчасъ вышла изъ комнаты ,
погасивъ лампу и оставивъ умъ и тѣло
рыцаря равно въ глубокомъ мракѣ .

Первая мысль , выведшая его изъ меч-
тательно сти , была : „надобно пошно-
вашься!“ — и онъ спѣшилъ найдти мѣсто ,
черезъ которое вошелъ въ палатку . Сыс-
кавъ ту сторону , гдѣ можно будетъ под-
нять ткань палатки для выхода изъ нея ,
было долго и требовало вниманїя : онъ
сократилъ это , кинжаломъ прорѣзавъ
себѣ выходъ .

На свѣжемъ воздухѣ онъ почувство-
валъ себя опягченнымъ такимъ множе-
ствомъ различныхъ чувствъ , что ни-
какъ не могъ дать самому себѣ въ нихъ
ощчета : онъ былъ какъ оглушенный . Ему

надобно было помнить, что Леди Эдиэль велѣла спѣшить; но находясь среди веревокъ и кольевъ, служившихъ для разбитія шанровъ, и спрашась разбудить стражей, поставленныхъ передъ палаткою Королевы, онъ принужденъ былъ идти оспороженно до того перехода, по которому велъ его карло: рыцарь подвигаясь впередъ тихими шагами, опасаясь сдѣлать тревогу собственнымъ паденіемъ или звукомъ своего оружія.

Легкое облачко закрывало луну въ то время, когда онъ вышелъ изъ палатки: это было новымъ препятствіемъ въ такое время, когда онъ чувствовалъ головокруженіе, когда сердце у него было взволновано и совершенно лишало его присутствія разсудка. Но наконецъ до слуха его дошли звуки, мгновенно возвратившіе ему всѣ умственные способности. Они прилетѣли съ холма Св. Георгія. Сначала, это былъ одинъ лай, гордый, гнѣвный, угрожающій — но вдругъ — почти въ ту же минуту — онъ обратился въ смертный вой.

Никогда лань не бѣжала такъ быстро, слышавъ голосъ Розволя, какъ побѣжала Сиръ Кеннетъ, услышавъ эти звуки, которые почелъ онъ смертнымъ крикомъ благороднаго, гордаго животнога, у котораго обыкновенная рана не вырвала-бы ни малѣйшей жалобы. Въ одну минуту перелетѣлъ онъ пространство, отдѣлявшее его отъ настоящей дороги, бросился къ вы-

сопѣ , во всемъ своемъ вооруженіи , съ такою скоростью , какъ немногіе безоружные могли-бы то сдѣлать . Не уменьшая быстроты шаговъ взбѣжалъ онъ на крутизну и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на платформѣ .

Тогда луна разрѣзала облачко , закрывшее ее и рыцарь увидѣлъ , что знамени Англіи нѣтъ болѣе : древко , на копоромъ оно развѣвалось , разбитое въ куски , было разбросано по землѣ , и вѣрная собака , распроспертая подлѣ него , казалась въ мученіяхъ смерти . —

И. С М Ъ С Ъ .

Литтературныя извѣстія.

Лучшій изъ всѣхъ изданныхъ донынѣ Французско-Россійскихъ Словарей , былъ Словарь , составленный Г-мъ Стапскимъ Совѣтникомъ И. И. Ташицевымъ и напечатанный въ 1816 году (Москва , 2 тома , въ четвертку) . Но сіе изданіе почти все распродано ; экземпляры его стали дороги и рѣдки . Изданный книгопродавцомъ Глазуновымъ , въ Спб. , въ прошломъ 1825 году , Французско-Россійскій Словарь оказался чрезвычайно неисправенъ и неудобенъ , а пошому , имѣвшіе надобность во Французско - Россійскомъ Словарѣ весьма затруднялись и не знали , чѣмъ дополнить видимый недостатокъ столь важнаго учебнаго пособія Съ удовольствіемъ спѣшимъ увѣдомишь ихъ о появленіи

новаго и полнаго Французско - Россійскаго Словаря. Г. Тапищевъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тщательнѣе исправляя и дополняя изданный имъ въ 1816 году Словарь, рѣшился наконецъ вновь напечатать его. Принявъ на себя надзоръ за исправностію печати, онъ передалъ право на сіе изданіе С. А. Селивановскому и А. С. Ширяеву, которые рѣшились напечатать Словарь, какъ можно лучше, красивѣе и удобнѣе. Мы видѣли первые листы сего новаго изданія и можемъ увѣрить, что донинѣ не было еще въ Россіи столь исправнаго и столь хорошо-напечатаннаго Словаря. Онъ печатается на хорошей бумагѣ, въ большую четвертку, ошпѣнно чешскими и красивыми буквами, въ три колонны на каждой страницѣ. Это новое и никогда небывалое въ Русскихъ изданіяхъ расположеніе, дозволяетъ Издавателямъ, изъ двухъ томовъ прежняго изданія, не смотря на многочисленныя прибавки, сдѣлать *одинъ большой томъ* — важное удобство для употребляющихъ Словарь! Къ числу удобствъ принадлежитъ также выставленіе на верху колоннъ *трехъ* начальныхъ буквъ cadaго слова, а не *двухъ*, какъ донинѣ бывало. Въ концѣ Словаря будутъ приложены реэстры Географ. и Историческихъ именъ. Всякій благомыслящій читатель конечно пожелаетъ почтенному Собираателю Словаря и Издавателямъ онаго успѣха въ ихъ полезномъ предпріятіи.

Модные обычаи.

Модную мебель дѣлають съ округленными углами. Коммодъ, секретерь, шкафъ, постелья, съ пиластрами и со сполбиками, уже не такъ больно ушибуть неосшорожнаго, какъ прежде объ острый уголь.

Мраморы должны быть противоположны съ цвѣтомъ дерева: бѣлый мраморъ на красномъ деревѣ; красный и черный на лимонномъ.

За неизмѣнимъ мозаической доски, на чайный столикъ кладуть хорошую мраморную.

Перестали украшать форшепяно бронзою и позолотой. Четыре львиныя головы, изъ краснаго дерева, поддерживають ящикъ и оканчиваються чешырьмя лапами — вопъ и все.

Въ деревнѣ, въ длинные осенне вечера, одна изъ самыхъ любимыхъ игръ, есть *игра въ ленты*. Каждая участвующая особа беретъ ленту за одинъ конецъ и опъ всѣхъ лентъ (сколько играющихъ, столько и лентъ) всѣ концы собраны въ рукъ того, кто *ведетъ* игру, слѣдовательно находишья по-реди всѣхъ. Какъ скоро говорятъ: *Tirez* (тяните) — надобно опустить ленту, и схватить, потчасъ

какъ скажутъ: *Lachez* (опустите)! Кто не успѣлъ сдѣлать этого, тотъ проигралъ и его сядяшь въ средину.

Вазы, хрустальныя и фарфоровыя, въ которыхъ подаютъ винограды, дѣлаются высокія, овальныя и края у нихъ обрѣзаны на подобіе виноградныхъ листьевъ: въ эти разрѣзы кладутъ каждую нисшъ вѣшкой.

Щеголи прячутъ выцѣ часы не въ жилетный карманъ, а, по прежнему, въ особенный, который дѣлается подѣ жилетомъ, въ нижнемъ платьѣ. Перестали носить цѣпочки сквозь жилетныя петельки, съ привѣсками.

А н е к д о т ы .

Въ свѣтъ шакъ привыкли къ легкости, къ безопасности, что самую смерть какого нибудь зефирнаго щеголя, едва, едва шамъ замѣтятъ. Вошь случай: недавно, одна дама (Парижская), съ испинно-комическимъ любопытствомъ спросила: „Скажите, что сдѣлалось съ милымъ нашимъ Л...? Мы его совсѣмъ не видимъ.“ — Не знаю, какъ онъ будетъ извиняться, сказалъ одинъ шутникъ — онъ умеръ. — „Ахъ, Боже мой! я въ опчаяніи: онъ шакъ умѣлъ насъ развеселять.“

Извѣстень добродушный вопросъ Ж. Ж. Руссо, когда одинъ вельможа говорилъ ему, что не можетъ не-презирашь ученыхъ, потому, что они пишутъ за деньги. — „А Ваше Сіятельство, за что пишете?“ спросилъ его Руссо. Недавно случилось (гдѣ, не знаемъ) бышь въ одной компаніи Судья и Секретарю. „Я не могу равнять моей службы съ твоею,“ сказала развеселясь Судья — „ты служишь изъ жалованья, слѣдственно изъ денегъ.“ — А Ваше Высокоблагородіе, изъ чего служите? — спросилъ Секретарь — „Изъ чести, мой другъ, изъ чести!!“ — Стало бышь, ошвѣчалъ Секретарь съ улыбкою, — мы оба служимъ изъ того, чего у насъ нѣтъ.

П а р и ж с к и я м о д ы (*).

Vert-thé est une des nuances vertes à la mode ; on l'emploie en chapeaux comme en robes, en capotes comme en redingotes. En général le vert a une grande vogue.

L'étoffe la plus nouvelle que les modistes emploient pour chapeaux est un velours plain ou cannelé, à grands carreaux jaunes, couleur de rose, ou bleus, et à filets de satin ; elles font aussi des chapeaux avec une espèce de pluche légère à carreaux et à raies. Ces chapeaux ont la passe large et légèrement aplatie sur les oreilles : autour de leur forme ou calote, serpente un large biais, dont les pointes sont comme attachées par des plumets en houppe, de deux couleurs, telles que noir et ponceau, vert et jaune, rose et bleu.

D'autres chapeaux ont, pour garniture, un long biais, dont le milieu est fixé au haut de la forme, et dont les pointes avancent sur le bord de la passe. Des rosettes de ruban de satin à raies de couleurs tranchantes accompagnent ce biais.

Les capotes se font en moire vert-thé, ou jaune-caroline ; et leur calote se recouvre d'une très-grande étoile de moire ou de satin.

Dans les magasins, on voit des toques de velours noir, bleu, ou oreille d'ours, dont le côté droit est orné de deux esprits blancs, posés bout à bout. Une rosette de velours fixe ces esprits.

Outre les mantilles de blonde effectuées à la grande parure, il y a des mantilles de mousseline brodées et dentelées comme celles de blonde.

Les gilets nouveaux sont en casimir blanchâtre ou vert-monstre, à petites mouches, ou à losanges vertes ou noirs.

(*) По 10 ч. Октября, 1826 г.

Вообще, зеленые цвѣта въ большомъ употребленіи; но цвѣтъ зелено-чайный въ особенной модѣ. Его употребляютъ на шляпки и плашья, на капоты (шляпки) и реденготы.

Новѣйшая матерія, употребляемая модистками на шляпки, есть бархатъ гладкій или съ дорожками, съ большими квадратами, желтыми, розовыми или голубыми и съ апласными съшочками. Дѣлаютъ также шляпки изъ легкаго плюша съ квадратами или полосками. У такихъ шляпокъ, поля широкія и надъ ушами нѣсколько плоскія, а вокругъ тульи извивается широкій косякъ, у котораго углы какъ будто придерживаются маленькими плюмажами, въ видѣ кисей, двухъ цвѣтовъ, какъ-то: чернаго и пунцоваго, зеленаго и желтаго, розоваго и голубаго. У иныхъ шляпокъ, уборку составляетъ длинный косякъ, котораго середина укрѣплена въ верху тульи, а концы прикалываются къ краямъ полей. Розетки изъ апласныхъ жемъ, съ полосками яркихъ цвѣтовъ, присовокупляются къ сей уборкѣ.

Капоты (шляпки) дѣлаютъ изъ морелевой матеріи зелено-чайнаго цвѣта или цвѣта *jaune-caroline* (желтаго); тулья капота накрывается огромною звездою изъ морелевой матеріи или апласа.

Въ магазинахъ замѣтны токи изъ бархата, цвѣта чернаго, голубаго и медвѣжьяго ушкѣ, у которыхъ правая сторона украшается двумя бѣлыми эспри, которыхъ нижние концы составлены вмѣстѣ. Бархатная розетка придерживаетъ ихъ.

Кромѣ нарядныхъ, блондовыхъ мантілій, надеваемыхъ при большомъ нарядѣ, носятъ еще ман-

пиджи изъ вышитой кисеи, у кошорихъ края зубчатые, также какъ у блондовыхъ.

Новые модные жилеты дѣлаются изъ казимира, цвѣта бѣловаго или *зеленаго тудовица* (vert-moutre), съ маленькими мушками, или съ зелеными, или черными ромбами.

На приложенномъ рисункѣ :

Гроденаплевый капотъ (шляпка); рендентошъ изъ жаконна съ пелеринкою, на манеръ *фншю*, убранною кисейными воланами; шшиблешы.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Путешествіе Англинскаго флота Капитана Кохрена, пѣшкомъ, изъ Петербурга въ Камчатку ().*

(Продолженіе.)

Я отправился изъ Tobольска, исполненный благодарности за ласковый пріемъ, сдѣланный мнѣ Г-мъ Губернаторомъ. Меня провожалъ казакъ; сверхъ того меня

(*) Мы помѣстили начало путешествія Кохрена, въ No 1 и 2 Тел. (ч. I. стр. 53-119) прошлаго года, и какъ описаніе всего путешествія довольно велико, то опасаясь обременить читателей Журнала чтеніемъ статьи продолжительной, мы рѣшились отложить окончаніе оной на неопредѣленное время. Между тѣмъ, мы получали нѣсколько письменныхъ и словесныхъ отзывовъ отъ читателей Телеграфа, особенно отъ почтенныхъ особъ, живущихъ въ Сибири, желающихъ знать, что говорить о Сибири Кохренъ. Исполняя желанія, намъ изъясненныя, продолжаемъ извлеченіе изъ путешествія Кохренова, такъ, какъ оно помѣщалось въ иностранныхъ Журналахъ. Замѣчая ошибки путешественника, просимъ почтенныхъ читателей Ч. XI. No 18. Ж

снабдили приказомъ, по которому, вслучаѣ нужды, могъ я получить лошадей и всякую помощь, не только въ губерніи Тобольской, но въ пусти до главнаго города ближайшей губерніи. Я пошелъ по дорогѣ Омской, съ намѣреніемъ слѣдовать за Иртышомъ до Китайской границы и отсюда обратись на Колывань, гдѣ я надѣялся найти Сибирскаго Генераль-Губернатора, Г. Сперанскаго.

Переpravаясь чрезъ Иртышъ, я проходилъ Башкирскимъ селеніемъ, въ коемъ жилища очень чисты, а жители гостепріимны и кажется, ещасчастливы и достачпчны. Они услужливы, трудолюбивы и хорошо обрабатываютъ свои земли. Женщины Башкирскія носятъ только рубашку и поясъ, а на головѣ плашокъ: вопшь весь нарядъ ихъ. Молодыя двушки распускаютъ свои волосы, подобно обшпачельницамъ Бискаіи, или заплетаютъ въ косу, которая, проходя подъ лѣвымъ плечомъ, привязывается на груди лешпою. Башкирки, вообще, очень смуглы, высокаго роста и лица у нихъ небольшія. Онѣ не смѣютъ ничего ѣспъ, пока муцины не кончатъ своего обѣда, и никогда не осмѣливаются ѣспъ въ присутствіи муцинъ.

уведомилъ насъ, особенно въ отношеніи Сибири, о томъ, что будущее нами не замечено, но немнѣжно материаловъ. Въ такіа замѣчанія съ благодарностію помѣстимъ въ Телеграфѣ. *Иль.*

Домашніе уборы Башкирскихъ жилищъ вчель проспы. Одна часть пола въ ихъ хижинахъ нѣсколько возвышена и на семь возвышеніи Башкиры обыкновенно спяшь. Цыновки для постелей и подушки содержащя въ большой чистотѣ. Башкирцы садыщя всегда на землѣ, но гостю предлагающъ подушку; небольшой садикъ бываешъ почти при каждомъ домѣ.

Въ Тюкалинскѣ, пока я обѣдалъ, украли у меня паспортъ и разныя бумаги, съ жестяною коробочкю, въ кошорой онѣ находились. Напрасно указывалъ я Полицейскому Коммисару на того челоувка, котораго я подозрѣвалъ въ воровствѣ, напрасно предлагалъ гиню (?) за то, чтобы получить обратно украденное, представлялъ, просилъ, умолялъ: все было бесполезно. Должно было отправишься, не имѣя средствъ дать понятіе о цѣли моего путешествія, получить помощь и покровительство вслучаѣ нужды и сослаться на какого-либо челоувка, имѣющаго власть, дабы не подвергнуться несчастію бышь захваченнымъ, какъ бродяга.

Изъ Омска я писалъ къ Тобольскому Губернатору и получилъ отъ него дубликаты паспорта, рекомендательныхъ писемъ и приказовъ, мною пошерянныхъ. Я нашелъ въ Омскѣ хорошее общество; многіе говорящъ тамъ по-Французски и

нѣсколько дней провелъ я въ гостепримныхъ праздникахъ, данныхъ по случаю моего присутствія.

Омскъ, крѣпость, лежащая при соединеніи рѣкъ Оми и Иртыша. Въ ней находишься четыре тысячи человекъ гарнизона и сорокъ пушекъ. Военное училище, прекрасное заведеніе, основанное ИМПЕРАТОРОМЪ, по возвращеніи Его изъ Англіи. Здѣсь обучаютъ по методу Ланкастера и успѣхи воспитанниковъ чрезвычайны. Рисованье, Математика, Фортификація, Алгебра и Восточные языки, составляютъ главные предметы ученія. Жилище, содержаніе, упражненія, внутренній порядокъ, не оставляютъ желать ничего болѣе совершеннаго. Полковника Иванова, начальника сего заведенія, почищаютъ опцомъ всѣ молодые его питомцы и онъ заслуживаетъ всякую похвалу. Училище здѣшнее назначено для офицерскихъ дѣтей Сибирскихъ войскъ. Въ другое подобное заведеніе принимаются дѣти казаковъ.

Омскъ былъ прежде Татарскою крѣпостію и выдержалъ нападеніе завоевателя Сибири Ермака. Окрестности Омска плодородны, но мало воздѣланы: это гладкая равнина, на которой Киргизы кочуютъ съ своими стадами. Съ ними и съ Калмыками производится здѣсь большой торгъ скотомъ, который вымѣниваютъ у нихъ на водку и шабакъ. Въ Омскъ много нахо-

дятся дѣшей - невольниковъ, которые проданы Рускимъ своими родителами и — можешь быть, они счастливые въ семь соспоаніи, нежели въ кочевой жизни, какую ведутъ опцы ихъ.

Киргизами управляють Хаңы, плащащіе однакожь дань Россіи. Киргизы раздѣляются на три орды и кочуютъ между Омскомъ и Каспійскимъ моремъ; звѣриная и рыбная ловли и скотоводство составляютъ ихъ занятія. Говорятъ, что они иногда крадутъ и уводятъ въ плѣнь христіанъ. Они перемѣняютъ мѣсто для пастбищъ, а зиму проводятъ по близости лѣсовъ, дабы не имѣть недостатка въ дровахъ. Я видѣлъ одного изъ Киргизскихъ начальниковъ: онъ красивый мужчина, но показался мнѣ весьма неопрятнымъ; впрочемъ, Киргизы вообще неопрятны и худо одѣшы. Весь домашній скарбъ ихъ состоитъ въ кошлахъ и деревянныхъ ложкахъ.

Калмыки совсѣмъ особеннаго опъ Киргизовъ поколвнїа, хотя и они потомки Монголовъ, опдѣлившіеся по разрушеніи Монгольскаго государства. Небольшое только число ихъ подвластно Россіи, но большая часть живеть въ Кияшайской Монголіи. Черты лица сего поколвнїа не ослабляютъ никакого сомнвнїа о ихъ происхожденіи. У Калмыковъ лицо широкое, глаза маленькіе и продолговатые, носъ расплюснутый, скулы выдавшїеся впе-

редь, губы толстыя, а цвѣтъ лица темно-желтый. Они услужливы, любопытны и не весьма честны. Покореннѣе Россійскому Правительству хорошіе работники. Я часто ѣздилъ съ ними, также какъ съ Киргизами, жареное мясо, безъ хлѣба, пилъ водку и проч.

На четвертой станціи, почтальономъ моимъ была молодая дѣвушка, семнадцати лѣтъ, изрядная собою. Если она будетъ управлять мужемъ своимъ, какъ управляла лошадьми, то участь его не завидна, ибо она мастерски владѣетъ кнутомъ. На пятой станціи мнѣ пришлось обѣдать съ двумя начальниками Киргизскими, кошорые прибыли для осмотра своей собственности. Обхожденіе ихъ ласково. Они одѣты были въ длинныя синія плащя, тщательно вышитыя и подпоясанныя полированными серебряными поясами, на которыхъ висѣли кинжалъ, ножъ и прубка. Рубашки у нихъ изъ синей бумажной матеріи, панталоны широкіе, шапка изъ драгоценнаго мѣха, сверхъ черной скуфы, на бришюй головѣ; шеи у обоихъ были ошкерыши и бороды длинныя.

Земля здѣсь, хотя очень ровная, но съ осью станціи дѣлается нѣсколько холмиста. На Иртышѣ, по правому берегу коего я ѣздилъ, много оспродовъ, разнообразныхъ карцину. Молодые люди обоихъ половъ здѣсь очень красивы и представляють собою образъ самого здоровья. Да

двѣнадцатилѣтнѣ своего возраста носить. они только рубашку, подвязанную поясомъ.

На тринадцатой станціи мѣстоположенія сдѣлались разнообразіе. Я остановился въ *Глуковѣ* (Gloukhof) не совсѣмъ здоровый, отъ того, что цѣлые сутки мокъ на дождѣ. Въ небольшой жилищѣ, гдѣ меня хорошо приняли и угостили хозяинъ и его прекрасная дочь, дали мнѣ хлѣба, каши, молока и хорошую постель. На другой день прибылъ я въ Семицалашинскъ, крѣпость, въ которой тысяча человекъ гарнизона и военное училище, по методу Ланкастера, для 400 дѣтей. Мнѣ пріятно было видѣти заведенія, усовершенныя по примѣру Англическихъ, въ сихъ отдаленныхъ странахъ, копорыя, кажется, ошдѣлены совершенно отъ Европейской образованности. Впрочемъ, здѣсь заведеніе только начинается. Кромѣ военныхъ, считаютъ въ крѣпости до двухъ тысячъ жителей, которые производящъ дѣятельную торговлю съ народами, живущими отъ нихъ къ Югу. Окрестности города наполнены волами и, въ бытность мою, у одного купца-разнощика украли лошадь, сто гиней (?), и кромѣ того двѣ тысячи рублей.

Крѣпость Уашькаменогорская окружена земляными стѣнами; пріста человекъ сославляющъ въ ней гарнизонъ.

Здѣсь проходилъ я по землѣ, богатѣйшей въ мірѣ для бошаника и минералога,

и разнообразнѣйшей по видамъ, на горы и плодоносныя равнины береговъ Ульбы, гдѣ видно нѣсколько Тапарскихъ палатокъ и спада ихъ. При насупленіи вечера, я былъ въ четырёхъ миляхъ отъ Александровской крѣпости. Мнѣ не хотѣлось спать въ такое прекрасное время и я продолжалъ путь свой прекраснымъ вечеромъ — это было въ половинѣ Августа: солнце и луна выказывались за отдаленными горами. Одно только журчаніе Ульбы прерывало тишину, и природа, казалось, улыбалась мнѣ, уединенному путешественнику, удивляющемуся зрѣлищу сей величественной пустыни! Я въ мечтаніяхъ шелъ пѣшкомъ до самой полночи и прибывъ на почтовую станцію, продолжалъ путь свой верхомъ, прекраснѣйшею спраною. Рано поутру приѣхалъ я въ Бухарму.

Крѣпость сія находится на самомъ живописномъ и прекрасномъ мѣстоположеніи, какое только можно себѣ представить. Она построена на берегу Иртыша, окружается отдѣльными одна отъ другой горами, какъ будто поставленными на совершенно ровной поверхности. Каждую изъ сихъ горъ можно обойти особо, одну послѣ другой, не всходя и не спускаясь, ни на десять футовъ. По всей равнинѣ нѣтъ ни деревъ, ни кустарниковъ; она составляетъ зеленый коверъ, коего прелесть возвышается противоположностью бесплодныхъ горъ — и все это удивительное

мѣстоположеніе — пустыня , на которой нѣтъ никакихъ обитателей, кромѣ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей !

Коммандантъ пригласилъ меня на чай. Я имѣлъ письмо къ Таможенному Начальнику, который показывалъ мнѣ рѣдкость : огромный песчавый камень, лежащій подлѣ рѣвки, на поверхности котораго видны слѣды ногъ человѣческихъ и лошадиныхъ. Слѣды чловѣка находятся на тридцать дюймовъ отъ слѣдовъ лошадиныхъ, то есть, въ такомъ разстояніи, въ какомъ обыкновенно находится чловѣкъ, если ведетъ рукою лошадь. Отпечатки совершенны и кажутся дѣломъ не-искуства. Кромѣ нѣкоторыхъ нелѣпыхъ преданій, я не могъ узнать ничего достовернаго о происхожденіи сего камня. Изъ положенія его можно замѣтить, что рѣвка измѣнила прежнее свое печеніе.

Крѣпость служилъ весьма малою защитною селеніемъ, ибо Киргизы причиняютъ здѣсь великій вредъ. Они всякій день крадутъ скотъ, а у нихъ не отнимаютъ назадъ и половины. Въ семь мѣствъ можно-бы завести обширную торговлю между Россіею и Китаемъ. Но сему препятствуетъ предразсудокъ или политика Китайцевъ, которая заставляетъ ихъ дѣлать только то, что дѣлали ихъ праотцы. Судоходствомъ по рѣкамъ Рускіе могли-бы на тысячу миль сократить нынѣшній переѣздъ свой изъ Кяхты до Москвы, если-

бы изъ Бухшаринской крѣпости сдѣлали складочную торговую таможену между обѣими Имперіями. Величайшимъ препятствіемъ такому учрежденію конечно то, что сія мѣры гораздо выгоднѣе будутъ для Россіи, нежели для Китая, и Китайцы вѣрно не согласятся на такое дѣло, которое доставитъ съѣдамъ ихъ болѣе выгоды. Китайскіе шовары приходились-бы Рускимъ двадцатью процентами дешевле, нежели на Кяхтѣ. На всемъ пространствѣ, орошаемомъ рѣкою Иртышомъ и почти не имѣющемъ нынѣ жителей, сдѣлала-бы сія торговля спрану богатѣйшую, ибо я уже сказалъ, что сама по себѣ, это прекраснѣйшая спрана въ свѣтѣ. Поселенцы спали-бы спекались со всѣхъ частей земнаго шара въ сію плодоносную землю, обогащенную дѣятельностію и торговлею. Климатъ здѣсь совсѣмъ не суровъ, ибо термометръ не падаетъ ниже 18 градусовъ, а зима начинается въ Нолбрѣ и оканчивается въ Апрѣлѣ.

Выходя изъ Бухшармы, я взялъ проводника и слѣдовалъ по пограничной линіи между обѣими Имперіями. Не видавъ, нельзя вообразить себѣ красоту здѣшней спраны. Прибывши въ деревню Макарія (Macaria), лежащую на берегу Нарга, ручейка, впадающаго въ Иртышъ и служащаго границею между Китаемъ и Россією, я попросилъ хозяйку дома, гдѣ остановился, чтобы она оставила мнѣ ужинъ,

а самъ переправился черезъ ручей, вступилъ въ Кипай и свѣлъ на камень *сб Кипайскихъ владѣнїяхъ*. Ночь была прекрасная; луна капила за облаками; цѣпи гигантскихъ горъ обрисовывали горизонтъ. Вся земля, опдѣлявшая тогда меня отъ перваго Кипайскаго мѣстечка, отспояшаго на 80 миль, есть безлюдная степь. Недовѣрчивость Кипайцовъ обратила въ пустыни сіи превосходныя земли. Правительство Пекинское не дозволяетъ своимъ подданнымъ никакого сообщенїя съ Россїянами; такимъ образомъ, пространство, около 30-ти миль въ ширину, оставлено дикимъ звѣрямъ. Коммендантомъ ближайшаго Кипайскаго мѣстечка обыкновенно бываетъ, какъ мнѣ сказывали, Мандаринъ, впавшій въ немилость и разжалованный въ солдаты, или чиновникъ, осужденный на смерть, который десятидѣтнимъ здѣсь пребыванїемъ заслуживаетъ прощенїе.

Возвратившись въ Бухтарму, послѣ сего небольшого путешествїя въ Кипай, я побѣжалъ по рѣкѣ Бухтармѣ, коей быстрыя воды сливаются съ Иршышомъ, въ двухъ миляхъ отъ крѣпости. Мы такъ быстро плыли по сямъ двумъ рѣкамъ, что въ десять часовъ проплыли 30 миль и прибыли въ крѣпость Устькаменогорскую. Мнѣ было прїятно еще разъ взглянуть на землю, которой я уже удивлялся прежде. Левый берегъ Иршыща почти

вездѣ крупѣ и холмистѣ; но на правомъ берегу расплаются богатѣйшія поля, на которыхъ недоспаетъ только жишелей.

Не нужно упоминать о безчисленныхъ выгодахъ, которыя могъ-бы доставить Иртышъ Русской торговлѣ. Паровое судно могло бы въ нѣсколько дней прибыть изъ Бухтармы въ Тобольскъ и удвоеннымъ числомъ дней могло-бы возвратиться назадъ. Лѣса находящіяся вездѣ въ изобиліи и ихъ можно-бы съ пользою употреблять на кораблестроеніе. Изъ Тобольска водою весьма легко достигъ Ледовитаго моря, Балтійскаго и Каспійскаго. Императоръ Павелъ намѣренъ былъ основать колонію Шотландцовъ въ Бухтармѣ; но война съ Англіею разрушила сіе предпріятіе, которое послѣ не было уже возобновляемо.

Отсюда направилъ я путь къ Барнаулу, гдѣ находятся серебряныя и мѣдныя рудники. Я всступилъ въ прекрасную, открытую землю, орошаемую величественною Обью. Взоры мои вездѣ открывали признаки богатаго земледѣлія, а горизонтъ ограничивался безмѣрными лѣсами. Въ Калманкѣ у меня сильно разболѣлась голова, но къ счастью сдѣлался гостепріимный, добродушный человекъ, который уступилъ мнѣ собственную свою постель и напоилъ меня хорошимъ чаемъ. На другой день былъ я совершен-

но здоровъ и взявъ свою котомку, отпра-
вился въ Барнаулъ. Вся окружная спрана,
шакъ сказать, одинъ прекрасный лугъ,
съ разбросанными по немъ пріятными лъ-
сочками и деревьями, окруженными воз-
дѣланною землею. Подлѣ города, почва
земли песчана и много встрѣчается со-
сень. Маленькая рѣчка Барнаулъ впа-
даетъ въ Обь подлѣ города, который вы-
строенъ довольно правильно. По прибы-
тіи моемъ, на другой день, явился я къ
тамашнему Губернатору, Г-ну Фролову.
Онъ принялъ меня съ большою учти-
востію и просилъ почитать домъ его
своимъ. Онъ показалъ мнѣ всѣ публичныя
работы, въ коихъ я удивлялся порядку
и правильности управленія. Заведенія здѣ-
шнія могутъ служить образцомъ.

Работы производятся здѣсь день и
ночь. Серебро, для отсылки въ С. Пестер-
бургъ, обращается въ слитки. Изъ мѣди
бьютъ монету для платы рабочникамъ,
и это отдѣленіе лучше устроено, нежели
въ Екатеринбургѣ. Тридцать два рудника
принадлежатъ казнѣ и еще всякій день
открываются новые; можно сказать,
что здѣсь вся земля серебряная. Рудники
ежегодно даютъ тысячу двѣсти пудовъ
серебра (смѣшаннаго съ небольшимъ коли-
чествомъ золота), которые сплютъ двѣсти
тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Считаютъ,
что на расходы по заведенію достаточна
подашей, платимыхъ Киргизами и Калмы-

ками сей области, которая доставляет Государству четыре милліона рублей дохода (?).

Изъ числа 82,000 жителей, въ сей области находящихся, 55 тысячъ занимаются работою, по двѣнадцати часовъ въ сутки. Нынешній Губернаторъ, во многомъ улучшившій состояніе казенныхъ работниковъ, испросилъ для нихъ позволеніе, третью долю времени употреблять на обработываніе своихъ земель.

Работники получаютъ весьма малую плату, но если размыслишь хорошо, то участь ихъ не лѣзя назвать несчастною. Имъ платятъ по мѣрѣ работы ихъ. Кто имѣетъ болѣе лошадей и перевозитъ болѣе руды, получаетъ болѣе и платы. Всякій изъ нихъ имѣетъ довольно времени умножать свою собственность. Нѣтъ почти ни одного крестьянина, который не имѣлъ-бы двухъ, трехъ лошадей или воловъ для перевозки руды. Нѣкоторые нанимаются за другихъ и получаютъ за то 150 рублей въ годъ. Словомъ, заводскіе работники живутъ въ довольствѣ и богатствѣ, чему помогаетъ плодородіе земли и происходящая отъ того умеренная цѣна на всѣ припасы и необходимыя вещи. Для перевозки руды употребляется здѣсь двѣнадцать тысячъ лошадей и воловъ.

Каждогодное произведеніе хлѣба, принадлежащаго крестьянамъ Колыванской области, простирается до милліона двухъ

вонѣ тысячъ пудовъ. По безчисленному множеству рогатаго скота, говядина здѣсь очень дешева: лучшая стоить 1 су за фунтъ; бѣлый неченый хлѣбъ 12 су за пудъ (poud), а ситный хлѣбъ 6 су; коровье масло, яйца, овощи по соразмѣрности. Наемъ дома въ Барнаулъ почти ничего не стоить, а общество очень хорошо. Дома въ Барнаулъ кирпичные, и собралъ все удобство, можно почести его весьма приятнымъ мѣстомъ для жительства; въ немъ считается восемь тысячъ жителей. Губернаторъ сей области сносился прямо съ Министромъ и не зависить отъ Генераль-Губернатора.

При мнѣ все заняты были приготовлениями для принятія Генераль-Губернатора Смеранскаго, который съ полномочіемъ привѣхалъ въ Сибирь, для уничтоженія злоупотребленій. Я былъ свидѣтелемъ его привѣда. Почтеннаго Вельможу приняли соотвѣтственно его чину и добродѣтелямъ. Были праздники, балы, иллюминаціи, и присутствіе Англичанина-путешественника-пѣшехода привлекало большое вниманіе зрителей. Г. Смеранскій обходился со мною весьма благожелательно. Я не встрѣчалъ еще нигдѣ чловѣка съ душою столь возвышенною и съ сердцемъ столь добрымъ. Благородную, почтеніе внушающую обходительность, умѣлъ онъ соединять съ очаровательнымъ снисхожденіемъ. Я всегда сохраню въ душѣ

моей благодарности за все знаки уважения и вниманія, мнѣ отъ него оказанные. Онъ уведомиль меня, что на берегахъ Колымы готовился экспедиція для разрѣшенія вопроса о Северо-Восточномъ мысѣ Азии и предложилъ мнѣ присоединиться къ сей экспедиціи. Я поспѣшь согласился на предложеніе и рѣшился пробыть въ Иркутскѣ и Якутскѣ только самое необходимое время, а попомъ слѣдовать за экспедиціею.

Г. Сперанскій далъ мнѣ рекомендацельныя письма во все мѣста, которыя намѣревался я осмопрѣть, и открытый ордеръ ко всемъ судьямъ сельскимъ, областнымъ начальникамъ и комиссарамъ всей Сибири. Наконецъ я оставилъ городъ — счастливѣйшій изъ всей Сибири, лучше всехъ управляемый и прекраснѣйшій.

Я шелъ отсюда по лѣвому берегу Оби, лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, и переправляясь чрезъ рѣку, прибылъ въ Осокино, чрезъ землю холмистую, пересѣкаемую озерами и рѣками. Тутъ находятяся серебряныя рудники, но земля не воздѣлана. Оттуда до Томска, главнаго города Томской губерніи, деревни находятяся ближе одна къ другой и земля обработана лучше.

Городъ Томскъ стоитъ на правомъ берегу Томи, не подалеку отъ истоки сей рѣки. Въ немъ счисляется около девяти тысячъ жителей. Не взирая одна-

кожѣ на множество церквей и зданій, городъ сей похожъ на бѣдное мѣстечко. Въ немъ есть военное училище съ 400 учащих-ся, есть также и Гимназія. Замѣчательный предметъ составляетъ прекрасный публичный садъ, въ колпоромъ даюшя праздники.

Народонаселеніе Томской губ. простирается до *полушлліона*. Въ Томскѣ видѣлъ я, что придцать быковъ, довольно рослыхъ, проданы были за 480 руб., то есть, за 18 фуншовъ стерлинговъ. Я не знаю ни одного примѣра столь чрезвычайной дешевизны и такого изобилія. Хлѣбъ здѣсь нѣсколько дороже. Цѣна его равняется двадцати Французскимъ су за пудъ.

Я направилъ путь по Иркутской дорогѣ и прошелъ 80 миль, по землѣ плоской и совершенно безлѣсной. Деревень много, но всѣ бѣдны, исключая селенія Татаръ. По шу сторону *Колюшки (Kaliouška)* земля возвышается. Дорога ужасная: нѣтъ ни землепашества, ни промышленности. Все заселено Русскими ссылочными, которые не имѣютъ никакихъ занятій, кромѣ провоза товаровъ.

До Красноярска дорога дурна и вообще вся страна бѣдная. Мнѣ встрѣтились караваны, состоящій изъ нѣсколькихъ совъ (?) подводъ, съ чаемъ, кипайкою и шелковыми Китайскими матеріями.

Окрестности Красноярска богаты и хорошо обработаны. Берега Енисея разнообразны и живописны. Городъ построенъ при соединеніи сей рѣки съ рѣкою Качою, но положеніе его споль низко, что вода угрожаетъ захопить городъ мало помалу; главная церковь и пещеръ находишся уже въ водѣ.

Императоръ Павелъ хотѣлъ поселить здѣсь колонію Шотландскую, но предпріятіе сіе не исполнилось и не было возобновляемо, хотя равно могло бы быть полезно для колонистовъ и для Россіи: первые, нашли-бы здѣсь плодотворную землю, свободу въ роисповданіи и небольшіе налоги; Государство выиграло-бы людей промышленныхъ, бережливыхъ, знающихъ земледѣліе. Климатъ въ Красноярскъ нездоровъ, по причинѣ испареній изъ рѣки, но окружающія его долины наслаждаются климатомъ весьма здоровымъ. Температура измѣняется здѣсь отъ 32 градусовъ тепла до 40 градусовъ холода. До Канскаго прошелъ я 130 миль, и въ семь мѣсѣвъ нашель школьнаго учителя, который говоритъ по-Французски. Онъ показывалъ мнѣ опломокъ мамонтовой челюсти. Продолжал мой путь, я скоро прибылъ къ рѣкѣ Кань, отдѣляющей губернію Томскую отъ Иркутской. Рѣку сію можно назвать Сибирскимъ Спиксомъ, ибо шь, которые переходяшъ за нее, идучи въ ссылку, никогда уже назадъ не возвраща-

юпса. Если-же попытаюся они уйдши и бываюшь пойманы, то положеніе ихъ дѣлается гораздо хуже прежняго.

Перемѣна, замѣчаемая въ селеніяхъ Иркутской губерніи, прошивъ Томской, не вѣроятна и дѣлаетъ честь Губернатору, кошорый ввелъ въ нихъ порядокъ и успройство. Въ селеніяхъ здѣсь живутъ люди, сосланные за маловажныя преступленія. Дороги хорошо содержатся и дѣлаются лучше, по мѣрѣ того, какъ подходишь къ Иркутску. Въ Удинскѣ меня приняли весьма ласково. Далѣе видѣлъ я селенія, въ двухъ и трехъ миляхъ одно отъ другаго, на прекрасныхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе производится весьма хорошо. Въ одномъ изъ селеній заведена большая суконная фабрика, принадлежащая казнѣ. Приближаясь рано поутру къ Иркутску, не могъ я его видѣть по причинѣ гущаго тумана, но едва вошелъ на паромъ, какъ вдругъ открылись предо мною колокольни, блестящія отъ первыхъ лучей солнца.

Начальникъ морской команды, кошорому вручалъ я рекомендацельное письмо, принялъ меня хорошо и хотѣлъ, чтобы я жилъ у него въ домѣ. Одѣвшись, какъ позволяла мнѣ моя кошомка, я пошелъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Генералъ-Губернатору. Попомъ разнесъ я еще нѣсколько рекомендацельныхъ писемъ и возвращаясь къ моему хозяину, нашелъ у него двадцать человекъ гостей, пригла-

шенныхъ обѣдать по случаю моего прибытія. Ласковость оказанная мнѣ въ Иркутскѣ превышала и мое ожиданіе и мои заслуги. Дамы даже, любопытствовали видѣть иностранца и проптивъ обыкновенія, привзжали къ моему хозяину, который не былъ женатъ. Потомъ во всѣхъ обществахъ видѣлъ я тѣхъ-же людей, которые были на обѣдѣ у моего хозяина.

Въ Иркутскѣ около пятнадцати тысячъ жителей, считая въ томъ числѣ три тысячи военныхъ; есть прекрасныя заведенія, и когда застроятся дупцыя мѣста, а деревянные дома обрашяшя въ каменные, то Иркутскъ будетъ прекрасный городъ. Тобольскъ превосходитъ его; но должно вспомнить, что Иркутскъ сущесвуетъ только около сорока лѣтъ (?).

Я совѣтовался съ Г. Геденшпромомъ о моемъ намѣреніи. Онъ въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, посыланъ былъ для открытія на Ледовитое море и показался мнѣ изъ всѣхъ людей, встрѣченныхъ мною въ Сибири, самымъ способнымъ для такихъ предпріятій и во всякомъ отношеніи достойнымъ уваженія и почшенія. Не знаю, извѣстны-ль публикѣ оказанныя имъ ученые услуги; по крайней мѣрѣ, онъ заслуживаютъ быть извѣстными. Онъ осмапривалъ весь островъ, извѣстные подъ именемъ Новой Сибири, до 76 градуса, и прожилъ на льдахъ долѣе, нежели какой

нибудь другой известный путешественник.

Военное училище на семь сотъ человекъ устроено въ Иркутскѣ по методу Ланкастера и прекрасно. О городской Гимназіи этого не лзя сказать. Я видѣлъ въ Иркутскѣ минералогическій кабинетъ, очень богатый образцами изъ Нерчинскихъ рудниковъ, и осматривалъ тюрьму, которая заслужила бы одобреніе самого Говарда. Она обширна, воздухъ въ ней чистъ, а заключенные получаютъ здоровую и изобильную пищу. Кандалы надѣваютъ на нихъ только во время публичныхъ работъ.

Другое любопытное заведеніе соединено съ тюрьмою, а именно, мастерская для работъ. Ссылочные находятъ всегда для себя работу и нѣкоторые изъ нихъ даже обогащаются. Городъ устроилъ сіе заведеніе и уже собралъ съ него значительный капиталъ. Это заведеніе такъ хорошо и полезно, что должно стараться какъ можно болѣе сдѣлать его известнымъ, дабы возбудить подражаніе вездѣ, гдѣ надобно дать помощь преступникамъ.

Биржа и базаръ составляютъ рядъ прекрасныхъ зданій. Къ нимъ присоединена зала для баловъ. Зимой, каждыя двѣ недѣли даютъ здѣсь публичныя собранія.

Общество въ Иркутскѣ очень хорошо и состоитъ по большей части изъ Нѣмцовъ (?). На одномъ балѣ насчиталъ я

семьдесятъ дамъ и мнѣ сказали, что это еще собраніе не многочисленное, и что иногда бываетъ въ собраніяхъ дамъ до двухъ или трехъ сотъ. Впрочемъ, если исключишь женъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, всѣ остальные дамы были жены купцовъ, копорья, щегольскимъ образомъ являющіяся съ своими мужьями только на балы и праздники, а въ другое время не участвуютъ въ обществѣ чиновниковъ, и я замѣтилъ, что военные люди обходятся съ другими классами, съ какимъ-то высокоуміемъ, почти также, какъ въ Англіи христіане съ Жидами.

Способы просвѣщенія въ Сибири обширнѣе, нежели въ самой Россіи, по причинѣ множества людей ученыхъ, находящихся между ссылочными, и посему-то образованность въ обихъ столицахъ Сибири, Тобольскъ и Иркутскъ, быспро подается впередъ.

(Будетъ продолженіе.)

Взглядъ на село Иваново.

Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, принадлежащее Графу Шеремешеву село Иваново, по обширной торговлѣ бумажною пряжею, по многочисленности шплицевыхъ фабрикъ, по множеству выработываемыхъ издѣлій и по быспрошѣ успѣховъ въ постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію, весьма справедливо должно привлечь взоры Статистика и каждаго любителя опечесивенной промышленности. Здѣсь безъ сомнѣнія заключается одинъ изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ пунктовъ торговли и промышленности Государства Россійскаго, производящій необходимую, повсюду употребляемую одежду, который, замѣняя иностранныя сего рода издѣлія, снабжаетъ своими опечесивенными не только пространную нашу Имперію и Царство Польское, но и отпускаетъ значительное количество ихъ въ Персію и Бухарію.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Александровская бумажно-прядельная Мануфактура продаетъ въ селѣ Ивановѣ бумажной пряжи своей около десяти тысячъ пудовъ, на миллионъ рублей, въ годъ. Разные торговцы, покупающіе въ Санктпетербургѣ и выпысывающіе изъ Манчестера Англинскую бумажную пряжу, продають ее здѣсь до

ста тысячъ пудовъ. Все сіе количество, въ печеніе года, перерабатывается въ миткаль множествомъ шкачей обоого пола, населяющихъ Иваново съ окружностью и продается фабрикантамъ, для обращенія въ ситцы, выбойки, платки и платья разныхъ видовъ, добротъ и красокъ.

Бумажная пряжа и прочіе товары, идущіе сюда изъ Санктпетербурга, въ лѣтнее время доставляются посредствомъ водяныхъ сообщеній, чрезъ Неву, Ладожскій каналъ, Сясь, Тихвинку, Чагоду, Мологу и Волгу до села Сидоровскаго, въ 40 верстахъ ниже Костромы лежащаго. Здѣсь товары выгружаются и чрезъ 50 верстъ перевозятся сухопутно въ Иваново.

Торговые дни въ селѣ Ивановѣ учреждены по понедѣльникамъ, въ кои происходитъ покупка бумажной пряжи и продажа миткалей. Въ большіе зимніе базары въ розницу продается пряжи на пятьдесятъ тысячъ рублей и болѣе; въ средніе на сумму отъ двадцати до сорока тысячъ; въ слабѣйшіе-же шорговлею понедѣльники на сумму отъ пяти до десяти тысячъ рублей. Жители Иванова и крестьяне и крестьянки всей окрестности покупаютъ основу и упокъ бумажной пряжи water и mule пачками, и шкутъ въ домахъ своихъ миткаль, на сихъ-же базарахъ ими продаваемый, за который получаютъ отъ фабрикантовъ деньги, упо-

прѣблѣютъ снова на покупку пряжи. Еще бывають базары по четвергамъ, но сіи вообще незначительны.

Знатнѣйшія фабрики вырабатываютъ здѣсь ситцовъ и прочихъ издѣлій оцѣ двадцати до тридцати тысячъ кусковъ въ годъ; другія производятъ оцѣ пяти, до пятнадцати тысячъ; не мало фабрикъ вырабатывающихъ около тысячи кусковъ и болѣе; наконецъ множество мелкихъ, производящихъ оцѣ двухъ до пяти сотъ кусковъ въ годъ. Всѣхъ же вообще заведеній сего рода считается въ селѣ Ивановѣ до 170, начиная съ главныхъ фабрикъ, въ коихъ набивается ситецъ на 150 споловъ, до послѣднихъ рабочихъ покоевъ съ двумя споломи.

Краски и прочіе матеріалы, на ситцовыхъ фабрикахъ употребляемые, суть слѣдующіе: краска брусовая, кошениль, крапъ, кварципронъ, сандалъ красный и синій, чернильные орѣшки, квасцы, купоросъ синій и черный, масло деревянное, масло купоросное, крѣпкая водка, нашатырь, ртуть, сулема, селитра, сахарумъ - сатурни, зильберглеть, марганецъ, камедь, ярь веницейская и мѣданка, лазорь, кремертаршаръ, скипидаръ, драганшъ, олово, шпіаутерь, поташъ, щадрикъ, крахмалъ, клей, извесь, уксусъ, разныя соли и еще нѣсколько вещей. Между всѣми-же главнѣйшій и для всѣхъ издѣлій самый необходимый матеріалъ

есть — чистая рѣчная вода. Это жазнь и душа всѣхъ дѣйствій на фабрикахъ.

Сипицы и прочія бумажныя издѣлія продаются въ Москвѣ въ большомъ количествѣ. Это главное шоржище; изъ него развозятся они почти во всѣ страны Имперіи. Сверхъ того производится важная продажа въ ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Ростовской, Коренной, Харьковскихъ и Роменской. Въ первой, главные покупатели Армяне, отправляющіе великое количество сипцовъ въ Грузію и Персію. Есть и еще ярмарки менѣе значительныя, въ коихъ продаются Ивановскіе бумажные товары. Нѣкоторая ихъ часть отсюда посылаешся въ Санктпетербургъ, Казань и другіе города. Наконецъ и домашняя торговля имѣетъ большую значительность: многіе купцы изъ разныхъ губерній привозятъ въ Иваново за покупкою издѣлій въ самыхъ фабрикахъ и отвозятъ ихъ для распродажи въ мѣста своего жительства, или въ тѣ, гдѣ торговлю производятъ.

Способы промышленности рабочихъ людей здѣсь изобильны: исправнымъ рабочникамъ, употребляемымъ въ фабрикахъ, для набивки сипцовъ, платятся отъ 10 до 15 рублей въ недѣлю. Мальчики отъ 8 до 12 лѣтъ, такъ называемые *штрейфовальщики*, получаютъ отъ 26, до 60 рублей въ годъ.

Земледѣліе здѣсь въ посредственномъ состояніи, потому что жители болѣе

находятъ пользы въ шкань и мшккалей; сверхъ того сіе занятіе и легче полевыхъ работъ. Недостатокъ хлѣба дополняется привозомъ изъ ближайшихъ мѣстъ. Огородныя же растенія, лукъ, огурцы и прочее, привозятся въ село Иваново, черезъ 76 верстъ, изъ города Суздаля. Въ этомъ отношеніи замѣтна спрранность: здѣсь городскіе жители снабжаютъ поселянъ земными произведеніями.

Село Иваново, въ 30 верстахъ отъ Шуи, лежитъ на ровномъ мѣстоположеніи, изрѣдка пресѣкаемомъ оврагами, при рѣкѣ Уводѣ, не судоходной, но самой полезной и необходимой для мытья издѣлій и прочихъ фабричныхъ потребностей. Берегъ ея усѣянъ спрроеніями, принадлежащими къ фабрикамъ, и множество людей на площадяхъ безпрестанно занимается полосканьемъ въ рѣкѣ ситцовъ и мшккалей, коими покрыты всѣ луга, къ ней примыкающіе. За рѣкою простирается на возвышеніи сосновая прекрасная роща, довольно обширная, по ровному мѣсту расположенная и для прогулки пріятнѣйшая, что здѣсь во все лѣто нѣтъ комаровъ. Почва земли плодородна и воздухъ вообще здоровый и благо-расшворенный.

Божественная служба совершается въ двухъ храмахъ и въ кладбищенской церкви. Госпный дворъ каменный; улицы прямыя и широкія. Въ селѣ Ивановѣ

1422 дома; въ томъ числѣ много каменныхъ и нѣсколько изъ нихъ очень хорошихъ. Жителей мужескаго пола 3099 душъ, кромѣ многородныхъ купцовъ и крестьянъ, пребывающихъ здѣсь для торговли, должностей, разнаго ремесла и работъ.

Н. Болркинъ.

Сентября 28 дня;

1825 года.

Село Иваново.

II. КРИТИКА.

HOA-TSIAN: Chinese courtship in verse, to which is added an appendix treating of the revenue in China, etc. ГОА-ТЗИАНЬ, Китайская поэма, съ разными прибавленіями, изд. Перрингъ Томсъ. Лондонъ и Макао. 1824 г. in 8 (*).

П. Семедо, первый доставилъ намъ нѣкоторыя основательныя свѣдѣнія о Поэзій Китайской (**). Вѣсьма немногое находимъ, касательно сего предмета, въ сочиненіяхъ его предшественниковъ, даже и въ сочиненіи Дюгальда, который, просто помѣстивъ въ ученой компіляціи своей, вѣдныя переводы многихъ Китайскихъ стихотвореній, сдѣланные разными миссіонерами. Отсюда Фреретъ взялъ матеріалы для своего Разсужденія о Китай-

(*). Статья сочиненія Г-мъ Абеля-Ремюза (J. de S. Февр. 1826 г.)

(**) Hist. univ. de la Chine, Ч. I, стр. 11, Француз. переводъ стр. 82.

ской Поэзии, изъ коего напечатано извлеченіе въ *Запискахъ Академіи Изящной Словесности* (*), и въ коемъ Авторъ прибавилъ еще отрывокъ, полученный имъ отъ Аркадія Гоамжа. Съ того времени, мы встрѣчали только жаленькіе отрывки Китайскихъ стихотвореній, невѣрно переведенные, или лучше сказать, совсѣмъ передѣланные, въ собраніи Записокъ нашихъ миссіонеровъ и въ отдѣльныхъ книгахъ, изданныхъ П. Аміюномъ. Я не говорю о *Похвалѣ Муждену*, Французскимъ предложеніемъ коей мы одолжены сему писателю, ибо это сочиненіе, писанное въ подлинникѣ неправильными стихами, или мѣрною прозою, называемою Китайцами Wen-tchhang, не столько поэма, сколько ораторское сочиненіе, похожее на тѣ, въ которыхъ древніе риторы забавлялись собираніемъ въ учувствѣ украшеній цвѣтислаго и отличнаго слога.

Совсѣмъ не таково сочиненіе, напечатанное въ Макао Г-мъ Томеомъ, тамошнимъ типографщикомъ Индійской компаніи и выданное имъ въ Лондонѣ. Это настоящая поэма, и что болѣе замѣчательно, поэма повѣснвовательная или романъ, въ шестистишныхъ стихахъ — редъ сочиненій, необыкновенный въ Китаѣ и котораго мы имѣемъ весьма немного примѣровъ между книгами, къ намъ привозимыми. Сочиненіе сей поэмы приписываютъ двумъ Кантонцамъ, и въ которыхъ выраженія, принадлежащія къ нарѣчію, въ сей области употребляемому, заставляють думать, что такое предположеніе не безъ основаній. Достойно похвалы предпріятіе того, кто первый знакомитъ насъ съ не-

(*) Т. III. Hist. emp. 289.

извѣстною донинѣ опрастью. Литературы Кишайской, и хотя множество трудностей ею представляемыхъ можетъ быть таково, что ихъ никогда не возможно иностранцу побѣдить совершенно, но еще большую похвалу заслуживаетъ тотъ, кто подобно Г-ну Томсу, хорошо выполнитъ трудную, взяшую на себя обязанность.

Вышнія формы Кишайской Поэзіи довольно уже извѣстны. Каждый стихъ у Кишайцовъ долженъ заключать въ себѣ полный смыслъ и наращения у нихъ почти никогда нетерпимы, такъ что слово значущее *фразу* (phrase) употребляется у Кишайцовъ также вмѣсто слова: *стихъ*. Впрочемъ, правила у нихъ измѣнялись по временамъ и сдѣлались, отъ усовершенствованія искусства писатъ стихи, весьма строгими и весьма сложными. Кишайскіе стихи были сначала ничто иное, какъ рвемованныя строки, вообще составленныя, каждая изъ равнаго числа слоговъ. Ремы стиховъ состояли единственно въ определенномъ возвращеніи нѣкоторыхъ звуковъ, которые, вслучаѣ нужды, производились самымъ простымъ средствомъ — повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же словъ. Стихи продолжаютъ и нынѣ подчиняться ремю; но нормы новѣйшіе обременяли себя нгомъ болѣе шагостнымъ, введя въ средину стиха смешаную прозодическую, прежде прилагавшую только къ окончаніямъ. Слоги (syllables), въ коику составляется каждый стихъ, ограничены рѣшительно числомъ пяти или шести. Первый и шестій слогъ, въ стихѣ пятисложномъ, и первый и пятый въ шестисложномъ, оставлены свободными, но положено, чтобы парные слогги возобновляли, въ порядкѣ послѣдовательномъ и

обратномъ, изъ спиха въ спихъ и изъ спанса въ спансъ, два главных ударенія (ассенъ), которыми подчинены всѣ Китайскія слова. Такія новыя затрудненія, кажется, нисколько не остановили генія Китайской Поэзiи и можешь быть, никогда не писали въ Китаѣ столько стиховъ, сколько пишущихъ ихъ съ того времени, когда трудно сдѣлалось писать хорошия стихи. Надобно, впрочемъ, согласиться, что никакая система стихосложенія не представляеть, болѣе Китайской, величайшихъ препятствiй къ изящному и естественному выраженiю мыслей. Желая оспаться понятными и разсудительными, Поэты Китайскiе побуждаютъ препятствiя на счетъ Грамматики. Поэтическiй слогъ позволяеть имъ выпущенiя, удвоенiя словъ, вставки, и всего болѣе перевороты и обороты, непозволенные въ прозѣ, гдѣ первый законъ — быть яснымъ и понятнымъ.

Но гораздо болѣе дѣлаеть стихи Китайскiе темными, безпрестанное употребленiе множествъ выраженiй метафорическихъ и извращенныхъ, которыхъ должно брать не въ обыкновенномъ и народномъ ихъ смыслѣ, но въ фигурномъ ихъ значенiи, какое мгновенно придано имъ поэтомъ. Далѣе, затруднительны примѣненiя къ дѣламъ, анекдотамъ, мѣстамъ, обычаямъ: все это знакомо образованнымъ Китайцамъ, а намъ весьма мало извѣстно. Эмблеммы и символы Китайцовъ совершенно отличны отъ всѣхъ эмблеммъ и символовъ, которыхъ отношенiе къ предмету ими выражаемому можно понять; напротивъ, есть и такія, которыхъ значенiя угадашь не возможно, если оно не

объясняется въ замѣчаніяхъ. Изящный вкусъ требуетъ отъ Китайскихъ поэтовъ расположенія символовъ такъ, чтобы они являлись въ симметрическомъ порядкѣ, чтобы, поставленные въ одномъ стихѣ, они точно соответствовали символамъ другаго стиха. Изъ сего расположенія выходитъ какой-то двойной языкъ и иногда проясній смыслъ, а это и считается въ Китайской Поэзіи совершенною прелестью. Весьма легко не только ошибиться въ ихъ толкованіяхъ, но одно недоразумѣніе далеко увлекаетъ васъ отъ истиннаго смысла и приводитъ къ порядку идей, не имѣющихъ никакого отношенія съ идеями сочинителя. Во всѣхъ сихъ случаяхъ переводъ, самый вѣрный, можетъ передать только простое значеніе словъ и рѣчей. Совсѣмъ не возможно соблюсти примѣненій и отвлеченнаго смысла, производимыхъ идеями частными или вспомогательными. Случайно развѣ, можно сохранить иногда что нибудь въ переводѣ одного или двухъ стиховъ, но совершенная была-бы неспособность подумать о сохраненіи ихъ въ сочиненіи большомъ, послѣдовательномъ или въ отрывкѣ нѣскольکو продолжительномъ.

Сии замѣчанія могутъ показать цѣну вниманія и познаній Г-на Томса, какія потребны ему были для полного уразумѣнія поэмы, почти изъ трехъ тысячъ стиховъ состоящей, и поясняютъ намъ также, какимъ образомъ переводъ его вѣрный въ томъ, что касается до представленія историческаго смысла подлинника, не даетъ намъ почти никакой идеи о поэтическомъ его смыслѣ: двойной, и по видимому пропигорѣвающей отзвѣкъ объ одномъ и томъ-же переводѣ; но краткій обзоръ легко из-

гладишь наружность парадокса въ нашемъ мѣтвѣ и покажешь спрогую его точность.

Самое названіе поэмы можешь быть предметомъ замѣчанія, способнаго показати намъ, что должно думать о фигурномъ слоgѣ Кишайскихъ поэтовъ. Два слова составляютъ названіе; первое, значить *цвѣтокъ* (une fleur), второе, таблицу или что нибудь, служащее для письма. Въ обыкновенномъ смыслѣ, слагая сѣмь два слова, выражаютъ бумагу съ золотыми цвѣтами, на которой пишутъ стихи, письма, поздравленія и проч. Г. Томсъ ставитъ здѣсь Англиское слово *courtesy*, значущее не-вѣжливость (*civilité*), какъ переводили его въ нѣкоторыхъ литературныхъ журналахъ (*), но вообще, льстивое угожденіе и особенно услужливость женщинъ, или сватанье. Послѣдній смыслъ, какъ ни удаленнымъ кажется отъ перваго, заключается однакожъ въ словѣ *Hoatsian*, пошому, что бумага съ цвѣтами употребляется во всякъ нѣкъ случаяхъ, когда хошая изъяснить чувствъ, или выразити объмы, предметомъ коихъ бываетъ брачный союзъ.

Три первые стиха поэмы представляютъ другой примѣръ загадочныхъ оборотовъ, почищаемыхъ Кишайцами за тонкіе намѣки, и нѣкоторыхъ совершенно не возможно было-бы угадать, если-бы о намѣреніи поэта не сказала намъ въ примѣчаніяхъ къ poemѣ изъяснитель его (**). Кишайское слово,

(*) Въ Азіатскомъ Журналѣ (Сент. 1845 г.) и Бесебц. Выдешенѣ (V. 304) названіе книги переведено было пресне: *Civilité chinoise. Пер.*

(**) Мы имѣемъ предъ глазами Кишайское изданіе подлинника, съ замѣчаніями Тизунгъ - шея, который изъяснилъ Гоа - Тзіангъ, также какъ Шингъ - шіангъ изъяснилъ нѣкоторые знаменитыя въ Китаѣ поэмы, какъ-то *Шу-су-Тшуунъ* и *Си-сіангъ-ки. Соф.*

значущее *удовольствие*, *любовь*, *волокичество*, составлено из двух коренных, которые, взятыя *опредѣльно*, значащъ *вѣтеръ* и *мѣсяць* (*la lune*). Долго надобно-бы было изъяснить причину, доставившую сему сложному слову то значеніе, какое имѣешь оно нинѣ въ обыкновенномъ употребленіи. Но должно однакожъ знать, что любовь есть предметъ поэмы, о которой мы говоримъ. Сочинитель почелъ себя обязаннымъ поставить слово: *любовь*; при началѣ поэмы, и онъ сдѣлалъ это двоякимъ образомъ, именно: «поставилъ слово *вѣтеръ* во второмъ стихѣ своемъ —

ВѢТЕРЪ осенній дышетъ предъ нимъ благоуханіемъ *блага нектюфара* —

А слово, *мѣсяць*, помѣстилъ въ третьемъ стихѣ —

Видѣнь возрастающій новый МѢСЯЦЪ,
котораго свѣтъ подобенъ отблеску воды,

И въ скринѣйшемъ смыслѣ оныя формошлль еще *мѣсяць* и *вѣтеръ*, въ первомъ —

Стоя, облокотясь на балконъ, наслаждаются прохладой ветра.

Здѣсь, говоритъ изъяснитель, первая слова стиха выражающъ *мѣсяць*, а послѣднія относятся къ *вѣтру* и — выходитъ слово *любовь*. Англинскій переводчикъ, ни здѣсь, ни въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, не передаетъ намъ смысла Китайскихъ примѣненій и мы не хопимъ упрекашь его за это, пошому, что было-бы сколько трудно, столько-же и излишно заниматьи ими. Если мы остановились надъ ними нѣсколько времени, это пошому, что намъ казалось любопытнымъ для читательей, поняшіе, до какого излишества понюкошей

увлеченъ народъ, которому подобныя дѣтскія игрушки кажутся усладительнымъ изяществомъ.

Такимъ образомъ, сказать, что Г. Томсъ вездѣ спановиль слова въ простомъ смыслѣ, не смотря на метафорическія выраженія ихъ въ подлинникѣ, не значить, уличить его въ невѣрности перевода. Только симъ способомъ можно было переводить, желая, чтобы переводъ былъ понятенъ, хотя правда что сей образъ перевода уничтожаетъ поэтическую форму множества подробностей. Что дѣлать! Слово: *красный*, въ Китайскомъ языкѣ есть синонимъ слова: *прекрасный*, но ни въ какомъ другомъ языкѣ не дѣя соблюсти частнаго смысла, слѣдующаго изъ соединенія сихъ словъ (*). *Ясли* есть эмблема совершенства и нѣжности, *востоки* эмблема супружества. *Востогный гость* значить у Китайцовъ зятя, и въ противоположность, всякій другой гость называется *гость западный*. Китайцы говорятъ, что юноша *стоитъ подь окномъ*: это значить, что онъ учится; *два человека одного окна*, значить: *они соугеники*, и отъ этого слово: *окно*, сдѣлалось синонимомъ слова: *угеникъ*. Множество тысячъ выраженій симъ подобныхъ и всего чаще, неизъясненныхъ въ словаряхъ, суть украшенія поэтическаго слога Китайцевъ. Они необходимо должны исчезнуть въ Европейскомъ подражаніи подлиннику. Много, если переводчикъ понимаетъ ихъ, но передашь свои познанія читателямъ онъ можешь не иначе, какъ посредствомъ обширныхъ объясненій.

Г. Томсъ не хотѣлъ входить въ подробности, почти безконечныя, объясненій сего рода. Онъ

(*) Кромъ Русскаго. Пер.

ограничился, какъ мы уже сказали, вѣрною передачею смысла поэмы, во всемъ томъ, что касается до разсказа происшествій, послѣдованія разговоровъ и мыслей, съ которыми они перемѣшаны. Разматриваемый съ сей только стороны, переводъ Г-на Томса все еще долженъ обратить на себя большое вниманіе. Въ первый разъ, мы видимъ Китайскій поэтическій романъ, котораго содержаніе и главнѣйшія происшества постараемся изложить нашимъ читателямъ.

Молодой ученый, по имени *Лянъ*, безпокойнымъ желаніемъ сыскаеть себѣ достойную подругу (это желаніе Китайскіе романисты приписываютъ своимъ героямъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ), оставяешь домъ матери и идетъ жить къ теткѣ своей *Су-тшеу*. Прогуливаясь ночью, въ саду, котораго описаніе очень долго занимаетъ сочинителя, онъ доходитъ до бесѣдки, гдѣ двѣ молодыя дѣвушки, племянницы хозяйки дома, при свѣтѣ луны, играютъ въ шашки, яли сказать вѣрнѣе, забавляются особенною Китайскою игрою, похожею на игру въ шашки. Прелести одной изъ сихъ дѣвушекъ такъ сильно поражаютъ сердце Лянга, что онъ смертельно влюбляется. Но прекрасная *Тао-сіанъ*, предметъ его страсти, притѣхала на немного времени, по случаю дня рожденія тетки, и вскорѣ удаляется къ своему отцу, Генералу, прежде бывшему школьному товарищу отца Лянго-ва. Юноша слѣдуетъ за нею въ сіе убѣжище и не могши увидѣть ее, покупаетъ домъ, коего садъ отдѣленъ только стѣною отъ сада отца *Тао-сіань*. Введенный, подъ именемъ родственника, въ домъ отца своей возлюбленной, юноша имѣлъ случай увидѣть стихи, сочиненные ею на одинъ изъ са-

мыхъ любимыхъ предметовъ Китайской Поэзіи — плакующую иву, свѣсившуюся надъ потокомъ воды. Онъ освѣчаетъ стихами на шопъ же предметъ и припомъ, съ одинаковыми приемами. Этошь способъ знакомиться съ любимыми особами, есть самый обыкновенный способъ Китайскихъ поэтовъ. Вдругъ, родителемъ Іао-сіаны пришло въ голову, отдать ее за молодого сосѣда. Въ стѣнѣ, разделяющей сады, сдѣлали дверь въ такое расположеніе доставляетъ случай къ встрѣчамъ и свиданіямъ молодого ученаго, сперва съ служанкою Іао-сіаны, а потомъ и съ нею самою — рѣдкое положеніе въ вымышленномъ повѣствованіи — и прелестная дѣвушка чувствуетъ всю опасность его. Она, краснѣя, говоритъ своему любовнику: »Мы встрѣтились подъ грушею и ходимъ по полю засѣянному дынями« — т. е. шѣ, которыхъ заспають подъ грушею, могутъ быть подозрѣваемы въ намѣреніи рвать плоды ея, а кто ходитъ по дынямъ, можетъ замарать ноги. Красавица упрекаетъ своего любовника, совѣщаетъ ему многое весьма сурово; но все это не помѣшало ей, во второе свиданіе поклясться ему въ вѣчной вѣрности и въ томъ, что она никогда не будетъ супругою другаго. »Если нарушу клятвы,« говоритъ она, »пусть я умру, пусть навсегда провалюсь въ адъ и никогда не вступлю въ кругъ бытія! Если ты нарушишь клятвы, пусть утонешь ты въ рѣкѣ и съ трудомъ избѣгнешь острія сѣкиры!«

Различныя приключенія задерживаютъ развязку, которая казалась близкою. Отецъ молодого ученаго грозитъ ему выборомъ другой невѣсты; отецъ Іао-сіаны избранъ укротить возмущеніе на границахъ. Первое изъ сихъ приключеній производитъ сцены

ревности, какія находимъ въ романахъ всего свѣта, а второе, цѣль событій, какія могутъ быть въ-роизны только въ Кишайскихъ романахъ. Генераль Іангъ, отецъ Іао-сіаны, разбитъ непріятелемъ; Ліангъ, въ немногое время достигнувшій первыхъ степеней ученыхъ и сдѣлавшійся государственнымъ чиновникомъ, испрашиваетъ порученіе иди освободить отца своей возлюбленной и получаетъ его, ибо извѣстная вещь, что умный и ученый чело-вѣкъ не можетъ быть худымъ воиномъ. Однакожъ, ученый Ліангъ не совсѣмъ былъ счастливъ въ своемъ предпріятіи. Его окружили и нѣсколько времени онъ считался погибшимъ. Это даетъ случай Іао-сіанѣ выразить свою горестъ и доказать свое постоянство. Другая дѣвушка, которую отецъ Ліанга назначалъ ему сурругою, бросилась въ рѣку и едва спасена какимъ-то офицеромъ. Между тѣмъ одинъ ученый, бывшій школьный поваринецъ Ліанга, назначенъ командовать войсками, сражается и вы-ручаетъ двухъ своихъ предшественниковъ. Всѣ шрое возвращаются побѣдителями ко двору и получаютъ награды, соотвѣтственныя ихъ заслугамъ. Они по-лучаютъ титлулы *Ле*, или, какъ говоришь Англин-скій переводчикъ, производящя въ достоинство Герцоговъ. Юный Ліангъ не встрѣчаетъ болѣе пре-пятствій для свадьбы съ прекрасною Іао-сіаною, а она не противилась супружеству его въ одно и то же время, съ шюю дѣвушкою, которую назначалъ ему отецъ его; она первая въ семь случаевъ исполняетъ волю Государя. Двойное супружество, какъ верхъ счастья для чувствительнаго и нѣжнаго Ки-тайца, есть развязка, къ которой часно прибѣга-ютъ въ романахъ Кишайскихъ. За всѣмъ тѣмъ, видя

снисходительность своей первой супруги, Лиангъ не могъ не сказать. «Весьма немногія женщины въ свѣтѣ способны къ такой добродѣтельной привязанности.»

Вопь основаніе, впрочемъ, очень обыкновенное, на которомъ Китайскій Поэшь старался рассыпать цвѣты Поэзіи. Онъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять книгъ и подраздѣлилъ его на шестьдесятъ небольшихъ главъ. Мѣра имъ избранная есть спансы — каждый составленъ изъ чешырехъ стиховъ въ семь слоговъ; но Поэшь такъ мало подчинялъ себя этому размѣру, что во многихъ мѣстахъ находящіяся стихи въ 6, 8, 9 и даже въ 11 слоговъ. Учащіеся будущъ благодарны переводчику за спасеніе (которое можетъ сдѣлать чтеніе перевода его менѣе пріятнымъ для простыхъ читателей) передашь каждый стихъ Китайскій одною строкою прозы. Текстъ Китайскій занимаетъ верхнюю, а переводъ нижнюю часть страницъ. Это первый примѣръ перевода Китайской поэмы, напечатаннаго вмѣстѣ съ оригиналомъ и тѣмъ болѣе полезное произведеніе для занимающихся Китайскою Литтературою, что Англинскій переводъ, какъ мы уже сказали, очень вѣренъ.

Текстъ и переводъ *Гоа-тзіана* занимаетъ 247 стр. Послѣ него слѣдуешь прибавленіе переводчика на 92 стр., гдѣ помѣщены разные прозаическіе отрывки; ода Китайская, изъ 280 стиховъ, у которой строки перепутаны на подобіе съши; отрывки изъ *Жизнеописаній женщинъ*, послужившихъ переводчику для составленія примѣчаній къ поэмѣ и наконецъ, таблицы доходовъ и расходовъ Китайской Имперіи и торговли Европейцовъ въ Кантонѣ. По-

вѣрить ихъ не съ чѣмъ, а потому позволено сомнѣваться, чтобы сіи таблицы представляли намъ результаты болѣе вѣрныя и болѣе основательныя, нежели тѣ, какіе находимъ въ сочиненіяхъ миссіонеровъ, въ описаніяхъ путешественниковъ Англинскихъ и Французскихъ и особенно въ *Miscellaneous Notices*, Сира Георга Стаунтона.

Г. Томсъ обѣщаетъ издашь вскорѣ *Исторію трехъ государствъ*, знаменитый Китайскій Историческій романъ, имъ уже переведенный, который составитъ два тома, in 8. Трудно будетъ заключить въ такое малое пространство, чтонибудь другое, кромѣ извлеченія изъ сего огромнаго романа, который раздѣляется на 60 книгъ и 120 главъ, въ двѣнадцать разъ болѣе огромныхъ, нежели въ Гоа-шзіанѣ.

(Съ Французск.)

Не смотря на отзвъ Г-на Абель-Ремюза о статистическихъ таблицахъ, приложенныхъ Г-мъ Томсомъ къ переводу Китайской поэмы, мы почитаемъ любопытнымъ для читателей крашкое извлеченіе изъ оныхъ. Г. Томсъ объявляетъ, что свѣдѣнія о доходахъ Кишай извлечены имъ изъ сочиненія Кишайца Вангъ-квей-шинга, написаннаго имъ въ 1823 г. и донынѣ находящагося въ рукописи, а всѣ другія свѣдѣнія взяты изъ *Тсинъ-шина* или актовъ, обнаруживаемыхъ Китайскимъ правительствомъ, чрезъ каждые три мѣсяца. Посему, не видимъ мы причины, почитать свѣдѣнія, доставленныя другими учеными, болѣе достоверными. По крайней мѣрѣ, вотъ что Кишайцы сами говорятъ о своемъ государствѣ:

Жителей въ Китаѣ :

	На землѣ —	143,000,000
	На водѣ —	2,000,000
Гражданскихъ чиновниковъ - - - - -	—	9,611
Военныхъ - - - - -	—	7,552
Войска :		
Пѣхоты - - - - -		822,000
Конницы - - - - -		410,000
Морскаго - - - - -		31,000
		<hr/>
	Всего	146,280,163

Доходовъ ————— 33,327,056 шаэльсовъ.

Расходовъ :

На гражд. управлен. 3,623,730 —————

На войско - - - 20,884,203 —————

На работы при Жел-
той рѣкѣ 2,000,000 —————

Тоже, въ садахъ Им-
ператорскихъ 1,000,000 —————

27,507,933

Остатокъ употребляется на содержаніе четырехъ Министровъ Двора и Коллегіи. Въ числѣ доходовъ не положенъ сборъ съ Китайской торговли и сборъ хлѣбомъ, котораго часть отдають войскамъ, кромѣ жалованья деньгами, такъ что весь доходъ, считая хлѣбъ и деньги, составляетъ около $74\frac{1}{2}$ милл. шаэльсовъ = 25 милл. фунш. стерл. или болѣе 520 милл. рублей.

Любопытный оффиціальныи актъ, переведенный Г-мъ Томсомъ въ прибавленіи, есть донесеніе, поданное Министрами Сянь-пзунгъ-игъ и Юань-сеань, въ 1822 г., нынѣшнему Императору Тау-Квангу. Онъ

говорясь о продажѣ чиновъ въ Китаѣ, за чше ежегодно выручается казною значительная сумма денегъ. Изображая пагубныя слѣдствія сего источника государственныхъ доходовъ, они описываютъ злоупотребленія, отъ продажи чиновъ происходящія. «Тутъ не разбираются ни достоинство, ни качества челоука, а только количество денегъ; какого-же соблюденія законовъ, какой правоты ожидать отъ чиновниковъ, купившихъ свой чинъ? Когда выбирается государственный челоукъ не за деньги, а по праву службы и свѣднй, отъ него пребуется, чтобы три колѣна его предковъ не были замараны преступленіемъ; пять свидѣтелей и ручательство начальника округа должны удостовѣрить, что въ трехъ поколѣнйхъ предковъ его не было ни *шпіома*, ни *распутнаго челоука*, ни *комедіанта* и — ничего этого не пребуется отъ покупающаго мѣсто за деньги — пребуется одно золото! Но, скажутъ намъ, мы видимъ зло, да гдѣ взять денегъ, если уничтожить сей доходъ? Самое маленькое уменьшеніе расходовъ во дворцѣ Императрицы, въ одинъ годъ составитъ десятикратную сложность суммы, выручаемой за продажу чиновъ. Сверхъ того, можно уничтожить слѣдующіе расходы: каждый годъ, во дворцѣ Фунгъ - Сеау шрашяшъ 100 ш., жрецамъ Пекина даряшъ 120 ш., на исправленіе сада Юань - Мингъ издерживаютъ 120 ш., плашы рабочникамъ въ семь саду дають 100 ш., подарки женщинамъ живущимъ въ семь саду, составляютъ 250 ш. — Вотъ *милліонъ* шаэльсовъ! Если употребить его не на прихоти, а замѣнить имъ пагубную продажу чиновъ — какое добро для народа, какая слава Императору! Пусть (прибавляють Министры) за на-

ше дерзкое предстваленіе отрубятъ намъ головы, или велятъ варить насъ въ кипящемъ маслѣ, мы не шрепещемъ — да совершится судьба наша!»

Императоръ выслушалъ донесеніе и велѣлъ объявить, что — «считаетъ Министровъ Іуанъ-сеанъ и Синъ-шзунгъ-ига вѣрнѣйшими сынами отечества, «которые своими благородными дѣлами напоминаютъ великихъ вельможъ древности Іюнь-швангъ-шу и Гунгъ-леангъ-ку.»

Н. П.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

Русская Литтература.

1825.

— *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть IX. Спб. 1825 г. in 8. XXXIII и 496 стр. съ приложеніемъ снимка (fac simile).*

Мы извѣщали уже читателей о выходѣ VIII-й части сихъ любопытныхъ и замѣчательныхъ Записокъ (Тел. 1825 г. Т. V, стр. 46). Изданіе въ одномъ году и другаго тома доказываетъ дѣятельную ревность Членовъ Адмиралтейскаго Департамента по ученой части. Дай Богъ, чтобы столь успѣшно издавались въ Россіи всѣ хорошія и полезныя книги!

IX-я Часть *Записокъ* не отличаетъ такимъ разнообразіемъ статей, въ ней помѣщенныхъ, какъ

VIII-я часть, но шѣмъ не меньше она важна лю-
дямъ, для которыхъ назначается. Въ началѣ, какъ
обыкновенно, помѣщено здѣсь извѣстіе о занятіяхъ
Адмиралтейскаго Департамента, по ученой части,
въ первой половинѣ 1825 года. Здѣсь находимъ
между прочимъ: рѣшеніе Департамента о механи-
ческихъ веслахъ, которыя представлены были Г-мъ
Полоцкимъ, но по изслѣдованіямъ оказались изо-
брѣшеніемъ не - новымъ и не - важнымъ; Записки о
чешвертомъ путешествіи Кап - Лейп. Липке по
Сѣверному Ледовитому Океану, въ 1824 г., заслу-
жили полное одобреніе Департамента; положено
выгравировать *Географич. карту Сѣверныхъ по-
лярныхъ странъ, отъ полюса до 60° шир. по
нов. ошкр. Англинскихъ и Русскихъ путешество-
вашелей*; по испытаніи покрывекъ для компасовъ
(Зап. Адм. Деп. Т. V, стр. LVII), введены оныя въ
упошребленіе на флотъ, и проч.

Далѣе находится продолженіе перевода *Путе-
шествія Капитана Малеспины въ Южное море —
Жизнеописаніе Генераль-Адмирала Ф. М. Апрак-
сина* (соч. В. Н. Берха). Весьма любопытно слѣдующее
за шѣмъ *Мнѣніе Г-на Шуберта*, о невѣрности и
непочности наблюдений, дѣланныхъ въ 1824 г. въ
Ріо-Жанейро и средствахъ улучшать вѣрность наб-
люденій. Книга оканчивается донесеніями Г-дъ Ко-
дцубу и Лазарева о плаваніи ихъ на шлюпъ *Предпри-
ятіе* и фрегатъ *Крейсеръ* и метеорологическихкими
наблюденіями, дѣланными въ Кронштадтѣ въ 1824 г.

121. *Жизнеописаніе Генераль - Адмирала
Графа Федора Матвѣевича Апраксина.* Состав-
лено Почетн. Членомъ Госуд. Адм. Депарш. В. Н.

Берхомъ. Спб. 1825 г. in 8. 153 стр. съ портретомъ и снимкомъ.

Публикъ извѣстенъ уже трудъ, предпринятый В. Н. Берхомъ: составленіе жизнеописаній знаменитыхъ чиновниковъ Русскаго флота и заведеній, къ нему принадлежащихъ. Въ VII Томѣ Зап. Адм. Деп. и въ разныхъ журналахъ помѣщено было нѣсколько сихъ жизнеописаній. Мы упомянули выше сего, что въ IX Томѣ Зап. Адм. Деп. помѣщено жизнеописаніе Графа Ѳ. М. Апраксина. Сіе самое жизнеописаніе Г. Берхъ издалъ отдѣльною книжкою.

Можно сказать, что Авторъ имѣеть богатые матеріалы, ибо онъ пользуется Архивомъ Адмиралтейской Коллегии. Здѣсь хранятся, на примѣръ, до сорока связокъ бумагъ канцеляріи Ѳ. М. Апраксина, въ коихъ однихъ писемъ отъ разныхъ особъ находится болѣе 10,000, такъ что Г. Берхъ не могъ даже выбрать всѣхъ любопытныхъ чертъ и отношеній историческихъ, говоря только, что сіи бумаги есть важный матеріалъ для исторіи царствованія Петра Великаго.

Трудъ Г-на Берха заслуживаетъ уваженіе всѣхъ занимающихя Россійскою Исторією. Не довольствуясь письменными свидѣніями, Г. Берхъ выбираетъ изъ всѣхъ напечатанныхъ уже книгъ, нужныя ему подробности. Собственно - біографія Графа Апраксина занимаетъ въ книжкѣ 45 стр., остальные заняты письмами и сношеніями, какъ самаго Адмирала, такъ и съ нимъ разныхъ особъ. Замѣтимъ здѣсь между многими любопытными извѣстіями, что Шафирову, по возвращеніи его изъ Сибири, велѣно было писать Исторію Петра Великаго, Императора

Блашерица I писала въ письмахъ своихъ къ Апраксину: *«Кумъ, здравствуй!»* Менщиковъ въ началѣ писемъ къ нему ставилъ слова: *«Мой особливый, всенадежный благодѣтель,»* а въ окончаніи — *«В. С. доброжелательный и къ услуженію охотнѣйшій.»* — Замѣчательно письмо Князя Менщикова къ Князю Черкасскому, которое послалъ онъ чрезъ Графа Апраксина, прося его *«желая предложить Черкасскому, чтобы онъ по кончено исполнилъ и своего ненадлежащаго жинья и худыхъ поступковъ ошсталь.»* — *Ненадлежащее жинье* Черкаскаго понятно изъ письма къ нему Менщикова. Князь Черкасскій, женатый на племянницѣ Менщикова, жилъ весело, прожился, продалъ деревню, заложилъ серебро — *«Ежели бы жили вы,»* пишеть Менщиковъ — какъ шляхтичу надлежитъ, честно и постоянно, по своего, какъ хлѣба, такъ и денегъ и прочихъ всякихъ припасовъ, было довольно. Старая естъ по-ловица, что по одежкѣ протягивай и ножки, а на непостоянное жинье и на карты или на кости, ни кто денегъ не напасетя; такожь и прожитъ было нѣколи, ибо по вашей женишьбѣ дано вамъ ошъ ласьдесять тысячъ рублевъ денегъ и тысячу золотыхъ червонныхъ, и для того никакой иной ошговорки не чинише, только-бъ что она была у васъ конечно вскорѣ возвращена, какъ шм ее не продалъ. . . Не худо чтобы у васъ кушанье держали Русскіе повара, ибо дѣдъ и отецъ вашъ, какъ сами знаете, что кухмистра иноземца не держали, а жили честно и постоянно и со всякимъ довольствомъ, а особливо что безъ долгу, а деревни всегда покупая прибавляли, а не такъ какъ вы, не щокмо вновь что прибавишь шидишесь, но и спа-

рое, великимъ и прилежнымъ родительскимъ трудомъ собранное, продаете; шакожь и другихъ служителей надлежитъ держать противъ своего характеру безъ всякаго излишества, да и по шакихъ, чшобъ были не бълоручки, и не въ свой карманъ смошрѣли, но радѣлибъ вамъ, а временемъ всякую-бъ управляли нужду, какъ и у опцовъ нашихъ бывало.» —
 Забавно письмо Кн. Юрья Трубецкаго. Онъ жалуется Адмиралу, что брата его обижаетъ поваричъ Князь Хилковъ: »У шебя, Государя моего, нижайше прошу« — говоришь Кн. Трубецкой, »по высокой своей обыкновенной къ намъ милости, пожалуй изволь помянутому Хилкову указомъ запретить, чшобъ онъ нахальствомъ и самовольствомъ своимъ не вилепался въ дѣла, копорыя положены на брата моемъ, чѣмъ брата моего и меня, вы Государь мой, одолжите безконечно.» —

Замѣтимъ почтенному Автору, что услуга его Россійской Литтературѣ была - бы еще важнѣе, если - бъ онъ писалъ біографіи не столь сухимъ, лѣтописнымъ образомъ, какъ онъ ихъ пишетъ, опсцавляя оффиціальныя росписи и выписи въ прибавленіе и излагая повѣствовательнымъ образомъ самую біографію, какъ писалъ, на примѣръ біографіи Министровъ и Полководцовъ Пешра Великаго, Г. Бандыць - Каменскій, прибавляя къ шому иногда любопытныя анекдоты и характеристику особы, коей жизнь описываетъ. Тогда біографіи его могутъ составить, кромѣ матеріаловъ для Исторіи Русской, чтеніе пріятное для всякаго любителя Исторіи.

Еще нѣсколько словъ. Г. Берхъ противорѣчитъ въ нѣкопорыхъ мѣстахъ извѣстнымъ доннынъ исто-

рическимъ описаніямъ и не объяснить, на чемъ основывается, на примѣръ: у Г-на Б. К. находимъ, что Апраксинъ родился въ 1671 г., Адмиралшею пожалованъ въ 1700 г., Адмираломъ и Президентомъ Адм. Коллеги, въ 1707 г. — Г-нъ Берхъ пишетъ, что Апраксинъ родился въ 1661 г., въ Адмиралшею пожалованъ въ 1698 г. Когда Адмираломъ сдѣланъ, у него не сказано, а Президентомъ пожалованъ будто бы онъ, въ 1718 г. — Желательно, чтобы Г. Берхъ упоминалъ объ ошибкахъ, своихъ предшественниковъ (если гдѣ они ошибались), такъ, какъ доказалъ онъ несправедливость нелѣпаго анекдота о битьѣ свай (стр. 42). Къ книжкѣ приложенъ снимокъ съ одного опредѣленія Коллеги и портретъ Графа Апраксина, но сфотографированный дурно.

1826.

131. *Ода на всерадостнѣйшій день священнѣйшаго Венчанія и Миропомазанія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.* (Профессора, Статскаго Совѣтника Алексѣя Мерзлякова), при ней *Хоръ* (подражаніе Псалму 71, того-же Автора). — М. 1826 г. in 4. 16 стр.

132*. *Разсужденіе о семействѣ крестовидныхъ растений, Декандолл,* переведенное съ Французскаго П. Троцимъ, съ фигурами. М. 1826. in 8. 165 стр.

Разборъ сей важной Ботанической книги помѣщенъ будешь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа.

Взглядъ на Русскія географическія карты, изданныя въ 1825 и 1826 гг.

(С ш а т ь я I.)

Необходимость географическихъ картъ, или изображеній зѣмнаго шара, его частей и странъ, какъ для первоначальнаго обученія Географіи, такъ и въ послѣдствіи, для полнаго познанія географическихъ и топографическихъ описаній, почищаемъ излишнимъ доказывать. Ни мало не увеличивая, можно сказать, что безъ географ. картъ познаніе Географіи не можешь быть ни основательно, ни надежно. Отъ того-то, съ такою дѣятельностію занимающіяся въ другихъ земляхъ изданіемъ и исправленіемъ картъ географическихъ.

Мы говоримъ о географ. картахъ, издаваемыхъ для *всенароднаго*, такъ сказать, употребленія, а не о тѣхъ, которыя издаются для мореплавателей, военныхъ людей и вообще не представляють для занимающихся Географіею, просто, не по должннсти, особеннаго предмета вниманія. Трудно исчислить, не только карты, отдѣльно изданныя въ Германіи, Англіи и Франціи, но даже Атласы, донинѣ напечатанныя, какъ въ сихъ, такъ и въ другихъ государствахъ Европы.

У насъ въ Россіи, ощущается еще весьма большой недостатокъ географическихъ картъ. Кромѣ немногихъ хорошихъ, изданныхъ въ давнее время, вынѣ уже устарѣвшихъ и сдѣлавшихся невѣрными,

Ч. XI. № 18.

I

географическая карта, для всеобщаго употребленія, издаваемая въ Россіи, есть рѣдкость, и еще бѣльшая рѣдкость — карта хорошая. Въ послѣднее время, Военно-Топографическое Депо, при Главномъ Штабѣ учрежденное, издало нѣсколько картъ превосходныхъ, но большою частію спеціальныхъ или частныхъ (топографическихъ и хорографическихъ), такъ что любитель Географіи, и особенно учащійся, желая имѣть изображеніе земнаго шара или частей свѣта, донинѣ долженъ прибѣгать къ иностраннымъ геогр. картамъ, или находиться въ большомъ затрудненіи.

Въ скоромъ времени надѣемся мы сообщить читателямъ извѣстіе о всѣхъ лучшихъ картахъ, которыя изданы и продаются въ Депо Картъ, при Главномъ Штабѣ находящемся и которыя дешевиною весьма подручны, а исправностию весьма удовлетворительны для всякаго любителя и занимающагося Географіею. Но между тѣмъ, въ исполненіе даннаго нами обѣщанія — сообщать читателямъ Телеграфа извѣстія о вновь выходящихъ въ Россіи картахъ, и чувствуя какую пользу могутъ принести сіи извѣстія для любителей Географіи — мы хотимъ предсказать нѣкоторыя замѣчанія наши по сему предмету. Исполненіе обѣщанія нашего оказалось весьма затруднительно. Главное дѣло въ томъ, что на картахъ, въ Россіи издаваемыхъ, по большой части, годъ изданія не выставляется. Какимъ-же образомъ приступивъ къ ней крикнуть? На его замѣчанія, хозяинъ карты будетъ отвѣчать: »М. Г.! вы напрасно указываете на ошибки и недостатки этой карты: она старая, я и не выдаю ее за новую.« Между тѣмъ съ покупа-

ителем карты у него совсѣмъ другой разговоръ. Представляя ему карту, продавецъ не преминетъ увѣрять, что она *новѣйшая* и — кромѣ многого на многихъ старыхъ картахъ выпечашано это заманчивое слово — неозначение года можешь вовлечь въ ошибку всякаго. Многие не имѣють удобства купить и не знаютъ, что въ Сибургскомъ Депо Картъ можно достать хорошія карты (*), а потому обращаются къ книгопродавцамъ Сибургскимъ и Московскимъ. Замѣтивъ это, нѣкоторые изъ нихъ, весьма худо оправдываютъ добродушную доверчивость покупателей. Видя требованіе, Гг. книгопродавцы рѣшаются издавать карты сами, при пособіи какихъ нибудь гравёровъ, забывъ, что не всякій гравёръ можетъ быть издателемъ географической карты, и что для этого надобны особенныя знанія и большія свѣдѣнія.

Впрочемъ, Г-да издатели картъ могли бы поступать въ семъ случаѣ очень просто: велѣть хорошо сгравировывать хорошія, новыя, иностранныя карты, замѣняя на нихъ Франц., Англинск. или Нѣмецкія надписи, Русскими. Но, къ сожалѣнію, этого не дѣлають: сгравировываютъ карты, или дурно, или съ старыхъ Русскихъ изданій, поправляютъ старыя доски — и чегожь шуть ждуть хорошаго?

Можно утвердительно сказать, что кромѣ изданныхъ отъ Военно - Топографическаго Депо частныхъ и общихъ картъ, почти всѣ вновь издаваемыя въ Сиб. и Москвѣ карты (мы говоримъ

(*) Желательно, чтобы въ Вѣдомостяхъ объявлялось о выхождѣ, жъ въ Москвѣ учреждена была отдѣльная продажа картъ Военно-Топографическаго Депо. Это было-бы весьма полезно.

о картахъ для всенароднаго употребленія) несятъ на себѣ признаки незнанія способовъ издавать оныя, незнанія Географіи и грубѣйшаго мастерства издашелей оныхъ (*). Не жопмъ говорить безъ доказательствъ и присупаемъ сначала къ разбору дурныхъ картъ, изданныхъ въ 1825 и 1826 гг. въ Москвѣ и Санкт-петербургѣ, а потомъ поговоримъ и о хорошихъ.

Въ 1825 г. появились въ свѣтъ вдругъ шесть картъ, которыми громкія похвалы восписаны были въ объявленіи о нихъ, помѣщенномъ опть издашелей въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и поеліку о сихъ картахъ объявлено было обо всѣхъ вмѣстѣ и раздѣль ихъ одинаковъ, по мы считаемъ ихъ картами одного издакля и одного мастера. Вотъ заглавія сихъ картъ:

1. *Изображеніе Земнаго Шара, со включеніемъ новѣйшихъ открытій. Спб. 1825 года.*

2. *генеральная карта Европы по новѣйшему раздѣленію. Издана и гравирована Алекс: Савинковымъ въ Спб. 1825 года.*

3. *генеральная карта Азии, Изданная по новѣйшимъ извѣстіямъ 1825 года.*

4. *генеральная Карта Африки, съ показаніемъ путешествія Г: Мунго - Парка. 1825 года.*

5. *генеральная Карта Сѣверной и Южной Америки Издана по новѣйшимъ открытій 1825 года.*

(*) На картѣ Театра Греческой войны, изданной въ 1823 г. книгопродавцомъ Трудачевымъ, Морей, названа Моравією; мѣста сраженій означены послѣ каметаганія, перолъ, а на Греческомъ флагѣ, шупъ - же изображенномъ, находилск Русская надпись: „Съ силъ знаменіемъ побддилъ. И объ этой картѣ было сдѣлано множество громкихъ объявленій! Иногородный попуашель, выписавши эту карту по газетному объявленію, жоблагодарилъ издашелей. . .

6. Карта пятой части свѣта содержащая Австралію или Многоостровію Великаго Океана, споказаніемъ путей разныхъ мореплавателей Спбургъ 1825 года.

Къ симъ названіямъ, пщашельно нами снисаннымъ, надобно прибавишь, что внизу изображенія полушарій нацисано: *Продаются въ лавкахъ Книгопродавца М: Глазунова, въ Спбургѣ и Москвѣ, а на картахъ Европы: Продаются въ Москвѣ и въ Спбургѣ, въ книжныхъ лавкахъ купца Матвѣя Глазунова.* Вотъ всѣ примѣты сихъ замѣчательныхъ картъ!

Замѣчательныхъ, повторяемъ, ибо, если всѣ донынѣ издавныя частными людьми карты были несовершенны, то, вѣрно, карты, о которыхъ хотимъ говоришь, превосходятъ въ этомъ отношеніи все донынѣ видѣнное. Надобно удивляться, какъ могъ Издашель соединить въ нихъ всѣ возможные несовершенства и недоспашки! Здѣсь встрѣчаются намъ уже не маленькія топографическія погрѣшности, могущія влечь за собою нѣкоторыя заблужденія, но однимъ словомъ скажемъ: *кто хочетъ разутишься Географіи, тотъ, пусть утисть по нимъ картамъ:*

Въ изданіи одинакаго формата нѣсколькихъ картъ должно наблюдать, чтобы онѣ изданы были въ одинаковомъ расположеніи, порядкѣ и съ соблюденіемъ одинаковыхъ географическихъ условій. Но это частность, а воцѣ что должно наблюдать всегда и на всякихъ картахъ географическихъ:

1. Чтобы земли положены были на нихъ правильно.
2. Чтобы означено было вѣжнѣйшее и осшавлено менѣе важное.

3. Чтобы надписи показывали самымъ размѣромъ, что онѣ означаютъ и были въ порядкѣ, ясны и безошибочны.

4. Чтобы раскрашиванье картъ было нѣжно и представляло надлежащій порядокъ. — Всѣ сіи условія необходимы.

Въ картахъ, о которыхъ мы говоримъ, не соблюдено ни одного изъ сихъ условій. Начнемъ съ грубой отдѣлки картъ. Едва вѣрнѣе можно, что онѣ вырѣзаны на мѣди; кажется, видишь картинки, гравированныя деревянными досками. Онѣ раскрашены сурикомъ, сѣвянкой и другими грубѣйшими красками; бумага на нихъ толстая, сѣрая. Но бѣдная наружность не вопрепятствовала-бы ихъ ученому достоинству. Карта грубо гравированная, грубо раскрашенная, но вѣрная и выполняющая всѣ требованія науки, заслуживаетъ уваженіе; если-жъ къ неопрятности ея присоединяющя всѣ возможные недоспадки касательно науки, не подобна-ли будетъ она дурнымъ стихамъ, о которыхъ извѣстный Русскій Императоръ Князь П. И. Шаликовъ говоритъ, что они *похожи на дымя, которая, если дурна, то никуда не годится.*

Невозможно требовать, чтобы въ крапкой статьѣ мы показали всѣ погрѣшности и недоспадки *шести большихъ картъ*, исполненныхъ всяческими погрѣшностями и ошибками. Извлекаемъ нѣчто, дабы читатели могли имѣть о нихъ понятіе.

1. Вразсужденіи требованій Математической Географіи, онѣ изданы безъ всякой системы и точности. Въ глобусахъ, представленныхъ обыкно-

веннымъ стереографо-экваторіальнымъ образомъ (*), взявъ окружностью меридіанъ отъ острова Ферро, на картѣ Европы, отъ Парижа, Азии и Африки, отъ Ферро, а Австраліи, отъ Гринвича (Greenwich) — какая смѣсь! На картѣ Азии, вверху градусы невыставлены; на картѣ Америки забытъ Сѣверный полярный кругъ; тамъ-же, въ градусахъ, внизу, вмѣсто 345 го, выставленъ 350-й, отъ того счетъ увеличился 5° и забавно, что 10° на экваторъ, внизу отдѣлался 15-мъ, 15-й 20-мъ, 20-й 25-мъ и такъ дальше. Градусы назначены безъ всякой точности: больше, меньше — какъ угодно было Автору. Незвѣстныя земли показаны извѣстными (вся Восточная Гренландія, вся Новая земля, весь берегъ къ Чукотскому носу). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встречаемъ имена безъ земель (остр. Маена, мысъ *Медяной* (т. е. Ледяной), на Сѣверо-Западн. берегу Америки; остр. Пенна близъ Японіи). На масштабахъ написано въ градусъ — 104 версты, а расположено 100 верстъ.

2. Положеніе земель не точно и не вѣрно:

а. Вразсужденіи географическаго положенія икъ Авторъ руководствовался совершенно собственною волею. Возьмемъ для примѣра Сѣверный берегъ Азии. Здѣсь, если разсматривать отъ 66 гр. долготы. Микулинъ мысъ отодвинуть на волю-градуса къ Востоку; устье-же Печоры вмѣсто 70°, отойти подъ 67° и самая рѣка сія до невбродна ея на NO

(*) Который давно пора-бы оставить, какъ неудобный и не представляющій такой полноты для взгляда, какъ проекція полярная, гдѣ центръ составляетъ полюсъ, а экваторъ окружностью, или проекція горизонтальная, на примѣръ, съ разрѣзомъ по эклиптикѣ. Но скоро-ли удержимъ въ этомъ!

переходить за 65° шир. ; на мѣстѣ Мяснаго Мыса поставлено Карское море ; Обская губа сдвинуша къ Западу, Тазовская губа почти на 3° западнѣе, а устье Енисея вмѣсто 105° подь 102° ; заливъ Таймурскій вмѣсто 116° — 120° , очутился между 110 — 115° ; устья Лены вмѣсто 145 , подь 140° . Опъ этого все въ Азіи сдѣлалось не на своемъ мѣстѣ: земли, рѣки и горы передвинулись. Въ другихъ странахъ все также перепутано. Въ Африкѣ : Запад. берегъ озера Тсаадъ, вмѣсто 12° В. д., стоитъ подь 7° , а Борну и Куку градусовъ на 10 отнесены къ Востоку. Въ Америкѣ, Западн. оконечность снесена градусовъ на 5 лишнихъ къ Западу, опъ чего все стало безъ порядка : на мѣсто Маккензіевой рѣки явились непроходимые льды и проч. и проч.

6. Вразсужденіи топографіи земель ошибки Автора такъ безчисленны, что надобно-бы написать большую диссертацию, дабы показать ихъ всѣ. У него являются озера, города и государства, гдѣ ихъ нѣтъ и не бывало, а исчезаютъ опшуда, гдѣ они есть. Изъ многого немногое —

На изобр. земныхъ полушарій. Въ Америкѣ показаны горы, и кромѣ того, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ горъ. Москва стоитъ за Днѣпромъ, въ Германіи являеясь небывалый городъ *Прора*, и, видно, знаменитый, ибо Авторъ не показалъ Дрездена и другихъ большихъ городовъ; Амстердамъ находится въ Пруссіи, а Пруссія и вся Молдавія и Валлахія приращены къ Россіи ; за то въ Азіи границу Россіи составляетъ Волга. *Независимал Татарія* (?) занимаетъ всю землю Халхасовъ ; Бухарія стоитъ на мѣстѣ Кашемира ; Кишайская Имперія къ Сѣверо-

Западу оканчивается Монголією, а Бирманы владѣюшь въсѣмъ Восточнымъ Индійскимъ полуостровомъ.

Въ Европѣ. Баденъ не существуетъ : онъ составляетъ часть Виртембергскаго Королевства. Также нѣтъ Сардинскаго Королевства, и какъ островъ Сардинія покрашенъ одинакою краскою съ Церковию Обласшью, що и вѣроятно, они составляютъ одно государство. Ломбардо - Венеціанскаго Королевства нѣтъ, хошя владѣнія Австрійцовъ ограничены рѣкою По; Модена принадлежитъ Папѣ; Женева — въ Савоіи, и сіе Герцогство, вмѣстѣ съ Пиемонтъ и Миланомъ, составляютъ какое-то отдѣльное государство, которому имени не выставлено. Базель и Фрейбургъ принадлежатъ Виртембергскому Королевству, а между Нидерландами, Францією, Виртембергомъ, Баварією — самосшоятельное государство — *Вестфалія*. Норвегія отдѣльно отъ Швеціи составляетъ государство.

На картѣ Азій. Новости : Губернія Кавказская въ Россіи, и подлѣ Иркутска какой-то городъ *Слонскъ* ! Бухара принадлежитъ Персіи; Каракалпаки кочуютъ отъ Аральскаго моря до самой Русской границы. Коканъ, Ташкентъ не существуютъ ; на мѣстѣ ихъ находятся *Котланъ* и *Токарисканъ* (?). За шѣмъ къ Востоку *Малая Бухарія*, гдѣ города *Котенъ* и *Иркенъ* и земля Зюнгорія — оба государства независимыя. Кипайская Имперія начинается съ земли Коконорскихъ Элеушовъ. Авганістанъ не существуетъ : шупъ живущъ народы *Абдалы* и *Сенки*, а за шѣмъ идеть Индія. Восточный полуостровъ Индійскій занимають двѣ Имперіи: Бирманская и — *Анамская* (?).

На картѣ Африки. Нѣтъ ничего изъ новѣйшихъ открытій. Куку и Борну — подлѣ Египта. Средину Африки занимаетъ — *Ефіопія!*

На картѣ Америки. Франклиновыхъ открытій нѣтъ: шупъ стоимъ берегъ виденной (sic!) Геарномъ. Луизіана величиною превосходитъ всѣ Соединенн. Штаты.

Послѣ показанія *такихъ* ошибокъ, да позволено будетъ намъ не входить въ дальнѣйшія подробности. Пусть кто нибудь, отъ досуга, возьметъ ошдѣльно какую нибудь землю, разсмотритъ ее и нечислитъ ошибки. Смѣло увѣряемъ, что на каждую землю придется по *десяти* самыхъ грубыхъ ошибокъ. Особенно тамъ, гдѣ много именъ и подробностей, Авторъ очень милъ. Также мастеръ онъ изображать острова: зная, что гдѣ нибудь есть купа острововъ, онъ рисуетъ, что ему пришло въ голову, ошибается въ названіяхъ, числѣ, величинѣ; но кто объ этомъ спрашиваетъ? Для шутки посмотримъ, хошь на купу Маріанскихъ или Разбойничьихъ острововъ. Ихъ считается всего 15 или 16. Авторъ на картѣ Азии называетъ Маріанскими всѣ острова до самой Японіи и искажаетъ имена хуже Русскихъ лѣтописей: остр. Урракасъ — Уракъ; остр. Успенія — Вознесенія, и проч. А всего лучше сведемъ названія изъ двухъ картъ, Азии и Австраліи. Одинъ и шощъ - же островъ, здѣсь, Гуагамъ — тамъ Гугуамъ, Рато и Роша, Сейпанъ и Сайпанъ, Апатаянь и Анапатаянь, Кагуанъ и Гугуанъ, Амалеганъ и Сериганъ, остр. Вознесенія и остр. Мнѣнія; кромѣ того, въ Австраліи показаны острова Гугуанъ, Жуисъ, Св. Лорензо, а въ Азии нѣтъ сихъ острововъ, а есть лишніе противъ

карты Австраліи: Агунгуанъ и Пагонъ. Совѣтуемъ охотнику шустить разобрать положеніе и надписи острововъ Австральскихъ: тушь естъ надъ чѣмъ посмѣяться. Онъ увидитъ, на примѣръ: острова Гардинъ, на картѣ Австраліи, а на картѣ Азіи, они названы *острова Садовъ* (jardins), и проч.

3. Упущеніе важнѣйшаго и помѣщеніе неважнаго забавны. Уничтожая цѣлыя государства, на картѣ полушарій Авторъ ставитъ Черкасскъ, Сургушъ, Нарымъ и проч.

4. Надписи совсѣмъ безъ порядка. Кромѣ того, что государство, область и городъ написаны во многихъ мѣстахъ одинакими лигатурами, Копенгагенъ переходитъ въ Швецію, Виршембергское Корол. въ Баварію, и проч. Не считая непростительныхъ ошибокъ противъ правописанія Русскаго, какъ-то: *общей* Сыршъ, Савоя, Венеція, Пиемонтъ, Росс. владеніе, Вздорлевыя Индѣйцы, непроходимыя льды, Прол. Надежды, Феодосія, Палтава, Ладогское озеро, Ашчиохия, Вифлиемъ, рѣшишельно можно сказать, что половина всѣхъ именъ исковеркана самымъ страннымъ образомъ, на прим. Сиразь, Эденбургъ, Плимудъ, Пегю, Пашивизмиская станица, Дагисманъ, Костанское озеро, Лаузанна, Ліежъ (Литпихъ), Анверъ (Антверпенъ). Шепланскіе острова, названы Шотландскіе — Дронштеймъ, Тронштеймъ — Аггерсгудъ, Аггергусъ — Овiedo, Овiedo — Цудадъ-Реаль, Ціуда-Дреаль — Виршембергъ, Виршенбергъ; или Белеарскіе острова, Пернъ - Махонъ, Лайбагъ (Лайбахъ), Матцумаи (Матсмай), Маккасаръ (Макассаръ), Семицолашскъ, Смаркадъ,

Дамипта (Даміешта), Кубань (Кувань-Дарья), остр. Франць (Иль-де-франсь), Морокко и проч. и проч.

Не правду - ли мы сказали, что кто хочешь разучиться Географіи, нищъ долженъ учиться по сямъ картамъ?

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬТОПИСИ.

Нынѣшнее состояніе Бразиліи. Сія обширная страна Новаго Свѣта, на половину всего своего пространства окруженная моремъ, къ Сѣверу захватившая устье величайшей рѣки Амазонской или Мараньона, къ Югу касающаяся второй главной рѣки Юго - Американской Де ла - Платы, отдѣляется степями, на Сѣверо - Западъ отъ республики Колумбіи, на Западъ отъ республикъ Перу и Боливіи, на Юго - Западъ отъ Буэнос - Айресской республики и Парагвая. Такимъ образомъ составляетъ она почти округленное, отдѣльное государство, ибо рѣка Амазонская и часть рукавовъ ея изъ Перу втекають въ Бразилію, между стѣмъ какъ рѣки Мадейра и Гвапуръ, на довольномъ пространствѣ, составляютъ хорошую природную границу. Пространство Бразиліи 134,833 кв. миль, если причислится къ ней Восточную Банду или провинцію Цисплатану. Евроца только 18½ штык. кв. миль болѣе Бразиліи.

Все сіе пространство есть возвышенная равнина, отъ Кордильерскихъ горъ склоняющаяся къ Западу и возвышенная надъ поверхностію моря отъ 1800, до 2700 фузовъ; оно пересѣкается горами,

частью голыми, а частью покрытыми непроходимымъ лѣсомъ. Обширныя рѣки, орошая землю, представляють удобность къ облегченію водяныхъ сообщеній и изливаются въ океанъ, по берегамъ коего находятся множество большихъ бухтъ и превосходныхъ пристаней.

Палящій жаръ полуденнаго неба, распростертаго надъ Бразилією, умѣряется, какъ возвышеннымъ положеніемъ земли и вѣтрами, дующими на Западъ съ Кордильерскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, шакъ и изобильными дождями, отъ чего, въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора, ночи иногда бывають столь холодны, что жители принуждены на ночь топить свои дома. Хотя климатъ сей и не благоприятствуетъ долгой жизни, но здоровъ. Вся земля, лежащая между тропиками, подвержена эпидемическимъ болѣзнямъ: Бразилія отъ нихъ свободна и желтая горячка никогда въ нее не достигала. Возвышенное положеніе земли, хотя и опаляемой прямыми лучами солнца, способствуетъ разведенію всѣхъ Европейскихъ, хлѣбныхъ и фруктовыхъ произрастеній, вмѣстѣ со всѣми произведеніями тропиковъ. Европейцы развели тамъ всѣ растенія и всѣхъ животноныхъ, которыя имъ пужны были въ Европѣ для пропитанія и удобства, и возращали ихъ, частью въ улучшенномъ видѣ. Кромѣ того, нашли и распространили они тамъ все богатство царства прозябаемыхъ; природное области тропиковъ: чай, кофе, сахарный тростникъ, какао, индиго, ваниль, перецъ; бананы, хлопчатую бумагу, хину, ананасы, прекраснѣйшіе цвѣты, красильныя деревья и проч. Внутренность Бразиліи есть ничто иное, какъ безмѣрный лѣсъ, въ кошоромъ трудно даже ходишь

по причинѣ лиановъ, вьющихся около деревь. Царство животныхъ заключаетъ въ себѣ многообразнѣйшія породы. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе яркихъ цвѣтовъ птицъ и насѣкомыхъ. Рѣки и близь лежащій Океанъ изобилуютъ безчисленными породами рыбъ и даже киты приближаются къ южнымъ берегамъ. Европейскія домашнія животныя умножаются до невѣроятной степени, особенно рогатый скотъ, овцы и свиньи. Лошади становятся малы и безсильны, и потому, по большей части употребляютъ шамъ лошаковъ. Надобно прибавить, что и вредоносныя животныя находятся въ сей землѣ въ безмѣрномъ множествѣ: змѣи, опасныя, частію по ихъ величинѣ (змѣя-исполинь), частію по причинѣ ихъ смертельнаго яда, муравьи, москиты, песочныя блохи и крысы почитаются ужасными бичами. Бразилія богата произведеніями царства ископаемыхъ, особенно-же алмазами, золотомъ, желѣзомъ, селитрою, сѣрою и солью.

Но въ сей обширной и богатой землѣ, болѣе всего ошущителенъ недостатокъ въ людяхъ, ибо въ ней обитаемы только прибрежныя области и нѣкоторыя сѣрамы во внутренности государства, гдѣ открыты золотыя и алмазные рудники; остальная часть земли вся состоитъ, какъ мы уже сказали, изъ безмѣрныхъ лѣсовъ или степей, на которыхъ кочуютъ небольшія поколѣнія дикихъ. Шефферъ, въ 1823 году, полагалъ число жителей въ Бразиліи до 5,306,418 человекъ, но Бальби и Кальдклейгъ считаютъ немного болѣе трехъ милліоновъ. Впрочемъ, счисленіе Шеффера, кажется, ближе подходитъ къ правдѣ, ибо онъ пользовался оффиціальными свѣдѣніями. Изъ пяти милліоновъ жителей только одинъ милліонъ бѣлыхъ;

Остальное число состоитъ изъ Негровъ , Амери- канцовъ и смѣшанныхъ поколѣній.

Все народонаселеніе сосредоточено главнѣйше въ прибрежныхъ областяхъ. Обитатели сихъ мѣстъ живутъ въ хижинахъ и виллахъ или деревняхъ , въ особенности же въ *roblasiones* ; мызахъ и плантаціяхъ , гдѣ владѣльцы проводятъ свое время въ бездѣйствіи и заставляютъ негровъ - невольниковъ за себя работать. Португалецъ , въ Бразиліи также лѣнивъ , какъ и въ Португаліи , и скорѣе согласится просить милосердія , нежели работать ; онъ никакъ не можетъ обойтись безъ невольниковъ , но съ ними поступаетъ ласково и снисходительно , и утасъ ихъ немногимъ отличаетъ отъ участы свободнаго служителя. Они живутъ гораздо лучше свободныхъ Индійцевъ. Невольники часомъ получаютъ свободу , но и для невольниковъ и для владѣльцовъ ихъ равно было - бы опасно , если - бы невольниковъ всѣхъ вдругъ объявили свободными. Кальдклейгъ замѣчаетъ , что если - бы Бразильское правительство могло видѣть , что всего полезнѣе для государства , то оно должно - бы запретить ввозъ невольниковъ. Негры чрезвычайно скоро размножаются въ Бразиліи , ибо климатъ для нихъ очень здоровъ. Они недолжны получить свободы до того времени , пока не найдется средства занять ихъ полезнымъ образомъ , ибо безъ того они легко могутъ сдѣлаться разбойниками. Невольничество не уничтожено новымъ постановленіемъ Бразиліи ; ежегодно изъ Португальскихъ колоній въ Африкѣ : Анголы , Конго , Бенгуела и Мозамбика , ввозится сюда до 200,000 невольниковъ . Американцы , природные жители Бразиліи , частію образованы , частію

дики. Иезуиты обратили прежде многихъ въ христіанство и образовали ихъ. Правительство Бразильское старается продолжать сіе важное дѣло. Но образованные Американцы Бразильскіе дѣлаются лѣннвѣйшими людьми въ свѣтѣ и не имѣюшь довольныхъ силъ для воздѣлыванія плантацій, послѣ чего не удивительно, что Бразильцы въ теченіи сполькихъ спольстій или штыщельстій, не сдѣлали ни малѣйшаго шага къ образованію, не взирая на то, что живутъ на плодороднѣйшей землѣ и въ прекраснѣйшемъ климатѣ. Дикіе Бразильцы питаются звѣриною ловлею. Впрочемъ они спяшь и лѣнятся до шѣхъ поръ, пока голодъ принудитъ ихъ иди на охоту. Напротивъ того, смѣшанныя породы, ошѣ бѣлыхъ и Бразильцовъ и Мулаты, или родъ ошѣ бѣлыхъ и Негровъ, составляютъ дѣяшельнѣйшій классъ людей и полезнѣйшихъ гражданъ государства. Многіе изъ нихъ богаты.

Бразилія обогащала Португалію своимъ золотомъ и алмазами. До 1816 года изъ однихъ золотыхъ рудниковъ Мина-Герраесъ вывезено 14,279 центнеровъ и 70 фунтовъ золота, цѣною на 307½ милліоновъ палеровъ, а изъ алмазныхъ промысловъ Серро де-Фріу, съ 1810 по 1816 годъ, вывезено въ Португалію 2,100 фунтовъ алмазовъ, цѣною на 30½ милліоновъ палеровъ. При томъ Португалія налагала прежде тяжкое торговое иго на Бразилію. Изъ Португаліи должно было получать всѣ необходимыя предметы, не дѣлать вина; не добывать соли, и все эшо покупалось у Португальцовъ. Бразильцы обязаны были даже посылать свой сырой табакъ въ Португалію, дабы получать его оттуда приготовленнымъ. Португалія присвоила себѣ право

ввозить всѣ мануфактурныя произведенія, потребныя Бразиліи. Все это уничтожено, когда Король изъ Лиссабона переехалъ въ Бразилію. Торговля нынѣ открыта для всѣхъ народовъ; но Англичане въ особенности овладѣли ею, ибо въ слѣдствіе трактата 1810 года, они платятъ только 15 проценцовъ ввозной пошлины, а всѣ другіе народы должны платить 24 проценина. Сѣверо-Американцы послѣ Англичанъ производятъ дѣятельнѣйшую торговлю съ Бразиліею. Торговля Португаліи ограничивается почти только однимъ виномъ и невольниками.

Правительство старается привлекать къ себѣ колонистовъ, какъ для того, чтобы замѣнить Португальцовъ, выѣзжавшихъ нынѣ изъ Бразиліи по причинѣ безпокойствъ, и поддержать воздѣлываніе земли, такъ и для того, чтобы сдѣлать перевѣсъ количеству черныхъ, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ государству. Но дабы во множествѣ привлечь колонистовъ изъ Европы, необходимо нужно, чтобы Правительство Бразильское въ отношеніи вѣры приняло совершенную терпимость, ибо выходцы Европейскіе по большей части выѣзжаютъ изъ государствъ Протестантскаго исповѣданія.

Финансы Бразиліи малы и подавлены государственными долгами; но въ естественномъ богатствѣ страны и въ землѣ, которую можетъ продавать Правительство, имѣетъ она величайшія пособія. Въ 1824 году, государственные доходы простирались до 11,220,000 талеровъ и были достаточны для расходовъ. Въ нынѣшнемъ году едва ли достаточна будетъ доходовъ, по причинѣ войны съ Буэносъ-Айресомъ. Говорятъ, что армія, кромѣ зем-

ской милиціи, состоятъ изъ 24,000 человекъ регулярнаго войска. Морская сила, въ 1825 году, состояла изъ 2 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и вообще изъ 92 военныхъ судовъ; но она, подобно Хилійской морской силѣ, потерпѣла чувствительную пошерю чрезъ ошѣздъ знаменитаго морскаго генерала, Лорда Кохрена. Теперь Буэносъ-Айресская морская сила отваживается съ успѣхомъ противъ нее дѣйствовать, а Сѣверная Америка не хочетъ признавать блокады рѣки Де-ла-Платы, ибо она только объявлена Бразилію, а не подкрѣплена дѣйствительностію.

Необыкновенная шаль. Кромѣ обыкновенныхъ дорогихъ шалей, привозимыхъ изъ Азіи въ Европу, вывозяшъ иногда, хотя очень рѣдко, драгоценныя Азіятскія шали, необыкновенной величины, удивительно мягкія, нѣжныя и удивительно дорогія, Если обыкновенныя шали бываюшъ цѣною въ 20 и болѣе, тысячь рублей, какова-же должна быть цѣна сихъ, случайно завозимыхъ въ Европу шалей? Но всѣ такія шали должны уступить шой, которую описываетъ самовидѣць, Г. Муркрофтъ, въ I томѣ, Transactions Англинскаго Азіятскаго Общества (Лондонъ, 1824 г.). Сія шаль принадлежишъ къ шѣмъ, которыя въ Кашемирѣ называются *Асли*, или *Асли-тусъ*, и цѣвнися дороже золота, или лучше сказашъ — имъ нѣтъ цѣны. Онѣ дѣлаюшя изъ шонкаго пуха козь, живущихъ въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ горъ Гиммалайскихъ и со времени царствованія Авганскаго Махмута - Шаха сдѣлана шолько одна такая шаль для продажи и весьма немного шалей по заказу. Тонкости и нѣжности ихъ не лзя вообразишъ, не выдавши. Онѣ бываюшъ обыкновенно темнаго цвѣта.

Древнѣйшая Арабская рукопись. Въ Январѣ; 1824 г., Г. Дровешти прислалъ изъ Египта къ Барону С. де Саси три папирусовыя свертка, вырытые изъ песку, подлѣ одной гробницы, въ развалинахъ Мемфиса. Разобравъ сіи рукописи, Г-нь С. де С. нашель, что два изъ сихъ папирусовъ суть драгоценныя рукописи. Это два паспорта, данные въ половинѣ VIII вѣка обитателямъ Мемфиса, для проѣзда ихъ въ Саидъ. Вотъ переводъ одного изъ сихъ паспортовъ:

»Во имя благаго и милосердаго Бога.

»Сіе писаніе дано мною Джаберомъ, сыномъ Обеида, намѣстникомъ Эмира Абдъ-алмелика, сына Эзидова и судьей области Мемфиеской, *Самію Фелибеку*, безбородому, толстому, рыжему, горбоносому, косому, необрѣзанному, и *Фелуджу Галбѣ*, безбородому, рыжему, косому, необрѣзанному; оба они обитатели мѣста, называемаго монастырь Абу-Гермеса, близъ Мемфиса, и дано сіе свидѣтельство въ томъ, что позволилъ я имъ отправиться въ Саидъ, съ ихъ женами, запасами и товарами, отъ сего числа впредь до окончанія Шавала, 133 года. Если кто изъ намѣстниковъ Эмира (да продлишь Богъ его благополучіе!) встрѣтитъ сихъ людей, не долженъ ихъ останавливать... Писано Ибрагимомъ... въ первый день луны Шавала, года 133.»

Кромѣ историческаго достоинства сихъ памятниковъ, поясняющихъ тогдашнія обстоятельство Египта; важно то, что они суть *древнѣйшія, извѣстныя донынѣ Арабскія рукописи*, на которыхъ означено время ихъ писанія. Между прочимъ, они послужили доказательствомъ къ Археографическому предположенію, давно объявленному Графомъ Кастиліони и довели ученыхъ Археографовъ къ раз-

рѣшенію задачи о томъ , когда началось употребленіе Арабскаго , нынѣ употребительнаго , округлаго почерка , называемаго *Несхи* (*neskhi*). Всѣ полагали, что сей почеркъ введенъ былъ Визиремъ Эбнъ-Моклоу , умерш. въ 324 или 326 г. Эгиры , и что до того употреблялись , такъ называемыя , *Куфическія* угловатыя письма , получившія имя свое отъ города Куфы. Теперь открывається , что округлыя Арабскія письма были извѣстны за 200 лѣтъ до Эбнъ - Моклы. Объ этомъ-то говорилъ Графъ Каспидіони и нашъ Русскій Ориенталистъ Г. Френъ , выводя свои доводы изъ древнихъ Арабскихъ монетъ. Ученое разсужденіе С. де Саси и снимки съ папирусовъ помѣщены въ *Journal des Savans* , 1825 г.

НЕКРОЛОГІЯ. *Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ*, Генералъ отъ кавалеріи, всѣхъ Россійскихъ Орденовъ, первыхъ степеней, Прусскихъ Краснаго и Чернаго Орла, Австрійскаго Маріи Терезіи, Шведскаго Меча и многихъ другихъ кавалеръ, скончался сего 1826 г. Сентября 23 д., на своей родинѣ, въ Ганноверскомъ Королевствѣ, въ Баншельнѣ, принадлежавшемъ ему помѣсть. Сей знаменитый вождь и мужъ совѣта, отличныи въ числѣ Русскихъ Генераловъ, былъ потомокъ древней фамиліи Барцновъ Беннигсеновъ и родился въ 1744 г. Съ юныхъ лѣтъ вступилъ онъ въ Ганноверскую военную службу и 15-ми лѣтъ получилъ чинъ прапорщика, въ 1773 г. произведенъ подполковникомъ; тогда-же перешелъ въ Россійскую службу, премьеръ-майоромъ и былъ въ походъ противъ Турковъ, въ Молдавіи и Валлахіи. Въ 1778 г. пожалованъ онъ подполковникомъ; въ 1787 г. полковникомъ; въ 1791 г. бригадиромъ; въ 1794 г. генераль-майоромъ; въ 1798 г. генералъ - лейтенантомъ, а въ 1802 г.

генераломъ ошъ кавалеріи. Во все это время участвовалъ онъ во многихъ важныхъ воинскихъ дѣлахъ. Въ кампанію 1788 г. отличился при обозрѣніи Очакова и послѣ при славномъ штурмѣ сей крѣпости, 6 Декабря того-же года; 13 Сент. 1789 г. былъ въ сраженіи при Каушанахъ и потомъ при осадѣ и взятіи Бендеръ; потомъ дѣйствовалъ онъ въ Польшѣ. Но поприще важнѣйшихъ его воинскихъ подвиговъ открылось въ войнѣ съ Наполеономъ, 1806 года. Когда Фельдмаршалъ Каменскій сложилъ съ себя командованіе войсками, Беннигсенъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ корпусовъ, заступилъ мѣсто Фельдмаршала, въ концѣ 1806 г. и первой половинѣ 1807 года, непрерывно сражался съ наступавшимъ на него непріателемъ и — ораженія при Пултускѣ, Черновѣ, Голоминѣ, Прейсишъ-Эйлау доказывали опытность и благоразумныя распоряженія Русскаго полководца. «Россійская армія, въ продолженіе шести мѣсяцовъ (говоритъ Историкъ войны, 1812 г. Д. П. Бутурлинъ) со славою выдерживала трудную борьбу съ превосходными въ числѣ силами Французовъ. Побѣда колебалась до несчастнаго сраженія подъ Фридландомъ, которое утвердило за непріателемъ успѣхъ сего похода.» Тильзитскій миръ прекратилъ войну. Въ 1812 г., въ славную отечественную войну, Беннигсенъ находился въ военномъ совѣтѣ. Онъ выбралъ позицію предъ Москвою, по опустуленіи войскъ послѣ Бородинской битвы, и въ совѣтѣ 1 Сентября, 1812 г., о сдачѣ Москвы, вмѣстѣ съ Генераломъ Дохтуровымъ утверждалъ, что армія Русская должна остановиться предъ Москвою и дать новое сраженіе. Послѣ сдачи Москвы,

Князь Кутузовъ препоручилъ ему начальство надъ корпусами , назначенными для нападенія на Французовъ 6 Октября. Побѣда при рѣкѣ Чернишной была слѣдствіемъ распоряженій Кутузова , хотя нападеніе сдѣлано было не совсѣмъ удачно. Послѣ прогнанія непріятеля изъ Россіи , Беннигсенъ начальствовалъ резервною арміею въ Герцогствѣ Варшавскомъ , которую привелъ подъ Лейпцигъ и участвовалъ въ сей великой битвѣ , за что пожалованъ Графскимъ достоинствомъ. Потомъ , корпусомъ союзныхъ войскъ подъ его начальствомъ заняты были Гамбургъ. По окончаніи войны , Графъ Беннигсенъ былъ Главнокомандующимъ второю арміею , по 3 Мая 1818 г. , когда за слабостью здоровья получилъ увольненіе отъ сей должности , сдавъ оную Графу Витгенштейну. Остатокъ дней своихъ провелъ Графъ Беннигсенъ на родинѣ , въ тихомъ уединеніи , посреди семейства и друзей.

У в ѣ д о м л е н і я .

1.

Честъ имѣю извѣстить Почтенныхъ Особъ , приславшихъ мнѣ возраженія на Библіографическія и Крипическія замѣчанія , помѣщенные въ Телеграфъ , что по долгу безпристрастія , я почитаю обязанностію помѣстить сіи возраженія въ моемъ Журналѣ ; но не могу сдѣлать сего иначе , какъ присовокупивъ и мои *отвѣты* , а теперь , посѣщая изданіемъ книжекъ Телеграфа , не имѣю для сего времени. Надѣюсь уравнишь изданіе книжекъ въ печеніе Ноября мѣсяца ; послѣ сего напечатаю , какъ возраженія ко мнѣ присланныя , такъ и отвѣты на сіи возраженія. Объ этомъ почедь я нужнымъ уведомить

Г-дѣ Сочинителей , дабы они , не вида въ Телеграфѣ своихъ антикритикъ , не подумали , что я не хочу помѣщать ихъ. Это было-бы несправедливо съ моей стороны.

2.

Изданіе *Московского Телеграфа* будетъ продолжаемо и въ слѣдующемъ 1827 году. Расположеніе сего Журнала остается тоже , что и въ нынѣшнемъ году. ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ будетъ заключать въ себѣ статьи касательно *Наукъ и Искусствъ*, *Критику* и *Библиографію* Россійской и другихъ Императоруръ и *Современныхъ Автописи*; ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ , *Словесность* (списки и прозу) и *Смѣсь*, съ описаніемъ Французскихъ, Англинскихъ и Нѣмецкихъ модъ.

Въ послѣдней книжкѣ сего 1826 г., я отдамъ читателямъ моимъ отчетъ за все двухъ-годовое изданіе Телеграфа и объясню предположенія и надежды свои , касательно содержанія его на будущій 1827 годъ.

Книжки Телеграфа выходили въ нынѣшнемъ году позднѣ назначеннаго имъ срока. *Восемнадцатая* книжка должна была выйдти во второй половинѣ Сентября , т. е. *недѣль шесть* ранѣ того времени , въ какое она выходилъ. Не смѣю въ эпому оправдываться никакими обстоятельствомъ : Публикѣ нѣтъ надобности до обстоятельствовъ Издашея ; не смѣю оправдываться и примѣромъ другихъ Русскихъ Журналистовъ , которые *всѣ* опспали выдачею книжекъ. Прошу только читателей замѣтить , что я не уменьшалъ числа листовъ въ книжкахъ , а напротивъ , *всѣ* книжки Телеграфа превосходили назначенную имъ мѣру ; что онѣ не были замѣщаемы статьями *кое-какъ* , *безъ выбора* ; что я ни разу не издалъ двухъ книжекъ

въ одной и за всѣмъ тѣмъ, *если* силы мои позволяють и какія нибудь непредвидимыя обстоятельства не воспрепятствуютъ, въ печеніе сего Ноября мѣсяца, выдача книжекъ, какъ сказано выше, будетъ приведена въ надлежащій порядокъ, не смотря на трудность сего предположенія. По крайней мѣрѣ, осмѣливаюсь увѣрить читателей, что съ *будущаго* 1827 г. *выдача книжекъ Телеграфа, непременно будетъ производиться въ назначенное время* — около 1 го и 15 ч. каждаго мѣсяца.

Цѣна Телеграфа остается прежняя — за 24 книжки, съ *тридцатью шестью картинками дамскихъ и мужскихъ модъ* и съ другими картинками, картами и портретами знаменитыхъ людей (*), въ Москвѣ, 35 рублей ассигнаціями, съ *пересылкою во всѣ другіе города* — 40 рублей ассигнаціями. Подписка, здѣсь въ Москвѣ, принимается въ Университетской книжной лавкѣ, на валу, между Дмитровкаю и Петровкаю, у Коммисіонера Московскаго Университета А. С. Ширяева; въ С. Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина, подлѣ Сняго моста и И. В. Слѣница, подлѣ Казанскаго Собора. Г-да Иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Почтамта, или къ самому Издателю Телеграфа, живущему въ Москвѣ, за Сухаревою башнею, противъ Бошаническаго сада, въ домѣ Г-жи Поль.

Н. Полевой.

(*) При первой книжкѣ 1827 г. будетъ приложенъ портретъ Шиллера, съ снимкомъ почерка сего великаго писателя, а при пятой портретъ славнаго Гёте, оба хорошо гравированные.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Къ Помпею Вару (*).

О ты, съ кѣмъ часто я считалъ
 Послѣднiя минушы жизни,
 Кто, лучший другъ, тебя ошдалъ.
 Прекраснымъ небесамъ опчизны?

*

Я не забылъ о долгихъ дняхъ,
 Дняхъ бурной молодости нашей,
 Какъ мы губили ихъ — въ цвѣтахъ,
 Въ Сирийскихъ масяхъ, съ полною чашей!

*

Я помню брошенный мой щитъ
 И бѣгство съ Филиппiйской бишвы.
 Тамъ доблесть сгнбла; прахъ и сшды
 Покрыли грозныя ланишы!

*

Меня — скривъ облакомъ густымъ,
 Восхитиль ошъ враговъ Меркурiй;
 Ты ввѣрился морямъ сѣдымъ,
 Искатель счастья новой бури.

*

(*) Горац. кн. 2, ода 7.

Свѣши-жь съ дарами въ Діевъ храмъ !
 Подъ лавромъ свѣлаго собрата
 Спокой устала члены — шамъ
 Массійскимъ (*) храмина богата !

*

Забвеньє золь до сыта пей ;
 Лей масть изъ раковинъ глубокихъ ;
 Цвѣтами голову обвей ;
 Ласкай красавица черноокихъ .

*

Я шумомъ превзойду Эдонъ !
 Кто пира свѣшлаго владыка ?
 Мой другъ опчизнѣ возвращень . . .
 Прочь разумъ , празднику улика !

О р и е в ѣ .

С е р д ц е .

Сердца подобны небесамъ :
 Сегодня утпромъ тихо , ясно ;
 Подъ вечеръ загремишь ужасно ,
 Уступишь солнце облакамъ ,
 Кружася вихри землю взроютъ ,
 Столбомъ взовьешся прахъ , во шмѣ лѣса завоютъ ,
 Изъ черныхъ тучъ ударишь громъ ,
 И разореніе кругомъ . . .
 Но тучи въ вышю сгустятся ,

(*) Massicus (нынѣ monte di Dragoae) , гора въ Кампаніи , слави-
 лась здоровымъ , горькимъ виномъ .

Отяжелѣють, зашумяшъ ;
 Дождемъ долину напоишъ
 И въ видѣ влаги истребашся.

Такъ страсти наши, такъ любовь,
 Насъ удручивши, погибашъ,
 Когда приступишь въ очи кровь,
 И въ видѣ слезъ на землю упадешъ.

Н. Маркесинъ.

С. Туровка.

Русская пѣсня.

Леталъ голубь по долинь,
 Ронялъ перье на долину;
 Удалой, добрый молодчикъ,
 Онъ долиною проходишь,
 Онъ не радостень, не весель:
 Знать, запала грусть на сердце,
 Подмываетъ ретивое.
 Подъ высокою свѣшанцей,
 Подъ косящешымъ окошкомъ,
 Думу думаешь молодчикъ.
 «Спишь-ли, радость, али слышишь?»
 Выйди, свѣпникъ, на крылечко!
 — Я-бы вышла, да не смѣю:
 Мой немилый, мой поспилый,
 Онъ какъ воронъ у окошка. —
 Закипѣло ретивое,
 Загорѣлись очи ясны,
 Какъ возговорить молодчикъ:

»Ты покинь, оставь нелюба !
 Соберу я сизо перье,
 Оперю стрѣлу калену,
 Я пушу ее въ нелюба. . . «
 — Полно, другъ мой, полно, милый!
 Было счастье — не ворошишь,
 Была радость — пролетѣла,
 Было время — не дождешься!
 Золотыхъ вѣнцовъ не снимешь,
 Золотыхъ перстней не стопишь,
 Прежней воли не добудешь.

Ө. И.

А п о л о г ъ.

Хозяинъ кблышки готовилъ на заборъ,
 Рисунокъ выдумавъ прекраснаго узора;
 Прикащикъ помѣспилъ ихъ кой-какъ, безъ разбора,
 И вышелъ не узоръ — а вздоръ!

Отрывокъ изъ Вудстока.

(Соч. Валтера Скопфа.)

Полковникъ Эвгардъ рѣшился наконецъ немедленно опоздать свое письмо къ Генералу и подошелъ къ двери той комнаты, гдѣ Уильдрекъ — это можно было угадать по особенному носовому свисту — все еще спалъ глубокимъ сномъ, подъ двойнымъ вліяніемъ водки и усталости. Заржавѣлый замокъ такъ странно заскрипѣлъ отъ повернутого въ немъ ключа, что спокойствіе пламенина было нарушено, хотя онъ еще и не совсемъ проснулся.

«Не уже-ли ужь и день, тюремщикъ! спросилъ онъ у Эвгарда, который подошелъ къ его постели. «Да если въ тебѣ есть хоть капля человечества, проклятая собака! то для чего-бы не принести съ такими новостями добраго спакана вина? Повѣсить можно одинъ только разъ, пріятель, а отъ горя бываетъ сухо въ глоткѣ.»

— Вставай, вставай, Уильдрекъ, злобѣщій мечтатель — сказалъ ему другъ и, стараясь разбудить, схватилъ его за воротъ.

«Не тронь руками! вскричалъ засоня; «я могу и самъ взойдши на лѣстницу, безъ помощи.»

Тутъ онъ сѣлъ на своемъ ложѣ, открылъ глаза, осматрѣлся вокругъ съ наумленнымъ видомъ и вскричалъ:

«Чортъ возьми! да это ты, Маркгамъ! А я думалъ, что уже со мной — поминай какъ звали. Мнѣ чудилось, что сняли желѣза съ рукъ и съ ногъ: монкъ — прямо прошивъ меня мелькала веревка — я чувствовалъ вокругъ моей шеи ненюковий гадсшухъ — казалось, все было готово...

— Полюе дурачишься, Уильдрекъ! Видно что демонъ плясаша, которому ты продалъ себя — —

«За бочку рейнвейна. Договоръ былъ заключенъ въ подвалѣ.»

— Надобно мнѣ бытъ столько же глупу какъ ты, тогда только могу подумать въришь тебѣ посольство. Я сомнѣваюсь даже, прищел-ли ты въ здравый рассудокъ.

«А почему? Кажется, я ничего не пилъ спавши. Правда, мнѣ видѣлось, что я пью со старымъ Поллемъ полниво, которое онъ самъ варилъ. Не хмурься, пожалуйста, Маркгамъ! Я всегда шаковъ былъ: Роджеръ Уильдрекъ, точно дикая утка, да за шо и молодець — настоящій пѣнухъ. Я весь швой, скванъ твоими услугами, devinctus beneficio — а вѣдь это чисто сказано по-Латини, надѣюсь. Ну, что-же это за дѣло, которое ты хотѣлъ-бы мнѣ преноручить, да я не могъ бы или не смѣлъ его исполнить? Гощовъ дьяволу дѣбншь зубы моего

шпагою, хотя-бы онъ позазиракалъ нѣ-
сколькими Круелыми Головами (*).

— Ты хочешь съ ума свести меня! Въ
это время, какъ я хочу тебѣ выршишь важ-
нѣйшее для меня изъ всѣхъ дѣлъ въ мірѣ,
ты дѣйствуешь и говоришь какъ обитате-
ль дома сумасшедшихъ! Вчера я пер-
хнулъ твою пьяную глупость, но сего дня
упрошу какъ могу переносить ее? Это значи-
тъ — обонмъ намъ подвергаться опасности,
Уйльдрекъ. Здѣсь видны недостатки
уваженія и — я могъ-бы сказать — небла-
годарность.

«Ахъ, не говори этого, мой милый
Маркгамъ!» перебилъ его Уйльдрекъ съ нѣ-
которою чувствительностью. Мы — ко-
торые все потерпѣли въ это печальное
время неуспрощивъ, которые принужде-
ны жить не со дня на день, но съ часу
на часъ, у которыхъ одно убѣжище —
пиррова, одно успокоеніе въ виду — висѣ-
лица — чего хочешь ты отъ насъ? До-
вольно, если мы съ весельемъ переносимъ
нашу судьбу, которой тягость задавила-
бы насъ, если-бъ мы поддались печали.»

Чувствительность, которая замѣтна
была въ выраженіи друга, распрогала со-
общившую струну въ сердце Ээрар-
да: онъ съ чувствомъ пожалъ руку Уйль-
река.

(*) Такъ Ромашки называли Крошделевыхъ солдатъ,
въ насмѣшку. *Прим. Перев.*

— Если мои слова показались тебѣ нѣсколько жесткими — сказалъ онъ — увѣрю тебя Уильдрекъ, что они сорвались съ моего языка болѣе изъ участія къ тебѣ, нежели къ самому себѣ. Я знаю, что при всемъ легкомысліи — въ тебѣ скрываются правила чести и благородныхъ чувствъ, такъ глубоко укорененныя, какъ только могутъ они быть укоренены въ сердцѣ человѣческомъ. Но ты дерзокъ, безразсуденъ, и — клянусь, что если-бы ты пострадалъ въ томъ дѣлѣ, которое хочу тебѣ ввѣрить, то неприятныя слѣдствія, какія могли-бы отъ этого быть мнѣ самому, не опечалили-бы меня столько, какъ мысль, что я тебя подвергнулъ такой опасности.

«Если такъ говоришь ты о ней, Маркгамъ,» отвѣчала Кавалеръ (*), стараясь усмѣхнуться, для того чтобы скрыть другое, сильнѣйшее движеніе — такъ ты почишаешь насъ дѣтьми, грудными младенцами, клянусь оспреемъ моей шпаги! Ну — ввѣрься мнѣ: я могу быть благо-разумнымъ, когда того требуютъ обстоятельства. Никто не видалъ, чтобы я пилъ, когда надобно насторожиться; и я не проглочу ни одной вздорной пинты вина, покуда не исполню твоего порученія. Хорошо, я твой секретарь.

(*) Такъ называли себя державшіе сторону Стюартовъ. *Прим. Перев.*

Нѣтъ, забылъ: твой писарь. Вотъ письмо, которое надобно, разумется, отвезти къ Кромвелю. Очень хорошо, я отдамъ его въ достойныя руки того, кому оно написано, но, осперегусь, не дамъ ему освободить меня отъ груза моей чести. Однакожь, чортъ возьми! Маркгамъ! подумай еще разъ объ этомъ. Вѣрно ты не доведешь испорченности до того, что возьмешь сторону этого кровожаднаго бунтовщика въ гонимой распрѣ? Вели мнѣ напри дюйма вонзить кинжалъ ему въ бокъ: право, мнѣ будетъ это лучше, чѣмъ подносить ему твое посланіе.»

— Довольно, Уильдрекъ — это переходить границы нашего уговора. Если ты хочешь услужить мнѣ — славно! Никитъ? Такъ мнѣ нѣкогда съ тобою спорить, потому что каждая минута покажется мнѣ въкомъ, покуда я не буду увѣренъ, что письмо въ рукахъ Генерала. Это единственное мое средство для приобращенія какого нибудь покровительства и убѣжища дядѣ и его дочери.

«О, если объ этомъ идетъ дѣло, я не пожалю моихъ шпоръ. Въ одинъ мигъ будетъ готовъ конь, который у меня въ Вудспокъ, и ты можешь быть увѣренъ, что именно черезъ столько времени буду я передъ лицомъ стараго Ноля — твоего Генерала, хопѣль я сказать — сколько нужно, не выпуская ногъ изъ спремь, проскакать отсюда до Винзора,

гдѣ, я увѣренъ, найду своего друга, обладающаго достоинствомъ того, кого онъ убилъ.»

— Молчать! ни слова больше! Съ тѣхъ поръ, какъ мы разошлись вчера вечеромъ, я пригошовилъ дорогу, по которой тебѣ легче будетъ идти, нежели принимать на себя эту наружность и эпошъ благопристойный языкъ, которые совсѣмъ не твои. Въ письмѣ къ Генералу я говорю, что твое дурное воспитаніе и дурные примѣры. . . .

«Это должно объясниться прошлымъ тому, надѣюсь; потому что я воспитанъ такъ хорошо, какъ только можешь желать молодой человекъ изъ Лейчесперскаго Графства, и»

— Сдѣлай милость слушай. Я упомянулъ ему, что по вліянію дурныхъ примѣровъ, ты нѣсколько времени былъ недоброжелателемъ и приваждь сторону покойнаго Короля; но, видя великія дѣла Генерала для націи, мы открыли глаза къ призванному бытъ великимъ исполнителемъ судьбы небесной, возстановителемъ порядка въ несчастной странѣ. Эпошъ опчетъ, данный мною ему о тебѣ, не только заставитъ его судить не слишкомъ строга какія нибудь твои глупости, если-бы онъ у тебя и вырвались, но даже введетъ тебя въ нѣкоторую довѣренность у него, какъ особенно приважданнаго къ нему.

«Правда. Рыбаку всегда кажется лучшею ша рыба, которую онъ поймалъ.»

— И вѣроятно, онъ себя-же поплешь ко мнѣ съ письмомъ, которое дастъ мнѣ средства ошановить распоряженія эшихъ комиссаровъ секвестра и позволишь бѣдному и спарому Генриху Ли окончить дни свои среди любимыхъ его дубовъ. Объ этомъ я нарядно прошу Генерала и думаю, что уваженіе къ моему отцу и ко мнѣ, можетъ проспирапьясь до надежды въ этомъ случаѣ, не боясь опказа, особенно въ наслопавшихъ обстоятельствахъ. Понимаешь?

«Совершенно. *Простирапьясь!* Господи помилуй! Я-бы лучше *распростеръ* веревку, чѣмъ имѣть дѣло съ эшимъ закоренѣлымъ злодѣемъ, убійцею Короля. Но я сказала, что опдаюсь въ твое руководство и, чорпъ меня возьми, если не сдержу своего слова.»

— Будь остороженъ. Внимательно замѣчай все, что онъ будетъ говорить и дѣлать — особенно, что онъ будетъ дѣлать, потому что Одивьеръ такой человекъ, о которомъ скорве можно судить по дѣламъ, нежели по словамъ. Куда-же ты идешь? Бьюсь объ закладъ что ты хочешь ѣхать съ пустыми карманами.

«Ты говоришь правду, Маркгамъ. Мой послѣдній нобель распопился вчера вечеромъ, въ бесѣдѣ съ вашими плупами солдащами.»

— Ну, этому легко пособить, Роджеръ — сказала Полковникъ, отдавая другу свой кошелекъ. — Но, скажи, не совершенный-ли ты въпрогонъ? Совсѣмъ хотѣлъ ѣхать, не имѣя чѣмъ двинуться въ дорогъ! Что-же бы ты сдѣлалъ?

«А я право и не подумалъ объ этомъ. Можетъ быть, я принужденъ-бы былъ вскричать: спой! какомунибудь богатому поргашу или какомунибудь толсто-брюхому опкупщику, съ которыми встрѣчусь на большой дорогъ. О, къ этому средству не одинъ бравый молодецъ прибѣгалъ въ несчастныя времена.»

— Теперь ступай. Но — смотри — будь уменъ. Не ходи къ своимъ буйнымъ приятелямъ. Удерживай свой языкъ. Берегись буффылки, потому что если ты удержишься въ границахъ презвостпи, такъ опасности никакой нѣтъ. Говори какъ можно меньше и, особенно, не клянись и не говори вздоръ.

«Короче, мнѣ надобно надѣть такую непроницаемую и важную маску, какъ первое лицо, Маркгамъ. Да я и думаю, что наружносьью право могу сыграть, не хуже себя, роль Гопъ-анъ-гайгъ-Бомби (*). Ахъ! счастливое время было, когда мы видали, какъ Мильсъ опличался

(*) Дѣйствующее лицо въ пьесѣ Бомонша и Флетчера, представляющее Пуришана.

на театрѣ Фортуны, когда я еще не пропастилъ моего шитаго плащя и моихъ уборовъ и у тебя не было ни нахмуренныхъ бровей, ни закрученныхъ Пуришанскихъ усовъ.“

— Это время было тоже, Уильдрекъ, что большая часть свѣтскихъ удовольствій: сладко во рту, горько на сердцѣ. Но, поѣзжай и когда привезешь мнѣ опрѣшъ, ты найдешь меня здѣсь, или въ гостинницѣ Св. Георгія, въ Вудстокѣ. Счастливымъ путемъ. Побольше думай о самомъ себѣ.

Уильдрекъ поѣхалъ, а Полковникъ нѣсколько времени оставался погруженнымъ въ глубокія размышленія.

Думаю что я не слишкомъ приблизился къ Генералу — сказалъ онъ самому себѣ. Раздоръ между нимъ и Парламентомъ, кажется, неизбежимъ и снова потрузитъ Англiю въ ужасы междоусобной войны, кошорая изнурила всѣхъ. Мой вѣспникъ можетъ ему не понравиться. Впрочемъ, я и не боюсь его много: онъ знаетъ, что я вѣряюсь только пѣмъ, на кого могу положиться. Долгій опынъ могъ показать ему, что въ самыхъ строгихъ секшахъ, шакже какъ и въ болѣе свободныхъ, есть люди, у кошорыхъ два лица подѣ одной шапкой.

Оставляя Полковника Ээрарда, занятаго важными размышленіями, мы послѣдуемъ за его другомъ-путешественникомъ,

веселымъ Кавалеромъ , который не прежде сѣлъ на лошадь , какъ сѣвши въ госпитальницѣ Св. Георгія нѣсколько яицъ и оросивши ихъ нѣсколькими спаканами мускашпаго вина — для предохраненія себя ошъ упреняго вѣпра.

Уйльдрекъ былъ увлеченъ безумнымъ развратомъ , какому предавались Кавалеры , какъ-бы , во всѣхъ отношеніяхъ для противоположности въ поведеніи съ безстрастіемъ своихъ непріятелей ; но будучи хорошаго рода , хорошо воспитанъ , одаренъ природными талантами , онъ не былъ испорченъ ни безпутствомъ , ни безпорядочною жизнію опьявленнаго кавалера , и вѣкъ исполнилъ свое посольство , иревожимый такими смѣшанными чувствами , какихъ , можетъ быть , не ощущалъ во всю свою жизнь.

Какъ приверженный къ Королю , онъ ненавидѣлъ Кромвеля и , во всякомъ другомъ случаѣ , конечно желалъ-бы встрѣпить его только на полѣ битвы , гдѣ могъ-бы имѣть удовольствіе переслаться съ нимъ нѣсколькими дипломатическими выспрѣдами ; но къ этой ненависти присоединялось какое-то чувство страха. Всегда побѣдоносный въ битвахъ , достопримѣчательный человекъ , къ которому приближался Уйльдрекъ , приобрѣлъ надъ умами своихъ непріятелей вліяніе , столько часто бывающее слѣдствіемъ постоянныхъ успѣховъ. Ненавидя , они боялись

его, и къ этимъ двумъ чувствамъ присовокуплялось неперыливое движеніе любопытства, составлявшее рѣзкую черту въ характеръ Уйльдрека. Съ давняго времени у него немного было собственныхъ дѣлъ, да и совсѣмъ не заботясь о тѣхъ, которыя у него были, посланный Марк-гана легко ожидался желанію увидѣть наконецъ то, что казалось ему любопытнымъ.

«За всѣмъ тѣмъ,» говорилъ онъ самъ себѣ, «не неприятно было-бы мнѣ взглянуть на этого спараго плуша, если-бы и только для того, чтобъ послѣ можно было сказать — я его видѣлъ.»

Онъ приѣхалъ въ Виндзоръ послѣ обѣда. Страшно хотѣлось ему зайдши въ какое нибудь гнѣздо радостей и удовольствій, которыя онъ посѣщалъ прежде, когда не въ столь грустные времена ему случалось привѣщать въ этотъ городъ; но онъ бодро воспринимался самому себѣ и останавливался въ главной гостиницѣ, которой шарнирная вывѣска — подвязка, давно, давно уже исчезла. Самъ трактирщикъ, который въ памяти Уйльдрека, величайшаго знатока кабаковъ и трактировъ, былъ славнымъ образчикомъ *моего хозяина*, школы Королевы Елисаветы, самъ трактирщикъ соображался съ духомъ времени. Онъ качалъ головою, говоря о Парламентѣ; съ величайшею важностію держалъ въ рукахъ вершала; желалъ Англіи благо-

получнаго окончанія всѣхъ несприятностей и разсыпалъ величайшія похвалы Его Превосходительству Лорду Генералу. Уйльдрекъ замѣнилъ также, что вино у него стало лучше прежняго — кажется, само небо наградило Пурипанъ особеннымъ даромъ открывать всякой подлогъ въ винѣ — но что мѣры умалчивае въ пропорціи съ пѣмъ, какъ увеличилась цѣнность напитка — обстоятельство пѣмъ болѣе замѣченное Уйльдрекомъ, что хозяинъ безпрестанно говоритъ ему о своей совѣсти.

Это важное лицо, сказало ему, что Лордъ Генераль доступенъ всякому и что онъ можетъ быть представленъ къ нему завтра же утромъ, въ восемь часовъ — спомнишь только явиться у воротъ замка и объявить, что привезъ письма къ Его Превосходительству.

Въ назначенный часъ, припворившійся Кавалеръ явился въ замокъ. Солдатъ, который въ своемъ красномъ мундирѣ, съ Пурипанскою суровостію на лицѣ и съ ружьемъ на плечѣ, споялъ на спражѣ у внѣшнихъ воротъ почтеннаго зданія, безъ всякаго затрудненія пропустилъ его. Проходя черезъ дворъ, Уйльдрекъ бросилъ взглядъ на красивую часовню, которая, еще такъ недавно, въ молчаніи, въ шепотѣ и безъ всякихъ почетныхъ отличій, приняла въ себя тѣло убитаго Короля Англій. Какою швердоспью онъ вооружалъ

ся Уильдрекъ , но воспоминаніе объ этомъ обстоятельстве сдѣлало на него сильное впечатлѣніе ; онъ готовъ былъ воротиться назадъ , такъ прошивно было ему увидѣть этого мрачнаго и смѣлаго челоука , одного изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ кровавой трагедіи , которому всѣхъ болѣе принадлежала губительная развязка . Но Уильдрекъ чувствовалъ необходимость смирить одушевлявшее его чувство : онъ сдѣлалъ великое усиліе надъ самимъ собою — исполнилъ препорученіе Полковника Ээрарда , челоука , такъ много его одоужавшаго .

Подъ крыльца круглой башни онъ взглянулъ на то мѣсто , гдѣ обыкновенно развѣвалось знамя Англіи . Оно исчезло , со всѣми своими блестящими принадлежностями , Королевскими гербами и богатымъ шпьемъ ; на его мѣстѣ вѣвалось знамя республики , съ крестомъ Св. Георгія , голубой съ краснымъ шпандарть , хотя на немъ еще не было діагональнаго креста Шотландіи , который вкорѣ былъ присокупленъ , въ знакъ побѣды Англіи надъ своею древнею непріятельницею . Такая перемѣна не могла дать лучшаго направленія его печальнымъ мыслямъ : онъ такъ занималъ его , прошивъ обыкновенія , что онъ едва пришелъ въ себя отъ глухаго удара ружейнымъ прикладомъ о мостовую . Этотъ звукъ соединился съ громкимъ голосомъ часоваго , кошорый грубо спро-

силъ и заставилъ Уйльдрека испрепенуться отъ словъ:

»Кто идетъ? Куда?»

— Съ письмомъ, къ Лорду Генералу.

»Подожди. Сей часъ призову караульнаго офицера.»

Явился капралъ. Отъ другихъ солдатъ, копорыми командовалъ, онъ опличчался манжетами двойной длины, высокою, огромною шляпою, широкимъ плащемъ и пройннымъ запасомъ спрогой важности. Можно было чинать въ его физиономію, что это одинъ изъ пѣхъ свирѣпыхъ энтузіастовъ, копорымъ Оливьеръ одолженъ былъ своими побѣдами и копорые своею религіозною ревностью страшны были даже Кавалерамъ, сколько-же опличавшимся происхожденіемъ, какъ и храброснію; но они щещно старались защищать корону и самаго Короля. Съ важнымъ, торжественнымъ видомъ посмопрѣлъ онъ на Уйльдрека, какъ-бы разбирая въ умѣ своемъ черты его лица и его одѣяніе. Окончивъ это испытаніе, капралъ спросилъ, зачѣмъ онъ приѣхалъ.

»За дѣломъ« — отвѣчалъ Уйльдрекъ, сколько могъ, швердымъ голосомъ, потому что любопытные и пронцапельные взгляды этого чловѣка производили въ немъ чрезвычайно непріятное шрепешаніе нервовъ — »за дѣломъ, копорое касается вашего Генерала.«

— Его Превосходительства Лорда Генерала, хочешь ты сказать — перебил его капраль. — Твои слова, дружокъ, не слишкомъ-то опзываются должнымъ почтениемъ къ Его Превосходительству.

«Чортъ тебя побери и съ Его Превосходительствомъ,» подумалъ Уильдрекъ; но благоразуміе повелѣвало его языкомъ и недопустило эпимъ опаснымъ словамъ явиться въ звукахъ. Онъ наклонилъ голову и молчалъ.

— Спуй за мной, сказалъ ему угрюмый унтеръ-офицеръ, и Уильдрекъ пошелъ за нимъ въ караульню. Здѣсь происходила сцена, совсѣмъ не такая, какія представляють намъ наши военныя гауптвахты.

Подлѣ огня сидѣло трое или четверо солдатъ; они слушали одного своего товарища, который объяснялъ имъ что-то изъ Св. Писанія. Орапоръ началъ говорить тихо, хощя и словоохотно, но его голосъ поспешенно съ разсказомъ возвышался, такъ что къ концу заговорилъ онъ рѣзко и запальчиво, какъ-бы пребуя немедленнаго отвѣта или молчаливаго согласія. Слушателей, казалось, внимали ему съ непремѣнною важностью. На одной лавкѣ лежалъ солдатъ, лицомъ къ землѣ — спалъ онъ или былъ такъ въ размышленіи — это трудно рѣшить. По срединѣ покоя стоялъ офицеръ — по крайней мѣрѣ такъ можно было заключить по шитой перевязи и шарфу этого человѣка, впро-

чемъ одѣшаго очень просто. Онъ училъ экзерциціи какого-то здороваго мужика, недавно взяшаго въ рекрушы, который дѣлалъ то, что называлось тогда — по книжкѣ. Надобно было выкидывать не меньше двадцати разныхъ движеній — сполько-же было пехническихъ терминовъ для командованія, и пока все это не было порядкомъ кончено, капралъ не позволилъ Уильдреку ни сѣсть, ни пересступить черезъ порогъ. И такъ молодой Кавалеръ принужденъ былъ слушать попеременно: — положи ружье — бери ружье — заряжай — руку на полку — и множество другихъ нынѣ забытыхъ терминовъ. Наконецъ слова: — ружье на плечо — окончили на эпошъ разъ ученѣе.

»А какъ тебя зовушь, мой другъ?« сказалъ офицеръ рекрушу.

— Ефраимъ — ошвѣчалъ новобранецъ въ носъ.

»А еще какъ?«

— Ефраимъ-Коббъ, изъ блаженнаго Глостера; семь лѣтъ былъ шамъ ученикомъ у одного благочестиваго башмачника.

»Это ремесло почтенное,« сказалъ офицеръ; »но, послуживши съ нами, мой другъ, ты право наживеешь что нибудь получше колодки и шила.«

Срвсѣмъ непріятная улыбка сопровождала это бѣдное покушеніе на веселость. Тутъ офицеръ обратился къ капралу, который все еще осмавался за нѣсколько

шаговъ, съ видомъ чловѣка, желающаго что-то сказать. — Ну, капраль, что ты скажешь намъ новенькаго? спросилъ офицеръ.

— Вотъ этакъ чловѣкъ привезъ письмо къ Вашему Превосходительству — ошвѣчалъ капраль, — да у меня что-то сердце не лежитъ къ нему; онъ мнѣ кажется похожъ на волка въ овечьей шкурѣ.

Такъ-то узналъ Уйлвдрекъ, что онъ находится въ присутствіи того знаменитаго чловѣка; къ которому посланъ. Наскоро спалъ онъ придумывавъ, какъ надобно говорить съ нимъ.

Всѣ знаютъ, что фізіономія Оливьера Кромвеля, совсѣмъ не предупреждала въ его пользу. Онъ былъ средняго роста; крѣпко сложенъ; черны лица его являли жестокость и суровость, но вмѣстѣ показывали большую природную смѣлкость и способность къ глубокимъ размышленіямъ. Глаза у него были сѣрые, пронизательные; носъ слишкомъ великъ по пропорціи съ другими частями лица.

Разговоръ Кромвеля, когда онъ хотѣлъ чтобы его понимали ясно, былъ чрезвычайно силенъ, хотя лишенъ пріятности и даже краснорѣчія: тогда никто не могъ выражать своихъ мыслей такъ кратко, точно. Но если онъ хотѣлъ играть роль оратора, что часто съ нимъ случалось, для того только, чтобы уладить слухъ другихъ, не освѣщая ихъ ума, тогда Кромвель обык-

новенно облакалъ свои мысли, или то, что казалось его мыслями, такою пущаницей словъ, вмѣшивалъ столько исключеній и оговорокъ, блуждалъ въ такомъ лабиринтѣ вводныхъ словъ, что эпопѣя чело-вѣкъ, самый ловкій въ цѣлой Англїи, былъ можетъ быть и самый непоняшный изъ всѣхъ орапоровъ, когда - либо про-водившихъ своихъ слушапелей. Одинъ Ис-шорикъ давно уже сказалъ, что собраніе рѣчей, произнесенныхъ Промекпоромъ, было бы, съ небольшими исключеніями, одно изъ самыхъ безсмысленныхъ сочине-ній. Но эпопѣя Исшорикъ долженъ былъ прибавить, что и ничего не можетъ быть смѣлье, опредѣленіе, яснѣе пѣхъ мѣстъ, гдѣ Кромвель въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ быть поняшнымъ.

Въ немъ замѣтно было и то, что хотя со стороны отца и матери онъ про-исходилъ отъ хорошей фамиліи и полу-чилъ воспитаніе, обыкновенно бывающее сльдствіемъ сей выгоды, но никогда не могъ онъ приобрести этой вѣжливости, привычной первымъ классамъ общества въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, или, можетъ быть, онъ презиралъ ее и не думалъ о ней. Приемы его были суровы, такъ, что иногда можно было ихъ почесть грубыми, но между пѣми въ нихъ, также какъ въ его рѣчахъ, была сила и выразицельность, ко-торая заставляла бояться его, если не уважать; даже бывали минушы, когда

эпопъ мрачный и осторожный умъ развивался съ такимъ умвньемъ, что могъ совершенно привязать къ себѣ. Иногда, казалось, онъ хотѣлъ шутить, но шутки его были грубы и неблагородны. Въ его характерѣ было нѣчто сообразное съ характеромъ его согражданъ: онъ презиралъ вышреность, ненавидѣлъ жеманство, не могъ терпѣть церемоній — а это, вмѣстѣ съ неоспоримымъ даромъ ума и смѣлости, дѣлало его, во многихъ отношеніяхъ, довольно приличнымъ представителемъ Англинской Демокраціи.

Его вѣра всегда будетъ предметомъ большихъ сомнѣній, копорыхъ, можетъ быть, онъ не могъ-бы объяснить и самъ себѣ. Правда, есть время въ его жизни, когда онъ былъ искреннимъ энтузіасмомъ и когда природный его характеръ, подверженный иногда припадкамъ меланхоліи, находился подъ сильнымъ вліяніемъ погоже фанатизма, копорый имѣлъ тогда большой вѣсъ въ поступкахъ многихъ людей; но съ другой стороны, во время его политическаго пути, встрѣчаются нѣкоторые періоды, въ которые конечно, безъ несправедливости, можно его обвинять въ лицемерной набожности. Мы правдиво будемъ судить его и многихъ его современниковъ, если предположимъ, что ихъ духовная ревность частію происходила отъ внутренняго убѣжденія, частію отъ личныхъ выгодъ. Сердце человѣческое такъ

изяцно умѣеть обманывать себя и другихъ, что вѣроятно ни Кромвель, ни пѣ, которые спарались изъяснить какія - же требованія на благочестіе, сами не могли строго означить той точки, гдѣ оканчивался ихъ энтузіасмъ и гдѣ начиналось лицемерство; лучше сказать, это не была точка, сама себя опредѣляющая: она приближалась или удалялась, смотря по состоянію здоровья, по приливу счастья или несчастья и — доброму или дурному расположенію каждаго человѣка.

Таковъ былъ эпошъ знаменитый Кромвель! Обратившись къ Уильдреку, и внимательнѣе его разсмапривая, онъ, казалось, былъ такъ мало доволенъ имъ, что какъ-бы невольное движеніе заставило его повернуть ближе свою перевязь, чтобы ловче можно было взяться за ефесъ длинной шпаги. Но, вдругъ сложивши кресломъ руки, какъ-бы заставленный другою мыслию откинуть свои подозрѣнія или вѣрить, что такая предоспорожность ниже его, онъ спросилъ у посланнаго, кто онъ и откуда приѣхалъ.

«Бѣдный дворянинъ, Милостивый Государь, то есть Милордъ» — отвѣчалъ Уильдрекъ — «приѣхалъ изъ Вудспока.»

— А какія новости привезъ ты мнѣ, Господинъ Дворянинъ? — сказала Кромвель, дѣлая удареніе на эпошъ словъ. — Правда, я видалъ много людей, которые величали себя дворянами; но не смотря на все свое

дворянство, они не были ни умны, ни храбры, ни добродѣтельны. Между шѣмъ, шипло дворянина было почтенно въ древней Англїи, когда чаще припоминали себѣ значеніе этого слова.

«Вы говорите истину, Милостивый Государь,» отвѣчалъ Уильдрекъ, не безъ пруда исключая кой-какія сильныя выраженія, которыми онъ часто украшалъ свои разговоры. «Прежде вспрѣчали дворянъ въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ имъ должно жить, а нынче — свѣшь такъ перемѣнился! Шинный поясъ усунулъ свое мѣсто кожаному переднику.»

— Мнѣ - ли ты говоришь это? — сказалъ Генераль. — Видно, брашь, ты опытная голова, когда смѣешь выражаться такъ вольно. Ты слишкомъ высоко взялъ, какъ мнѣ кажется, и попому едва-ли ты сдѣланъ изъ добраго металла. Еще разъ; какія новости привезъ ты мнѣ?

«Вопшь это письмо. Полковникъ Маркгамъ Ээрардъ препоручилъ мнѣ опдаты его въ ваши руки,» отвѣчалъ Уильдрекъ.

— А, такъ я дурно судилъ о тебѣ — сказала Кромвель, и выраженіе голоса его спадо гораздо ласковѣе, когда онъ услышалъ имя челоувка, котораго чрезвычайно хотѣлось ему привязать покрѣпче къ своей партїи. — Извини, другъ нашъ — въ чемъ мы не сомнѣваемся! Садись здѣсь и размышляй о какихъ нибудь благочестивыхъ предмѣсахъ, покуда мы прочишаемъ это

письмо. Позаботьшесь о немъ и дайте ему всего, что полько будетъ нужно.

Съ этими словами Генераль вышелъ изъ караульни, а Уйльдрекъ сълъ въ уголь и съ перпвнѣемъ спалъ ждашь, чѣмъ кончипся его посольство.

Солдаты, послѣ этого, почли своимъ долгомъ обходиться съ нимъ уважительно. Они подали ему шрубку съ Тринишійскимъ табакомъ и поднесли большую кружку Окшябрьскаго пива. Но, не смотря на вниманіе Кромвеля, Уйльдрекъ сообразилъ, въ какое опасное положеніе могъ онъ быть поставленъ, если - бы открыли, что онъ значилъ въ самомъ дѣлѣ, и рѣшился отка-заться отъ этихъ гостепріимныхъ приношеній. Прислонившись къ спинкѣ стула, онъ притворился дремлющимъ и такимъ образомъ не обратилъ на себя вниманія и не былъ принужденъ учаспвовашъ въ разговорѣ.

Наконецъ, кто-то, въ родѣ адъютанта или офицера изъ Кромвелевой свиты, пришелъ проводить Уйльдрека къ Генералу. Онъ повелъ его въ замокъ черезъ особенныя ворота. Прощедши множество корридоровъ, взобравшись на нѣсколько лѣстницъ, они очутились въ небольшомъ кабинетѣ, убранномъ великолѣпными мебелями: на нихъ сохранялись еще вензели покойнаго Короля, но все было въ безпорядкѣ, въ распройспвѣ. Нѣсколько картинъ, въ большихъ рамахъ, кошорыя преж-

де украшали комнату, были сняты и оборочены живописью къ стѣнѣ, какъ - бы для того что ихъ хотѣли вынести.

Посреди сей сцены безпорядка Генераль Республики, сшоль часто побѣдоносый, сидѣлъ въ большихъ креслахъ, обшитыхъ камкою, съ богатымъ шипьемъ и эшо великолюбіе соспавляло разительную прошивоположеніе съ его проснымъ и даже небрежнымъ нарядомъ, но видъ и осанка его показывали человека, копорый чувствуешь, что бывшее сѣдалище Монарха не черезъ-мѣру величественно для его счастья и честолюбія.

Уильдрекъ стоялъ передъ нимъ и Кромвелъ не приглашалъ его садиться.

»Пирсонъ!« сказалъ онъ офицеру «останьтеся въ галлерей и будыте въ такомъ разстояніи, что - бы вы могли слышать меня.»

Офицеръ поклонился и готовъ былъ выйдти, когда Генераль прибавилъ: » Кто въ галлерей?«

— Достойный Г. Гордонъ, вашъ Капелланъ; онъ сей часъ говорилъ поученіе Полковнику Овертону и чепыремъ Капитанамъ полка Вашего Превосходительсшва.

»Эшо пріятно намъ. Мы желали - бы, чтообъ въ каждомъ углу нашего жилища, душа,жаждущая Божественнаго слова, могла находить духовную манну. Эшопъ до-

спойный мужъ имѣль-ли вдохновенное выраженіе; произнося свою рѣчь?»

— Истинно вдохновенное, Милордъ. Онъ говорилъ о законныхъ правахъ, которыя приобрѣла армія и особливо Ваше Превосходительство, сдѣлавшись двигателями великаго дѣла. Онъ говорилъ, что это не тѣ двигатели, которыя должно разбивать и бросать, какъ скоро кончилась ихъ служба; нѣтъ, ихъ должно сохранять, уважать, почитать, видѣть въ нихъ сокровище, за ихъ долговременные и вѣрные подвиги въ битвахъ, въ походахъ, въ постахъ, въ молитвахъ, въ претерпѣніяхъ холода и печали въ то время, когда множество другихъ, которые желали-бы видѣть ихъ разбитыми, уволенными, удаленными, упучнялись всѣми благами земными и думали только, какъ-бы попить и понаслаждаться.

«Доспойный мужъ! И онъ говорилъ такъ благодушно? Я могъ-бы сказать нѣчто объ этомъ предметѣ, который... но не теперь. Подите въ галлерей, Пирсонъ. Пусть друзья наши всегда будутъ препоясаны оружіемъ; пусть бодрствуютъ и молятся.»

Пирсонъ вышелъ и Генералъ, держа въ рукахъ письмо Ээрарда, еще нѣсколько времени приспально смотрѣлъ на Уйлдрѣка, какъ-бы соображаясь, въ какомъ тонѣ говорить съ нимъ.

Наконецъ, онъ открылъ ротъ и произнесъ одну изъ шѣхъ двусмысленныхъ рѣ-

чей, о которыхъ мы уже намекали, въ которыхъ трудно было понять, что хотѣлъ онъ сказать — если впрочемъ и самъ онъ понималъ это. Мы приведемъ его рѣчь съ возможною краткостью, сколько позволяешь желаніе наше — передать собственныя слова споль необыкновеннаго человѣка.

«Ты привезъ намъ это письмо» сказалъ онъ вошь своего господина или покровителя, Маркгама Ээрарда, человѣка храбрѣйшаго и достоинѣйшаго изъ всѣхъ тѣхъ, кто носилъ когда нибудь шпагу; онъ отличился въ великомъ дѣлѣ освобожденія прехъ бѣдныхъ, несчастныхъ народовъ. — Не опвѣчай мнѣ; я знаю что ты хочешь сказать. — Онъ избралъ тебя опдатъ мнѣ это письмо, тебя, своего писаря, своего секретаря, которому онъ вѣришь, которому проситъ онъ и нашей довѣренности, для того, чтобъ между нами былъ вѣрный, исполнительный вѣсповщикъ. — Не опвѣчай мнѣ; я знаю что ты хочешь сказать. — И онъ послалъ тебя ко мнѣ, ко мнѣ, а я почишаю себя споль незначительнымъ, что принялъ-бы за большую честь, если-бъ мнѣ дали носить алдбарду въ этой великой и побѣдоносной Англинской арміи — но вошь я возведенъ въ достоинство начальника ея; мнѣ ввѣрентъ жезль предводительства. — Еще разъ, мой другъ, не опвѣчай мнѣ; я знаю что ты хочешь сказать. — И шакъ, покуда мы разговариваемъ шакимъ образомъ, наша рѣчь, опносительно къ тому что я ска-

заль, вершитися на прехъ предметахъ, или раздвляешся на три отдвленія. Первое, касашельно твоего господина, далве, опносясь къ намъ и къ мѣспу, кошорое мы занимаемъ; наконецъ, вразсужденіи самого шебл. Чпо касаетса до этого храбраго и достойнаго человекъ, Полковника Маркгама Ээрарда, по сущей правдѣ, съ самага начала этихъ несчастныхъ смятеній онъ велъ себя какъ настоящій человекъ, не сворачивая ни направо, ни налево, а всегда имѣя въ виду предположенную цѣль. Да, испинно этошь человекъ исполненъ чести и вѣрности, кошорый справедливо можетъ назватъ меня своимъ другомъ, и я восхищаюсь, видя чпо онъ опдаетъ мнѣ справедливоссть. Однакожь, въ этой долинь плача. мы не сполько должны руководствоватъса нашими частными опношеніями, нашими искренними побужденіями, сколько великими правилами и основаніями долга, съ кошорыми всегда соображался въ своемъ поведеніи почтенный Полковникъ Ээрардъ, также какъ и я, по истинѣ, употреблялъ всѣ силы соображатъса съ ними въ моихъ поступкахъ, для того, чпобы всѣ мы могли дѣйствовашъ какъ испинные Англичане и достойные патриоты. Чпо касаетса до Вудспока, то Полковникъ проситъ меня о большомъ дѣлѣ — усранишь это имѣніе опъ общаго достоянія, принадлежащаго Израилю и ввѣришь храненіе его Моавиллянамъ и особен-

но неблагонамѣренному Генриху Ли, который всегда противъ насъ поднималъ руку, какъ скоро находилъ къ тому случай и возможность. И такъ, я говорю, что Полковникъ просить меня о большомъ дѣлѣ, относительно и себя и меня. Да, потому что и насъ, которые составляемъ бѣдную, но свящую Англинскую армію, Парламентъ почищаетъ людьми, которые должны располагать завоеванными нами достояніемъ, но не имѣють права дѣлить его, точно также какъ собаки, которыя заправили оленя, не могутъ кушать его: ихъ гоняетъ плетью, какъ достойныхъ наказанія за дерзость; вмѣсто награды за услуги. Я говорю это безъ всякаго отношенія къ усупкѣ Вудстока, надѣясь, что господа, заседающіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ Парламента, могутъ милосливо думать, что они въ этомъ случаѣ усупили мнѣ часть, полагая что родственникъ мой Десбороугъ приобрѣлъ на то нѣкоторыя права; а какъ онъ точно заслужилъ эти права искренними и вѣрными услугами несчастному государству, то мнѣ не прилично шупъ вмѣшиваться къ предоужденію его, безъ большихъ причинъ и общей пользы. И такъ, мой почтенный другъ! ты самъ видишь, въ какомъ я положеніи касательно просьбы своего господина и видишь мое мнѣніе въ этомъ случаѣ. Не говорю, что я могу безусловно и въ полной мѣрѣ исполнить это или оп-

казати; я просто сказываю только свои мысли об этомъ дѣлѣ. — Вѣрно ты понималъ меня?»

Роджеръ Уильдрекъ выслушалъ рѣчь Лорда Генерала со всѣмъ вниманіемъ, къ какому только былъ онъ способенъ, но умъ его такъ запутался въ лабиринтъ длинныхъ фразъ этой ораторской вылазки, что онъ былъ точно въ такомъ смущеніи и замѣшательствѣ, какъ крестьянинъ, который находится въ сполницѣ, посреди множества карещъ и не можетъ спустить шагу, уверхиваясь отъ одной и не будучи въ опасности поцасъь подѣ колеса другой.

Генералъ видѣлъ его смущенную физиономію и началъ другую рѣчь, подобную первой. — Онъ распространился о своей приверженности къ доброду, другу, Полковнику; говорилъ о вниманіи, которое долженъ имѣть къ своему благочестивому и достойному родшвеннику Десбороугу; описывалъ попеременно великую важность дворца и парка Вудспокскаго; намѣреніе Парламента конфисковать ихъ и взять вырученную сумму въ государственную кассу; свое глубокое уваженіе къ власти Парламента; свое не менѣе глубокое сожалѣніе о несправедливости, сдѣланной арміи. Онъ прибавилъ, что желаетъ и хочетъ привести въ порядокъ всѣ дѣла мирно, дружественно, безъ споровъ и раздоровъ, безъ всякихъ личныхъ выгодъ для дѣйствующихъ руками и для шѣхъ, кто

являлись управляющими главами въ этомъ великомъ, народномъ дѣлѣ; что онъ былъ бы гошовъ, испинно гошовъ способствовать этому, онъ отказался не только отъ своего званія, но даже отъ жизни, если бы такую жертву требовали отъ него и она могла согласоваться съ безопасностью бѣдныхъ солдатъ, которымъ — несчастныя пворенія! онъ, по совѣсти, долженъ былъ опщомъ, зная что они слѣдовали за нимъ съ такою горячностью, какъ дѣти. Здѣсь онъ сдѣлалъ длинную паузу, ославляя Уильдрека въ такомъ-же какъ и прежде невѣдѣннн о главномъ вопросѣ: хочеть ли онъ или не хочеть дать Подковнику Ээарду полномочіе, какого онъ просить для защиты Вудспока отъ комиссаровъ Парламенша. Внупренно онъ начиналъ льспнпться надеждою, что правосудіе Небесное или угрызеніе совѣсти повредили умъ цареубійцы. Но нѣтъ; онъ видѣлъ одну, прозорливость въ этихъ жестокихъ и швердыхъ взорахъ, которые, въ то время какъ языкъ его болталъ такое множество ничего незначащихъ фразъ, казалось, съ вѣрнымъ вниманіемъ наблюдали, какое дѣйствіе производить его краснорѣчіе на слушателя.

— Чортъ возьми! — подумалъ молодой Кавалеръ, который начиналъ нѣсколько ознакомляться со своимъ положеніемъ и дерялъ шерпвіе отъ длиннаго разговора, казалось, не ведущаго ни къ какому заключенію — если бы ешарый Нолль былъ

самъ дьяволъ своею особою, а не простое любимецъ дьявола, по я не далъ - бы ему водить себя за носъ. Я не посмотрю ни на что, если онъ будетъ продолжатъ еще такъ, и тогда увижу, не лъзя-ли добиться у него нѣсколькихъ понятныхъ словъ.

Задумавши объ этомъ смѣломъ предпріятіи, онъ боялся однакожь приводить его въ исполненіе, и ждалъ, не представится ли къ тому какого нибудь случая. Кромвель, какъ будто ему не возможно было яснѣе выражать своихъ намѣреній, началъ уже претій панегирикъ Полковнику Дэрарду, присовокупилъ къ тому разныя увѣренія о своемъ желаніи одолжить его — но Уйльдрекъ воспользовался одною ораторскою паузою Генерала и заговорилъ въ свою очередь :

— Если Ваше Превосходительство позволите мнѣ замѣнить — смѣло сказала онъ — по вы уже говорили о двухъ пунктахъ вашей рѣчи: относительно самихъ васъ и моего господина. Но чтобы дать мнѣ возможность исполнить свое порученіе, кажется, что вамъ нужно сказать нѣсколько словъ и о претъемъ пунктѣ.

«О претъемъ!» повторилъ Кромвель.

— Точно такъ — сказала Уйльдрекъ. — По раздѣленію, какое вы сдѣлали для предмета своей рѣчи, претій пунктъ долженъ былъ относиться къ вашему недостойному слугѣ, по есть ко мнѣ. Что должно мнѣ

дѣлать? Какую роль долженъ я играть во всемъ эпомъ?

Мгновенно перемѣнился образъ выраженія Оливьера и голосъ его переспалъ походить на голосъ ласкающейя кошки: онъ спалъ подобенъ рыканію пшгра, готоваго броситься на свою жершву. «Твоя роль!», висѣльникъ!« вскричалъ онъ, «швая роль болшаться на висѣлицѣ, на шакой-же какъ Аманова, если только ты осмѣлишься измѣнить моимъ шайнамъ. Но, «прибавилъ онъ, нѣсколько смягчая свой голосъ, «если ты вѣрно сохранишь ихъ — моя милость можетъ что нибудь сдѣлать изъ тебя. Слушай: ты довольно смѣлъ, даже слишкомъ смѣлъ. Ты былъ недоброжелатель. Это пишешь ко мнѣ мой досшойный другъ Полковникъ Ээрдъ; но ты оставилъ опчаянную спорону. Я тебѣ говорю, другъ, что ни Парламентъ, ни армія не могли бы со всею своею силою свергнуть съ шрона Стуаршовъ. . . . я не кровожаденъ и знаю бренность чловѣчества. Но, пріятель, кто единожды занесъ руку, для того чтобы подвинуть впередъ великое дѣло, которое происходитъ среди этого народа, шотъ берегись оглядываться назадъ, и повѣрь моему слову, что если ты обманываешь меня, то я не сдѣлаю тебѣ пощады ни на одинъ футь прошивъ Амановой висѣлицы. Скажи мнѣ, однимъ словомъ, совершенно-ли испребились въ швомъ сердцѣ плевелы недоброжелательства?»

— Ваше Превосходительство надѣлали такихъ дѣлъ и такъ славно насъ опщелкали — опвѣчалъ Уйлдрекъ попирая себѣ плеча — что недоброжелательство не знаете куда дѣться.

«Правда-ли?» сказалъ Генераль съ усмѣшкою, которая показывала, что и онъ не совсѣмъ недослупенъ лестии. «Да, ты правъ; мы были дѣйствующимъ лицомъ. Я уже далъ тебѣ понять, что мы совсѣмъ не такъ строга расположены къ недоброжелателямъ, бывшимъ противъ насъ, какъ многіе другіе были-бы на нашемъ мѣстѣ. Парламентъ знаетъ свою пользу и свою волю, но по моему смиренному мнѣнію, давно пора окончить всѣ эти раздоры и дать волю людямъ всѣхъ партій служить своему опечесству, и мы думаемъ что ты долженъ винить самого себя, если не будешь служить съ выгодною для государства и для самого себя — только съ условіемъ, что ты совершенно бросишь старое и съ полнымъ вниманіемъ выслушаешь то, что я долженъ тебѣ сказать.»

— Ваше Превосходительство не должны сомнѣваться о моемъ вниманіи — опвѣчалъ Кавалеръ.

Республиканскій Генераль опять промолчалъ нѣсколько времени, какъ человекъ, который никому не ввѣряется безъ разсмотрѣнія, и началъ располковывать ему свои виды съ необыкновенною ясностью, хотя

по временамъ и не забывалъ своей привычки помногословить, кошорую оспавлялъ онъ совершенно полько на полъ бышвы.

»Ты видишь, мой другъ, въ какомъ я положеніи. Парламентъ не любитъ меня— а мнѣ мало и нужды, если кто знаетъ. Государственный Совѣтъ, черезъ которъй онъ приводитъ въ исполненіе свою волю, любитъ меня еще менѣе. Не могу и самъ сказать, оцъ чего они пишутъ ко мнѣ подозрѣнія; развѣ за то, что я не хочу измѣнить пользамъ эпой бѣдной арміи, кошорая слѣдовала за мною въ столькихъ военныхъ походахъ, и не хочу видѣть, чпобы ее угнешали, раздѣляли, выпускали, такъ что можетъ быть итѣ, кно проливалъ кровь свою, защищая опечество, не имѣли-бы средства обезпечить свое существованіе работою. А это, мнѣ кажется, было-бы слишкомъ жестоко и значило-бы похитить у Исава право первородства, не давши ему и одной парелки чечевицы.«

— Я думаю что Исавъ съумѣешь справиться самъ — сказалъ Уильдрекъ.

»Ты говоришь умно,« возразилъ Генераль. »Не надобно моришь голодомъ вооруженнаго человека, если ему стоить полько взяться за оружіе и онъ добудеть себѣ хлѣба. Впрочемъ у меня никогда нѣтъ и мысли покровительствовать буншу или неуваженію къ нашимъ прави-

шелямъ. Я желалъ-бы только просить, скромно, правдиво, тихо, согласно — пусть выслушаютъ наши просьбы и обратятъ вниманіе на наши нужды. Но въ это время, когда они такъ мало оказываютъ мнѣ вниманія и уваженія, ты можешь понять, другъ, чпо съ моей стороны это значило бы дѣлать вызовъ и Государственному Совѣту и Парламенту, если-бы для одного твоего господина я смѣлъ дѣйствовать противъ ихъ намѣреній, смѣлъ препятствовать комисіи, которая поступаетъ въ силу ихъ власти — власти, все еще первой въ государствѣ, и по мнѣ, дай Богъ ей всегда быть первой! — А комисія налагаетъ секвестръ на взятое имѣніе. Теперь, не станешь-ли обвинять меня въ покровительствѣ недоброжелателямъ, если я допущу, чпо это гнѣздо станетъ убѣжищемъ застарѣлаго Амадесита, Сира Генриха Ли, и дамъ ему владѣть мѣстомъ, въ которомъ онъ такъ долго славился? Истинно, это было-бы преопасное дѣло!

— И такъ, Ваше Превосходительство, прикажете-ли мнѣ донести Полковнику Ээрарду, чпо вы не можете помочь ему въ этомъ дѣлѣ? — спросилъ Уйлдрекъ.

«Безусловно — не могу! да, не могу,» отвѣчалъ Кромвель. «Но съ условіями — ошвѣтъ можетъ быть и другой. Я вижу, чпо ты не въ состояніи понять и оцѣнить моихъ намѣреній и пошому об-

ясню ихъ частно; но ты долженъ крѣпко остерегаться, чтобы твой языкъ не измѣнилъ моимъ тайнамъ, кромѣ только того, что я велю тебѣ сказать отъ меня своему господину: а иначе, клянусь всею кровью, которая пролита въ это несчастное время, ты въ одинъ разъ умрешь тысячею смертей — если не будешь мнѣ вѣренъ.»

— Меня не опасайтесь, Милоспивый Государь! — сказала Уйльдрекъ. Смѣлость, природная безпечному характеру его, была напугана и смущена, какъ смѣлость сокола, который видитъ орла.

«И такъ слушай, и — смотри — чтобы изъ всего, что ты услышишь, ни одинъ слогъ не сорвался съ твоего языка. — Знаешь-ли ты молодого Ли, котораго зовутъ Албертомъ? Онъ такой-же недоброжелатель какъ отецъ его и былъ съ *молодымиъ теловѣкомѣ* на послѣдней бишвѣ, при Ворчестерѣ?»

— Я знаю что у Сира Генриха Ли есть сынъ, Албертъ.

«А не знаешь-ли ты — я говорю это не для того, чтобы вывѣдать отъ тебя тайны твоего господина, но, мнѣ надобно узнать хорошенько все объ этомъ предметѣ, для того, чтобы видѣшь, какъ могу я услужить ему, — не знаешь-ли ты, что твой господинъ, Маркгамъ Ээрардъ, любитъ сестру этого молодого недобре-

желатели, дочь спараго Вудешокскаго тюремщика, котораго зовуть Генрихъ Ли?»

— Обо всемъ эпомъ я слыхалъ; и не могу сказать, чтобы не вѣрилъ.

«Хорошо, слушай-же. Когда молодой человекъ, Карль Спуаршъ, бѣжалъ съ Ворчестерской башни и за нимъ гнались такъ близко, что онъ принужденъ былъ опдѣлиться отъ своихъ приверженцевъ, я знаю — знаю навѣрное — что эпомъ Албертъ Ли былъ однимъ изъ послѣднихъ и можетъ быть самый послѣдній, который оспался съ нимъ.»

— О, къ этому онъ былъ способенъ! — вскричалъ Уильдрекъ, забывши на минуту, съ кѣмъ онъ былъ и какъ нужно было ему взвѣшивать свои слова. — Да, я готовъ со шпагой въ рукѣ утверждать, что онъ истинная отрасль спарой вѣтви.

«А, ты клянешся!» сказалъ Генераль. «Таково-то твое обращеніе?»

— Я никогда не клянусь — отвѣчалъ Уильдрекъ, спараясь поправить свою забывчивость. — Я клянусь только, когда говорять о недоброжелателяхъ и Кавалерахъ: пусть старая привычка беретъ свое и я — клянусь какъ солдатъ Горинга.

«Фи!» сказалъ Генераль «къ чему произносишь эти неправославныя слова? Они смущаютъ слухъ, когда коснулся до него, и не могутъ быть полезны цому, что ихъ употребляешь.»

— Конечно на свѣшѣ есть грѣхи полезнѣе кляшвы — готовъ былъ опвѣчать Кавалеръ, но благородіе замѣнило эпитетъ опвѣшѣ изъясненіемъ сожалѣнія, что несчастное словечко сорвалось съ языка и оскорбило Кромвеля. Въ самомъ-же дѣлѣ разговоръ начиналъ принимать такой оборотъ, что возбуждалъ въ Уйльдрекѣ живѣйшее любопытство и онъ рѣшился не упускать этого случая, узнать шайну, казалось, готовую явиться въ словахъ Генерала. Уйльдрекъ могъ успѣшь въ этомъ, какъ можно спроче наблюдая за словами своими.

«Въ какомъ родѣ эпитетъ Вудшпокскій домъ?» спросилъ Кромвель, круто перемѣняя предметъ разговора.

— Родъ стараго замка — опвѣчалъ Уйльдрекъ; — и если могу судить, проживши тамъ одну ночь; въ немъ нѣтъ недоспашка ни въ пощаенныхъ лѣспинцахъ, ни въ скрытыхъ переходахъ, ни во всѣхъ этихъ подземныхъ сообщеніяхъ, какія часто бывають въ такихъ вороновыхъ жилищахъ.

«Рѣдко бывають эти древнія зданія безъ тайныхъ каморокъ.»

— Ваше Превосходительство можете поклясться въ этомъ и не ошибетесь.

«Я никогда не клянусь,» сухо опвѣчалъ Кромвель. «Но что думаешь ты, мой другъ? Опвѣчай прямо на мой вопросъ. Самъ разсуди: гдѣ скорѣе искать убѣжища двумъ Ворчестерскимъ бѣглецамъ, копо-

рыхъ ты знаешь, какъ не въ этой Ложѣ — а я знаю навѣрное, что они гдѣ нибудь скрылись. — Тамъ всѣ уголки и закоулки извѣсны молодому Албершу съ малолѣтства.»

— Ваша правда — сказалъ Уильдректъ; стараясь отвѣчать съ равнодушнымъ видомъ, но возможность этого событія и слѣдствія, какія могли изъ него произойти, представились его воображенію въ самомъ ужасномъ видѣ. — Я думалъ-бы также какъ Ваше Превосходительство, когда-бы не былъ увѣренъ, что роша, которая поселилась въ Вудшопъ по волѣ Парламента, заславить ихъ удалился отшуда, какъ кошка заславляетъ голубей убраться изъ голубятни. Сосѣдство Генераловъ Десбороуга и Гаррисона совсѣмъ не жстапи пѣмъ, кто бѣжалъ съ Ворчестерской битвы.

«Я также думаю, да и желаю, чтобы это было такъ. Пусть пройдетъ много времени до тѣхъ поръ, пока наши имена переспануть спрашивать нашихъ враговъ. Но если ты хочешь играть дѣятельную роль въ дѣлѣ, для выгоды своего господина, такъ я думаю, что ты могъ-бы извлечь изъ этихъ обстоятельствъ кой-что недурное для себя.»

— Моимъ-ли умомъ проникнуть глубину намѣреній Вашего Превосходительства?

«Слушай-же и умѣй воспользоваться. — Конечно побѣда Ворчестерская была великое дѣло, но, мнѣ кажется, что призна-

ительность наша была-бы съ ними несообразна, если-бы мы не извлекли шуть всего, что только можемъ, для нашей пользы и для приведенія къ концу великаго дѣла. Говоря со всею покорностью и искренностью сердца — мы не желаемъ, чтобы помнили въ этомъ случаѣ исполнителя, которымъ были мы; напропивъ, умоляемъ и просимъ забыть наше имя навсегда. Однакожь, находясь на такомъ мѣстѣ, намъ должно болѣе всѣхъ другихъ — разумѣется, если только такія ничтожныя творенія какъ мы, можемъ говорить о себѣ, по еслѣ какъ болѣе или менѣе участвовавшія въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершились вокругъ насъ — намъ, говорю я, должно стараться, чтобы все окончилось сообразно съ великими переворотами, которыя совершились и еще совершаются въ государствѣ. Таковы мои намѣренія: они просты и ясны. Вошь почему очень, очень желательна, чтобы молодой человекъ — этошь Шотландскій Король, какъ онъ самъ себя называетъ — этошь Карль Стюартъ — не могъ убѣжать изъ государства.

— Я увѣренъ, — сказалъ Кавалеръ, пощупляя глаза — что мудростью Вашего Превосходительства приняты всѣ мѣры, которыя скорѣе могутъ привести къ такому концу, и я прошу Небо вознаграждать васъ за всѣ подвиги ваши по достоинству.

»Благодарю тебя, другъ,« сказала Кромвель съ униженнымъ видомъ. »Конечно мы получимъ свою награду, пошому что она въ рукахъ такого хозяина, у котораго не пройдетъ ни одного субботняго вечера безъ расплашы съ пружениками. Но — пойми меня хорошенько, мой другъ — я ничего не желаю, кромъ моей чести въ этомъ добромъ дѣлѣ. Опъ искренняго моего сердца желалъ-бы оказать всѣ бѣдныя услуги, какія только могу, своему господину — и даже тебѣ, по своему состоянію — пошому что такіе люди, какъ мы, разговаривающъ съ человѣкомъ проснымъ не для того, чтобы ихъ присущствіе и разговоры были забыты, какъ всеневное приключеніе. Мы говоримъ такимъ людямъ, какъ ты, или для награжденія, или для наказанія ихъ, а я надѣюсь, что ты заслужишь опъ меня награжденіе.«

— Ваша Честь говоритъ какъ человѣкъ, привыкшій повелѣвать — сказала Уильдрекъ.

»Правда. Только внушая страхъ и почтеніе, на высшихъ степеняхъ можно владѣть умами другихъ. Но довольно объ этомъ предметѣ. Обращаюсь къ своему господину. Я желалъ-бы подарить ему это золотое яблоко. Онъ служилъ прошивъ Карла Стюарта и прошивъ его опца; но онъ родня старому Генриху Ли и въ ладахъ съ его дочерью. А ты самъ, мой другъ! и тебѣ надобно глядѣшь во всѣ глаза. Твой

нѣсколько свѣтскій видъ введешь себя въ довѣренность у всѣхъ недоброжелателей и наша добыча не будетъ имѣть возможности приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ думаешь найдши убѣжище, какъ кроликъ въ норѣ — ты пошчасъ узнаешь, что онъ тушь.

— Спараюсь понять слова Вашего Превосходительства — сказалъ Кавалеръ. — Сердечно благодарю васъ за доброе мнѣніе обо мнѣ и прошу Небо дать мнѣ случай доказать вамъ, что я достоинъ его и средства изъявить всю мою признательность. Но, позвольте, со всѣмъ уваженіемъ сказать, что предположеніе Вашего Превосходительства не можетъ совершиться, если Вудшоукъ останется въ распоряженіи комиссаровъ секвестра. Спарый Кавалеръ, его сынъ и особенно бѣглець, о которомъ Ваша Честь изволили упомянуть, постараюсь не подходить къ Ложѣ до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ рукахъ комиссаровъ.

«Вопрь для этого-то я и говорилъ съ тобою такъ долго. Я сказалъ тебѣ, что не хотѣлъ-бы вывести комиссаровъ секвестра собственною моею властію, для маловажныхъ причинъ — хотя можетъ быть у меня довольно власти въ правленіи дѣйствовать такимъ образомъ и презирать ропотъ тѣхъ, которые станутъ меня бранить. Однимъ словомъ, какая мнѣ надобность безъ явной необходимости или по

крайней мѣрѣ безъ большихъ надеждъ на выгоды — употребляшь всѣ свои преимущества, во всей ихъ силѣ и мѣряешь ими съ комиссіею, которую учредили другіе? И шакъ, если Полковникъ, твой господинъ, хочеть, изъ любви къ Республикѣ, изыскаеть средства предупредить эту величайшую опасность, которая грозитъ ей — то есть, бѣгство *молодаго человека* изъ государства — и спанеть употребляшь всѣ средства поймать его, вслучаѣ если-бы онъ прибѣжалъ въ Вудспокъ — а я почишаю это очень вѣроятнымъ — то я дамъ тебѣ приказъ комиссарамъ секвестра тотчасъ очистишь Ложу и прикажу ротѣ моего полка, которая въ Оксфордъ, взять ихъ за вороты и выводить по своему, если только они подумаютъ не послушаться. Да, да, хотябы имъ должно было, для примѣра, перваго пославить на порогъ Десбороуга, нужды нѣтъ что онъ мужъ моей родной сестры.»

— Съ вашимъ могущественнымъ приказомъ я надѣюсь выжить комиссаровъ и не прибѣгая къ пособію спарыхъ, побѣдоносныхъ вашихъ солдатъ.

«Да я объ этомъ и не думаю. Я-бы желалъ видѣть того смѣльчака, который задумаетъ оспаривать, когда я сдѣлаю ему одинъ знакъ убираться — исключая благородную Палату, именемъ которой мы занимаемъ нашу должность, но политическія мѣры

ея, какъ многіе думаютъ, распадутся, прежде нежели она успеетъ ихъ сплосить. Вошь для чего, а эшо всего важнѣе для меня, я-бы желалъ знать, возьмется ли швой господинъ за такое дѣло, которое обѣщаетъ ему великія выгоды. Я увѣренъ, что съ такимъ пройдохой, какъ ты, по есть человѣкомъ, который бывалъ и въ лагерь Кавалеровъ и, кажешся, судя по виду, можетъ еще съ ними при случаѣ и попить и поклясться и пуспиться во всѣ неправославныя удовольствія, какъ ему не узнашь, куда дѣвался эшотъ Спуартъ. Можешь быть, молодой Ли придешь къ своему опцу, или напишешь къ нему, или какъ нибудь иначе спанешь передавашься съ нимъ извѣстіями: во всякомъ случаѣ, Маркгамъ Ээрардъ и ты должны имѣть по глазу на каждомъ волоскѣ вашей головы.»

При эшихъ словахъ въ лицѣ Кромвелля явилась, противъ обыкновенія, сильная краска: онъ вспалъ, съ шревожнымъ видомъ началъ прохаживашься по комнатамъ и прибавилъ: »Бѣда вамъ, если вы дадите эшому молодому бродягѣ ускользнуть отъ меня! Лучше вамъ схорониться въ самой глубокой шюрмѣ изъ всей Европы, а не дышать воздухомъ Англии, если вы не будете мнѣ вѣрны! Я говорилъ тебѣ ясно — такъ ясно, какъ я не привыкъ говорить — леперь эшо было необходимо — но бышь у меня въ довѣрен-

носпи , значиль , стояшь на часахъ подлѣ пороховаго магазина : малышья искра можешь превратить тебя въ прахъ . Скажи своему господину то , что я говорилъ — но не моими словами . Ахъ ! не уже-ли и я долженъ увлекаться движеніемъ страстей чловѣческихъ ? Пошелъ , лукавецъ ! Пирсонъ передастъ тебѣ запечатанные приказы . Постой : ты хочешь что-то спросить у меня ?»

— Я-бы желалъ знать — сказалъ Уильдрекъ , которому придавалъ увѣренности смященный видъ Кромвеля — каковъ собою молодой чловѣкъ : это нужно для того , чтобы я могъ узнать его , если гдѣ нибудь встрѣчу .

«Говорять , что онъ выросъ , сталъ худъ , загорѣлъ ,» отвѣчалъ Генераль . «Вошь его портретъ , не такъ давно написанный хорошимъ живописцомъ .»

Говоря эти слова , онъ оборотилъ одинъ изъ портретовъ , которые прислонены были живописью къ стѣнѣ ; но вмѣсто портрета Карла II , это былъ портретъ его несчастнаго отца .

Первое движеніе Кромвеля показывало , что онъ хотѣлъ его перенести на прежнее мѣсто и , казалось , ему нужно было много власти надъ собою даже одинъ разъ взглянуть на него . Но онъ сдѣлавъ это усиліе и прислонивши портретъ къ стѣнѣ , тихо отошелъ на нѣсколько шаговъ , какъ

бы желая найдти точку, съ которой могъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ.

Къ счастью Уильдрека, его опасный собесѣдникъ не взглянулъ въ эту минуту на его лицо, которое какъ на огнѣ вспыхнуло, когда Кавалеръ увидѣлъ портретъ своего государя въ рукахъ того, кто былъ главною причиною его смерти. Уильдрекъ способенъ былъ къ отчаяннымъ крайностямъ: онъ съ прудомъ могъ удержатъ всю силу своего негодованія и если-бы въ первомъ жару мщенія у него было подъ рукою способное оружіе, то можешь быть Кромвель никогда-бы не возвысился болѣе, въ своемъ дерзкомъ полетѣ къ верховной власти.

Но эта электрическая искра негодованія ошолъ естественнаго, вдругъ пробѣжавшая по всемъ жиламъ чловѣка обыкновеннаго, каковъ былъ Уильдрекъ, въ одну минуту исчезла передъ ужаснымъ, хопя и задушеннымъ движеніемъ, которое видно было въ такомъ безспрашномъ существѣ какъ Кромвель. Разсмапывая его мрачную и дерзкую физиономию, возмущенную внутренними, невзьяенимыми ощущеніями, молодой Кавалеръ тотчасъ потерялъ чувство собственного ожесточенія, которое перемѣнилось въ изумленіе и въ ужасъ. Такъ вспинно, что подобно огромному сіянію звѣзды, которое поглощаетъ и дѣлаеть невидимымъ небольшой блескъ, чловѣкъ въ умомъ необьяшнымъ, обширнымъ, по-

величельнымъ, покоряетъ и уничтожаетъ въ апогеѣ своихъ спраспей всякую волю и всякую спрасть другихъ, слабѣйшихъ, какъ рѣка, принимающая въ нѣдра свои ручеекъ, кажется, съ гордостью откаывается отъ бѣдной дани его воды.

Уильдрекъ оставался неподвижнымъ, нѣмымъ и почти устрашеннымъ зритель въ то время, какъ Кромвель, придавая своимъ взорамъ и движеніямъ видъ увѣренности, какъ человекъ, копорый спарается обнять предметъ, непріятный и пугоспный ему по какому-то внуспреннему чувству, началъ, въ крапкихъ и прерывистыхъ выраженіяхъ, но прояснимыхъ твердымъ голосомъ, дѣлать замѣчанія на портретъ покойнаго Короля. Слова его, казалось, не были обращены къ Уильдреку, но дико исходили изъ сердца, полного воспоминаніями прошедшаго и предвѣдніемъ будущаго.

«Эпопъ Фламандскій живописецъ, — сказалъ онъ — эпопъ Антонъ Вандикъ! Какое у него могущество! Мечъ можетъ отскапать, войны испреблять — а вошь Король, копораго время пощадило. — Наши внуки, читая лѣтописи, могутъ смотрѣть на его портретъ и сравнивать эти меланхолическія черты съ его ужасною исторіей. Это было дѣло ужасное!.. Спокойное величіе эпого взора могло бы оправдать мірами. . . .»

Какъ-бы защищая себя передъ судилищемъ, Кромвель такъ возвысилъ свой голосъ, что Пирсонъ, бывшій въ галлерей, отворилъ немного дверь кабинета. Но видя своего повелителя сверкающего глазами — одна рука пропаянута — нога впередъ — возвышающаго голосъ какъ Генераль, который великъ своей арміи нападашь — онъ потчасъ ускользнулъ назадъ.

Вдругъ отворилась дверь и въ кабинетъ вошла молодая дама. Можно было угадать, что это дочь Генерала — такъ велико было сходство ея съ нимъ, не смотря на совершенно женскія, нѣжныя черты ея лица. Она подошла къ Кромвелю, взяла его подъ руку съ нѣжною рѣшительностію и убѣдительною голосомъ сказала :

— Башюшка! это не хорошо; вы общали мнѣ, что этого не будетъ.

Генераль наклонилъ голову, какъ чловкъ, который стыдится овладѣвшаго имъ внутренняго движенія, стыдится власпи женщины надъ собою. Однакожь онъ уступилъ, послѣдовалъ нѣжному увлеченію своей дочери и вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ болѣе на портретъ, который столь сильно возмутилъ его душу.

Уильдрекъ оставался въ кабинетѣ, одинъ, изумленный.

Часто говорили что Кромвель, эгого искусный полищик, эгого глубокий государственный человекъ, эгого Генералъ жаднокровный и неустрашимый, эгого необыкновенное существо, побѣдившее столько затрудненій и вознесшееся на такую высоту, что, казалось, спокойно плавало надъ покоренною имъ землею — Кромвель, подобно многимъ другимъ необыкновеннымъ гениямъ, имѣлъ природную склонность къ меланхолии, которая иногда выказывалась въ его поступкахъ и разговорахъ и которой первые признаки явились въ этой поразительной и внезапной перемены, какую видѣли въ немъ послѣ первой молодости: онъ проведъ ее въ буйствѣ и развратѣ — но вдругъ оставилъ ихъ совершенно и предался строгимъ духовнымъ трудамъ: казалось, иногда онъ вѣрилъ, что они прямо и непосредственно соединяють его съ духовнымъ міромъ. Говорять, что въ это время своей жизни, сей необыкновенный человекъ предавался иногда умственнымъ обольщеніямъ, или, какъ онъ самъ почиталъ это, пророческимъ вдохновеніямъ о будущемъ величїи и великихъ прѣисшествїяхъ, странныхъ и непоспимыхъ, которыя должны были сдѣлать его столь-же замѣчательнымъ для потомства, какъ замѣчательна была его молодость изступленіемъ шалостей и безчинствъ. Должно предположить что

нибудь въ эпомъ родѣ, для объясненія случайныхъ *ескилѳнй*, подобныхъ тому, какое мы видѣли и которое иногда невольно увлекало его.

Удивленіе, которое чувствовалъ Уйльдрекъ послѣ всего, что происходило передъ его глазами, смѣшивалось съ нѣкоторымъ безпокойствомъ собственно о себѣ. Правда, онъ не былъ опьянимо разсудителемъ, но имѣлъ довольно ума и зналъ, какъ опасно быть свидѣтелемъ слабостей знаменитыхъ людей; къ тому-же его такъ долго осматривали одного, что онъ чувствовалъ что-то похожее на страхъ. Не вздумалъ-ли Генераль принять какихънибудь мѣръ, посредствомъ-ли заговоръ или какънибудь иначе, не дашь явиться на свѣтъ человеку, который видѣлъ, какъ подъ пыткой совѣсти онъ сошелъ съ этого возвышеннаго вѣдчія, на которомъ всегда старался быть выше всего, что живешь въ подлунномъ мѣрѣ.

Впрочемъ, въ эпомъ случай Уйльдрекъ не отдавалъ справедливости Кромвелю. Характеръ республиканскаго Генерала не доводилъ его ни до чрезвычайной подозрительности, ни до жестокости, которая близка къ жаждѣ крови. Прошло съ часъ времени, когда опять явился Пирсонъ и велѣлъ Уйльдреку слѣдовать за собою. Онъ привелъ его въ комнату, находившуюся въ другой части дворца. Здѣсь Генераль сидѣлъ на софѣ; дочь была съ нимъ, но

въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и занималась какою-то женскою работою. Она едва оборотила голову, когда вошли Пирсонъ и молодой Кавалеръ.

По знаку, сдѣланному Кромвелемъ, Уильдрекъ подошелъ къ нему.

«Другъ», сказалъ ему Генераль: «вошь приказъ, по формѣ, очистишь Будстикскую Ложу и ввѣришь храненіе ея своему господину или тѣмъ, кому онъ вздумаетъ препоручить ее. Я увѣренъ, что онъ помѣститъ тамъ своего дядю и свою прекрасную кухню. Прощай; обдумай, что я тебѣ говорилъ. Говорятъ, что красна есть магнитъ для извѣснаго тебѣ молодого человека; но теперь, я думаю, прелестные глаза и русые волосы не его путеводныя звѣзды. Какъ-бы то ни было, ты знаешь мои намѣренія. Гляди обоими глазами, хорошенько гляди. Внимательно осматривай всѣ тропинки, всѣ окольные дорожки, всѣ плетни, вдоль которыхъ шныряютъ бродяги. Мы живемъ въ такія времена, когда лохмотья нищаго могутъ закрывать выкупъ государя. Вошь тебѣ десятокъ Португальскихъ квадруплей; я думаю, такихъ никогда не бывало въ твоемъ карманѣ. Еще разъ — подумай о томъ что ты слышалъ и» — прибавилъ онъ понизивъ голосъ, но съ важностію «забудь то, что видѣлъ. Изъяви мою дружбу своему господину и, еще повторию тебѣ, помни и забудь!»

Уильдрекъ поклонился ему, возвратился въ свою гостиницу и съ возможною поспѣшностью поскакалъ изъ Виндзора.

II. С М Ъ С Ъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Quoique beaucoup de gens riches ne soient pas encore revenus de la campagne, il y avait chambrée complète à l'Opéra, le jour de la première représentation du *Siège de Corinthe*.

Deux toques sans fond étaient formées, l'une d'une grosse torsade moitié gaze bleue, moitié gaze d'argent; l'autre d'un rouleau de gaze rose cerclé de rubans jaunes et noirs. Au côté droit de la première toque étaient fixées deux bandelettes qui passaient sur la tête et descendaient à gauche jusqu'à la ceinture. Trois rubans de satin: rose, jaune et noir étaient disposés de la même manière sur l'autre toque, et se terminaient par des rosettes.

A la sortie, nous avons vu plusieurs manteaux de croisé à larges carreaux écossais, avec collet debout, et longue pélerine. Sur la tête, une pointe de dentelle, nouée sous le menton.

On trouve chez les marchandes de modes des chapeaux de velours vert, bleu-haïti, violet, avec filets en or qui forment des losanges. Les modistes employent les mêmes velours pour bérêts plats et unis et pour toques plissées.

Quelques toques plissées sont moitié en velours, moitié en gaze jaune, rose ou bleue. Les plis de ces toques sont rassemblés sur les côtés, près des tempes,

(*) По 20 ч. Октября, 1826 г.

et le milieu est orné d'une aigrette en marabouts ou d'un esprit.

On voit sur des chapeaux de satin de différents verts, doublés en velours écossais, des noeuds à grandes boucles en larges rubans de satin. Ces rubans sont rayé des deux côtés, de droit larges raies, bleues, jaunes et ponceau, ou vertes, noires et lilas.

Les redingotes sont presque toutes vertes, ont un collet de velours et deux rangs de boutons. Les basques ne joignent plus à partir du dernier bouton. Plus de poches sur les hanches.

Хотя богатые люди все еще живутъ за городомъ, но публика въ первое представление оперы *Осада Коринфа*, была многочисленная. Изъ множества замѣчаній о нарядахъ, вопль нѣсколько: два шока, безъ верха (*sans fond*), были составлены, одинъ изъ огромной *торсады* голубаго и серебрянаго газа; другой, изъ витковъ розоваго газа, перевитыхъ желтыми и черными лентами. Два бандельша, на правой сторонѣ перваго, переходя черезъ голову, висѣли на лѣвую сторону, до пояса. Три атласныя ленты: розовая, желтая и черная, расположены были шакимъ-же образомъ на другомъ шокѣ, оканчиваясь розетками. При разъѣздѣ изъ театра, замѣтили много плащей изъ клѣпчатой материи, съ Шотландскими квадратами. Воротники у сихъ плащей стоячіе и пеллерины длинныя. Дамы закрывали головы блондовыми косынками, завязанными на подбородкѣ.

Въ модныхъ магазинахъ пролаютъ бархатныя шляпки, цвѣтовъ: зеленаго, голубаго - *Гамми* и фіолетоваго, съ золотыми полосками, кошорыя образуютъ ромболды (*des losanges*).

Модиски употребляютъ такіе-же бархаты для плоскихъ и гладкихъ беретовъ и для шокъ со складками. Иногда шоки дѣлаются изъ бархата и газа, желтаго, розоваго или голубаго. Складки сихъ шокъ собраны на вискахъ, а середина украшена пучками марабу или эспрм. На ашласныхъ шляпкахъ, разныхъ зеленыхъ цвѣтовъ, подбитыхъ Шотландскимъ бархатомъ, дѣлають большіе банты изъ широкихъ ашласныхъ лентъ. На сихъ лентахъ, съ обѣихъ сторонъ, по шри широкія полоски : голубая, желтая и пунцовая, или зеленая, черная и лиловая.

Мужскіе реденгошы дѣлають вообще зеленые, съ бархатнымъ воротникомъ и двумя рядами пуговицъ. Поны у нихъ не сходящяся, начиная съ послѣдней пуговицы ; кармановъ на бокахъ, не бываетъ.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. Блондовый чепчикъ, убранный вѣнкомъ изъ розъ и пахучаго горошка. Кисейный реденгошь, убранный шитьемъ, на подобіе бранденбурговъ, и шюлевыми рюшами.

2. Суконный реденгошь, казимировые панталоны ; пуговицы мешаллическія, на подобіе шелковыхъ ; это изображение Господина Христофа.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О торговль Бухаріи ().*

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ торговля споспѣшествовала устанавленію постоянныхъ сношеній между различными государствами Средней Азіи, особенно, когда черезъ долгое время послѣ походовъ Александра, войнъ Государей Бактріанскихъ и опустошеній Парянъ, поестъ съ третьяго до седьмаго вѣка нашей Эры (226—638), Мавареннагаръ (Бухарія) началъ новую жизнь.

Могущество Калифовъ и обширное пространство ихъ Имперіи произвели счастливое дѣйствіе на торговые обороты. Бухара особенно обогатилась во время Саманидовъ; торговля съ сосѣдственными народами, и даже съ Китаемъ, усилилась неслыханнымъ допоя образомъ. Это счастливое слѣдствіе было произведено благодѣшительнымъ вліаніемъ Ламизма на дикихъ Монголовъ. Правила сей религіи, особенно предписывающей кротость, шериѣне и самоопроверженіе, произвели удивитель-

(*) Изъ Путеш. Барона Мейендорфа въ Бухарію.

но выгодное преобразование въ нравахъ и характеръ сихъ народовъ, преобразование, кошорое много способствовало къ обезпеченію спокойствія личнаго и утвердило на прочныхъ основаніяхъ право собственности.

Цвѣтущая торговля сего государства, прерванная опустошеніями Чингисъ-Хана, ожила не прежде какъ черезъ два вѣка, стараніемъ Тимура, кошорый далъ свою могущественную помощь караванамъ и повелѣлъ собрать полезныя свѣдѣнія посредствомъ торговцовъ и путешественниковъ, посланныхъ имъ въ Европу, Аравію, Индію и Кишай.

Тогда въ Бухарію начали привѣзжати купцы изъ всѣхъ прилежащихъ къ ней государствъ и она сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ торговли Средней Азіи и даже торговли Востока съ Западомъ. Не смотря на многократныя волненія, кошорыя производили споль частыя перемѣны въ сихъ странахъ, мы находимъ, что торговля тамъ всегда производилась по однимъ направленіямъ. Со временъ Александра главнымъ былъ всегда поныѣ великій путь, по кошорому и нынѣ идутъ караваны изъ Бухары, черезъ Самаркандъ, Кошгаръ и проходятъ чрезъ Коканъ (Фергана Арабовъ) и Тахшъ - Сулейманъ.

Древній путь Индійской торговли съ Трансоксианою былъ поныѣ, что и нынѣ: Апшожъ, Пейшаверь, Кабуль суть главные ея расшахи. Наконецъ,

и въ средніе вѣка дороги ея, по ко-
торымъ производилось сообщеніе меж-
ду Мавареннагаромъ и Аспраханью, бы-
ли шѣже, по кошорымъ и нынѣ слѣ-
дуюшъ Бухарскіе караваны. Такимъ обра-
зомъ, географическое положеніе Буха-
ріи; свойство земли, климашъ и произ-
веденія сосѣдственныхъ государствъ, со-
здающъ, шпакъ сказашъ, или по край-
ней мѣрѣ облегчающъ обширную тор-
говлю, всегда обогащавшую сію спрану.
Къ симъ природнымъ преимуществамъ
Бухаріи присоединяется спрасъ къ бо-
гатству, болѣе общая между ея обиташ-
телями, нежели между Ташарами вообще.
Таджикі одарены шорговымъ геніемъ. Они
показывающъ сполько-же ума и дѣятель-
ности въ своихъ шорговыхъ дѣйствіяхъ,
сколько умѣренности въ образѣ жизни.
Сіи различныя причины объясняющъ, какъ
Бухарія сдѣлалась испинно шорговымъ
государствомъ.

Жажда къ золоту шамъ споль велика,
что главнѣйшіе чиновники съ жаромъ за-
нимающъ шорговлею и легко побѣжда-
ющъ предразсудокъ, по кошорому менѣ
уважашся состояніе купца, нежели вои-
на. Начиная съ самаго Хана, всѣ предпочи-
тающъ дары денежные всѣмъ другимъ :
жадноспъ къ богатству превосходитъ
шамъ всякое вѣроятіе. Напрямѣръ, кшо-
бы могъ вообразить, что съ первой ауді-
енціи, данной Великимъ Визиремъ Бухар-

скимъ Г-ну Негри , разговоръ былъ единственно о цѣнѣ подарковъ , привезенныхъ симъ послѣднимъ , и что Визирь , первый Министръ , умолялъ Повѣреннаго въ дѣлахъ , не упустить чего нибудь изъ присланнаго Императоромъ Всероссійскимъ къ Хану ?

Да и гдѣ же золото можетъ быть такъ уважаемо , какъ не въ той странѣ , гдѣ оно замѣняетъ добродѣтель? Богатый Бухарець получаетъ шишуль бега , а это заставляетъ уважать его , или по крайней мѣрѣ предполагать , что кто получилъ сей шишуль , тотъ пользуется высокими уваженіемъ.

Правительство не беретъ никакихъ пошлинъ за вывозимые товары ; оно требуетъ только пошлинъ , и то самыхъ умеренныхъ , съ товаровъ ввозимыхъ. Торговля почти совершенно свободна , такъ что Таджики могутъ совершенно предаваться своей склонности къ спекуляціямъ.

Самая выгодная для Бухаріи торговля съ Россією , потому что сія Имперія составляетъ главный и почти единственный источникъ для сбыта произведеній Бухаріи , кромѣ того , что многіе товары , получаемые изъ Россіи , даютъ жизнь правдивой торговлѣ Бухарцовъ.

Бросимъ взглядъ на сношенія , существовавшія между Бухарією и Россією : это покажетъ намъ давность , продолже-

ніе и увеличеніе еякъ сношеній съ послѣдней половини осьмнадцатаго вѣка.

Нѣкоторые оріенталисты полагають, что съ половини осьмага вѣка ошь Р. Х., торговля проникла изъ Индіи къ Балтійскому морю черезъ Бухарію и Россію. Арабскіе писатели упоминають о городѣ Бухарѣ, какъ главномъ мѣстѣ торговли Хазаровъ съ Арабами, которые покупали тамъ, всего болѣе, мѣха, яншари и жемчужинъ.

Лербергъ, въ своемъ ученномъ сочиненіи, говоритъ о Бухарскихъ купцахъ, которые, до осьмнадцатаго вѣка, привозжали въ Тару, Томскъ и Тобольскъ, для обмѣна разныхъ тканей на мѣха и желѣзо. Баронъ Герберштейнъ видѣлъ Бухарскихъ купцовъ въ Москвѣ, а Ермакъ встрѣтилъ ихъ въ Тобольскѣ, уже давно производившихъ торговлю съ Сибирью.

Бадуччи Пеголетти, жившій около 1335 г., первый упоминаетъ о торговомъ пути, который ошь Азова до Пекина имѣлъ направленіе черезъ Аспраханъ, Сарай, Сарайчикъ и Ургенджъ. Безъ сомнѣнія, караваны проходили черезъ Отраръ, и черезъ Бухару и Самаркандъ, когда сіи мѣста были въ мирѣ.

Великій Князь Василій Ивановичъ завелъ сношенія съ славнымъ Бабуромъ, послѣднимъ Султаномъ изъ рода Тимуридовъ Мавареннагарскихъ, который расширилъ торговлю своихъ владѣній. Царь Иванъ

Васильевичъ былъ въ сношеніяхъ съ Канами Чагапайскими. Онъ далъ согласіе на пушешествіе Дженкинсона, посланнаго въ 1558 году Англинскою Московскою компаніею на воспокъ опть Каспійскаго моря. Дженкинсонъ нашель, что торговля Бухаріи съ Россіею была довольно значительна. Исключая пушешественика, или можетъ быть пушешествениковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Веніамина Туделы, Дженкинсонъ первый изъ Европейцовъ доставилъ извѣстія о Бухаріи. Онъ говоритъ о великомъ числѣ Индійскихъ, Персидскихъ и *Московитскихъ* торговцовъ, которые привъзжали въ сію страну и привозили иностранныя произведенія.

Во время Бориса Годунова, многіе Бухарскіе и Хивинскіе посланники привъзжали въ Москву: предметомъ ихъ посольствъ были однѣ торговыя пользы.

Съ этого времени Бухарскіе купцы получили въ Россіи привилегіи и Царь Алексѣй Михайловичъ далъ ихъ также Индійцамъ, которые торговали въ Астрахани.

Въ одномъ Русскомъ сочиненіи, изданномъ въ Петербургѣ въ 1792 году, подъ названіемъ *Книги большому гертежу*, описывается старинная карта Россіи, передѣланная въ 1627 году и которая, вѣроятно, принадлежитъ къ тринадцатому вѣку. Въ этой книгѣ есть географическія подробности о Мавареннагарѣ и Киргизской степи. Онѣ

любознательны, ибо доказываютъ, что Правительствованіе Московское имѣло довольно вѣрныя свѣдѣнія о сихъ странахъ и было въ сношеніяхъ съ Среднею Азіею.

Петръ Великій такъ заботился о всѣхъ частяхъ правленія своей Имперіи, что не могъ не заняться торговлею Россіи съ Бухаріею. Не буду упоминашь о несчастной экспедиціи Князя Бековича-Черкаскаго и объ экспедиціи Генерала Лихарева, кошорый, по берегу Иртыша прошелъ на три дни пуши за Нордъ-Саизанъ, но не зная, куда идти далѣе къ востоку въ сихъ обширныхъ пустыняхъ, рѣшился возвратиться: онъ былъ счастливѣе Князя Бековича, кошораго прагматическая кончина дала поводъ къ Русской пословицѣ: *погибъ какъ Бековичъ*. Въ это время Петръ I рѣшился овладѣть знаменитымъ золотымъ приискомъ Василькарскимъ, подлѣ Ургенджа, и построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Аму, для обезпеченія и облегченія Русской торговли съ Среднею Азіею и съ Индіею. Говорятъ, что онъ даже велѣлъ предложитъ Бухарскому Хану, покоришься Россіи, дабы тѣмъ избавишься отъ неустройства его народовъ.

Извѣстно, что Петръ I и предполагалъ учредить прямое сообщеніе между своимъ Государствомъ и Индоспаномъ и хотѣлъ начать это покореніемъ Киргизовъ. Смерть

сего Государя воспреняшествовала исполненію его предположенія (*).

Со времени Петра Великаго Правительство Россійское не переспавало заниматься торговлю съ Азіею, которой важнѣйшую вѣтвь всегда соспавляла торговля Бухарская. Въ 1754 году покорились Россія среднія и малыя Киргизскія орды со своими Ханами Шеміакою и Абуль-Хаиромъ. Это и поспроеніе Оренбургской крѣпости въ 1742 году, начашой на другомъ мѣсцѣ съ 1735 года, было чрезвычайно важно для сей торговли. Русскіе купцы начали ходить со своими караванами въ Бухару и Хиву, но частыя нападенія въ Киргизской степи и разграбленіе одного большаго Русскаго каравана въ самой Хивѣ, въ 1753 году, отвратили ихъ отъ сей опасной торговли.

Между тѣмъ Хивинцы продолжали торговать съ Рускими. Сіи послѣдніе соспавили въ 1762 году купеческую компанію въ Аспрахани для торговли съ Хивою. Въ этомъ-же году привхаль въ Россію Хивинскій посланникъ. Другой посланникъ привхаль къ намъ въ 1793 году. Въ слѣдующемъ году Императрица Екатерина II послала къ Хивинскому Хану Медика Бланкеннагеля, который издалъ краткое описаніе Хивинскаго Ханства. Наши торго-

(*) Ханъ орды, Абуль Метмедь, наследникъ Шеміаки, далъ присягу Россіи въ 1740 году.

вѣтя сношенія съ Хивинцами продолжаютъ съ сего времени непрерывно, хотя Киргизы иногда и грабятъ Русскіе караваны. Въ 1820 году Полковникъ Муравьевъ былъ посланъ Генераломъ Ермоловымъ въ Хиву. Онъ возвратился опшуда благополучно, хотя и подвергался большимъ опасностямъ.

Въ 1762 году одинъ Бухарскій караванъ былъ ограбленъ полцами Пугачева, на границахъ Оренбургской Губерніи и Ханъ Бухарскій опправилъ посла въ Россію (въ 1775). Съ сего времени до 1819 года, одиннадцать посланниковъ, одинъ послѣ другаго, приѣзжали въ Россію; каждый изъ нихъ оставался у насъ много лѣтъ и получалъ преимущества для шорговля своей страны съ Россійскою Имперією. Имъ были даны новыя выгоды; они собрали новыя свѣдѣнія о пошребностяхъ пошребленія Имперіи. Опсюда шорговля Бухарцовъ съ Россією значительна увеличилась, особенно по причинѣ скорого сбыта хлопчатой бумаги и Кашемирскихъ шалей.

Перейдемъ къ насшоящему положенію шорговля между обоими Государствами.

Можно вѣрить, что перемѣна мѣста Макарьевской ярмарки, переведенной съ 1818 года въ Нижній - Новгородъ, имѣла вліяніе на путь Бухарскихъ каравановъ, идущихъ въ Россію, потому что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ изъ привозимыхъ ими товаровъ продаются на сей

ярмаркѣ, и сверхъ того Бухарцы на ней производятъ всѣ свои закупы. Караваны всегда идутъ къ различнымъ таможеннымъ, находящимся по нашей границѣ между Каспійскимъ моремъ и Петропавловскомъ.

Слѣдуя самымъ краткимъ путемъ изъ Бухары въ Нижній - Новгородъ, должно было-бы проходить черезъ Хиву, Сарайчикъ, Астрахань и продолжать идти по Волгѣ до того мѣста, гдѣ бываешь ярмарка. Но такой путь, довольно неудобный по недостатку въ водѣ для большихъ каравановъ, сверхъ того предполагаетъ между Хивинцами и Бухарцами дружественныя сношенія, которыя, по несчастію, бывающъ часто прерываемы. Самая дальняя дорога черезъ Петропавловскъ: но Бухарцы ѣздятъ по ней, если увѣренность быть ограбленными опъ Киргизовъ малой орды или Хивинцовъ, по дорогѣ на Троицкъ или Оренбургъ, заставляешь ихъ сдѣлать сей объѣздъ. Я говорю, увѣренность, потому что опасеніе быть ограбленными всегда существуетъ.

Нынѣ всего болѣе призываютъ Бухарцы къ Троицкой таможнѣ, потому что желѣзо и мѣдь продаются въ Троицкѣ дешевле нежели въ другихъ Русскихъ городахъ, съ которыми они имѣютъ сношенія съ 1803 года. Частыя грабежи, со стороны Киргизовъ на Оренбургской дорогѣ, навели такой ужасъ на Бухарцовъ, что они совершенно оставили сію дорогу.

Только попеченіями Оренбургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Г. Эссена, возстановленъ порядокъ между Киргизами малой орды, и Бухарцы начали препровождать караваны въ Оренбургъ, по Аспраханской дорогѣ, самой прямой. Связи купцовъ Бухарскихъ съ чиновниками шаможенъ и положеніе шѣхъ мѣспъ, гдѣ находится аулы и гдѣ живутъ родственники провожатыхъ Киргизскихъ, имѣютъ также вліяніе на дорогу, избираемую караванами. Купцы Бухарскіе обыкновенно разделяютъ на двѣ части свои товары: одну ввѣряютъ Киргизамъ, которые нанимаются къ нимъ со своими верблюдами; другую же часть, которую обыкновенно составляютъ самые драгоценные предметы, какъ-то золото, серебро, шелковыя матеріи и шали, они навьючиваютъ на собственныхъ своихъ верблюдовъ и препровождаютъ особеннымъ караваномъ. Такимъ образомъ они отдѣляются отъ Киргизовъ для избѣжанія всякой распри съ этими грубыми людьми, всегда гопювыми обидѣвъ купца-Таджика, боязливаго по своей природѣ. Киргизы съ своей стороны собираются юлпами, что называютъ они *кошб*; вдутъ въ свои аулы съ товарами и расходятся, но въ назначенное время привзжаютъ въ степь, гдѣ хозяева товаровъ ожидаютъ ихъ и принимаютъ ввѣренное.

Время прибытія и отъѣзда каравановъ, приходящихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ оной, измѣняется, смотря по времени, удобному для перевѣзда черезъ степь, и по продолжительности Нижегородской ярмарки, которая обыкновенно начинается въ половинѣ Іюля и оканчивается около 20 Августа.

Купцамъ надобно время для окончанія своихъ расчетовъ, перевоза своихъ товаровъ въ пограничныя таможи, найма верблюдовъ и пригошовленій къ ѣзди, такъ, что караваны оставляютъ Бухару въ Маѣ мѣсяцъ, а границы Россіи въ Октябрѣ и даже Ноябрь. Въ сей послѣдній мѣсяцъ снѣга часто бывають очень глубоки въ сосѣдственныхъ Оренбургу и Троицку степяхъ, и караваны иногда принуждены пускати впередъ верховыхъ, для очищенія дороги своимъ вьючнымъ верблюдамъ. Всѣ купцы Бухарскіе ѣдутъ въ дорогѣ на лошадяхъ; одни только служители сидятъ на верблюдахъ. Даже изъ Киргизскихъ провожатыхъ, по крайней мѣрѣ прѣдъ часть верхомъ на лошадяхъ — такъ непріятенъ и утомителенъ ходъ верблюда для того, кто сидитъ на немъ. Погода въ Октябрѣ и Ноябрь мѣсяцъ иногда бываетъ весьма дурна и случаются споль сильныя вьюги, что караваны принуждены останавливаться на время отъ сихъ ужасныхъ урагановъ, иногда продолжающихся болѣе трехъ дней.

На верблюда обыкновенно нагружаютъ шестнадцать пудовъ и цѣна за провозъ съ пуда, можеть быть полагаема, отъ Троицка до Бухары, около 6 рублей ассигнаціями, а отъ Орска до Оренбурга $5\frac{1}{2}$ рублей.

Киргизы обыкновенно ѣдутъ отъ Русскихъ границъ до Бухаріи два мѣсяца, слѣдовательно въ Декабрѣ и въ Январѣ ходишся въ Бухарѣ множество Киргизскихъ верблюдовъ, хозяевамъ которыхъ надобно возвращаться какъ можно скорѣе къ себѣ домой. Съ сего времени договариваются они съ Бухарскими купцами о перевозѣ товаровъ въ Россію, получая отъ 40 до 50 рублей, не болѣе, съ верблюда, послѣ чего остатокъ зимы проводятъ съ купцами въ ихъ аулахъ. Такая смѣсь довѣренности и страха съ одной стороны, спраски къ грабежу и честности съ другой, весьма замѣчательна и можеть заставляять думать, что Киргизы, подобно многимъ другимъ народамъ, лучше взятыя отдѣльно, нежели цѣлыми своими ордами.

Бухарскіе купцы, отправляющіе караваны въ Россію, оканчивають свой оборотъ не прежде какъ по возвращеніи, по естѣ въ Январѣ мѣсяцѣ, около времени пригошовленія новой отправки. Это заставляетъ Бухарскаго торговца запрашивать на свой оборотъ только половину капишала, другую же онъ употребляетъ на

покупку поваровъ въ то время, когда они продаются по самой низкой цѣнѣ, на примѣръ, весною, скупающъ бумажныя шкани, зимою пряденую женщинами хлопчатую бумагу, слѣдовательно, Бухарецъ распоряжается такъ, чтобы можно было воспользоваться отъѣздомъ Киргизовъ въ Январѣ и имѣеть ту важную выгоду, что всегда опшваживается только половину своего капитала.

По прѣздѣ къ нашимъ таможеннымъ со своими поварами, Бухарцы продающъ въ кошорую часть оныхъ торговцамъ, производящимъ молочную продажу, особенно Ташарамъ и Башкирамъ, живущимъ по близости. Съ остальными поварами Бухарцы ѣдутъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ продаютъ повары опшомъ фабрикантамъ и купцамъ.

Имъ дано право производить свою торговлю въ Россіи, въ нашихъ пограничныхъ съ Азією городахъ и, съ 1807 года, на ярмахъ ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской и Коренной.

Въ числѣ невыгодностей, происшедшихъ опъ сего позволенія, замѣчаютъ, что оно сдѣлало изъ торговли нашихъ пограничныхъ городовъ протпой молочной торговъ. Оно дало средство Бухарцамъ покупать повары по внутренней цѣнѣ и опшало у Русскихъ купцовъ большіе барыши, какіе они прежде получали опъ своихъ торговыхъ оборотовъ съ Бухарцами.

Сихъ выгоды не возможно уже приобрести, если-бы даже опняли у Бухарцовъ право торговать внутри Россіи; но Бухарія, не имѣя другаго источника для сбыта своихъ произведеній, кромѣ Россіи, могла-бы быть принуждена, доставить Русскимъ болѣе важные барыши въ торговлѣ, прошивъ получаемыхъ нынѣ.

Торговля съ сею странною никакъ не можетъ быть сравниваема съ торговлею, какую производитъ Россія съ Европою; пошому, что если-бы сія Имперія, на примѣръ, положила препоны вывозу своихъ товаровъ въ Европу — тамъ спали бы получашъ такіе-же товары изъ Персіи, Швеціи, Канады. Сверхъ того, конспиненціальная и запретительная система Бонапарте, какъ ни была ужасна, но въ тысячѣ опношеніяхъ способствовала умноженію въ Европѣ числа и дѣятельности фабрикъ, въ то время, какъ Бухарцы могутъ получашъ только изъ Россіи многіе товары и недоспашокъ просвѣщенія препяпствуешъ имъ дасть болѣе развитія своей мануфактурной промышленности.

Всякій Бухарець, давши присягу въ вѣрности Россіи и сдѣлавшись Россійскимъ подданнымъ, можетъ свободно торговать въ сей Имперіи. Это предоставленное имъ средство дало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Бухарцы препоручили многимъ своимъ соотечественникамъ, сдѣлавшимся такимъ образомъ Русскими подданными,

продавать свои товары, не только въ мѣстахъ назначенныхъ для сей торговли, но и во всей Россіи. Явилось и другое злоупотребленіе, не менѣе пагубное: зная въ мѣстности, Бухарскіе купцы часто пускаются на контрабанду.

Въ то время какъ Россійское Правительство великодушно давало особенное покровительство Бухарскимъ купцамъ, Ханъ Бухарскій наложилъ по десяти процентовъ подати на товары, привозимые Русскими купцами, а Жиды и Армяне платятъ ему только пять процентовъ, Музульмане-же два съ половиною процента. Ясно, что эшотъ законъ клонился къ совершенному разрушенію торговли Русскихъ купцовъ съ Бухарією.

Такая несправедливая мѣра, рано или поздно, должна побудить Россійское Правительство къ требованію возмездія. Бухарскій Ханъ почитаетъ подать съ ввозимыхъ товаровъ вознагражденіемъ за убытки, будто бы причиняемые ему Русскимъ Тарифомъ 1817 года, по которому на Бухарскіе товары наложено двадцать пять процентовъ пошлины. Но разсматривая и раскладывая пошлины, утвержденныя симъ Тарифомъ на каждый родъ товаровъ, привозимыхъ Бухарцами въ Россію, находимъ, что они обложены не болѣе какъ пятью на сто, а такая пошлина наложена на всѣ товары Азіятскіе, которые идутъ черезъ Бухарію.

Бухарцы обыкновенно вывозящъ Русскихъ поваровъ на половинную только сумму противъ привозимыхъ ими; за остальную половину они берутъ червонцы и ефимки Голландскіе, Испанскіе пиастры и даже серебряные рубли, не смотря на запрещеніе вывозить сей родъ монеты. Товары, вывозимые Бухарцами изъ Россіи, суть: кошениль, гвоздика, сахаръ, олово, красный и синій сандалъ, сукно, выдѣланные красные козлы Кангурскіе, Казанскіе и Арзамасскіе, воскъ, иногда медь, желѣзо, мѣдь, спаль, золотая канишель, небольшія зеркала, выдры, жемчугъ, Русская нанка, чугунные горшки, иголки, корольки, плизъ, бумажные плашки, парчи, мѣлкія стеклянныя подѣлки, небольшое количество Русскаго холста и кисей.

Прибыль, получаемая Бухарцами отъ торговли съ Рускими, довольно значительна: ее полагаютъ около тридцати проценшовъ на капиталъ, за всеми издержками, считая тушь-же и претъ барыша, кошорую они обыкновенно платящъ комисіонерамъ, занимающимся продажею ихъ поваровъ.

Въ Россію привъзжаешъ только самое малое число богатыхъ Бухарскихъ купцовъ, подвергаясь опасностямъ и трудамъ дороги. Вообще они менѣе получаютъ отъ продажи Русскихъ поваровъ въ Бухаріи и болѣе отъ своихъ поваровъ,

продаваемых въ Россіи. Это заставляеть думать, что вывозъ Русскихъ поваровъ въ Бухарію почти не можетъ увеличиться.

Выгоды Бухарскихъ купцовъ должны быть значительны и по соображенію частыхъ грабежей, какимъ подвергаются ихъ караваны. Должно полагать, что Бухарцы привыкли къ подобнымъ опасностямъ, потому что онѣ угрожаютъ имъ на всѣхъ дорогахъ, по кошорымъ производился у нихъ торговля.

Купцы Бухарскіе, также какъ говорятъ Форстеръ объ Индійскихъ, время свое почитаютъ за ничто. Они даже не предписываютъ своимъ комисіонерамъ возвращаться въ годъ отъѣзда; они не сколько стараются о выручкѣ суммы своего капитала, сколько о продажѣ своихъ товаровъ по назначенной цѣнѣ. Комисіонеры ждуть благопріятнаго времени и ихъ терпѣніе и дѣятельность почти всегда бывають награждаемы успѣхомъ. Цѣна поваровъ, ввозимыхъ Бухарцами въ Россію почти на трехъ тысячахъ верблядовъ, можетъ простираеться въ хорошей годъ милліоновъ до восьми ассигнаціями — сумма чрезвычайная для такой страны, гдѣ всѣхъ жителей два милліона съ половиною: она доказываетъ важность сей торговли для Бухарцовъ. Она и останется важною до тѣхъ поръ, пока разведеніе хлопчатой бумаги и шелководство не сдѣлають большихъ успѣховъ въ южныхъ

областяхъ Россіи, и промышленность Бухарцовъ будетъ оспаваться безъ перемѣны, но есть, пока они не будутъ умѣть приготавливать тонкихъ тканей, выдѣлывать кожу и добывать желѣза, въроятно находящагося въ горахъ Туркестана.

Сія торговля еще болѣе увеличилась бы съ прекращеніемъ опасностей, какимъ подвергаются караваны на пути изъ Бухаріи къ Русскимъ владѣніямъ. Этого пути былъ-бы совершенно безопасенъ, если-бы Ханство Хивинское покорилось Россіи.

Кромѣ великой выгоды для торговли, приобрѣтеніе сего Ханства уменьшило-бы безчеловѣчный поргъ людьми и подданными Русскими, производимый Туркоманами и Киргизами; увеличило-бы благошворное вліяніе Россіи на Западную Азію и со временемъ доставило-бы Россіи средства посѣять и распространить въ сей части Азіи благодѣянія Европейской образованности.

Торговля Бухарцовъ съ Кашгаромъ, послѣ торговли съ Россіею, важнѣйшая для ихъ страны. Ее составляютъ отъ семи до восьми сотъ вьюковъ на верблюдахъ, отправляемыхъ изъ Бухары въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня, когда на горѣ Терекъ спадетъ снѣгъ. Перевозъ товаровъ между Кашгаромъ и Коканомъ обыкновенно производится на лошадяхъ, по-

тому что горы дѣлають дорогу для верблюдовъ чрезвычайно затруднительною.

Бухарцы отправляютъ въ Кашгаръ тѣ изъ Русскихъ товаровъ, которые не продались въ Бухарѣ и которые сами Рускіе иногда посылають въ Кульджу, Аксу и Кашгаръ — какъ-то, сукна, лучшіе корольки, настоящій жемчугъ, кошениль, парчу, бархатъ, золотую и серебряную канишель, Нѣмецкія выдры, куницъ, кожи, сахаръ, большія зеркала, мѣдь, сошники, лапунъ, иголки, стеклянныя мѣлкия вещи, Русскую нанку и проч. Бухарцы вывозятъ изъ Кашгара большое количество низкой доброты чаю, фарфоровой посуды, нѣкоторыя Кишайскія шелковыя матеріи, небольшое количество шелку сырцу, ревеню и джамбы, Кишайскую серебряную монету, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ, которая формою походитъ на лошадиную подкову, съ небольшимъ кругловапымъ выпечашкомъ. Иногда, отправивъ сія товары домой, Бухарцы вдушь, съ деньгами, въ Большой и Малый Тибетъ, покупають козій пухъ, отвозятъ его въ Кашемиръ и заказываютъ изъ него дѣлать шали.

Въ Кашемиръ они обыкновенно вѣдять черезъ Кабуль и Пейшаверь. Много Ташаръ, Русскихъ подданныхъ, отправляются изъ Семипалапинска и вдушь въ Кашемиръ черезъ Кульджу, Кашгаръ и Тибетскіе города.

Хлопчатую бумагу возяпть изъ Бухары въ Кабуль, попому что она худо разводится въ Авганистанѣ. Количество оной, отправляемое въ сію спрану, гораздо менѣе того, которое отправляется въ Россію.

Торговлею Бухары съ Кашемиромъ всѣхъ болѣе занимаются Кабульскіе купцы. Они вывозяпть изъ Кашемира шали и прекрасные суконные чапраки, шипые золотомъ. Одинъ Кашемирецъ увѣрялъ меня, что въ его родномъ городѣ есть тридцать тысячъ шпановъ, на которыхъ ежегодно вырабатывается сто тысячъ шалей. Изъ нихъ двадцать тысячъ остается въ государствѣ; шестьдесятъ тысячъ идетъ въ Индію и двадцать тысячъ въ Кабуль. Изъ числа сихъ послѣднихъ пять тысячъ остаются для обихода въ Авганистанѣ, двѣнадцать тысячъ расходяптъ въ Персію, Турцію, Аравію и въ Африкѣ; наконецъ, три тысячи отправляется въ Бухару, и отсюда тысячи двѣ посылаются въ Россію. Разумѣется, что сіи количества бываюптъ различны каждый годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это даетъ понятіе о сбытѣ шалей въ тѣхъ государствахъ, гдѣ онѣ въ модѣ. Изъ народовъ, имѣющихъ сношенія съ Бухаріею, самую значительную торговлю производяптъ Индійцы и Авганцы. Индійцы болѣею частію привозяюптъ изъ Кабула, Шикарпура, Муль-

пана и вообще изъ Сѣвернаго Индостана. Они привозятъ Кашемирскія шали, шелковыя матеріи шипыя золопомъ, понкій мипкаль, бѣлый и узорчатый (первый употребляется на чалмы, другой на подкладку одежду), нѣсколько настоящаго жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ и, наконецъ, большое количество индиго, копорый они называютъ *нилъ*. Голубой цвѣтъ общій у Бухарцовъ.

Цѣна, за перевозъ съ береговъ Инда черезъ Кабуль въ Бухару, обыкновенно отъ шести до семи рублей (ассигн.) за пудъ; пошлины обходятся около шести на сто по цѣнѣ поваровъ; однакожъ нѣкоторыя Индійскія произведенія, на примѣръ пряные коренья, опиумъ и кисея, могли-бъ быть съ выгодною привозимы въ Россію и сухимъ путемъ.

Выше упомянуто, что Бухарцы получаютъ изъ Россіи кисею. Кснати можно замѣтить, что во время существованія континентальной системы, Бухарцы находили выгоду привозить въ Оренбургъ Англинскіе товары, получаемые ими изъ Индіи. Вотъ какъ нужды народовъ образуютъ источники для сбыта и открываютъ для торговли новые пути, о которыхъ самые просвѣщеннѣйшіе министры не могли-бъ никогда подумашъ. Индійцы получаютъ изъ Бухары только Голландскіе червонцы; они также производятъ шамъ торгъ деньгами, то есть оп-

дають ихъ въ росль. Это обыкновенное ремесло Баніановъ.

Кабульскіе купцы привозятъ въ Бухару индиго; шали, выработанныя въ Кашемирѣ, Кабулѣ и Гератѣ. Послѣдніе два сорта суть низкаго качества. Въ обменъ они берутъ Русскую кисею, бумагу писчую, желѣзо, мѣдь, стеклянныя вещи, кошениль и парчи, кошорыя дешевле Индійскія и Персидскія.

Бухарцы отвозятъ сіи-же Русскіе товары въ Персію и всего болѣе въ Мешегедъ и Гератъ, также хлопчатую бумагу, шелковыя матеріи своей земли, сукно, гвоздику и ремень. Въ Бухарию получается сахарный песокъ черезъ Персію, Авганистанъ и всего болѣе черезъ Пейшаверь. Они привозятъ изъ сихъ странъ грубыя шали, кошорыя употребляютъ въ народѣ на чалмы, желтые пояса; деревянныя гребни и небольшое количество ковровъ и бирюзы. Эта торговля, для кошорой обыкновенно каждый годъ употребляется около шестидесяти совъ верблюдовъ, самая важная для Бухарцевъ послѣ торговли ихъ съ Россією и Кашгаромъ.

Коканскіе купцы привозятъ въ Бухару бѣлыя бумажныя матеріи для окраски оныхъ, шелковыя матеріи, кошорыя прочѣе Бухарскія; и около пяти совъ пудъ шелку сырцу, низшаго качества прѣшнѣ Бухарскаго: цѣна Бухарскаго шел-

ка была, въ 1821 году, 352 рубли ассигнац. за пудъ, въ то время какъ шелкъ Коканскій не стоилъ болѣе 304 рублей. Ташкенскъ посылаетъ въ Бухару тѣ-же шовары, но въ меньшемъ количествѣ.

Опасности, какимъ подвержены караваны, разумѣется, должны имѣть вліяніе на цѣну шоваровъ въ Бухарѣ: вошь оныя чего она такъ значительна и быстро измѣняется. На дорогѣ изъ Бухары въ Россію, Хивинцы и Киргизы грабятъ караваны; со стороны Авганиспана — Гезареги; со стороны Герапа — Омберны; подлѣ Мейменега — Элеушы или Гезареги; наконецъ, со стороны Мешегеда — Туркоманы. Купцы могутъ переносить столь частыя пошери, только получая большіе барыши; следовательно Бухарцы получающъ весьма огромныя; но изъ нихъ неизвѣстно ни одного купца, котораго состояніе простиралось-бы до милліона франковъ. Говорятъ, что есть одинъ Бухарецъ, живущій внѣ государства и составившій себѣ огромное богатство фальшивыми ассигнаціями, которыя дѣлались въ Бухарѣ. Выше упомянуто, что по торговлѣ Бухаріи съ Россією употребляется три тысячи верблюдовъ; торговля Бухарская со всѣми другими государствами занимаетъ почти тоже число верблюдовъ. Капиталь, обращающійся во всей внѣшней торговлѣ Бухаріи, состав-

лжаетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати милліоновъ рублей ассигнаціями.

Валтеръ Скоттъ и его сочиненія.

(Статья I.)

Со времянь Вольтера, никто изъ лихператоровъ не достигалъ при жизни оной такой обширной народности, такой всеобщей извѣстности, какъ Валтеръ Скоттъ, знаменитый нашъ современникъ. Бывали въ его опечествленной, и Французской и Нѣмецкой Лихпературахъ, примѣры, что сочиненія какого нибудь поэта или прозаика издавались множествомъ разъ, переводились на нѣсколько языковъ и въ опечествѣ своемъ читаемы были всеми состояніями: въ Германіи Гёте и Шиллеръ, въ Россіи Карамзинъ, были въ этомъ отношеніи народными писателями: ихъ читали все и вездѣ; Байрона, при жизни его, знала вся образованная Европейская публика; но В. Скоттъ превзошелъ всехъ современниковъ своихъ. Только Вольтеръ, разнообразный, всегда шушливый и остроумный, могъ еще при жизни своей заставить говорить о себѣ и читать свои творенія всю Европу. Но творенія Вольтера были разнообразны въ удивительной степени: эпопея и эпиграмма, фило-

софія и романъ, сатира и драма — все вершлось подъ его язвищельнымъ перомъ. Языкъ Французскій, гражданинъ цѣлаго свѣта, также могъ споспѣшествовать распрощраненію Вольперовыхъ сочиненій. Всѣхъ такихъ пособій лишенъ былъ В. Скоптъ, Англинскій языкъ не имѣеть такой всеобщности, какъ Французскій; В. Скоптъ совсѣмъ не такъ разнообразенъ въ своихъ твореніяхъ, какъ Вольперъ, и между тѣмъ, не только Англичанъ — отечество В. Скоптъ, Сѣверная Америка, родная по языку, и Германія, родная по образованію своей Императрицы съ Англіею, но Франція, Испанія, Россія, Швеція, Польша присоединились къ числу почитателей В. Скоптъ. Его творенія читають и переводятъ съ равнымъ неперпвнѣемъ въ Парижъ, Стокгольмъ, Варшавъ, Миланъ и Москвѣ. Этого мало: онъ миритъ вкусы всѣхъ званій и состояній. Математикъ оставляетъ рѣшеніе задачи и дочитываетъ романъ В. Скоптъ; модная дама не ѣдетъ на балъ, получивъ романъ его; Историкъ учится писать у В. Скоптъ; Философъ удивляется, какъ умѣлъ онъ разгадать такія тайны сердца человѣческаго, которыя понятны ему только чрезъ отвлеченныя и упоминательныя изслѣдованія. Послѣ этого не должно ли сказать, что В. Скоптъ есть замѣчательное явленіе нашего вѣка? Кто такъ и этакъ необыкновенный человекъ?

акія средства найдены имъ для покоренія своихъ чипашелей? Что онъ сдѣлалъ о сіе время? Вотъ вопросы, которыхъ азрѣшенія ищутъ многіе, чипая и слыша безпрестанно о В. Скопшѣ.

Мы не смѣемъ взяться за разрѣшеніе ихъ вопросовъ. Донынѣ мало еще извѣсны подробности жизни В. Скопша, а не будучи соотечественникомъ сего великаго геловѣка, не лзя вполнѣ обозрѣть всѣхъ предствъ, какими дѣйствуесть онъ на умы чипашелей. Впрочемъ, изъ тѣхъ людей, которыхъ удивляесть В. Скопшѣ, большая половина знаетъ его въ переводахъ, а не въ Англинскихъ подлинникахъ, и если выраженіе Автора исчезаетъ для ино-странца, то внутреннее содержаніе твореній его равно доступно для всѣхъ народовъ. Многіе уже писали о сочиненіяхъ В. Скопша. Видя, по умножающейся въ Россіи охотѣ къ чтенію сочиненій его, что онъ сдѣлаесть такимъ-же народнымъ писателемъ въ Россіи, какъ во Франціи и Германіи, мы починаемъ весьма любопытнымъ для чипашелей краткую біографію и взглядъ на сочиненія В. Скопша (*).

(*) Біографическія извѣстія заимствованы нами изъ краткаго извѣстія о жизни В. Скопша, приложеннаго къ *Полному собранію* его сочиненій, изд. во Франц. переводъ (Парижъ. 1824 г. in 12). Сочинитель сего извѣстія, Г. Пишо, обѣщаесть приложитъ

В. Скоптъ родился въ столицѣ Шотландіи, Эдмбургѣ, 1771 г., 15 Августа. Отець его, отличнѣйшій тамошній адвокатъ, приобрѣлъ трудами своими такое состояніе, что могъ воспитать сына пріличнымъ образомъ. Мать В. Скоптъа была также дочь адвоката, спраспная любительница Поэзіи, и сама писала стихи. В. Скоптъ, въ домѣ отцовскомъ получилъ первое воспитаніе и можетъ быть шамъ, въ бесѣдѣ и урокахъ нѣжной матери, зачала въ грудь его первая искра спраспкъ Поэзіи и Липшерашурѣ. Между швами отецъ назначалъ ему совсѣмъ не поэтическое поприще жизни. Самъ В. Скоптъ, хромой отъ рожденія, видѣлъ, что не можетъ блистать въ свѣтѣ, бывши притомъ ограниченъ и въ состояніи своемъ. Въ уединеніи учился онъ и рисовалъ пейзажи предѣльныхъ, дикихъ мѣстъ Южной Шотландіи, гдѣ мать его проводила большую часть времени. Потомъ отдали В. Скоптъа въ Эдмбургское училище (the high School), гдѣ не отличался онъ однакожъ быстрыми успѣхами. Въ 1789 г. скончалась его мать. В. Скоптъ при ней еще послу-

подробную біографію В. Скоптъа, при новомъ, великольномъ изданіи сочиненій его, которое печатается нынѣ въ Парижѣ, въ 8 и 18, съ картинками и проч. Нѣсколько подробностей заимствовали мы изъ статьи Г. Бакстера, помѣщенной въ The English literary journal of Moscow (Январь, 1823 г.).

ялъ въ Эдмбургскій Университетъ и зацати лѣтъ (въ 1791 г.) принялъ былъ въ число Эдмбургскихъ адвокатовъ. Онъ управлялъ сію должность до 1798 года; въ это время женился на побочной дочери герцога Девонширскаго (Миссъ Карпенгеръ) и получилъ мѣсто помощника шефа въ Графствѣ Селькиркскомъ.

Такъ пропекли первыя лѣта жизни словѣка, который долженъ былъ въ полѣдствіи изумить цѣлый свѣтъ величіемъ таланта. Тридцати лѣтъ, В. Скопша еще не былъ извѣстенъ ни однимъ произведеніемъ своимъ. Онъ оплично занимался всею должностію, былъ усерднымъ адвокатомъ и помощникомъ шерифа, но между тѣмъ, въ уединеніи, созрѣвалъ его геній. перва добрая мать, попомъ любезная поруга жизни, объ страшно любившія Поэзію (*), писали, такъ сказать, въ немъ по чувство Поэзіи жизни, которое заставляеиъ насъ не холодѣиъ въ заботахъ жизни и стремишься изъ ряду людей обыкновенныхъ. Въ домашнемъ кругу чипаны были съ восторгомъ первыя произведенія В. Скопша. Онъ писалъ сначала стихи; его

) Супруга В. Скопша скончалась въ прошедшемъ 1825 году. У В. Скопша было четверо дѣтей. Сынъ его находится въ Англинской военной службѣ. Дочь выдана за Г-на Локкарда, который извѣстенъ въ Англинской Словесности нѣсколькими прекрасными романами, имъ изданными.

супруга переписывала ихъ и хранила, какъ драгоценность. Въ свободное время Скоптъ путешествовалъ по Шотландіи. Въ душу его врѣзывались дикія красоты ея; онъ видѣлъ и замѣчалъ оспатки старинныхъ нравовъ и памятниковъ Шотландіи, осматривалъ горные округи сей земли, мрачные окресченные острова и возвращался въ свое уединеніе съ новыми чувствами, съ новыми впечатлѣніями. Здѣсь глубоко вникалъ онъ въ древнія хроники Шотландіи и Англіи. Его обширнымъ историческимъ свѣдѣніямъ не лѣзя не удивляться.

Наконецъ полноша впечатлѣній и силъ таланта вспревожили его душу. Ему попребно было высказывать себя большому числу людей; и онъ, не оставляя гражданскихъ обязанностей, началъ литературное поприще свое, принявъ участіе въ *Эдмбургскомъ Ревю*, печаталъ стихотворенія, прозаическія сшашья, перевелъ нѣсколько мѣлкихъ пьесъ съ Немецкаго, особенно изъ сочиненій Гёте, а также трагедію Гёте, *Геццъ-фонъ-Берлихингенъ*. Первые опыты В. Скопша приняты были публикою благосклонно. Тридцати лѣтъ (въ 1801 г.), онъ издалъ старинныя Шотландскія баллады или *пѣсни Шотландскихъ Мнестрелей* (*Minstrelsy of the Scottish Border*), собранныя имъ во время путешествій его по Шотландіи. Множество любопытныхъ историческихъ и географическихъ

ческих замѣчаній и объясненій обратили вниманіе публики на издателя. Многіе тогда уже повторили слова Блера, извѣснаго своимъ Курсомъ Словесности и бывшаго училелемъ В. Скопша. Выслушавъ первую судебную рѣчь своего ученика, Блеръ сказалъ окружающимъ его: *Предвѣщаю вамъ, что этотъ молодой адвокатъ будетъ великій человекъ.*

Въ 1805 г. появилось первое большое сочиненіе В. Скопша, поэма его: *Лей послѣдняго Менестреля* (The Lay of the last Minstrel). Первый успѣхъ, хотя бы онъ былъ самый блестящій, люди всегда охотно прощаютъ. Публика приняла съ чрезвычайною благосклонностію поэму сочинителя, бывшаго извѣстнымъ по нѣкоторымъ другимъ литературнымъ занятіямъ. Звуки Шотландскихъ балладъ, до того времени неизвѣстные, въ первый разъ раздались въ Англии, и заслужили похвалу всѣхъ. Шотландцы восхищались, слыша свое родное, знакомое имъ съ юныхъ лѣтъ. Успѣхъ поэма доставилъ В. Скопшу, какъ гражданину, дружеское расположеніе многихъ вельможъ. По спранию Лорда Мельвила, онъ предпочтенъ былъ другимъ кандидатамъ, когда открылось мѣсто главнаго Секретаря въ Эдмбургскомъ судѣ, въ 1806 г. Замѣчательно, что дипломъ на сіе званіе, данный В. Скопшу, былъ послѣднимъ изъ актовъ государственныхъ, под-

писанныхъ Пиппомъ. Еще не успѣли послать сего диплома, когда Пиппъ скончался. Другіе искатели секретарства оспоровили назначеніе и представили новому министру, Фоксу, о перемѣнѣ кандидата; но Фоксъ рѣшительно отказалъ въ этомъ, сказавъ, что В. Скоптъ геній, а права генія для него священны. Непріятели В. Скопты испили ему насмѣшкою, говоря, что его назначеніе есть *последній лей прежняго министра* (*).

Въ 1808 г. издана была вторая поэма В. Скопты: *Марміонъ*. Успѣхъ ея былъ также блестящъ, какъ первой поэмы. Книгопродавцы заплашили ему большую сумму денегъ. На спектакль представляли Марміона, передѣланнаго въ драму. Главныя сцены изъ сей поэмы были выгравированы лучшими артистами. Но здѣсь В. Скоптъ не могъ уже насладиться полнымъ удивленіемъ современниковъ. Вознесенный выше всѣхъ современныхъ поэтовъ ревностными почитателями своими въ *Единбургскоиъ Ревю*, онъ сдѣлался предметомъ жесточайшей критики въ другихъ журналахъ. Всѣхъ оскорбительнѣе была для него сатира Лорда Бейрона. Составляя оппозицію другимъ журналамъ, Единбургскій Ревю жестоко раскритико-

(*) Должность В. Скопты доставляетъ ему до 1500 ф. с. въ годъ; 300 ф. с. получаетъ онъ по званію шерифа.

валъ первое сочиненіе Бейрона: *Часы досуга* (Hours of idleness). Публика не согласилась однакожь съ Эдмбургскими крипиками, а юный Бейронъ опмспилъ жестокою сапирою (English Bards and Scotch Reviewers) поэшамъ, которыхъ защищала Эдмбургскій Ревю. Бейронъ не только унижалъ стихи В. Скопша, какъ не лзя больше, но нападалъ на самый характеръ его. Публика радовалась появленію оспроумной, ѣдкой сапиры, но въ поже время не вѣрляла Бейрону, и новой поэмы В. Скопша, *The Lady of the Lake*, въ два мѣсяца раскуплено было 6000 экземпляровъ. Она сдѣлалась народною поэмою, изъ которой въ Шотландіи поюшъ нынѣ отрывки, какъ въ древности цѣли расодіи изъ Гомера. Вскорѣ выдана была еще поэма В. Скопша: *Донъ Родерикъ*; въ 1813 году, пятая поэма его *Матильда Рокеби*, а въ 1814 году, шестая — *the Lord of the Isles*.

Мы не будемъ говорить здѣсь о поэтическомъ достоинствѣ стихотвореній В. Скопша и предложимъ только біографическія извѣстія. Можетъ быть, публика была не довольна самымъ изобиліемъ его поэмъ. Что дѣлается скоро, то всегда кажется наскоро сдѣланнымъ. Не умѣя оцѣнить того, что въ тишинѣ уединенія, можетъ быть, долго приготавлилось, вдругъ обнародованное поэтомъ, крипики часто судяшъ по времени изданій. Послѣд-

Ч. XI. No 19. Н

нія поэмы В. Скопша приобрѣли ему менѣ похвалъ и менѣ защитниковъ. Онъ оптимстиль своимъ кришикамъ, издавъ поэму свою: *Невѣста Трирмена* (*The Bridal of Triermain*), безъ означенія имени автора, давая знать, что это подражаніе неизвѣстнаго поэта В. Скопшу. Кришики превознесли сію поэму выше всѣхъ другихъ поэмъ В. Скопша, увѣряя, что подражатель превзошелъ оригиналь, и въ послѣдствіи уже, когда нѣсколько изданій сей поэмы удостоверили автора въ несправедливости его противниковъ, онъ объявилъ свое имя. Последняя поэма его: *Гарольдъ безстрашный* (*Harold the Dauntless*) была издана также безъ имени автора, но кришики не дались въ обманъ; поэма была принята не съ большою благосклонностію, хотя въ послѣдствіи Авторъ объявилъ свое имя. Впрочемъ, это, по приговору всѣхъ знапоковъ, самая слабая изъ поэмъ В. Скопша. Можеть быть и слава Бейрона, кошорый издалъ уже погда *Чильда-Гарольда*, *Глура*, *Абидоескую невѣсту*, *Морскаго разбойника*, *Лару* и обращилъ на себя вниманіе всѣхъ соотечественниковъ и другихъ народовъ, заставила В. Скопша отказатьсь отъ Поэзіи. Въ 1815 году онъ путешествовалъ по Нидерландамъ и былъ въ Парижъ, вскорѣ послѣ сраженія при Ватерлоо. Изъ Парижа послалъ онъ въ Англію небольшую поэму свою: *Битва Ватерлооская* (*The battle of*

Waterloo), написанную имъ въ нѣсколько дней, которая была напечатана въ Лондонѣ и продаваема въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ воиновъ, убитыхъ при Ватерлоо. Это было послѣднее стихотвореніе В. Скопша.

«В. Скопшъ чудный человекъ,» говорилъ одинъ литераторъ — юнъ почувствовалъ, что не можетъ быть первымъ поэтомъ своего времени и нашелъ другой родъ сочиненій, въ которомъ рѣшительно можетъ быть первымъ. Если-бы кто лучше его смалъ писать романы, онъ выдумалъ-бы что нибудь еще новое.» Въ самомъ дѣлѣ, сознавая талантъ свой, В. Скопшъ не могъ удовольствоваться обыкновенною славою хорошаго Английскаго поэта; ему надобно было болѣе.

Еще до отъѣзда его во Францію, явился въ Эдинбургѣ, въ 1814 году, романъ, котораго Авторъ не объявилъ своего имени. Это былъ *Веверлей*.

Говоря свое мнѣніе, мы осмѣливаемся думать, что Веверлей не лучший романъ В. Скопша, но онъ произвелъ величайшее впечатлѣніе на Англичанъ и особливо на Шотландцовъ, такъ, какъ и первая его поэма. Многіе Шотландцы почитаютъ *Веверлей* донынѣ лучшимъ изъ всѣхъ романовъ В. Скопша. Мы не приписываемъ ему такой степени достоинства, но въ поже время, изъ примѣра многочисленныхъ его предшественниковъ и послѣдова-

пелей, увѣряея, что никто изъ нихъ не въ состояніи написать *Веверлея*. Пусть судятъ послѣ того о другихъ романахъ В. Скопша.

Въ 1815 г. выданы были, также безъ имени автора, *Письма Павла къ своему семейству*, гдѣ В. Скопшъ изобразилъ отчасти свое путешествіе во Францію и событія того времени. Вскорѣ появились два романа: *Гюй-Макнерингъ или Астрологъ* и *Антикварій*, написанные *Сочинителемъ Веверлея*; какъ сказано было въ заглавіи сихъ романовъ. Въ 1818 г. *Письма Павла* изданы подъ именемъ В. Скопша; но онъ не хотѣлъ открытъ шайны вразсужденіи сочиненныхъ имъ романовъ, и скорѣ явилась еще новая его мистификація.

Шотландскіе Пуритане (Old mortality) и *Таинственный карло* (The Blokk Dwarf) изданы подъ именемъ *Джедедіа Клейшботтама*, дьячка въ приходѣ *Гандеръ-Клейгсколбъ*. Въ то же время неизвѣстный *Сочинитель Веверлея* издалъ *Роббъ-Роя*; кажется, какъ будто В. Скопшъ хотѣлъ показать, что *Джедедіа Клейшботтамъ* былъ совсѣмъ особенное лицо отъ *Сочинителя Веверлея*. Такъ подъ именемъ *Джедедіа* вышли, одинъ за другимъ, романы: *Эдмбургская темница* (The Heart of Midlothian), *Невѣста Ламмермурская* и *Легенда Монпроза* (l'Officier de Fortune). Въ семь романъ *Джедедіа* раскланялся и простился съ

читателями, увѣряя что онъ не будетъ писать болѣе. Пять романовъ, изданныхъ подъ симиъ именемъ, извѣстны еще подъ названіемъ *Разказовъ моего хозяина*, ибо Джедедіа увѣряетъ, что все имъ написанное есть разказы словоохотнаго хозяина, у котораго онъ госпилъ.

Почитаемъ излишнимъ говорить о дѣйствіи, какое произвели въ Англіи *десять* романовъ, выданныхъ въ самомъ близкомъ распояніи времени одинъ за другимъ. Читатели приведены были въ совершенный восторгъ неизвѣстнымъ сочинителемъ, видѣли, что *Сотинитель Веверля* и *Джедедіа* были одно и тоже лицо и съ сожалѣніемъ думали, читая объявленіе сочинителя, что онъ въ самомъ дѣлѣ не будетъ болѣе писать. Въ Лондонѣ, какой-то неизвѣстный авторъ осмѣлился даже выдать ложное продолженіе *Разказовъ моего хозяина*. Оно состояло въ романѣ: *Замокъ Понтфракъ*; обѣщано продолженіе, сильный споръ начался было по сему поводу, но хладнокровіе, съ какимъ публика приняла, и совершенное забвеніе, какому предоспавила она ложнаго Джедедіа, отбили у него охоту писать, а у защитниковъ его спорить и доказывать изыщество замка Понтфрака.

Въ это время В. Скопшъ почувствовалъ, казалось, новыя силы. Мѣсто дѣйствія прежнихъ его романовъ заключалось

въ Шотландіи, отъ чего и самыя дѣйствія сливались въ нѣкоторомъ отношеніи во всѣхъ романахъ. *Ивангое*, выданный послѣ *Левенды Монпроза*, ввелъ читателей въ обширнѣйшій кругъ. Возвращеніе Ричарда Львиного Сердца изъ Палестины представлено было Авторомъ въ семь романъ. *Ивангое* довершилъ славу Автора. Крипики, изумленные превосходнымъ твореніемъ, не осмѣлились уже спорить, и здѣсь начинается самая блестящая эпоха жизни В. Скоптъа.

Монастырь и Аббатъ, изданные послѣ *Ивангое*, составляютъ нѣкоторымъ образомъ одно цѣлое. Последний романъ, гдѣ изображена несчастная Марія Стюартъ, былъ достоинъ Автора *Ивангое*; но слѣдовавшій за тѣмъ *Кенильвортъ*, гдѣ В. Скоптъа изобразилъ въ чудной картинѣ дворъ Королевы Елисаветы, есть произведеніе единственнаго. Въ романъ: *Морской разбойникъ*, Авторъ опять оставилъ историческихъ героевъ и перенесъ сцену на дикіе Шотландскіе острова. Но въ слѣдующихъ онъ снова вспуцилъ въ область Исторіи. Въ *Ниджелъ*, изображенъ былъ имъ Король Іаковъ; въ *Певерилъ*, Карль II и дворъ его; въ *Кенцинъ Дюраардъ*, онъ рѣшился перенести дѣйствіе за границы Англіи и изобразилъ Французскаго Короля Лудовика XI.

Потомъ В. Скоптъа захотѣлъ испытать силы свои въ изображеніи нравовъ

Шотландскихъ, новѣйшаго времени: *Сентъ-Ронаскія воды* были плодомъ сего покушенія. Но вскорѣ, предметъ, который доставилъ уже ему матеріалы для нѣсколькихъ романовъ — послѣднее покушеніе дома Спуаршовъ на Англинскій престолъ — сдѣлался предметомъ новаго романа: В. Скоптъ выдалъ *Редгаунтлета*.

Въ прошедшемъ году издалъ онъ подъ именемъ *Исторій изъ времени Крестовыхъ походовъ* два романа: *Коннетабль Честерскій* и *Талисманъ или Ритардъ въ Палестинѣ* — въ послѣднемъ, дѣйствіе перенесено въ Палестину. Въ нынѣшнемъ году выданъ имъ *Вудстокъ — Исторія изъ временъ Кромвеля*. Недавно писали въ газетахъ, что въ Англіи ждутъ еще новаго романа, и что В. Скоптъ хочетъ ѣхать въ Швецію и Норвегію, намѣреваясь написать романъ, коего содержаніе будетъ взято изъ Скандинавской Исторіи (*).

Такимъ образомъ, въ печеніе двѣнадцати лѣтъ, В. Скоптъ издалъ двадцать два романа, составляющіе до восьмидесяти томовъ. Чему удивляться въ эпоху слухавъ? Неиспощимому воображенію писателя, его непоспимой способности изумлять, очаровывать, переносить чашаателя съ каждымъ новымъ

(*) По новѣйшимъ извѣстіямъ, В. Скоптъ пріѣхалъ въ Парижъ.

произведеніемъ въ новый міръ спрѣспей, чувствъ, мыслей, окружающъ его каждый разъ совершенно новыми предметами, или той легкости, съ какою, по видимому, производишь очарованія свои В. Скоптъ? Въ окончаніи предисловія къ Веверлею поставленъ 1805 годъ, какъ время сочиненія сего романа; но онъ выдаиъ въ 1814 г., слѣд., если положить, что въ 1805 г. Веверлей былъ уже конченъ и девять лѣтъ хранился въ рукописи: то можно думать, что нѣсколько другихъ, за нимъ послѣдовавшихъ романовъ, были также приготовлены издавна, но изданіе другихъ безъ оспановки было продолжаемо донинѣ. *Ивангое* открылъ, кажется, эпоху, въ кошорую палантъ В. Скопта достигъ высочайшей степени развитія: и такъ необходимо должно полагать, что къ своему необыкновенному воображенію В. Скопта присоединяешь еще удивительную способность писать скоро. Она покажется еще удивительнѣе, если прибавимъ къ этому, что въ теченіе двадцати лѣтъ, то есть съ 1805 года, кромѣ восьми поэмъ, двадцати двухъ романовъ, Шотландскихъ балладъ, Писемъ Павла и переводовъ съ Нѣмецкаго, имъ издано множество мѣлкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, журнальныхъ статей, замѣчаній. Онъ издалъ еще собраніе *Древнихъ памятниковъ Англіи и Шотландіи* (*The Border antiquities of Scotland and England*), собраніе *Памятниковъ областей*

Шотландскихъ; Сочиненія Драйдена, съ замѣчаніями и біографіею сего Писателя; собраніе разсужденій Лорда Сомерса; Государственныя акты Сирь Ральфа Садлера; Спихотворенія Анны Сьюардъ, Тристема — старинный романъ Шотландскій; наконецъ къ огромному собранію Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ романовъ, изданному въ Лондонѣ, написалъ онъ множество замѣчаній и біографій. Однѣ біографіи сославили во Французскомъ переводѣ чепыре книги. Мы упоминали уже (Тел. X. 344), что В. Скопшъ занимается теперь Исторіею Наполеона. Недавно писали въ газетахъ, что онъ принялъ на себя участіе въ Журналѣ. Послѣ сего, огромность таланта В. Скопша можно чувствовать въ полной мѣрѣ.

Соотечественники поняли необыкновеннаго челоѵка въ скоромъ времени. Все примирилось съ нимъ при его необыкновенныхъ успѣхахъ. Лордъ Бейронъ, признавая ошибку юныхъ лѣтъ своихъ, посвятилъ ему своего *Каина* и былъ другомъ его до самой смерти своей. Романы В. Скопша были любимымъ чтеніемъ Бейрона. Въ Германіи печатали ихъ множество разъ въ оригиналахъ и переводахъ; во Франціи нѣсколько изданій всѣхъ романовъ его разошлось въ немного лѣтъ. Наконецъ во многихъ странахъ Европы и въ Америкѣ явилось множество изданій и переводовъ. Каждую маленькую эпашейку В.

Скотта переводятъ на Французскій, Нѣмецкій и другіе языки. Публика въ Англіи и во Франціи такъ неперпѣливо ждетъ романовъ В. Скотта, что въ день продажи новаго романа толпы народа пѣсняются подлѣ книжныхъ лавокъ и всѣ экземпляры раскупаются въ нѣсколько дней. Ихъ обыкновенно печатають въ Эдinburghѣ, въ одинаковый форматъ. Между тѣмъ, по опечатаніи каждаго листа, нарочно приготовленные переводчики переводятъ оный на Французскій и Нѣмецкій языки, такъ что, когда появляется въ Эдinburghѣ и Лондонѣ подлинникъ новаго романа, въ Парижѣ выходитъ въ тоже время Французскій, а въ Германіи Нѣмецкій переводъ. На Французскій языкъ, по условію съ книгопродавцами, переводитъ всѣ романы В. Скотта неупомимый Дефокинпре, Французъ, живущій въ Лондонѣ. Мы упоминали уже о подражателяхъ В. Скотта: ихъ вездѣ явилось множество и многіе изъ нихъ замѣчательны по своимъ опличнымъ дарованіямъ: таковы — Куперъ, Американецъ и Локкардъ, зять В. Скотта.

Король Великобританскій наградилъ знаменитаго писателя достоинствомъ Баронета. За сочиненія свои В. Скоттъ получилъ, какъ увѣряють, болѣе *трехъ милліоновъ* рублей. Счастливы въ своемъ семействѣ, наслаждаясь избыткомъ славы при жизни своей, В. Скоттъ могъ надѣяться на мирную старость. Нынѣш-

ній годъ , спокойствіе его возмущено неожиданнымъ несчастіемъ. Всѣ его романы издаваемы были донинѣ въ Эдимбургѣ книгопродавцомъ Констеблемъ. Всеобщее волненіе , произведенное банкротствами , разстроило богатаго Констебля. В. Скоптъ лишился большихъ суммъ и увидѣлъ себя въ спѣсненныхъ обстоятельствахъ. Пршлый годъ , онъ еще огорченъ былъ смертію супруги , однакожъ не унываетъ , занимается съ большимъ прилежаніемъ , проводя половину года въ замкѣ своемъ Абботсфордѣ , на живописныхъ берегахъ Твиды , а другую половину въ Эдимбургѣ , ибо онъ донинѣ исправляетъ тамъ должность Секретаря. Иностранцы приходятъ смотрѣть знаменитаго В. Скопта въ судъ Эдимбургскій и съ удивленіемъ видятъ его въ огромномъ парикѣ , занятаго приказными бумагами.

Портретъ , приложенный къ сей книжкѣ Телеграфа , изображаетъ В. Скопта , въ среднихъ лѣтахъ (*). Не смотря на 55 лѣтъ , многочисленныя пруды и огорченія , В. Скоптъ и нынѣ еще весьма здоровъ , крѣпокъ и бодръ. Онъ любитъ верховую ѣзду и другія занятія , укрѣпляющія тѣло ; живетъ умѣренно ; въ обществѣ кажется

(*) Онъ взятъ изъ Bildnisse der berühmten Mensch. all. Völker und Zeit. (Цвиккау и Лейпцигъ , 1823 г.). Снимокъ съ подписи В. Скопта взятъ изъ другой кнѣги.

угрюмъ и не разговорчивъ; но когда оживляется разговоромъ, или находится въ пріятельскомъ обществѣ, то бываетъ весьма любезенъ и неимощимъ въ шуткахъ. Онъ принимаетъ ласково многочисленныхъ посѣпителей, иногда приѣзжающихъ нарочно — видѣль В. Скопца и поговорить съ нимъ; но немногіе бываютъ приняты въ его семейное, дружеское общество.

Мы должны сказать о странности, можетъ быть, нѣкопорымъ чинашелямъ неизвѣстной. Хотя всѣ увѣрены, что В. Скопецъ есть точно сочинитель двадцати двухъ романовъ, изданныхъ подъ его именемъ во Французскихъ и другихъ переводахъ, но должно знать, что въ Англинскихъ подлинникахъ донынѣ, его имя никогда не выставляется. Кромѣ пяти романовъ, съ именемъ Джедедіи Клейшботама, на другихъ всегда находится только надпись: *Изданный Сочинителемъ Веверлея*. В. Скопецъ явно не призналъ ихъ своими твореніями. Книгопродавецъ Консепель, донынѣ постоянно печатавшій его романы, не сказывалъ также никому имени автора, и на вопросъ: точно-ли это авторъ В. Скопецъ? всегда отвѣчалъ: *«Не знаю!»* Увѣряюсъ, что В. Скопецъ не отвѣчалъ утвердительно даже самому Королю. Въ поже время, всѣ другія сочленія признаетъ онъ своими, открыто и явно. Ось этого безпрестанно появляющи-

ся въ журналахъ извѣстія и доказатель-
ства, что не В. Скоптъ сочинилъ рома-
ны, извѣстные въ Европѣ подъ его име-
немъ. Недавно еще писали, будто сочи-
тель ихъ есть какой-то Г-нъ Гринфильдъ,
бывшій Профессоръ, принужденный по
какому-то дѣлу скрываться, и что В.
Скоптъ, будучи другомъ Гринфильда, при-
нялъ на себя изданіе его сочиненій. Не объ-
ясняя другихъ нелѣпыхъ сказокъ, не лѣзя
однакожь не удивиться упорству, съ ка-
кимъ В. Скоптъ скрываетъ свою шайну;
но что онъ точно *Сочинитель Веверля*
и другихъ романовъ, въ этомъ, послѣ мно-
жества соображеній, всѣ увѣрились (*).

(*) Во 2-й сшашь мы будемъ говорить о романахъ
В. Скопта и другихъ его сочиненіяхъ, въ литера-
турномъ отношеніи; но поспѣшная выдача книжекъ
Телеграфа заставляешь насъ оплодить сію сшашью
до будущаго 1827 года.

II. КРИТИКА.

Discours sur les révolutions de la surface du globe, et sur les changemens qu'elles ont produits dans le règne animal, etc. — Разсужденіе о перемѣнахъ земной поверхности и измѣненіяхъ, произведенныхъ ими въ царствѣ животныхъ, соч. Барона Г. Кювье, команд. орд. Почепнаго Легіона и проч. и проч. *Третье изданіе.* Парижъ. 1825 г. in 8. 400 стр., со многими рисунками.

Сочиненіе Барона Кювье: *Изысканія о костяхъ ископаемыхъ*, есть одинъ изъ такихъ памятникъ нашего времени, котораго публика и ученые люди равно ощутили важность и оцѣнили пользу. Три, одно за другимъ послѣдовавшія изданія огромной книги, въ пяти томахъ, in 4, сдѣланныя въ теченіе немногихъ лѣтъ, еще не удовольствовались читателямъ всѣхъ многочисленныхъ званій, которыхъ вниманія имѣешь право требовать сія книга. Посему, неумѣстно было-бы удивляться, что предварительное Разсужденіе, важное шѣмъ, что представляетъ планъ и результаты изысканій Автора о костяхъ ископаемыхъ, въ изложеніи понятномъ даже для шѣхъ людей, которые не занимались особенно Геологіею, что сіе Разсужденіе, еще съ большимъ вниманіемъ читающъ, нежели самую книгу, для которой служило оно вступленіемъ. Кромѣ двухъ изданій книги Г-на Кювье, при коихъ находилось Разсужденіе, кромѣ переводовъ Нѣмецкаго и Англинскаго, книгопродавцы увидѣли необходимость напечатать его и въ подлин-

никъ въ третій разъ , и это новое изданіе Разсужденія, съ нѣкоторыми улучшеніями отъ Автора, долженствуюшее , какъ и при первыхъ изданіяхъ , составляеть начало новаго изданія его *Изысканій о костяхъ ископаемыхъ*, уже выдано въ публику , въ то самое время , когда второе изданіе едва только окончано и передано читателямъ, съ нешерпѣніемъ его ожидавшимъ.

Предварительное разсужденіе , столь замѣчательное по своей обширности , столь любопытное по своему предмету , гдѣ Г. Кювье показываетъ плоды трудовъ своихъ , касательно знанія , сполько одолженнаго его открытіямъ и выводы другаго рода , къ нему относящіяся , такое разсужденіе , само по себѣ есть уже твореніе , достойное всякаго вниманія читателей , и мы не боимся затруднить ихъ пространнѣмъ обзоромъ такой книги , въ которой просвѣщенные читатели вдругъ находятъ и критическую Исторію Геологій и полное изложеніе основаній , методы и главнѣйшихъ *фактовъ* сего знанія.

Вступленіе Г-на Кювье достойно предмета , которому посвящено его Разсужденіе. «Когда путешественникъ проходитъ сіи плодоносныя долины , гдѣ спокойныя воды спройнымъ теченіемъ своимъ опитають изобильныя прозябенія и гдѣ земля , опираемая ногами многочисленнаго народа , украшенная цвѣтущими деревьями , богатыми городами и великолѣпными памятниками , не бывала возмущаема ничѣмъ , кромѣ опустошеній войны или шягостнаго ига надмѣннаго притѣснителя , онъ не подозреваетъ , что природа также имѣла свои опустошительныя войны и что поверхность земнаго шара была взрываема революціями и разрушеніями.» Сей

взглядъ , брошенный на внѣшность нашей планеты, сильнымъ и разительнымъ образомъ показываетъ противоположность между тѣмъ что есть нынѣ и тѣмъ что было прежде ; онъ приготавливаетъ умъ къ познанію переменъ и переворотовъ , которыхъ готовятся читать исторію и которыхъ Г. Кювье излагаетъ удивительное послѣдованіе.

Идеи порядка , спокойствія , твердости , представляющіяся тому , кто ограничивается созерцаніемъ настоящаго состоянія земли , исчезаютъ , какъ только начинаетъ онъ разрывать почву , нынѣ столь мирную. Здѣсь открываешь , что низкія земли и холмы , ограничивающія долины , составлены изъ слоевъ , скрывающихъ въ себѣ безчисленное множество произведеній моря. Сіи слои погружены въ величайшія глубины и возвышены на высоты , безконечно превосходящія надъ поверхностью морей. Всѣ части свѣта , всѣ климаты , твердая земля и острова нѣсколько значительные представляютъ одинакое явленіе. Невѣжество утверждало прежде , что сіи остатки органическихъ тѣлъ есть простая игра природы. Внимательное испытаніе ихъ устройства и химическое ихъ сущности , увольняютъ насъ отъ труда опровергать не шуя такое предположеніе. Съ другой стороны , сіи ископаемыя раковины сохранили самыя нѣжныя ихъ части , самыя тонкія ихъ верхушки , самыя зашуманные ихъ уголки. Всего чаще не замѣчаемъ въ нихъ ни раздавленія , ни разлома , что могло-бы доказывать насильственное перенесеніе оныхъ на нынѣшнія ихъ мѣста. И пакъ море , въ коемъ онѣ обитали , положило ихъ въ тѣ мѣста , гдѣ онѣ находшся , море пребывало на сихъ мѣстахъ спокойно

и долгое время, для образованія сихъ слоевъ живописныхъ, слоевъ, столь правильныхъ, твердыхъ, обширныхъ и густыхъ. Слѣдственно, моря испытали перемѣну въ протяженіи и ли въ положеніи своемъ. Вошь что слѣдуетъ изъ самыхъ первыхъ разысканій, изъ замѣчаній самыхъ поверхностныхъ.

Но слѣды переворотовъ становятся значительнѣе, когда возвышаемся нѣсколько, и ли приближаемся болѣе къ подошвѣ горныхъ хребтовъ. Это все еще груды раковинъ, густѣе и тверже предыдущихъ; раковины здѣсь также многочисленны, также корошо сохранились, но это уже не тѣ виды (esrèce) раковинъ и слои, содержащіе ихъ, часто представляются намъ въ направленіи косвенномъ или вертикальномъ. Еще-же яснѣе здѣсь открывается, что они не были такимъ образомъ положены, что они были подняты послѣ образованія ихъ и часто встрѣчаемъ мы, что верхняя часть ихъ закрыта была снова горизонтальными грудями. Такимъ образомъ, море, прежде образованія сихъ послѣднихъ, образовало первые, которые какимъ нибудь образомъ были взломаны, расправлены, переворочены на тысячу образовъ, и воцѣлку мы замѣчаемъ великія различія между слоями и между произведеніями природы, въ оныхъ заключающимися, смотря по образу порядка, въ какомъ они наложены одинъ на другой, мы приобретаемъ доказательства, что образованіе живописныхъ, послѣдовательно испыдало перемѣны, въ соотвѣтствіи перемѣнамъ жидкаго вещества, въ коемъ сіи живописныя обитали. Такія замѣчанія, приложенныя въ общности и подробностяхъ всѣхъ видимыхъ доказательствъ такого рода, выводящъ за собою

многія предложенія, которыя можно почестъ доказанными. Чѣмъ древнѣе слои, тѣмъ однообразнѣе каждый изъ нихъ на великомъ пространствѣ; чѣмъ новѣе они, тѣмъ ограниченнѣе и тѣмъ болѣе подвержены измѣненіямъ на небольшихъ пространствахъ. Когда нѣкоторые слои, выдвигаясь на поверхность воды, раздѣлили площадь морей островами и высокими горами, то могли произойти различныя перемѣны во многихъ частныхъ вмѣстѣностяхъ морей. Вообще, раковины древнѣйшихъ слоевъ имѣютъ формы имъ собственыя, которыя исчезаютъ постепенно и наконецъ не видны уже въ слояхъ новѣйшихъ и еще менѣе въ раковинахъ, которыя живутъ въ нынѣшнихъ моряхъ, такъ, что когда море оставило въ послѣдній разъ твердыя земли, обитатели моря мало уже различествовали отъ тѣхъ, которыя нынѣ живутъ въ моряхъ. Съ другой стороны, смѣсь осматковъ живошныхъ морскихъ съ остатками живошныхъ земныхъ доказываетъ, что мѣста морей передвигались много разъ; что осушавшіяся земли бывали снова покрываемы водою и дабы говоришь только о томъ что касается до почвы, на которой человекъ и земныя живошныя обитаютъ нынѣ, достоверно, что она была уже одинъ разъ суха и пышала въ то время четвероногихъ, птицъ, деревья и другія земныя произведенія всѣхъ родовъ.

Указавши разительными чертами на доказательства всѣхъ сихъ предположеній, Г. Кювье изслѣдуетъ, какой былъ образъ дѣйствованія, который могъ произвести такія революціи. Онъ доказываетъ (и все посредствомъ видимыхъ доказательствъ), что болышою частію дѣйствія сіи бы-

ли не шихія и поспепенныя, но напротивъ, быспрыя и мгновенныя. Эшо всего очевиднѣе въ послѣднемъ дѣйствіи, въ помъ, копорое двойнымъ движеніемъ наводнило и пошомъ оставило сухими наши нынѣшнія твердыя земли. Трупы огромныхъ чешвероногихъ, оставленные имъ въ сѣверныхъ странахъ и замерзшіе, сохранились до нашихъ дней, съ ихъ кожею, волосами и шѣлами: если-бы они не замерзли потчасъ послѣ ихъ смерпи, гніеніе разрушило-бы ихъ. Разодраніе, расправленіе, взвороченіе древнѣйшихъ словъ не оставяешь никакого сомнѣнія, что равномѣрно дѣйствія гибельныя и насильшвенныя поставили ихъ въ то состояніе, въ какомъ они находятся нынѣ. «Слѣдспвенно,» говорипъ Г. Кювье, »жизнь была часпо возмущаема ужасными происшестввіями. Живыя существа безъ числа были жертвами сихъ разрушеній... ихъ породы даже кончились навсегда и оставили въ мірѣ только малые ошашки, едва познаваемые испышашелемъ природы.»

Другія соображенія, почерпнушыя въ изученіи шѣхъ часпей земнаго шара, копорыя называюпъ *первобытными*, пошому что онѣ образовались, кажешя, прежде всѣхъ другихъ и предупредили самое роженіе организованныхъ шѣлъ, слѣдуютъ за симъ быспрымъ изложеніемъ. Они посяпъ потъ-же характеръ швердоспи, справедливоспи и удивительной шочности. Они приводятъ Авшора къ, размышленію о помъ: находипся-ли между причинами, дѣйствующими нынѣ на поверхности земли, шакая, копорой можно-бы приписать бесчисленныя перемѣны и переворошы, происшедшія въ вѣкахъ, предшешпововавшихъ шому, въ копоромъ мы суще-

снвваемъ? Авторъ счншаетъ четыре главныя производящія измѣненія въ нашихъ швердыхъ земляхъ: дождь и таянiе, копорые разрушаютъ утесистыя горы; текущія воды, копорыя увлекають ихъ остатки; море, подрывающее основанiя возвышенныхъ береговъ, производящее на нихъ утесы и въ тоже время выбрасывающее на низкiя прибрежiя холмы песку; наконецъ, огнедышущiя горы, копорыя прорываютъ швердые слои и распросстраняють на поверхности груды своихъ изверженiй. Великiе провалы, производимые первою изъ сихъ причинъ, довольно рѣдки и важнѣйшее дѣйствiе кусковъ, падающихъ съ высокiхъ горъ, есть то, что они составляютъ запасы опустошенiю потоковъ. Горныя воды, усиленные таяющимъ снѣгомъ, усиливають стремленiе, по мѣрѣ того, какъ онѣ удаляются отъ высотъ, съ копорыхъ устремились на низменныя мѣста и приносятъ въ долины ими орошаемыя, или на берега, куда онѣ стремятся, только иль, состоящiй изъ частицъ самыхъ вязкихъ, оставшихся изъ числа тѣхъ, копорыя онѣ увлекли сначала. Дѣйствiе ихъ ограничивается наращенiемъ береговъ при устьѣ, коимъ впадаютъ онѣ въ море. Возвышенiя, набрасываемыя приливами на низкiя мѣста и утесы, изрываемыя въ возвышенныхъ берегахъ разрушительнымъ могущесшвомъ волнъ, производящъ дѣйствiе еще меньшее. Вообще, дѣйствiе водъ на швердую землю состоитъ только въ уравненiи. Ихъ теченiе заключено въ границахъ, копорыя легко опредѣлншь и копорыя не имѣють ничего общаго съ сими безмѣрными глыбами, коихъ происхожденiя ищеть Геологiя. Нѣкопорыя другiя измѣненiя, происходящiя въ самыхъ пѣдрахъ океана

и просачиваніе водъ сквозь известковые слои, не болѣе можетъ изъяснить сіи великія явленія, также какъ сталактиты, накипи и произведенія каменно-растеній (lithophytes). Всѣ сіи соединенныя причины не перемѣнили-бы значительнаго количества морской поверхности, не возвысили-бы выше ея ни одного слоя и особенно, не произвели-бы ни малѣйшей горы на поверхности земли. Многіе утверждали, что море испытало всеобщее уменьшеніе, но видимыя доказательства, въ подтвержденіе сего положенія представленныя, были оспорены также видимыми доказательствами совершенно противнаго. Что касается до огнедышущихъ горъ, дѣйствіе ихъ еще ограниченнѣе, еще болѣе мѣстно и частно, нежели всѣ тѣ, о коихъ мы говорили. Онѣ не поднимаютъ и не разрушаютъ слоевъ, чрезъ которые проходитъ жерло ихъ, и если нѣкоторыя причины, дѣйствуя изъ глубины ихъ, способствовали возвышенію великихъ горъ, это были не тѣ вулканическіе дѣйствователи, которые существуютъ въ нынѣшнихъ огнедышущихъ горахъ.

Доказавъ, что вообще искали-бы мы въ силахъ, нынѣ дѣйствующихъ на поверхности земли, причинъ, достаточныхъ для произведенія революцій и разрушеній, которыхъ слѣды показываетъ намъ оболочка земнаго шара, Г. Кювье обращается къ ясламъ внѣшнимъ, постояннымъ, извѣстнымъ дѣльцамъ и показываетъ, что и въ нихъ не найдемъ мы пособій къ нашему разысканію. Наклоненіе земной оси на площадь эклиптики производится въ направленіяхъ и границахъ извѣстныхъ и медленнѣе сего движенія не могла-бы произвести революцій мгновенныхъ. Точно шже должно сказать

о всѣхъ постепенныхъ движеніяхъ, каковы-бы они ни были: перемѣны быстрыя, подобныя тѣмъ, которыя преворачивали земную оболочку, не могутъ быть непосредственнымъ ихъ слѣдствиемъ.

Г. Кювье переходитъ къ обзорѣ различнымъ системъ, которыя выдумывали, дабы отдать себѣ отчетъ о причинѣ революцій земной поверхности. Такое обзорѣ, для умовъ поверхностныхъ могущее быть поводомъ къ насмѣшкамъ, приводитъ Автора къ доказательствамъ, что множество людей умныхъ и ученыхъ ошибались весьма часто пошлю, что съ исключительнымъ вниманіемъ разсматривали нѣкоторыя явленія и пренебрегали другими явленіями, неменѣ важными для изученія. Точное изслѣдованіе видимыхъ доказательствъ не породило-бы столько теорій, а напрашивъ явилось-бы намъ выводы болѣе прочныя, послужило-бы особенно къ начертанію исторіи земель впороспешенныхъ, составляющихъ самую важную и самую трудную часть задачи, могло-бы показати намъ образъ накладки слоевъ и отношенія сихъ слоевъ къ родамъ животныхъ и растеній, коихъ остатки они заключаютъ. »Нѣтъ-ли животныхъ и растеній, собственныхъ нѣкоторымъ слоямъ и не находящихся въ другихъ? Какіе суть виды ихъ, кажушіеся первыми и какіе послѣдующими? Есть-ли постоянное соотношеніе между древностью слоевъ и сходствомъ или несходствомъ ископаемыхъ (*fossiles*) между ними собственно, или въ соображеніи съ живущими существами? — Вотъ нѣкоторыя изъ вопросовъ предлагаемыхъ Авторомъ и на которые, кажется ему, должноствовало-бы отвѣчать прежде, не пускаясь

еще на удачу въ предположенія и изъясненія , болѣе или менѣе преждевременныя.

И такъ , по мнѣнію Г-на Кювье , изученіе ископаемыхъ есть вождь , котораго долженъ взять естественнoиспытатель , занимающійся исторіею земнаго шара , есть единственное основаніе , на которомъ въ Геологіи можно уставить понятія прочныя. Часть совершенно *Минералогическая* сей великой задачи была изучена Соскромъ съ удивительнымъ искусствомъ и неменѣе удовлетворительнымъ образомъ раскрыта Вернеромъ ; но хотя другіе ученые собрали и описали тысячами ископаемые осадки органическихъ шѣлъ , почти всегда пренебрегали они разысканіями главныхъ законовъ положенія и отношенія ископаемыхъ съ слоями , а между шѣмъ , къ ископаемымъ относится основательность и вѣрность теоріи земли. Они одни могутъ научить насъ тому , что въ образованіи земнаго шара были послѣдовательныя эпохи и рядъ дѣйствій различныхъ ; что оболочка его не всегда была такова какъ нынѣ , ибо въ нѣдрахъ своихъ заключаетъ она осадки органическихъ шѣлъ , которыя не могли жить нигдѣ болѣе , какъ только на ея поверхности. Дѣйствительно , если-бы существовали земли безъ ископаемыхъ , кто могъ-бы утверждать , что не всѣ земли принадлежатъ къ одной эпохѣ и что не всѣ онѣ образовались вмѣстѣ ?

Принужденный выбрать одинъ предметъ между ископаемыми , ибо изученіе всѣхъ представляло безмѣрное поле , Г. Кювье уведомляетъ насъ о причинахъ , рѣшившихъ его преимущественно заняться четвероногими. Сей отдѣлъ органическихъ шѣлъ , болѣе обильный въ послѣдствіяхъ основныхъ , былъ

между тѣмъ болѣе другихъ неизвѣстность и потому былъ богатѣе другихъ предметами для новыхъ разысканій. Раковины доказываютъ правда, что море было тамъ, гдѣ образовались груды ихъ, но кости четвероногихъ доказываютъ болѣе: что или самый заключающій ихъ слой былъ нѣкогда сухою землею, или по крайней мѣрѣ, что по близости его была суша. Истребленіе видовъ животныхъ заставляетъ увѣриться, что слой сей былъ пощепленъ, или что ближняя къ нему сушь, нѣкогда переставала быть сушею; слѣдственно, въ костяхъ животныхъ узнаемъ мы важное видимое свидѣтельство повторенныхъ вторженій моря. Различіе между видами животныхъ истребленными и видами живущими, также гораздо легче установить въ разсмотрѣніи млекопитающихъ, нежели молюсковъ. Основательно могли-бы оспаривать, что раковины древнихъ слоевъ существуютъ еще гдѣ нибудь въ глубинѣ морей, недосягаемой нашимъ разысканіямъ; но для четвероногихъ, даже для родовъ малаго размѣра, сіе опроверженіе, уже значительно уменьшенное успѣхами Зоологіи, ослабляется еще каждодневно усовершенствованіемъ географическихъ познаній, не позволяющихъ уже предполагать болѣе существованія млекопитающихъ намъ неизвѣстныхъ. Древніе, далекіе отъ того, чтобы подобно новѣйшимъ народамъ знать всѣ главныя страны земнаго шара, знали только довольно незначительную часть нашей твердой земли; между тѣмъ, большая часть родовъ млекопитающихъ, живущихъ на ней, была имъ извѣстна. Г. Кювье утвердилъ это соображая извѣстія, оставленныя естественными испытателями и писателями Греческими и Римскими, съ замѣчаніями на-

шого времени. Самыя басни, оставшіяся намъ о нѣ-
 которыхъ видахъ живописныхъ , находящъ изъясненіе
 естественное и проникательной разсмотрительно-
 сти зоолога истина открывается сквозь чудесные
 рассказы мифологовъ и ослѣпленное воображеніе ху-
 дожниковъ , невѣждъ или легковѣрныхъ. «Если вос-
 надцать или двадцать вѣковъ» — заключаетъ Г.
 Кювье , если плаваніе кругомъ свѣта , ничего не
 прибавили къ тому , что передали намъ древніе ,
 нѣтъ видимости предполагать , что будущіе вѣка
 научатъ многому нашихъ потомковъ.»

Предметъ сей части разсужденія Г-на Кювье
 состоить въ предупрежденіи мнѣнія тѣхъ людей ,
 которые не захотятъ вѣрить совершенному уни-
 чтоженію древнихъ видовъ живописныхъ и будущъ
 пишутъ надежду , что еще можно найдти ихъ гдѣ
 нибудь на землѣ живущихъ. Эта надежда такъ не-
 основательна , и возраженіе , которому она послу-
 житъ основаніемъ , такъ слабо въ глазахъ ученыхъ
 людей , что кажется излишне было-бы опровергать
 его , но Г-нъ Кювье хотѣлъ изложить самымъ осно-
 вательнымъ образомъ явленія , которыхъ исторію
 предпринялъ писать и — почти математическая
 вѣрность выводовъ имъ достигаемыхъ , есть одна
 изъ замѣчательныхъ чертъ его творенія.

Неудобство изученія предмета , коему Авторъ
 отдавалъ преимущество , есть то , что ископаемая
 кости рѣдко сохраняются вполнѣ , какъ раковины
 или скелеты рыбъ и что чаще всего , признаки ,
 могущія служить къ опысканію сходства между ними ,
 исчезають въ нецелнотѣ и испорченномъ состояніи ,
 въ какомъ земля отдаетъ намъ сіи ископаемая. Опъ
 сего-то произошло , что сполько почтенныхъ

авторовъ и знаменишыхъ геологовъ — Камперъ, Палласъ, Блюменбахъ, Земмерингъ, Фоясъ, Розенмюллеръ и другіе, писавшіе объ ископаемыхъ четвероногихъ, классифировали ихъ неопредѣленнымъ образомъ, по сходствамъ поверхностнымъ, такъ, что сія часть исторіи ископаемыхъ, поучительнѣйшая изъ всѣхъ, была до Г-на Кювье, всѣхъ менѣе усовершенствованная и болѣе другихъ оставявшая желанія новыхъ изслѣдованій.

Но сравнительная Анатомія заключаетъ въ себѣ такое основаніе, что будучи хорошо раскрыто, оно способно исписать всѣ затрудненія: это соотношенія формъ въ шѣлахъ органическихъ, посредствомъ коего, каждый видъ животнохъ можеть быть совершенно узнать, по остатку какой нибудь изъ его частей. Каждое органическое шѣло составляетъ общность, цѣлую систему, которой всѣ части соотношествуютъ взаимно и содѣйствуютъ одному порядку дѣйствій. Ниодна изъ частей не можеть переѣниться безъ того, чтобы и другія части не переѣнились равномерно. Если внутренность какого нибудь животного организована такъ, что можеть варить только мясо и мясо свѣжее, надобно чтобы челюсти его были способны пожрать, когти схватить и разодрать, зубы разрѣзать и раздробить, вся система движущихъ нервъ преслѣдовать и достигать добычу, а органы чувствъ замѣтить ее издалека. Таковы суть условія общія собственно-плотоядныхъ животныхъ; далѣе слѣдуютъ частныя, относительно величины, вида, пребыванія добычи, которую пожираетъ животное. Таковыя-же условія и съ таковою-же прочностію прилагаются ко всѣмъ другимъ свойствамъ животныхъ и явны опытному зрѣнію не только

въ ихъ общемъ составѣ, но въ малѣйшихъ подробностяхъ ихъ организаціи; потому, справедливо можно сказать, что классъ, порядокъ, родъ и даже видъ животноаго, ясно бывающъ выражены въ формахъ каждой части его.

Но кромѣ сихъ отношеній явныхъ, которыя изъясняютъ теорія образомъ удовлетворительнымъ, есть другія, необходимость которыхъ кажется меньше утвердительною и которыхъ между тѣмъ, представляющъ съ такою-же точностію. Напримеръ, мы ясно видимъ, почему животныя съ копытами должны быть всѣ правоядныя: они не имѣютъ никакихъ средствъ ловить добычу. Кажется сомнительнымъ, чтобы можно было угадать, если-бъ наблюденія не научили, почему у животноахъ, жвачку жующихъ, копыты раздвоенныя и припомъ, только у сего вида животноахъ? Глубокое изученіе законовъ, связующихъ и подчиняющихъ одно другому различныя направленія животноаго тѣла, недостаточно было-бы для образованія полнаго и вѣрнаго понятія объ этомъ отношеніи зависимости: здѣсь надобно присовокуплять внимательное, даже мѣлочное изученіе Анапоміи сравнительной и распространять его на всѣ частности, находимыя въ каждомъ видѣ животноахъ, иногда даже безъ возможности отдать себѣ отчетъ объ ихъ отношеніи къ другимъ. Въ сихъ случаяхъ, никто лучше Г-на Кювье не могъ пролить яркаго свѣта на столько вопросовъ тонкихъ, обстоятельствъ мгновенныхъ и отношеній самыхъ малыхъ, коими управляютъ характеры видовъ животноахъ. Не пренебрегая ниодного изъ пособій, которыхъ усовершенствованная Анапомія передаетъ

Зоологія, знаменишій естествоиспытатель достигъ до установленія законовъ въ сей части, основныхъ и неизмѣнныхъ, коихъ приложение представляеть множественные примѣры удивительной способности и проницательности его, кажется, похожей иногда на угадыванье. Мы приведемъ сему нѣсколько примѣровъ въ нашемъ разборѣ.

Система наблюдений можетъ быть такъ хорошо связана и такъ полна, что одинаковая достовѣрность будетъ принадлежать ей отрицательнымъ и положительнымъ (*négatives et positives*) выводамъ. Это видимъ мы въ изысканіяхъ Г-на Кювье. Не только можно, съ его описаніями, созерцать совершенно возстановленными и вновь оживленными (если можно такъ сказать) *девяносто* неизвѣстныхъ и несуществующихъ нынѣ на землѣ видовъ животныхъ, установивъ относительную эпоху порожденія каждаго изъ сихъ видовъ, установивъ изъ слѣдствій, съ величайшею основательностію выведенныхъ, порядокъ, въ какомъ они, одни за другими, слѣдовали, но можно удостовѣриться также, что сіи роды, отличные отъ существующихъ нынѣ на землѣ, не произвели сихъ послѣднихъ родовъ, что тѣ и другіе не есть простыя уравненія одни другихъ, произведенныя перемѣною различныхъ вліаній, которыми были они подвержены. Сія идея, столь обольщительная для многихъ искусныхъ естествоиспытателей и въ слѣдствіе которой всѣ виды могли измѣняться изъ одного въ другой, или быть слѣдствіемъ безконечнаго измѣненія однихъ и тѣхъ же формъ, не получаетъ никакого подтвержденія въ изысканіяхъ Г-на Кювье. Можно сказать даже, что его изысканія совершенно ей противны, по-

елику опредѣляя то, что было въ этомъ отношеніи въ вѣкахъ протекшихъ, они даютъ почную мѣру тому, что подобнаго можетъ случиться въ будущемъ. Если-бы виды измѣнялись постепенно, должно-бы найдти слѣды сихъ постепенныхъ уравниній и нѣдра земли сохраняли-бы памятники самаго любопытнаго изъ всѣхъ родословій. Но поелику ничего подобнаго не замѣчено доннѣ, то можно заключить, что виды прежнихъ временъ были также постоянны, какъ виды животныхъ нашего времени, или по крайней мѣрѣ, что разрушеніе уничтожившее ихъ не дало имъ времени исполнить всѣхъ измѣненій.

Другой отрицательный выводъ, величайшей важности, извлекается равномерно изъ разысканій Г - на Кювье: отсутствіе человѣческихъ костей между ископаемыми костями, собственно такъ называемыми, въ правильныхъ слояхъ поверхности земнаго шара. Сего замѣчанія не лзя опровергнуть, представивъ остатки человѣковъ, найденные въ шурфѣ, въ трещинахъ утесовъ, въ известковыхъ пустахъ, въ наносныхъ берегахъ рѣкъ. Находка человѣческихъ костей въ сихъ мѣстахъ, дѣло столь-же обыкновенное, какъ открытіе ихъ на старинныхъ кладбищахъ или въ погребалищахъ (catacombes). Но въ пространствахъ подземныхъ, заключающихъ древнія поколѣнія животныхъ, между *палеоверіонами* и даже между ископаемыми слонами и носорогами, никогда еще не находили ископаемой кости человѣческой. Время ошъ времени видали мы объявленія о находкахъ сего рода, но самаго простаго разсмотрѣнія достаточна бывало для доказательства, что кости человѣческія не были въ самомъ дѣлѣ ископаемыя

его собственных изысканий, давая ему великое свидѣтельство, что онъ точно приближается къ истинѣ.

(До слѣд. книжекъ.)

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература.

1825.

122. *Essai sur le commerce maritime des neutres.*
Опытъ изслѣдованія о морской неутральной торговлѣ. Дерптъ. 1825 г. in 8. 70 стр.

Соблюденіе неутральности подаетъ поводъ ко многимъ и важнымъ вопросамъ, которые рѣшаются Народнымъ Правомъ. Надобно обнять сперва требованія и обязанности государствъ вообще, въ мирное и военное время, дабы опредѣлить съ точностію отношенія неутральныхъ государствъ къ воюющимъ. Новыя трудности являются, когда дѣло идетъ о неутральности морскихъ державъ, ибо здѣсь слѣдуетъ охранить ихъ торговлю отъ убытковъ съ войною сопряженныхъ и обезпечить мореплаваніе отъ стѣсненій, коимъ, принятыя обычаи осмотра судовъ и продолжающееся донинѣ крейсерство, подаютъ поводъ. Отъ того происходитъ, что неутральность морскихъ державъ не токмо занимаетъ значительную часть въ сочиненіяхъ о Народномъ Правѣ, но даже бываетъ предметомъ многихъ отдѣльныхъ разсужденій, къ числу коихъ принадлежишь и изданный нынѣ, неизвѣстнымъ Сочини-

шелемъ *Опытъ*. Давно уже замѣчено, что писатели о морской неутральности раздѣляются на два разряда, изъ коихъ одни стараются оказать пособіе неутральнымъ, другіе подкрѣпляютъ воюющихъ; одни дозволяютъ неутральному государству торговать съ полною свободою, другіе хонятъ подвергнуть торговлю ихъ ограниченіямъ, выводимымъ изъ права войны. Сочинитель *Опыта* принадлежитъ къ первому разряду. Вѣрный принятому началу, онъ не соглашается ни на какія ограниченія торговли, исключая входъ кораблей въ блокируемые порты, ввозъ оружія и военной аммуниціи въ пристани воюющихъ державъ, считая сіе военною контрабандою, коею начало онъ относитъ къ *опредѣленному праву* (*Droit positif*). Права государства воюющаго — брать собственное и непріятеля, не допускать военной контрабанды и нарушенія блокады — даютъ поводъ къ призамъ. Опредѣленіе законности приза ведетъ къ разсмотрѣнію правъ на осмотръ судна и на захваченіе судна, груза, экипажа; далѣе, къ точному опредѣленію блокады, къ означенію участи приза, въ періодъ между захваченіемъ и рѣшеніемъ судебной власти и наконецъ, къ начертанію процесса, коимъ сіе рѣшеніе получить слѣдуетъ. Таковъ бываетъ обыкновенный составъ сочиненій о семъ предметѣ, таковъ составъ и сего *Опыта*. Сочинитель надѣется, что спокойствіе мира, продолжающагося въ Европѣ, дозволишь ввести начала болѣе сходныя съ благоденствіемъ и съ честію народовъ, можно-бы прибавишь — и съ нравственностію. На раскрытіе сихъ началъ онъ хотѣлъ-бы обратить вниманіе какого нибудь болѣе просвѣщеннаго ума, который вникнетъ глубже въ предметъ, столь достойный

шищательнаго изученія. Желаніе благородное, заслуживающее похвалу. Но можетъ-ли содѣйствовать къ его исполненію Опытъ, заключающій въ себѣ краткое повтореніе общихъ началъ, давно уже извѣстныхъ и многократно изъясненныхъ въ спорахъ? Для убѣжденія въ недостаткахъ образовавшейся по сему предмету юриспруденціи, остается одно средство: сравненіе правилъ, коими руководствуются судилыща Франціи, Англіи и другихъ морскихъ державъ и критическое обозрѣніе главныхъ по сему предмету государственныхъ договоровъ. Противорѣчія и упущенія, открытыя въ законныхъ источникахъ, дѣйствовали-бы гораздо сильнѣе, чѣмъ противорѣчія писателей, даже шѣхъ, на коихъ дипломатія благоволишь ссылаться. Мы не въ правѣ обращать сей мысли въ упрекъ Соч. Опыта, ибо онъ самъ ссылается на „недостатокъ силъ и поспѣшность труда, едва поверхностно начертаннаго, писаннаго, прибавимъ, какъ замѣтно, не на природномъ языкѣ. Намъ остается только напомнить древнее правило *festina lente* и пожелать, чтобы Соч., столько убѣжденный въ важности своего предмета, обработалъ его въ видѣ болѣе новомъ, полномъ и слѣдственно болѣе полезномъ.

1826.

133. *Ода* на Высочайшее Коронованіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Ив. Гашѣва. М. 1826 г. in 4. 8 стр.

134. *Стихи* на Священнѣйшее Крещеніе и Миропомазаніе Ея Императорскаго Высочества,

Благовѣрной Государыни , Великой Княжны **ЕЛИСАВЕТЫ МИХАЙЛОВНЫ**. Соч. Н. Верескина. М. 1826 г. in 8. 8. стр.

135. *Стихи* на торжественный въздъ **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ** . Перваго въ Престольный градъ Москву. 1826 года. Соч. Сергѣя Глинки. М. 1826 г. in 8. 6 стр.

136. *Стихи* по случаю воспріятія отъ купели Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны **ЕЛИСАВЕТЫ МИХАЙЛОВНЫ**. Соч. Сергѣя Глинки. М. 1826 г. in 8. 7 стр.

137. *Посланіе* къ войскамъ Тихаго Дона , по случаю пожалованной имъ нынѣ царствующимъ **ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ** сабли покойнаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I**. Соч. Сергѣя Глинки. М. 1826 г. in 8. 8 стр.

138. *Чувствованія Московскаго жителя* , по случаю горесипнаго извѣстія о кончинѣ **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ**. Соч. Сергѣя Глинки. М. 1826 г. in 8. 12 стр.

139. *Чувства Калужанина* при гробѣ въ Возѣ опочившей **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ**. М. 1826 г. in 4. 4 стр.

140. *Путешествіе Московскаго купца Трифона Коробейникова* съ товарищи, въ Іерусалимъ , Египецъ и къ Синайской горѣ и проч., описанное имъ Коробейниковымъ на Славянскомъ языкѣ, съ котораго нынѣ, для удобнѣйшаго понятія, переложено на чистый Россійскій, съ присовокупленіемъ объясненій на мѣста подлежащія сомнѣнію, Иваномъ Михайловымъ. Изданіе второе. М. 1826 г. in 12. IV и 142 стр.

Коробейниковъ съ поварицами посланъ былъ въ Иерусалимъ, Антиохію и другія мѣста съ дарами и особенно въ Синайскіе монастыри, для отданія на постройку храма 500 рублей, отъ Царя Іоанна Васильевича, въ память по сыну его. Это сдѣланіе сдѣлалось достопамятнымъ для современниковъ по описанію, какое составилъ Коробейниковъ о всѣхъ видѣнныхъ имъ святыхъ мѣстахъ. Сочиненіе Коробейникова съ великимъ тщаніемъ переписывалъ въ Русскіе сборники, составлявшіе библиотеки нашихъ предковъ. Надобно знать, что у нашихъ стариковъ было нѣсколько сочиненій, которыя любили они особенно читать и перечитывать, на примѣръ: Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, о городѣ Троѣ, о взятіи Казани, объ Александрѣ Македонскомъ, о Попѣ Иванѣ (Тел. III. 93) и проч. Путешествіе Коробейникова принадлежитъ къ симъ сочиненіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ извѣстныхъ предкамъ нашимъ описаній не объясняло намъ такъ подробно храма Иерусалимскаго и другихъ святыхъ мѣстъ. Въ 1783 г. напечатано было Путешествіе Коробейникова въ Петербургѣ и поступило въ число книгъ, которыя любящъ читать наши грамашныя простолюдины, отъ чего получило оно большой расходъ, издано снова въ 1786 г. и въ 1803 г. Но послѣ первыхъ двухъ изданій, одинъ изъ книгопродавцовъ Московскихъ захопѣлъ перебить часть выгодъ Петербургскаго издашеля и обратился къ бывшему тогда въ Москвѣ какому-то Литтератору *Ивану Михайлову*, который славился, какъ видно, искусствомъ писать для простаго народа, передѣлалъ по своему повѣсти о взятіи Казани, о побоищѣ Мамай, о городѣ Троѣ, о взятіи

тія Іерусалима и разореніи Царяграда и проч. Эпопъ Литператоръ не отказался отъ работы и — передѣлалъ на свой ладъ Путешествіе Коробейникова. Оно было напечатано въ Москвѣ, въ 1798 г. Такимъ образомъ, это Путешествіе издано не во второй разъ, какъ сказано въ заглавіи новаго Московскаго изданія, а въ пятый.

Путешествіе Коробейникова мало представляеть любопытнаго для читателей высшихъ сословій, не говоря уже о томъ, что *передѣлка* Г-на Михайлова совсѣмъ особеннаго рода. Онъ очень спокойно объявляетъ читателямъ, что прибавлялъ и убавлялъ по своей волѣ, поясняя чего не понималъ и проч. и проч. Самое изданіе книги на грубой, почти оберточной бумагѣ и кое-какъ, доказывающъ, что издатель назначалъ книгу для шѣхъ людей, у которыхъ она и при ней двѣ, при другія засаленныя отъ многого чтенія книги составляютъ всю библиотеку, почему мы и не будемъ ничего говорить о незнаніи передѣлывателя, не смотря на начетчивость, замѣшную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. — «По ускому морю Бѣлому (пишетъ Коробейниковъ) до *Мурма острова* день ходу: шупо естъ, сказывающъ, пошонула трапеза, сирѣчь, престоль, сошвореніе Царя Константина.» Передѣлыватель хочеть поправить ошибку и не зная, что островъ Мурма значить островъ Мармара, думаетъ что дѣло идетъ о Мармарномъ морѣ, которое Коробейниковъ уже называлъ *Бѣлымъ моремъ ускимъ*, въ противоположность Архипелагу, *Бѣлому морю широкому*, какъ называетъ его Короб., переводя названія Турецкія. Слово: *сказываютъ*, замѣнено у Г-на М. словами: «по увѣренію *Историковъ*.» Короб. очень порядочно описы-

знаетъ острова на пути своемъ: *Миндлинъ*, *Сакмизъ*, *Станковъ*, *Радусъ*, *Кипръ*. Первые четыре названія значатъ Мипилень, Хюсь, Кось и Родось. Передъѣзжавшеть пропускаетъ Мипилень, а Кось спадитъ за Родосомъ и описаніе Кипра переноситъ къ сему острову, отъ чего городъ Никозія переходитъ у него съ Кипра на Кось. Короб. пишетъ, что отъ Кипра плывушь въ пристань Триполійскую, откуда два пуши въ Іерусалимъ: одинъ моремъ, другой сухимъ пушемъ на Дамаскъ. Передъѣзжавшеть выпускаетъ Триполь и пишетъ, что отъ острова Кипра «дорога ведущая къ Іерусалиму, раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ по одной можно достигнуть до Іерусалима моремъ, а по другой чрезъ городъ Дамаскъ — *сухимъ путемъ*»

Положитъ, что путешествіе Коробейникова не есть ученое путешествіе, но за чѣмъ-же и простыхъ читателей вводитъ въ заблужденіе такими странными ошибками? —

141. *Письма къ Эмиліи о Мисологій*, сочиненіе Демутье. Переводъ Вл. Дмитриева и Вас. Дуврова. Часть I. Спб. 1826 г. in 12. 172 стр.

Если скажутъ намъ, что путешествіе Коробейникова, Исторія Троянская и т. п. книги, издаются для грамотнаго простонародна, который читаетъ ихъ сидя подлѣ мучной или молочной лавочки и удивляется, какъ съ острова Кипра ходятъ *сухимъ путемъ* въ Іерусалимъ, мы желали-бы спросить: для кого издаются афирныя книжечки, извѣстныя подъ именемъ: *Beautés* и *Résumé*, писемъ къ Эмиліямъ, къ Софьямъ, къ Пальмирамъ, о Мисологій, Физикъ, Астрономіи, Политической Экономіи, и проч. и прочее?

Есть любители типографических игрушек, у которых богатая изданія Демусье, Эме-Мартена и имъ подобныхъ писателей стоятъ за цѣльными стеклами богатыхъ шкафовъ. Не во гнѣвъ симъ любителямъ, мы осмѣливаемся думать и даже сказать, что всѣ маленькіе дамскіе курсы наукъ и письма къ дамамъ о Физикѣ, Химіи, Политической Экономіи и другихъ наукахъ, почитаемъ лишештурными произведеніями бесполезнѣе пустошествовъ.

Никто не запрещаетъ писать шарады, анаграммы, логогрифы и омонимы, но ихъ почитаютъ шѣмъ, что онѣ суть — игрушкою. Науки — не игрушки. Мы никогда не повѣримъ, чтобы можно было выучиться какой нибудь наукѣ играя и утѣрены, что наука превращенная въ игрушку сдѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы.

Одѣньше спарика въ дѣтскую курточку — вопъ изображеніе науки, изложенной въ письмахъ къ Софьямъ, Клориндамъ и Элизамъ. Сія книги должно отличать отъ сочиненій, въ которыхъ систематически, съ соблюденіемъ точнаго порядка и полнош частшей, но кратко, предоставляется сущность науки. Дамскіе курсы совсѣмъ не то. Въ нихъ авторъ, стихами и прозою, изображаетъ все, что придетъ ему въ голову — и дѣло и бездѣлье, остроумничаетъ, шутишь, а науку употребляетъ вмѣсто сплявочки для своего попури. Жалкое униженіе науки; Вредъ такихъ книжекъ состоить въ смѣшеніи понятій, какое оспается послѣ чтенія, и что всего хуже — дамы почти не читаютъ книжекъ для нихъ писанныхъ, а напрошивъ, ими запасаются мужчины, ешараясь замѣнить свѣдѣніями изъ нихъ почерпну-

тыми недостаткомъ основательнаго ученія и — кромѣ сбора нелѣпыхъ, поверхностныхъ познаній, этимъ легкимъ способомъ учиться, они опбиваютъ у себя послѣднюю способность и охоту къ дѣльнымъ, основательнымъ занятіямъ науками.

Изъ всѣхъ дамскихъ курсовъ, спосиѣ другихъ, *Письма къ Эмили*, соч. Демутье. Предметъ ихъ — Миеологія, кромѣ основательнаго изученія, необходимаго для философа и для историка, могъ быть предметомъ забавнаго разсказа, чего нельзя сдѣлать съ Физикою, Химіею и Политическою Экономіею. Съ этой стороны смотрѣлъ на него Демутье. Впрочемъ, Рецензентъ признается, что онъ никогда не имѣлъ терпѣнія прочитатъ и одной книжки изъ нѣсколькихъ, составляющихъ *Письма къ Эмили*. Острошны, большею частію высканья, желаніе смѣшить по заказу, двусмысленности, ошибки противъ науки, самые скачки отъ прозы къ стихамъ, отъ стиховъ къ прозѣ — все это не можетъ понравиться человѣку, знакомому съ истинно-изящными произведеніями. Въ письмахъ къ Эмили поэзія лишена своего изящнаго достоинства, а проза — нитка для шиванья этой безжизненной поэзіи. Но *Письма къ Эмили* были *много разъ* напечатаны? По той-же причинѣ, по которой въ Россіи Письмовникъ Курганова изданъ разъ десять.

Русскій переводъ былъ осужденъ въ Сѣверной Пчелѣ, а подлинникъ ввезенъ похвалами. По мнѣнію *Ж. Б.* (подпись Рецензента С. П.) подлинникъ — «прелестное сочиненіе, блестящее всею игривостію *Французскаго ума*, украшенное всею гибкостью *воздланнаго языка*, всею Французскою *любезностію и угодливію* прекрасному

полу.* Мы осмѣливаемся думать, что умъ не бываетъ ни Нѣмецкій, ни Французскій, а просто умъ, и что *воздѣлываютъ* только поля, а не языки. Не понимаемъ, какъ можетъ быть книга *любезна*, не втримъ чтобы *угодливость прекрасному* полу могла *украстить книгу*, и въ сужденіи нашемъ о Письмахъ къ Эмилиі ссылаемся на мнѣнія самыхъ Французовъ. Вошь что говоритъ Дюссо, одинъ изъ лучшихъ Кришиковъ Французскихъ: »Письма къ Эмилиі, наполненные остроумными идеями и блестящими мѣстами; вообще — собраніе передвоенныхъ мадригаловъ и пустой игры словъ. Проза въ нихъ довольно чиста и стихи правильны и основательны; но правильность переходить въ сухость, а основательность въ щедушность: естъ мѣста совершенно во вкусъ Оргонова сонета и Коптневскаго писанья. Демутье былъ не поэтъ; онъ писалъ стихи съ помощію труда, остроумія и уравненій. Всѣ его сочиненія не лишены пріятности, иногда встрѣчаемъ въ нихъ прелестныя картины, но нигдѣ не видимъ ни жара Поэзіи, ни силы.« И вошь что называетъ Г-нь Ө. Б. прелестными сочиненіями, блестящими всею игривостью Французскаго ума, сочиненіями, которыя всегда быстро расходящяся въ *цѣломъ* (п. е. во *всемъ*) образованномъ мірѣ.

Что касается до перевода, то надобно согласиться, что въ немъ естъ ошибки прошивъ Русскаго языка и невѣрности прошивъ Французскаго подлинника, но многія мѣста доказываютъ дарованія Г-дѣ Переводчиковъ. Мы увѣрены, что они могли-бы явиться передъ публикою съ бѣльшими правами на благодарность, если-бы подлинникъ;

при всей его зефирности, не представлялъ весьма больших трудностей для перевода.

42. *Нина*. Стихотворная повѣсть. Сочиненіе Ивана Косяровскаго. Спб. 1826 г. in 8. 44 стр.

Сочинитель говоритъ, что онъ самъ не доволенъ своею *стихотворною повѣстью*. Вопросъ, необходимо слѣдующій послѣ сего признанія: *за тѣмъ-же было летать?* Это первое произведеніе пера моего — и я ожидаю снисхожденія вашего; просвѣщенный читатель — прибавляетъ Авторь.

Первый опытъ конечно извиняешь недостатками, и придаетъ болѣе цѣны хорошимъ стихамъ, встречающимся въ сочиненіи Г-на К., но вопль чего не можешь извинить даже и первый опытъ: мы находимъ въ его Повѣсти столько выраженій, оборотовъ и — даже цѣлыхъ стиховъ, которые видѣли въ Онѣгинѣ, Чернецѣ, Эдѣ, Пирахъ, Кавказскомъ Пльнникѣ, что поэма Г-на К. совершенно теряетъ оригинальность. Подражая другимъ, мы никогда не будемъ сами предметомъ подражанія — старинная поговорка и тѣмъ болѣе справедливая, когда подражаніе близко къ вѣшнимъ формамъ и далеко отъ внутренняго достоинства оригиналовъ.

43. *Жизнь игрока*, описанная имъ самимъ, или открытая хитрости карточной игры. Россійское сочиненіе. Томъ I. М. 1826 г. in 16. V и 156 стр.

Мы прочитали эту небольшую книжку съ большимъ удовольствіемъ. Развѣ она хорошо написана? Не дѣля сказать: кажется, Автору мало извѣстно искусство писать легко, правильно и пріятно и самое расположеніе книги его не занимательно. Но все это замѣляетъ цѣль, для которой

нишеть Авшоръ и польза, которую онъ можетъ принести своимъ сочиненіемъ. Во Франціи ежегодно дають награжденіе за *полезнѣйшую* книгу, изъ всѣхъ изданныхъ въ цѣлый годъ. Года два - три тому, награжденіе дано было сочинителю книжки, описавшему въ ней гибельныя слѣдствія карточной игры и безсовѣстность картежныхъ игроковъ.

Несчастливая слабость играть въ карты есть одно изъ гибельныхъ золъ общественной жизни и все, что можешь споспѣшествовать къ истребленію этого ужаснаго способа убивать время, деньги, дарованія и — самую честь, все, повсюрьемъ, должно принимать съ особенною благодарностію. Сомнѣваемся, чтобы можно было истребить бостоны, висты и другія жалкія средства убивать время, извѣстныя подъ именемъ *коммерческихъ игоръ*; но пора бы открытъ глаза на банки, гальбъ-цельфы, шшосы и другія, такъ называемыя *азарныя игры* — на этихъ змѣй, которыя сосушь благосостояніе, спокойствіе и честь семействъ.

Сочинитель Жизни игрока рѣшился открытъ всѣ гнусныя обманы и хитрости, употребляемыя, какъ въ азарныхъ, такъ и коммерческихъ играхъ. Хвала ему и усердная просьба — продолжать свое сочиненіе. Въ первой части описано болѣе двадцати игрецкихъ способовъ обманывать, изъ числа коихъ многіе изумляютъ уже своею подлостію и тонкостію; но гораздо важнѣйшіе еще не открыты Сочинителемъ.

Надѣмся, что онъ совершенно сниметъ маску съ этихъ отвратительныхъ существъ, которыхъ разыскиють картежными игроками; что онъ пока-

жеть не только хитрости игроковъ, но и другія средства, коими они исторгають деньги отъ несчастныхъ жертвъ своихъ. Пусть Сочинитель изобразить, какъ молодые люди бывають ими поспешно развращаемы и увлекаются въ бездну пороковъ, какъ лишаютъ ихъ вѣры въ Бога, привязанности къ отечеству, уваженія къ родителямъ, лишаютъ дружбы, любви и все для того, чтобы вырвать у нихъ деньги, которыхъ всего чаще употребляются потомъ игроками на развратъ, самый отвратительный.

Пусть Сочинитель откроеть связь между тайными шайками игроковъ, которые собственно составляютъ одну шайку. Пусть опишетъ онъ гнусныя понятія о чести, существующія между игроками, наконецъ, пусть опишетъ послѣднія средства ихъ, когда не удастся ни хитрость, ни ловкость; какъ поятъ они крѣпкими, нарочно составленными нитьями, оглушающими голову и лишаютъми разсудка; какъ приписываютъ, налыгаютъ на того, кто попался въ ихъ ужасное жилище, часто блестящее золотомъ, зеркалами, яшмою и — съ пистолетомъ въ рукахъ заставляють согласиться на всѣ требованія. Если такія страшныя картины могутъ спасти хотя нѣсколько жертвъ — какой благодарности не заслужить избавитель ихъ!

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Боливія или Болливаріа. Въ новѣйшихъ историческихъ извѣстіяхъ часто упоминается имя сего новаго Юго - Американскаго государства, названнаго, въ честь Президента Колумбійской Республики, Болливаріею. Подъ сими названіемъ заключаются нынѣ области, соснавалявшія прежде *Верхній Перу* (Regu alto): въ срединѣ Южной Америки, отъ 11° до $32^{\circ} 30'$ Южной широты и 306° — 320° долготы. Послѣ побѣды надъ Испанцами, въ началѣ 1825 года, Сукре, Аякучскій Великій Маршалъ, объявилъ сии области (что подтверждено декретомъ Болливара 16 Мая 1825 года) государствомъ независимымъ отъ Республики Перу и соединенныхъ областей Ріо де ла Плата. Вслѣдствіе декрета жителямъ было предоставлено, въ общемъ собраніи, изъявить желанія свои, касательно государственныхъ пользъ и формы правленія. Сіе общее собраніе было въ Іюль 1825 года; шупъ находились избранные представители шести областей: ла Пацы, Потози, Хукисака, Оруро, Кохабамба и Санша-Круць де ла Сіерра. Засѣданія проиходили въ Хукисакѣ (прежня ла-Плата, главный городъ въ области Хукисака или Каракасѣ); сей городъ назначенъ и мѣстопробываніемъ Правительства новаго государства. По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, Хукисака находится въ 12 ти географ. миляхъ отъ Потози, въ 112 миляхъ на Юго - Восшокъ отъ ближайшей морской пристани Квилка, въ 202 миляхъ, до прямому направленію, отъ

Лимы и въ 270 миллахъ на Стверо - Западъ отъ Буэносъ - Айреса. Въ упомянутомъ общемъ собраніи, 6 Августа, 1825 года былъ объявленъ актъ независимости государства, который подписали: Иосе, Маріано, Серрано, председатели и 47 представителей. Послѣ сего написанъ былъ благодарственный адресъ Болливару, подписанный 11 Августа, въ которомъ верховные представители соединенныхъ областей Верхняго Перу, положили впредь называть страну свою — *Болливарією*. Такъ и называлась она до 1-го Января сего 1826 года. Въ этотъ день Болливаръ, проведеншій послѣдніе мѣсяцы, 1825 года, въ новомъ государствѣ, въ прощальной прокламаціи употребилъ вмѣсто Болливаріи, нѣсколько измѣненное названіе республики: *Болівія*. Его прокламація заключается въ слѣдующемъ: »Граждане! Священная обязанность моя къ Республикѣ Перу поставляетъ меня въ необходимость, дать опытѣть представителямъ народа о моемъ государственномъ управленіи. Перуанскій конгрессъ собирается въ Февраль мѣсяцѣ и пошому я долженъ сдать врученную мнѣ власть. Я поѣду въ Лиму. Съ глубокими чувствами удаляюсь отсюда и оставляю вашу страну, страну моего сердца, которая называется моимъ именемъ. Ваши представители имѣли ко мнѣ великую довѣренность, и я горжусь, шоржесивенно объявляя, что употреблю всѣ мои силы, исполнить ваши надежды. Вы должны быть объявлены отъ Перу независимымъ народомъ и получить свое государственное образованіе. Вашъ кодексъ законовъ долженъ согласоваться съ высочайшею гражданскою образованностью. Великій Маршалъ Аякухскій остается главою вашей государственной вла-

сти, а 25-е Мая, 1826 года, будетъ днемъ, въ который Боливія займешь мѣсто въ ряду независимыхъ государствъ Америки. Дано въ главной квартирѣ Хукисаки, 1 Января, 1826 года. Подписано : *Болливаръ.*

Извѣстія о банкирахъ Ротшильдахъ. Въ Лейпцигѣ вышла книга, содержащая біографическія извѣстія о сихъ банкирахъ, безъ сомнѣнія, первыхъ богачахъ въ Европѣ. Они Іудеи. Отець ихъ Майеръ Амшель Ротшильдъ родился въ Германіи, отъ небогатыхъ родителей и назначаемъ былъ въ равнины; но страсть къ Нумизмашикѣ отвлекла его отъ сего назначенія. Онъ спалъ собирать рѣдкія монеты и Курфирствъ Гессенскій, замѣтивъ честность и расторопность Ротшильда, препоручилъ ему собраніе монетъ для своего кабинета. Вскорѣ отсюду спали дѣлать ему такія препорученія. Дѣла Ротшильда увеличились, особливо послѣ счастливаго оборота его по займу для Даніи, такъ, что когда благодѣтель его Курфирствъ Гессенскій лишень былъ своихъ владѣній, Ротшильдъ успѣлъ сохранить часть богатствъ его. Это еще болѣе поддержало къ нему довѣренность. Въ 1812 г., онъ умеръ, завѣщавъ дѣшамъ миръ и согласіе, и предвѣщая имъ за то большое богатство. Дѣши выполнили завѣщаніе отца и хопя они живутъ нынѣ въ разныхъ государствахъ, но дѣла у нихъ общія. Богатство ихъ увеличивалось удивительнымъ образомъ и теперь, какъ говорятъ, они не знаютъ ему счета. Огромные займы для Испаніи, Пруссіи, Англіи, Неаполя, Австріи и другихъ государствъ доставили имъ величайшіе барыши. Все семейство Ротшильдъ-

довъ состоятъ изъ пяти братьевъ: Амшель (родъ въ 1773 г.), Солиманъ (родъ въ 1774 г.) и Карль (родъ въ 1788 г.), живутъ въ Франкфуртѣ; Нававъ (родъ въ 1777 г.), въ Лондонѣ, а Иаковъ (родъ въ 1792 г.), въ Парижѣ. Кромѣ банкирскихъ дѣлъ, они ведутъ большую торговлю. Въ последнее Критическое время Англинской биржи, Нававъ Ротшильдъ былъ совершеннымъ ея повелителемъ. Онъ предлагалъ Гольдсмиту выкупить его векселя, а на это пошребно было десятка два милліоновъ наличныхъ денегъ. Man sieht hier wieder, говорить Нѣмецкій журналистъ, передавая извѣстія о Ротшильдахъ, was Fleiss, Ordnung, Geschicklichkeit und Glück auszurichten im Stande sind.

Число произведеній книжной промышленности во Франціи. По вѣрному счислу, число всѣхъ напечатанныхъ въ первой половинѣ 1826 года въ Франціи книгъ, книжекъ, книжечекъ и брошюрокъ простиралось до 4347, эстамповъ гравиров. и литографиров. до 485, географ. картъ и плановъ до 21 и музыкальныхъ пьесъ до 220. Такимъ образомъ число вновь печатаемыхъ книгъ увеличивается во Франціи ежегодно. Въ 1815 и 1816 гг. вышло въ полгода до 2000 книгъ; въ 1817 г. въ полгода, болѣе 2000; въ полугодія 1818 — 19 и 1820 гг. до 2500; 1821 г. болѣе 2500; 1824 г. около 3500, а 1825 г. болѣе 3500. Впрочемъ, здѣсь считается *все, что только напечатано во Франціи.* Разумѣется, что не все число это состоятъ изъ книгъ, не все изъ новыхъ, и что *хорошія книги*, вѣроятно, составляющъ сошны въ тысячахъ, если еще не менте.

НЕКРОЛОГИЯ. *Карль, Робертъ Матюринъ* окончался въ Дублинѣ, въ Январѣ мѣсяцѣ, прошедшаго 1825 года. Необыкновенный талантъ доставилъ ему почетное мѣсто въ новѣйшей Англинской Литтературѣ. Онъ родился въ Ирландіи, въ 1782 году. Всегда ищный и чувствительный, Матюринъ влюбленъ былъ въ подругу своего дѣтства Генриетту Кингсбургъ и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ женился на ней. Вдругъ отецъ его лишенъ былъ мѣста, составлявшаго все его состояніе, и молодой Матюринъ, съ немалымъ семействомъ, увидѣлъ себя въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ завелъ пансіонъ, поправилъ было свои обстоятельства, но поручившись въ большой суммѣ за одного коварнаго друга, снова дошелъ до крайности, и принужденъ былъ уничтожить пансіонъ. Тогда началъ онъ издавать сочиненія, которыми занимался прежде, въ часы досуга. Почти вдругъ напечатаны были имъ романы: *Семейство Монторіо*, *Молодой Ирландецъ* и *Милезійцы*. Въ 1814 г. представлена была въ Лондонѣ драма его: *Бертрамъ*. Кинъ изумилъ въ ней публику своимъ искусствомъ и Авторъ Бертрама спалъ извѣстенъ. Двѣ другія драмы его были не такъ хорошо приняты, какъ первая. Матюринъ издалъ тогда новый романъ: *За и Противъ, или женщины*. Успѣхъ превзошелъ ожиданіе Автора, и еще болѣе увеличился, когда изданы были два другіе романа его: *Мельмотъ* и *Албигойцы* (*). Сочиненія Матю-

(*) Во 2-мъ отдѣленіи Телеграфа помѣщенъ отрывокъ изъ сего романа; но желая сдѣлать его отдѣльнымъ сочиненіемъ, мы принуждены были многое перемѣнить и выпустить.

рина носятъ на себѣ признаки великаго таланта, но отличительная черта ихъ — ужасъ и неистовое бѣшенство спраспей, какія рѣдко можно встрѣпить у другихъ писателей, и въ этомъ Машюринъ равняется съ величайшими писателями. Кажется, адскій пламенный огонь освѣщаетъ ему мракъ сердца человѣческаго. *Мельмотъ*, лучший изъ романовъ Машюрина, производитъ удивительное дѣйствіе на воображеніе читателя. Нѣкоторыхъ мѣстъ невозможно читать безъ содроганія. Такова и драма его Бертрамъ, сходная содержаніемъ съ *Разбойниками*, Шиллера. Замѣчательно, что живописецъ бѣдствій и ужасовъ, Машюринъ былъ нѣжный, чувствительный семьянинъ и человѣкъ чрезвычайно веселаго нрава. Смерть рано разрушила надежды, какія подавалъ талантъ Машюрина.

Но XVIII, Отд. II, стр. 105, стр. 24, вмѣсто:
изображеніе, чаш. изобрѣтеніе.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Мысли Тальмы объ искусствѣ хорошо говорить.

Въ 1821 году, возвращаясь изъ Руана, Тальма съ своимъ зятемъ приѣхалъ на обѣдъ къ Г-жѣ Кампанъ. Она не могла нарадоваться, имѣя случай на нѣсколько минутъ удержать у себя споль славнаго человека, даже Тальма; она была такъ счастлива эпитъ, что лицо ея блистало отъ радости; она восхищалась, что можеть говорить съ великимъ актеромъ: это было удовольствіемъ для нея въ несчастныхъ обстоятельствахъ, какими судьба посѣпила ее въ то время.

За обѣдомъ, Г-жа Кампанъ обратила разговоръ на искусство хорошо говорить. Тальма началъ высказывать свои мысли и оковалъ наше вниманіе. «Искусство хорошо говорить» сказалъ онъ «необходимо во всякомъ случаѣ. Это искусство, споль важное своими послѣдствіями, удивительно пренебрежено во Франціи. Можно прибавить, что оно совершенно во младенчествѣ. Оно не составляетъ части воспитанія; въ Академіяхъ —

о немъ и не думаюшь. Между тѣмъ, оно представляеть снью много пользы, что я не понимаю, какъ можно забывать о немъ. Какое дѣйствіе производитъ чловѣкъ съ талантомъ, если онъ дурно говоритъ? Онъ надобдаеть и упоминаеть. Я могъ-бы назвать многихъ славныхъ людей, которые несносны на каедрѣ: это можемъ мы повторишь, взглянувши на судебныхъ ораторовъ. Мнѣ случалось слыхашъ людей, которые пользовались большою славою между адвокатами — я былъ недоволенъ ими. Я постоянно находилъ, что у нихъ нравственныя и физическія отношенія разногосили: въ то время, когда душа оратора, казалось, проникнута была истиною — наружность его ни сколько не показывала внутренняго убѣжденія: лицо оставалось неподвижно, въ голосѣ совсѣмъ не было того, что выражаеть увѣренность. Въ Парижѣ, духъ партій составляеть славу; но знапки судяшь не по законамъ Парижскихъ госпиныхъ.

»Акшеръ долженъ побѣдитъ гораздо болѣе затрудненій, нежели ораторъ. Послѣдній — выражаеть собственныя свои мысли: онъ всегда показываеть самого себя, говоря къ публикѣ. Акшеръ, напротивъ, долженъ усмиряеть душу и, такъ сказаъ, скрываетъ себя подъ извѣстнымъ характеромъ и осанкою того лица, которое онъ представляеть.

И какъ-же можно иначе выражать великія страсти, великіе пороки, великія добродѣтели? Какъ открыть характеръ, принадлежащій каждому лицу? Актеръ принужденъ, нѣкопорымъ образомъ, занимать душу и духъ каждаго лица, чтобы оживить того, кто не оставилъ никакого слѣда на земномъ шарѣ, кромѣ нѣсколькихъ спрочекъ, сохранившихся въ Исторіи. Могу сказать, что эпохъ прудъ пребуетъ большаго постоянства и размышленія.

Всякое разногласіе между взоромъ и движеніемъ, мыслью и чертами лица, уничтожаетъ очарованіе: тогда нѣтъ успѣха. Надобно, чтобы лицо было зеркаломъ, чтобы въ немъ можно было читать совершенно ясно все, что происходитъ въ умѣ; чтобы голосъ — это могущественное средство сообщать впечатлѣнія — былъ свободенъ, гибокъ, звученъ, способенъ выражать всѣ помы души. Движенія глѣла должны слѣдовать тому-же направленію. Надобно заспавить узнать въ совершенной гармоніи *тождество* (l'identité) того лица, которое являешся на сценѣ.

Послѣ обѣда прохаживались по комнатамъ и Тальма вскорѣ отправился по дорогѣ въ Парижъ.

Госпожа Кампанъ прибавляетъ: «Сколько труда надобно было ему для достиженія такого высокаго совершенства! Я

удивляюсь его таланту, я увлечена имъ! У него прудъ только усовершенствоваль природу. Какая вѣрность, какая истина! Не видите изученія въ его роляхъ — это сами лица на сценѣ! И какъ поучительно видѣть такое совершенство таланта! Тамъ образуется умъ и увеличивается свою область. Природа скупа въ этомъ случаѣ: необыкновенные актеры рѣдки. Восемнадцатый вѣкъ видѣлъ Лекева — девятнадцатый — одного Тальму.»

Рыцарь кровавой звезды ()*

Крестовый походъ противъ Албигойцевъ, въ царствованіе Филиппа Августа, въ 1208 г., былъ послѣдуемъ совершеннымъ опустошеніемъ несчастной Лангедокской области. Все погибло! Жители Лангедока, привязанные къ сектѣ Албигойцевъ, были народъ промышленный, умный, занятой торговлею, любившій Искусства и еще болѣе Поэзію. Въ сихъ областяхъ образовалось поэтическое нарѣчіе Провансальцевъ. При дворахъ небольшихъ княжествъ та-

(*) Вольный переводъ изъ романа: *Албигойцы*, сочиненія Машюрина. Албигойцами назывались Провансальскіе ошступники отъ Католической вѣры. Они отвергали разные церковные обряды. Истребленіе Албигойцевъ, въ началѣ XIII вѣка, было ужасно. См. объ этомъ описаніе въ VI-мъ томѣ *Histoire des Français*, соч. Сисмонди (Парижъ. 1823 г.). *Пер.*

мошнихъ учились рыцарской вѣжливости и изящному вкусу, занимались, по видимому, только турнирами, угоженіемъ дамамъ и любовью, а между тѣмъ, города были многолюдны, цвѣтущи и народъ благоденствовалъ. Несчастное заблужденіе увлекло нѣкопорыхъ жипелей Лангедока и Прованса; толпы безчеловѣчныхъ, дикихъ воиновъ вшорглись въ ихъ благоденствующія области: города были разрушены, жипели перерѣзаны, торговля уничтожена, искусства исчезли и несчастные остатки жипелей, погруженные въ бѣдность и невѣжество, одичали; самый языкъ ихъ сдѣлался изъ прекраснаго, богатого языка, бѣднымъ, грубымъ нарѣчіемъ.

Графъ Раймондъ, защитникъ Албигойцовъ, робкій и слабый владѣтель Тулузы, видѣвъ бѣдствія Лангедока и отправился въ Римъ, съ покорностію къ Папѣ. Въ описаніи Графа Раймонда, племянникъ его, Графъ Безьерскій, защитая Безье, былъ извѣстически схваченъ и умерщвленъ. Городъ Безье *уничтожили* — шестьдесятъ тысячъ человекъ погибло отъ огня и меча. За тѣмъ уничтоженъ былъ богатый городъ Каркассонъ. Изъ всѣхъ воиновъ-опустошителей отличился тогда Графъ Симонъ Монфортскій: пустыня оставалась по той дорогѣ, кою проходило его войско.

Прошло нѣсколько лѣтъ; небольшая часть Албигойцовъ, избѣжавшихъ смерти,

снова начала разсвѣивать свои заблужденія и Папскіе громы снова загремѣли. Въ 1214 г собрался въ Монпелье совѣтъ и провозглашенъ былъ новый походъ на Албигойцовъ. Напрасно защищали ихъ Графъ Тулузскій. Подкрѣпляемый свидѣтельствомъ Арно Виллеруаскаго и Раймонда Рокефѣльскаго, онъ обличалъ неслыханное варварство Графа Симона Монфортскаго и Папскаго правителя Тулузы. Папа колебался, чувствовалъ сожалѣніе; но вскорѣ убѣжденный злыми совѣтами другихъ — рѣшилъ погубить Албигойцовъ. Графу Тулузскому обѣщали много и ничего не исполнили.

Начальники и приверженцы Албигойцовъ видѣли только смерть и мученія. Они приготовились къ защитѣ, сами себя обрекли на погубленіе и со всѣхъ сторонъ начались приготовленія къ войнѣ. Толпы крестоносцовъ вѣдиди по Франціи, объявляя новый походъ. Вскорѣ городъ Бокеръ былъ осажденъ, взятъ и — истребленъ.

Въ это время Графъ Монфортскій со многими Италіянскими Прелатами, Папскими буллами и индальгенціями явился въ Парижъ, требовашъ помощи отъ Короля Французскаго. Онъ просилъ отдать ему Герцогство Нарбонское и Графство Тулузское, обѣщая употребить за то всѣ силы своя на истребленіе Албигойцовъ. Въ другое время, Графу Монфортскому не легко было бы получить требуемыя владѣнія

отъ Французскаго Короля, но тогда Филиппъ былъ безсильнѣе многихъ изъ подвластныхъ ему Бароновъ. Врагъ его, Иоаннъ Король Англинскій, безпрерывно грозилъ ему нападеніемъ. Филиппъ отговаривался симъ случаемъ отъ участія въ первомъ походѣ на Албигойцовъ, хотя и видѣлъ въ томъ большія выгоды. Всѣмъ воинамъ, испребителямъ Албигойцовъ, Папа давалъ разрѣшеніе — дѣлать что имъ угодно въ печеніи сорока дней. Кто оставался долѣе, тотъ получалъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ будущихъ. Но, кажется, первое льстило больше: многіе отсхавали черезъ сорокъ дней, полагаясь въ дальнѣйшихъ грѣхахъ на будущее время.

Филиппъ боялся припомъ Графа Монфортскаго и хотя по слабости силъ, изъ опасенія и желая угодишь Папѣ, онъ отдалъ ему права на Графство Тулузское и Герцогство Нарбонское, но не хотѣлъ дать въ помощь ни одного воина. Испоричи подозрѣвають, что не боясь Папы и будучи сильнѣе, онъ вѣрно объявилъ-бы себя защитникомъ храбрыхъ, но несчастныхъ Албигойцовъ.

Не смотря на то, Графъ Монфортскій радовался вновь полученнымъ достоинствамъ, собралъ большое войско и осадилъ замокъ Монпельмаръ, защищаемый Гвидомъ, владѣтелемъ сей обласши и Эймаромъ Пуапъскимъ.

Обезнадеженный въ защитѣ и покровительствѣ Короля и Папы, Графъ Раймондъ рѣшился явно защищать Албигойцовъ или лучше сказать, самого себя. Приготовленія его были хотя не такъ громки, какъ приготовленія его соперника, но болѣе надежны. Раймонда поддерживало нѣкоторое число вассаловъ, швердыхъ и рѣшительныхъ; на вѣрность ихъ могъ онъ положиться: имъ оставались — или побѣда или погибель! Между швами войны — испишели были ни что иное, какъ кровавый, разнородный сбродъ, котораго удерживала въ повиновеніи только жажда крови и опустошеній, а не справедливость дѣла, ими защищаемого.

Вскорѣ оказалась разница между сражающимися. Усердіе воиновъ — испишелей было уже ослаблено. Упорное защищеніе Монпельямара преодолювало всѣ усилія Графа Монфортскаго. Оспавя воинство свое подъ ешвами замка, Графъ искалъ предлога удалиться изъ буйнаго табора осаждающихъ. Въ это время разнесся слухъ, что Албигойцы угрожаютъ осадю замку Куртенею и Графъ Монфортскій воспользовался симъ слухомъ. Онъ говорилъ, что должно помочь владѣтелю замка, собралъ нѣсколько отважныхъ воиновъ и вызвалъ изъ Монпельмарскаго спана.

Слухъ объ опасности Куртенея былъ несправедливъ. Когда городъ Каркассонъ

осаждали союзныя войска, жители, доведенные до послѣдней крайности, спаслись чудеснымъ, едва вѣроятнымъ образомъ: они вышли изъ города подземными ходами, неизвѣстными непріятелямъ, проспиравшимися на большое разспояніе, съ тайными дверьми въ лѣсъ. Долго жалкая толпа бѣглецовъ скрывалась въ лѣсахъ и горахъ, наконецъ, шомимая голодомъ и укрѣпленная опчаяніемъ, рѣшилась идти въ аррагонію и ошдаться во власть Короля Аррагонскаго. Замокъ Куртней былъ на дорогѣ, по которой они шли, могъ препятствовать ихъ намѣренію и подвергнуться ихъ опчаянному нападенію. Но Графъ Монфортекій зналъ, что Албигойцы не имѣють никакихъ средствъ — начашъ, и времени — продолжать осаду. Онъ не уважалъ представленийъ владѣтеля Куртнейскаго, увѣдомляющаго объ опасности, угрожающей замку и только нашель въ нихъ случай удалиться отъ Моншелимара.

Владѣтель замка Куртнейскаго не участвоваль въ войнѣ съ Албигойцами, хотя ненавидѣль ихъ и гналь, сколько могъ. Слабый шѣломъ и безобразный, онъ не могъ бытъ воиномъ и робко просиль помощи у другихъ, хотя самъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ Бароновъ своей области. Опищая на подвласпныхъ за то презрѣніе, которое оказывали ему равные, онъ владѣль рабами а не подданными, ужасаль ихъ жестокостію и потому

слыша о приближеніи многочисленной толпы враговъ, шрепепалъ, чшобы подвласпные ему не оставили его мщению Албигойцовъ.

Изабелла, племянница Барона Курпенейскаго, была прекрасна. Многіе рыцари носили цвѣтъ ея, многіе сражались за славу и красоту Изабеллы. Дядя, опекунъ ея огромнаго имѣнія, былъ столько-же корыстолюбивъ, сколько малодушенъ и безобразенъ. Желая уничтожить требованія рыцарей и знаменитыхъ людей, некавшихъ руки и сердца его племянницы, а можетъ быть и богатаго наслѣдства ея, Баронъ отказывалъ всѣмъ, налагалъ тяжелыя обязанности и старался даже скрывать Изабеллу отъ взоровъ всѣхъ. Никто не являлся въ негостепримныхъ стѣнахъ замка Курпенейскаго. Теперь, угрожаемый опасностію, Баронъ не только звалъ къ себѣ на помощь Графа Монфортскаго и отправлялъ къ нему гонца за гонцомъ, но просилъ также всѣхъ благородныхъ рыцарей спѣшить для защиты замка Курпенейскаго и — отъѣздъ Графа Монфортскаго изъ Монпельмарскаго спана былъ знакомъ всеобщаго волненія. Со всѣхъ сторонъ рыцари и владѣтели спѣшили въ замокъ Курпенейскій. Звукъ спорожевой трубы безпрерывно давалъ извѣстіе о пріѣздѣ новыхъ воиновъ. Все кипѣло дѣяшельностію въ Курпенейскомъ замкѣ. Скрѣпя сердце, владѣтельница принимала и угощала

великолепно и роскошно своихъ посѣлителей и защитниковъ.

Солнце закапилось и облака позлащаемыя послѣдними его лучами образовали яркую противоположность съ мракомъ, закрывавшимъ долины. Какъ далеко только можно было видѣть, ни одно жилье не мелькало на обширной равнинѣ. Двое путешественниковъ проѣзжали запусквшею долиною Одинъ изъ нихъ былъ въ рыцарскомъ вооруженіи. Красный плащъ закрывалъ часть блестящей брони. На груди его виднѣнъ былъ крестъ — знакъ, что онъ принадлежалъ къ воинству испителей невѣрныхъ Албигойцамъ. Легкій шлемъ, безъ наличника, допускалъ черныя кудри его свободно висѣть вокругъ головы, которую искусный скульпторъ могъ бы взять за образецъ для статуи юнаго Геркулеса. Взоръ рыцаря былъ мраченъ и чело, казалось, покрыто грустью, не смотря на юность воинеля. Въ правой рукѣ держалъ онъ небольшое копье. На щитѣ видна была надпись: *Lucet dum latet*, надъ нею изображена была красная звѣзда, по которой легко было узнать Паладура, *Рыцаря кровавой звѣзды*.

«Гдѣ мы?» спросилъ рыцарь оруженосца, въ молчаніи за нимъ слѣдовавшаго.

— Въ такой дичи — сказалъ оруженосецъ, робко глядя на всѣ спороны — что

вряд-ли встрѣшимъ кого нибудь, кто-бы указалъ намъ дорогу.

»Если-бы я нашелъ другаго человѣка, хоть немного тебя поумнѣе,« отвѣчалъ рыцарь съ досадою — «я поспѣю оппущить-бы тебя.» Оруженосецъ хотѣлъ что-то говорить, но рыцарь перервалъ его приготовленія. «Замолчи, сдѣлай милость и скажи только, гдѣ мы?»

Пока произносилъ онъ сія слова, оруженосецъ поскакалъ оппъ него во весь галопъ. Изумленный рыцарь молча остановился на дорогѣ. Черезъ минуту, онъ увидѣлъ своего оруженосца скачущаго назадъ. — Я нашелъ ее, нашелъ! кричалъ оруженосецъ издалека.

»Глупецъ! Что такое ты нашелъ?»

— То, что мы потеряли: дорогу, благородный рыцарь! сказалъ оруженосецъ, остановивсь и смотря на своего господина съ такимъ забавнымъ страхомъ, что пошъ не могъ не засмѣяться.

Въ самомъ дѣлѣ, они нашли дорогу, которая довела ихъ къ обширному лѣсу. Едва вступили въ него путешественники, какъ съ разныхъ сторонъ показалось изъ чащи лѣса нѣсколько человѣкъ. Темнота между тѣмъ такъ увеличилась, что не лзя было разсмотрѣть, вооружены-ль были сіи незнакомцы, или нѣтъ.

Рыцарь прищпорилъ коня своего, желая къ нимъ приближиться, между тѣмъ

какъ оруженосецъ его слѣдовалъ за нимъ съ боязливымъ видомъ.

— Умоляю васъ, благородный рыцарь — говорилъ оруженосецъ, прискакивая на сѣдлѣ опъ скорой вѣзды, — не скачите такъ прышко на свою погибель! Берегитесь эгихъ людей! Да люди-ли полно эли чудища пмы и мрака! Ахъ, Боже мой! почтенный рыцарь, ворошимся — еще можно — что Албигоецъ, что дьяволъ, все равно — какая радость понастѣся въ ихъ котши. . . .

Слова его улешѣли на вѣтеръ: рыцарь скакалъ, не оспанавливаясь. Между тѣмъ незнакомцы примѣтили его и всѣ скрылись, кромѣ одного, который оспановился на дорогѣ, закутавшись въ широкій плащъ и надвинувъ на глаза свою мѣховую шапку. «Здѣсь-ли дорога въ замокъ Куршней?» спросилъ его рыцарь, оспановивъ коня и держа копье въ угрожающемъ положеніи.

— Направо, вонъ тамъ — ошвѣчалъ незнакомецъ — только вы едва-ли попадете сегодня въ замокъ. Надобно перевѣзжать черезъ большое озеро, а въ нынѣшнее время ни одинъ перевозчикъ не оспашетъ на ночь съ своею лодкою.

«Мы объедемъ озеро.»

— Въ лѣсу опасно.

«Рыцарь не боится опасностей и я нарочно повѣду, чтобы показать тебѣ, спрашашь-ли меня слова твои. Понимаешь? . . .»

— Можешь быть — сказалъ незнакомецъ глухимъ голосомъ. Но ты можешь встрѣпиться и не съ людьми. Теперь около полуночи. На озерѣ являешся какое-то привидѣніе или колдунья: она приглашаетъ всякаго плышь въ ея лодкѣ, а кто поѣдетъ, плышь — не возвращается. . . .

«Сегодня я не боюсь бѣсовъ и ихъ сообщниковъ: пустынный Стилипскаго утеса благословилъ меня и на груди моей крестъ защитника въры.»

Видно, ты готовишься на драку и съ людьми и не съ людьми. Слупай умножь собою число враговъ Графа Тулузскаго. Не върь, что и въ его войскѣ найдутся люди, которые не убьютъ врага своего, когда онъ заблудился въ лѣсу, и не отпустятъ живаго, встрѣпивъ на полѣ сраженія.

«Кто ты?»

— На что тебѣ это знать? Я знаю тебя, рыцарь кровавой звѣзды, и увѣряю, что въ Графѣ Тулузскомъ и помощникахъ его ты найдешь людей, готовыхъ сразиться съ тобою.

«О! если-бы поскорѣе настало это время! Я усталъ, встрѣчая недостойныхъ противниковъ и ненавижу Графа Тулузскаго: онъ ерешикъ и врагъ мнѣ и всякому православному.»

— Благодари Бога, что ты не встрѣтился съ нимъ по сіе время! — сказалъ незнакомецъ и поспѣшно удалился.

Между тѣмъ оруженосецъ Паладура скрылся неизвѣстно куда и рыцарь одинъ продолжалъ путь по назначенной ему дорогѣ. Ночь была темная; при мѣсячномъ сіяніи, изрѣдка прорывавшемся сквозь густыя тучи, едва можно было находить дорогу. Вскорѣ очутился Паладуръ на берегу озера; другой берегъ его мелькалъ вдали. Озеро волновалось отъ сильнаго вѣтра и шумъ волн отзывался въ лѣсу и близкихъ горахъ. Какой-то человекъ, въ бѣдной одеждѣ, разспиралъ по берегу сѣни и видя рыцаря, хотѣлъ бѣжать и скрыться, но привѣтливое слово остановило его. Нѣсколько мѣлкихъ монетъ, данныхъ рыцаремъ, возвратили ему сколько бодрости, что онъ могъ отвѣчать на вопросы.

— Я рыбакъ — ловля наша бывала прежде удачна, господинъ рыцарь; но вошь мѣсяца съ два, какъ поселился на озерѣ нечистый духъ, въ видѣ колдуньи-женщины. Всякую ночь прогуливается она въ своей лодкѣ и мы ничего поймать не можемъ. Она кажется безумною, поетъ громко, говоритъ сама съ собою — и ни одинъ рыбакъ не смѣетъ показаться на ловлю. Мы призывали одного благочестиваго пустынника; онъ говорилъ съ вѣдьмою и — бѣжалъ опрометью, сказавъ, что будетъ вѣкъ свой каяться за тѣ слова, которыя онъ слышалъ отъ нее. . . .

Рыцарь усмѣхнулся. »Не перевезешь-ли ты меня на другую сторону озера — я награжу тебя — уввряю рыцарскимъ словомъ.«

— Ни за что въ свѣпть, благородный рыцарь! — вскричалъ рыбаць. — Куда годялся ваши оружія прошивъ такога врага, какова колдунья! . . . Слышите-ли? видите-ли? — И онъ указалъ на какой-то предметъ, который, казалось, мелькалъ на водахъ озера. Черезъ нѣсколь-ко минушь глубокаго молчанія явно показалась лодка и въ ней женщина, копорая правила весломъ. Паладуръ невольню зашрепепалъ при взглядѣ на эшо шайнственное существо. Между тѣмъ лодка приплыла къ берегу и женщина громко вскричала :

»Повдемъ, рыцарь, повдемъ! Лодка легка, парусъ распанушь. Я перевезу тебя!«

— Сохрани Боже того, кто довърнися тебѣ, окаянная! — шепталъ рыбаць, дрожа и робвя.

Лучъ мѣсяца опразился въ эшо время на озеръ и Паладуръ могъ разсмопрвнъ шайнственную незнакомку. Лице ея было блѣдно, но величественно. Свдые волосы развѣвались по плечамъ. Неподвижные глаза усшреплены были на рыцаря. Какое-то невольню движеніе влекло его къ лодкѣ.

»Я долго ждала тебя,« сказала старуха — »я знала, что ты здѣсь повдешь, рыцарь кровавой звѣзды! Пусшь она за-

сіяешь мнѣ счастьемъ и облегчишь тяжестъ мученій и крови на душѣ моей. Не бери съ собою никого.»

Рыцарь оспановился и задумался. — Ради Бога, Господинъ Рыцарь, — говорилъ ему тихо рыбаць, удерживая его за плащь, подумайше о душѣ своей! Не отдавайте ее врагу.

Тупь явился и оруженосецъ рыцаря, умоляя его не ѳздитъ съ колдуньей.

«И такъ вошь онъ, эпомъ безопраш-ный рыцарь вскричала старуха пронзительнымъ голосомъ — эшма ночная и сказки дураковъ и невѣждъ пугають его! Брось оружіе, прусь! ты не достоинъ носить его, недостоинъ отккрытія тайны, которую хопъла я тебѣ вѣришь.»

— Я вду съ тобою! — вскричалъ рыцарь и бросился въ лодку. Ищи меня на другомъ берегу озера — сказалъ онъ оруженосцу.

— Или въ озерѣ — примолвилъ рыбаць съ улыбкою недовѣрчивости — кто самъ идешь въ воду, тошь — пусть упо-нешь. . .

Радостно запъла старуха. Весло, въ ея рукъ опустилось на воду и лодка быстро покашалась по волнамъ. Скоро все скрылось въ ночномъ мракѣ. Издалека слышно было только пронзительное дѣніе старухи:

Моя лодка плыветь
 Моя лодка легка!
 Спрашный часъ настаешъ:
 На злодѣя рука
 Тяжелѣеть моя.
 Осчастливию я!
 Моя лодка плыветь,
 Моя лодка легка!

Голосъ потерялся въ опдаленіи. Ничего не
 лезя было видѣнь. Вдругъ спрашный,
 пронзительный крикъ раздался вдали;
 рыбакъ и оруженосецъ молились о душѣ
 рыцаря. Они скрылись въ хижину, стояв-
 шую близъ берега и на другой день, когда
 лучи солнца проникли въ тусклым окна
 ея, оруженосецъ отправился искать ры-
 царя. Онъ нашелъ его невредима, но въ
 глубокой задумчивости, на другомъ берегу
 озера. Колдунья исчезла и никто не видалъ
 болѣе ни ее самой, ни лодки ея. Паладуръ
 молчалъ и не говорилъ ни слова. Онъ снялъ
 со щипа девизъ и украшенія его и въ видѣ
 неизвѣстнаго рыцаря присоединился къ
 другимъ, вѣхавшимъ въ замокъ Куршеней;
 но его всѣ узнали: слава Паладура гремѣ-
 ла въ рядахъ воиновъ-мстителей. Ры-
 царь угрюмо отказался отъ всѣхъ по-
 честей начальства и хотѣлъ служить
 простымъ воиномъ. Отрядомъ предводи-
 ли Папскій Прелатъ, старый рыцарь Эй-
 жаръ Шателъруа и юный рыцарь Амираль.
 Ночлегъ воиновъ былъ назначенъ въ
 Аббатствѣ Нуаръ-Мушье. Когда начальникъ

вышелъ на встрѣчу воинамъ и войны почтительно преклонились предъ нимъ, вдругъ появилась между ними высокая женщина, закушанная въ огромный черный плащъ. Всѣ въ изумленія остано- вились и незнакомка глухимъ голосомъ произнесла заклинаніе на всѣхъ пѣхъ, кто осмѣлится поднять свою руку на Графа Раймонда Тулузскаго. Крикъ негодованія раздался въ рядахъ воиновъ; «Убейте ее!» кричали войны — «убейте колдунью во славу нашего дѣла!»

— Будь моимъ защитникомъ, Рыцарь кровавой звѣзды — сказала спаруха, обра- щая къ нему глаза свои — пусть крово- жадные товарищи воспалятъ мнѣ ко- сперъ, если имъ мало испребленныхъ городовъ и деревень; пусть зарѣжутъ меня, если недоспаешъ нѣсколькихъ ка- пель крови въ большомъ копль, который гошоваютъ они на потопленіе своихъ душъ; но горе тебѣ, если ты не опстанешъ отъ этихъ хищныхъ вороновъ, которыхъ ведетъ не слава, не честь, а безумная жажда крови!

Рыцарь Паладуръ съ трепетомъ уз- налъ таинственную женщину озера. «Умо- ляю васъ,» говорилъ онъ, «оппустишь спаруху — не трогайте ее: она безумная я — судьба ея ужасна!» Смущенное молча- ніе было въ рядахъ; спаруха прошла между ними и скрылась въ толпѣ зрителей.

Великолѣпный ужинъ опягчалъ столы, вина кипѣли въ чашахъ, когда гонецъ прыскакалъ въ Аббатство. »Албигойцы!« вскричалъ онъ — »Албигойцы близко: они осаждаютъ Куршеней. Я встрѣтилъ толпы ихъ на дорогѣ!«

Всеобщее смятеніе возспало между воинами: спѣшили сдѣлать лошадей, браться за оружіе. На самомъ разсвѣтѣ увидѣли вдалекѣ замокъ Куршеней и полунагія толпы Албигойцовъ съ бѣшенствомъ напали на воиновъ-мстителей. Жаркая битва загорѣлась между ними; но бой былъ не равенъ. Вскорѣ толпы Албигойцовъ были разбины, разсѣяны и преслѣдованы. Убійство и жестокость ознаменовали побѣду. . . .

Толпы Албигойцовъ, шедшихъ по лѣсамъ, мимо замка Куршеней, встрѣпились съ часнію поварищей, бѣгущихъ отъ Куршеней всторону. Они соединились всѣ вмѣстѣ и на ночь скрылись въ горныя ущелья и дремучій лѣсъ. Здѣсь, превожимые непрерывнымъ страхомъ смерти и гибели, они рѣшились расположиться на мочлегѣ.

Однимъ изъ начальниковъ сихъ несчастныхъ бѣглецовъ былъ почтенный священникъ Петръ. Когда жестокій Графъ Монфортскій обрекъ на погибель города, въ которомъ много лѣтъ жилъ сей благочестивый священникъ, жилище его сдѣла-

лось жертвою пламени, дѣти и внуки его были зарѣзаны предъ его глазами и онъ, самъ — лишень былъ зрѣнiя раскаленнымъ желѣзомъ. Дряхлый, слѣпой, нищій, онъ сыскалъ своихъ единовѣрцовъ во глубинѣ дѣсовъ и раздѣлялъ съ ними ихъ бѣдспвія и шруды. Единственною подпорою его была молодая внука — одна изъ многочисленнаго, нѣкогда цвѣтущаго семейства, спасенная чудеснымъ образомъ отъ смерти и посрамленiя. Женевьева была ангеломъ-хранишителемъ своего несчастнаго дѣда. Она была прелестна: на лицѣ ея выражалось какое-то не земное чувство. Незнакомая съ страстями и свѣтомъ, она ознакомилась съ ужасами и смернью. Какая всемогущая сила заключена въ шѣхъ высокихъ чувствахъ, которыя оживляютъ челоѡка въ его страданiяхъ! Юная, крошечная дѣвушка! кто подкрѣплялъ тебя среди гибели и ужасовъ смерти? Любовь къ престарѣлому дѣду — небесное чувство любви дѣтской. Оно вливается въ душу невиннаго младенца, чистое, какъ небесная роса, падающая на дѣвственный шипокъ розы! Ноги Женевьевы были изперзаны кремнями и шерномъ; она была блѣдна, едва дышала отъ усталости, но лицо ея было весело — ни одна жалоба не вырывалась изъ ея устъ: она шептала, чтобы горестный дѣдъ не услышалъ вздоховъ, задушаемыхъ въ ея груди, не примѣщилъ слезъ ея, преклоня дряхлую

голову свою на грудь ея. Петръ шелъ всегда впереди собратій; съ нимъ рядомъ шелъ другой начальникъ Албигойцовъ, Боанергъ, бывшій защитникъ правилъ своего исповѣданія. Онъ одаренъ былъ сильнымъ краснорѣчіемъ и — неперпимостъ никакихъ пропивоорѣчій ознаменовывала всѣ его поступки. Другіе начальники Албигойцовъ были Ионаанъ и Машпафія — два жестокосердые фанатика.

Приближилась ночь. Женевьева видѣла, что силы старца, дѣда ея, истощились. Онъ едва могъ перескучпашъ, едва дошелъ до огромной пещеры, гдѣ скрылось на ночь множество Албигойцовъ. Здѣсь при входѣ зажгли большой огонь, вокругъ котораго собрались дрожащіе отъ страха и холода, несчастные изгнанники. Небольшое количество хлѣба роздали всѣмъ по ровну. Женевьева подвела дѣда своего къ огню; она согрѣвала цѣпенѣющія руки его въ своихъ рукахъ и удалясь вспорону отъ огня, умоляла его уснуть и успокоиться.

Старецъ преклонилъ голову на ея колѣна, но тщетно хотѣлъ заснуть.

«Милый дѣдушка,» сказала ему Женевьева — «тебѣ неловко — ахъ! я желала-бы успокоить тебя, но не могу.»

— Нѣтъ, дочь моя! мнѣ хорошо! Вспомни, что Святыи Папріархъ клалъ голову свою на камень и Ангелы посѣщали его. Такъ! нѣга и слабость человѣческая еще не оставили меня. Но пусть спра-

даешь мое брѣнное тѣло и спраданіа его да спасушь душу мою! Я опжилъ свой вѣкъ я — благословенны были дни мои — но ты, дочь моя, ты, дитя горести, не жила еще и гибнешь со мною . . . Ты голодна?

»Нѣтъ, отецъ мой! Я не чувствую голода, помню, какъ Святое Провидѣніе спасало жизнь избранныхъ его въ пустыняхъ и укрѣпляюсь ими примѣрами.«

— О Боже! — сказалъ старецъ, поднимая къ небесамъ дрожащія свои руки — въ ея лѣта уже не существовать для Твоего прекраснаго міра! Мнѣ, мнѣ, не видящему его славы и великолѣпія, спремисься за предѣлы жизни, но человекъ созданъ для счастья и здѣсь на землѣ — такъ! Пока глаза человека видятъ славу творенія Божія, безконечность небесную и цвѣщую долины земли, онъ долженъ жить здѣсь, въ этомъ мірѣ. . . Но не уже ли уста мои произнесутъ ропотъ на судьбы Твои? Нѣтъ! Будь благословенно имя Бога, въ пещерѣ бѣдствій, равно какъ на лонѣ счастья и благоденствія!

Онъ замолчалъ. Примѣрно было, что тихая молитва укрѣпила его. Старецъ преклонилъ голову на колѣна Женевьевы и забылся тихимъ сномъ. Она не смѣла дышать и въ молчаніи разсматривала сопоставицей своихъ бѣдствій. Пещера наполнена была народомъ. Дряхлые старики, юныя дѣвы, юноши и малыя дѣти были

въ пещерѣ и подлѣ нее , вокругъ огня. Въ иномъ мѣстѣ жизнь играла на розовыхъ щекахъ младенца , заснувшего на рукахъ матери ; въ другомъ , спарикъ лежалъ въ безчувственномъ забытѣи, и блѣдное лицо его и высоко поднимающаяся грудь показывали, что онъ достигалъ предѣла жизни, предѣла спраданий. Иные погружены были въ безпечный , глубокий сонъ , забывъ погябель , летавшую надъ ихъ главами. Мать, не чувствуя слезъ , капавшихся по щекамъ ея, безмолвно, непривѣльно слушала жалобу диняпи, который просилъ у нее хлѣба, не понимая, что она отдавала ему собственный свой участокъ. Дочь горести и несчастій ! какъ перзалось твое сердце ! Въ какихъ разнообразныхъ видахъ представились тебѣ всѣ бѣдствія, шерзающія бѣдное челоуѣчество. . . .

Но скоро сонъ опягчилъ глаза ея. Это былъ не потъ благошворный сонъ, послѣ котораго такъ легко, такъ весело челоуѣку: шяжелое, смущное забвеніе налегло на грудь Женевьевы. Страшныя видѣнія летали надъ ея головою. Она видѣла снова пламя, пожирающее домъ отца ея, кровавыя ручки, текущія изъ бездыханныхъ тѣлъ ея братьевъ — невольное содроганіе вырвало изъ груди ея горестный вопль и — она слышитъ повтореніе воплей подъ сводами пещеры, пробуждается . . . какое ужасное зрѣлище представилось глазамъ ея!

Албигойцы, бѣжавшіе послѣ сраженія съ воинами-испипелами, нашли своихъ братьевъ. Большая часть изъ нихъ была покрыта ранами, нѣсколько человекъ умерло дорогою и трупы ихъ припащенны были поварищами: свѣжая кровь текла изъ обезображенныхъ тѣлъ. Жены, дѣви, узнавали мужей, опцовъ своихъ въ бездушныхъ трупахъ — плачь и вопль возмутили мнущее спокойствіе всѣхъ.

»Братья!« сказалъ Боанергъ, упирая крѣпко сжатымъ кулакомъ глаза свои, »братья! не плачьте! Помолимся объ успокоеніи душъ усопшихъ братій нашихъ и въ шerpвниіи понесемъ тяжелый крещъ свой. . .«

— Нѣтъ! — вскричалъ дикимъ голосомъ Машпаѳія, стоявшій среди толпы Албигойцовъ — Богъ разсудитъ наше дѣло; но теперь не время плакать и думать объ этомъ: мщеніе убійцамъ! Кровь за кровь!

»Господь оставилъ насъ! Богъ не помиловалъ своихъ избранныхъ!« восклицали Албигойцы.

— Оставленнымъ нѣчего дожидаться! Проклятіе и смерть врагамъ нашимъ и смерть на главы избранныхъ! Не въ Арагонію пойдёмъ мы, но въ Куртенеі, на встрѣчу убійцамъ. Испребишь хопя одного врага — сладко сердцу, сладко душѣ избраннаго. . .

»Дочь моя! что я слышу?» сказалъ Женевьевъ дѣдъ ея. »Помоги мнѣ вспашь, поведи меня къ нимъ! Они изрекають хулы на благоспѣ Всевышняго!« Трепенущая Женевьева ввела старца въ толпу. Его почтенный видъ, его сѣдины, глаза навѣки закрытые и юная дѣва, поддерживавшая дряхлаго, изнуреннаго старца, остановили слова на посинѣлыхъ губахъ юростнаго Матшафив. Петръ и Женевьева казались посланниками свыше, изумили Аабигойцовъ.

»Братья, остановитесь!« сказалъ имъ Петръ дрожащимъ, слабымъ голосомъ — или мы служители Ваала, упитаннаго кровію жертвъ? или мы не сыны Бога милосердаго? Мы хотимъ [погубить свое спасеніе, за которое заплатили такими тяжкими подвигами? На порогъ вѣчности отчалъсь въ вѣчномъ блаженствѣ! Нѣтъ! братья, нѣтъ! Если вы скорбите объ усопшихъ, вспомните, что смерть есть па цѣль, къ которой мы всѣ спремимся и рано-ли, поздно-ли дойдемъ! О живыхъ печалитесь? Но не хулою на Бога изложитъ печаль свою хрисціанинъ — соединимъ сердца и голоса наши въ смиренной молитвѣ. Прискорбна душа моя о бвдствіяхъ Сіома Твоего, Боже! но я не призываю мщенія на главы моихъ злодѣевъ! Мнѣ-ли, хрисціанину, увлекаюсь порывами страстей язычника! Богъ мой, есть Богъ любви и мира, и царство Его обв-

дано только смиренному сердцем! Посмотри на слабого, дряхлого старика и крѣпитесь въ терпѣніи. Кто възъ васъ болѣе моего поперѣлъ за правду? Кто болѣе моего можетъ просити врагамъ своимъ — я не хочу мстить! « Онъ упалъ на колѣна, поднялъ руки свои и произнесъ громко: «Богъ милосердый! прости имъ: они не знаютъ сами, что дѣлають, и я, жертва ихъ, молю Тебя о спасеніи душъ ихъ!»

При сихъ словахъ, многіе протѣснились къ старцу, спали на колѣни и соединили съ его молитвою свои молибвы. Но такое крохкое убѣжденіе, такое отверженіе слабости человѣческа не было попятно фанатикамъ, ожесточеннымъ и заблудившимся! Ихъ вѣра была дикое упоеніе сердца, а не свѣтлая увѣренность души и — неисповѣданные клики нарушили снова молчаніе.

«Онъ еретикъ!» кричали Маштафія и его сообщники — «смерть врагамъ и изгнаніе опуступнику!» Блѣдная, препенущая Женева спѣшила вывеситъ отца своего изъ толпы; нѣсколько человѣкъ окружили его и защитили отъ ярости другихъ.

— Теперь вижу, что Богъ оставилъ насъ — сказалъ Петръ — царство православыхъ раздѣлилось. Пойдемъ, дочь моя, съ немногими избранными изъ многихъ призванныхъ!

Небольшое число Албигойцовъ послѣ довало за ними; всѣ другіе съ яростію обратились къ Куртенею. Дреколья и ножи въ рукахъ ихъ были страшнымъ оружіемъ, но сила превозмогла. . .

Съ неизъяснимымъ чувствомъ опивращенія Рыцарь Паладуръ участвовалъ въ сраженіяхъ противъ Албигойцовъ, нападавшихъ на защитниковъ Куртенея. Онъ въ первый разъ почувствовалъ свирѣпость и излишество фанатизма, одушевлявшаго его товарищей. Въ душѣ его возбудилось особенно негодованіе на гордаго Графа Монфорискаго, который собственное честолюбіе закрывалъ усердіемъ къ вѣрѣ и не хотѣлъ сражаться, пока не получилъ правъ на владѣнія Графа Тулузскаго. Этого, хотя слабый душою, но добрый и любимый своими подданными Государь, возбуждалъ въ немъ совсѣмъ другое ощущеніе. Онъ не могъ преодолѣть какого-то темнаго чувства, привлекавшаго къ нему его сердце, не смотря на опивращеніе, какое чувствовалъ онъ къ нему, какъ опступнику церкви.

Изъ всѣхъ рыцарей былъ благороднѣе и храбрѣе другихъ Амираль, юный воинъ, опличившійся своими подвигами. Вскорѣ крѣпкій союзъ дружбы оказался между Паладуромъ и Амиралемъ. Паладуръ рассказалъ другу шайнственную исторію своего младенчества.

Онъ помнилъ, что жилъ некогда въ какомъ-то замкѣ, что ночью былъ взятъ съ постели своей какимъ-то человѣкомъ, что его везли— гдѣ и куда — неизвѣстно. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ могъ припомнить обстоятельство, онъ былъ пажемъ при Королѣ Французскомъ. Жизнь его протекла послѣ того въ непрерывныхъ трудахъ воинскихъ. Удостоенный званія Рыцаря, онъ заслужилъ девизъ свой въ битвахъ противъ Албигойцовъ. Грустное чувство спѣсняло душу его при мысли, что онъ не знаетъ ни отца, ни матери, что весь свѣтъ чуждъ ему. Часно принимали за дѣйствіе храбрости, что было въ его подвигахъ дѣйствіемъ безнадежности счастья и сердечной скорби. До тайнственной незнакомки, которую встрѣтилъ онъ на озерѣ, никогда не приходило ему въ голову, что родили его могутъ опознаться. Эта безумная женщина спрашивала его объ имени и обстоятельствахъ жизни его и когда узнала, что на правомъ плечѣ рыцаря есть знакъ креста, пришла въ совершенный восторгъ, ужасно закричала и хохотъ безумія раздался на всемъ озерѣ. Паладуръ видѣлъ ее послѣ того въ Аббашствѣ Нуаръ - Мушье, но ничего не могъ узнать.

Веселые крики и пѣсни раздавались въ сѣняхъ воиновъ - мещишелей, послѣ разбитія Албигойцовъ. Огни были зажжены

по полю и задранные чаши переходили из рукъ въ руки въ круговенькахъ воиновъ, забывшихъ и предметъ своего похода, и труды и опасности. Амираль и Паладуръ вступили въ шаторъ и вскорѣ вниманіе ихъ обратилось на большой кругъ воиновъ и рыцарей, собравшихся вокругъ менестреля.

Это былъ старикъ, съ длинною бородою. Глаза его горѣли пламенемъ спрасней молодости и еще шарость не вполне попустила огонь ихъ. Пѣсня его были дико и циничны. Онъ пѣвially слушателей, не радуя ихъ; веселыя выраженія ихъ заставляли задумываться, а печальныя терзали душу какою-то безумнымъ чувствомъ ничтожества.

Долго сидѣлъ менестрель, понуная глаза и опустивъ голову. Вдругъ руки его пробѣжали по арфѣ, извлекли унылыя звуки и менестрель запѣлъ смущеннымъ голосомъ :

Она придетъ, минута мщенья —
 Пѣснь менестреля оживетъ
 И на погибель преступленья
 Ударитъ громъ — она придетъ,
 Она придетъ, минута мщенья !

Вдругъ взоры его встрѣтились съ задумчивымъ взоромъ Паладура. Менестрель поблѣднѣлъ, глаза его сверкнули и дикіе звуки доделили изъ струнъ арфы :

Младенец милый ! вспомни день ,
 Ужасный день гибели отца.
 Черезъ мечи ты вынесень былъ мной ;
 Я шель съ тобой чрезъ дебри и лѣса.
 Ты позабыль родныя небеса ,
 Ты позабыль родимую страну !

«Что за пѣсня!» вскричали воины-
 испитители ! «Веселую! Подайте ему круго-
 вую чашу.»

— Я пилъ довольно. Наступаетъ ночь,
 ночь ужасная — нѣтъ! она уже прошла —
 а гдѣжь шопъ , на копоромъ рука вѣрнаго
 друга выпечатала знаменіе. . . . Подайте
 мнѣ вина !

Въ душѣ Паладура оживились неясныя
 воспоминанія : ему казалось , что онъ ви-
 далъ гдѣ-то, нѣкогда спраннаго менеспре-
 ля. Не уже-ли слова менеспреля къ нему
 относились? Уже ли менеспрель зналъ тай-
 ну его рожденія? И какая эта тайна? Ами-
 раль напрасно шарался разсвѣтъ грусть
 своего друга.

Въ это время явился посланный отъ
 Барона Куртенея ; онъ звалъ всѣхъ рыца-
 рей на обѣдъ , въ замокъ. Шумныя воскли-
 чанія изъявили радость рыцарей. Пала-
 дуръ молча опспаль отъ своихъ повари-
 цей. Не успѣлъ онъ возвратиться въ свой
 шатеръ , какъ менеспрель былъ подлѣ него.

«Рыцарь кровавой звѣзды не пойдетъ
 въ замокъ Куртенея» — сказалъ мене-
 спрель.

— Почему? Баронъ добрый хозяинъ.

»Хозяинъ... надъ чужимъ замкомъ!»

— Чпо ты хочешь сказать, Менеспрель? Почему не-идпи мнѣ въ замокъ — шамъ весело. . .

-Весело? Въ эпомъ замкѣ, гдѣ. . .

— Докончи!

»Гдѣ весело!» вскричалъ менеспрель выведенный изъ терпѣнія. »Ты не долженъ ходишь въ замокъ.«

— Ты знаешь меня, менеспрель?

»Знаю-ли я себя?« Гупъ нѣсколько времени онъ молчалъ. Примѣтно было, чпо онъ спарался преодолѣть свое движеніе. »Нѣтъ!« сказалъ онъ наконецъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ-же берешь ты во мнѣ такое участіе? За чѣмъ не говоришь ты мнѣ открыто?

»Я... не могу — не долженъ говорить...«

— Ты зналъ моихъ родителей?

»Нѣтъ!»

— Умоляю тебя, менеспрель! если счастье мое дорого тебѣ — говори — скажи мнѣ. —

»Когда безумные будутъ говорить, когда шопъ, кто связалъ спрашную кляпвою, разрвышишь ее, тогда. . . Не ходи шеперь въ замокъ Курпней — заклинаю тебѣ, рыцарь!»

— Нѣтъ! я пойду — я не хочу быть игрушкой помъшаннаго менеспреля и сумасшедшей женщины.

«Такъ и я пойду въ этотъ замокъ!»
вскричала менестрель — «я спану бдѣшь
надъ побюю — рыцарь кровавой звѣзды
не погибнешь».

Ты, древній замокъ, опустишь,
Травой заглохъ обширный садъ;
Тамъ филинъ вѣсть свое гнѣздо,
Гдѣ прежде сильный пировалъ;
Съ высокихъ стѣнъ шамъ каплетъ кровь
И — привидѣнье ночью бродитъ. . . .

Последніе звуки едва были слышны.
Паладуръ не успѣлъ опомниться — шакъ
бюшпро удалился опъ него менестрель.

(До слѣд. книжки.)

II. С М Ъ С Ъ.

П е д а н т и з м ъ.

Vouloir paroître, afficher la science,
Le bel-esprit, l'air capable, le goût,
Et parler haut: voilà, voilà, je pense,
Les vrais pédans: on en trouve partout!

Многіе думаютъ, что педантизмъ есть при-
надлежность ученыхъ людей, что онъ заключается
въ области академій, университетовъ и учи-
лицъ — я думаю иначе: педантизмъ есть вездѣ и
во всѣхъ званіяхъ общества. Благодаря просвѣщенію,
между Профессорами, Журналистами, Кришиками и

Писателями ученый педантизмъ истребляется; за то усиливаются у насъ другіе педантизмы, на примѣръ — *педантизмъ большаго свѣта*. Оставляя педантизмъ кокетокъ, шалуновъ, спѣсивыхъ баръ и проч. и проч., поговоримъ объ эшомъ родѣ педантизма. Какъ много видимъ его нынѣ, въ самомъ большомъ, блестящемъ свѣтѣ и какой это несносный и смѣшной педантизмъ! Не-спрванное дѣло! Большой свѣтъ шерпѣтъ не можешь педантовъ и не замѣчаешь, что большая часть модныхъ людей его сдѣлались самими смѣшными, забавными педантами! Правда, они не говоряшь по-Латински и по-Гречески — шѣтъ хуже для нихъ; но какъ не назвашь педантами тѣхъ людей, которые безпрестанно даюшь вамъ разумѣнь, что они *свѣтскіе люди*, что они имѣюшь право прыгашъ на паркетахъ знатныхъ баръ, прогуливашся съ Графинями, пишъ съ Князьями и разваливашся на диванахъ Бароновъ? Вы узнаете свѣтскаго педанта по рѣшимельности, съ какою онъ говоритъ обо всѣхъ предметахъ: полишникъ, войнѣ, Музыкѣ, Литтературѣ, театрахъ, журналахъ, книгахъ и проч. и проч. Слово: *я*, употребляется имъ въ большомъ свѣтѣ; слово: *мы*, въ маломъ мірѣ. Первымъ онъ даешь себѣ право говорить въ кругу педантовъ, ему подобныхъ; вторымъ изумляетъ людей, не участвующихъ въ большомъ свѣтѣ. Это *мы*, произнесенное съ видомъ гордой рѣшимельности, какъ оно изумляетъ бѣднаго ученаго, который сидѣлъ нѣсколько дней въ уединенномъ кабинетѣ, привыкъ не довѣрять себѣ, думать, обдумывать и не смѣлъ произносить ничего рѣшимельно! Какъ уничтожаетъ оно гордосшь пламеннаго юноши,

который въ пылу восторга созидаль себѣ міръ идеаловъ въ настоящемъ свѣтѣ! Какъ много придаетъ цѣны всему, чѣмъ владѣеть педантъ большаго свѣта: его каретѣ, лошадямъ, фраку, даже долговязому лакею! Какъ сильно побуждаетъ проспяка ссужать деньгами и кланяться потомъ своему должнику! Смѣете-ли вы чѣмъ нибудь похвалиться, сказать объ чемъ нибудь свое мнѣніе передъ человѣкомъ, который все видѣлъ, знаетъ, слышалъ, чувствовалъ, былъ пьянъ съ Графомъ N. N., игралъ въ карты съ Маркизомъ O. O., скакалъ съ Герцогомъ R*** и провожалъ Герцогиню R*** на балъ къ Князю S*** — и обо всемъ этомъ говорить съ холодною усмѣшкою, съ мнимымъ пренебреженіемъ? Добрые проспяки! Если хошите, чтобы сердцу вашему было тепло, головѣ легко и уму просторно — бѣгите отъ свѣтскихъ педантовъ! Они оправяшъ ваши свѣтлыя радости, научашъ васъ презирать тихимъ счастьемъ. И что-же выиграете вы за все это? Повѣрьте, что я свѣтскаго педанша ничтожно, а его *мы* — пустой звукъ, который тоже въ большомъ свѣтѣ, что школьный силлогизмъ въ наукѣ правильно мыслишь.

(Съ Франц.)

Парижскія вѣсти.

Одинъ посядѣмый хвастунъ разсказывалъ множество происшествій своей жизни и, между прочимъ, съ величайшею нѣжностію вспоминалъ, что онъ имѣлъ счастье говорить съ Наполеономъ. «Что же вамъ сказалъ Императоръ?» спросилъ у него кто-то. — Онъ говорилъ со мной мало — отвѣчалъ хвастунъ. *»Вонъ мошенникъ!»* были всѣ его слова ко мнѣ.

Недавно, въ Парижѣ, одинъ Англичанинъ сгорѣлъ во время сна. Онъ имѣлъ привычку, передъ сномъ чистить, лежа въ постелѣ. Видно, что въ послѣдній разъ, когда онъ взялъ въ руки книгу, сонъ овладѣлъ имъ такъ быстро, что бѣдный Англичанинъ не успѣлъ погасить свѣчи. Подлѣ него нашли шомъ *Записокъ Госпожи Жинлись.*

Синьоръ Инкледонъ, старшій пѣвецъ Англинскаго театра, совсѣмъ готовъ былъ выйдти на сцену, но не могъ этого сдѣлать потому, что ему помѣшала жесточайшій приступъ подагры. Онъ долженъ былъ представлять — *пятнадцатилѣтняго любовника.*

Одинъ Англинскій Баронетъ обвиненъ Исправительною Полиціею въ *воровствѣ*, за то, что купивши карету, онъ забылъ оплатить за нее деньги. Вошь до чего доводитъ развѣтливость!

Възливость распространилась на всѣ классы людей. Недавно одного богача остановилъ на дорогѣ неязвѣстный человекъ и приславивъ къ груди его пистолеть, сказалъ: »М. Г.! ссудите меня вашимъ кошелькомъ.« — Какъ ссудите? Да это чистый грабежъ! — »Извините, М. Г., это насильственный заемъ.«

(Изъ Франц. журналовъ.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Des manteaux destinés à des femmes très-riches sont en velours oreille d'ours, vert, bleu ou violet, à grands carreaux, sur un fond de satin blanc, jaune ou ponceau. Leur doublure est en étoffe de soie unie; ils ont un collet de bout en velours plain, et deux ou trois pélerines de la même étoffe que le manteau.

On voit quelques capotes de velours noir doublées de pluche citron.

On appelle *toques turques*, celles qui ont, sur le devant, deux croissans passémentés. Ces croissans servent à retenir des aigrettes posées en V.

Des toques qui portent le nom de *toques espagnoles*, ont pour dessus, une résille d'or et sont ornées d'un oiseau de paradis et d'une torsade qui pend à droite.

Communément les toques turques sont d'une étoffe à filets d'or ou d'argent et à carreaux de velours.

Aux Bouffes, le 21 Octobre, les Beaux-Fils avaient, malgré la douceur de la température, deux gilets et un manteau à collet de fourrure ou au moins de pluche, comme s'il eût gelé.

Les merveilleuses, aussi en manteau, avaient du moins pour motif la légèreté du vêtement de dessous : robe couvrant à peine la moitié de la jambe, corsage à la tyrolienne extrêmement décolleté et manches emboîtant à peine les épaules.

Dernièrement, au bois de Boulogne, une élégante avait un habit d'amazône de drap couleur raisin de Corinthe, garni sur la poitrine, de cinq brandebourgs noirs passémentés.

Un drap en pure laine, que les manufacturiers nomment drap *royal* écossais, à cause de la richesse de ses couleurs, drap pour manteaux, se trouve chez MM. Leprince et Gay, et chez M. Courtois. Ce drap peut être employé sans doublure.

Les habits bleus se portent avec des boutons dorés, et les habits verts avec des boutons pareils.

Une étoffe nouvelle pour gilets, et dont le tissu porte le nom de *Leycester*, a des rayures ombrées bleu lapis et barbeau, bleu flore et bleu de ciel, et outre cela, divers dessins imprimés.

Плащи богатыхъ щеголихъ бывають бархатные, цвѣта медавѣжьяго ушка, зеленаго, голубаго или фіолетоваго, съ большими квадрашами на апласномъ бѣломъ, желтомъ или пунцовомъ полѣ. Они подбиваються шелковою матерією. Ворошники у нихъ дѣлають спочіе изъ гладкаго бархаша, съ двумя или тремя пелеринами, шойже матеріи, изъ кошеры сдѣланъ плащъ.

Иногда черные, бархатные капоты (шляпки) подбиваються плюшемъ лимоннаго цвѣта.

Турецкими шокани называютъ шакие, у которыхъ напередъ видни два полумѣсяца, сдѣлан-

ные изъ галуновъ. Эти полумъсяды придерживаюшь *эгреты*, расположенныя въ видѣ буквы V.

Испанскими шоками называютъ шакіе, у которыхъ сверху золотая Испанская сѣточка, а украшеніе составляютъ райская пшичка и *торсада*, наклоненная направо.

Турецкіе шоки дѣлаюшь обыкновенно изъ матеріи съ золотыми и серебряными сѣточками или бархатными квадратами.

Въ Оперѣ Буффа, 21 Октябрю, на молодыхъ щеголяхъ, не смотря на то что погода была теплая, надѣто было по два жилета и плащи съ меховыми, или съ плюшевыми ворощниками, какъ будто въ морозы. Щеголихи также были въ плащахъ, но онѣ могли по крайней мѣрѣ извиняться легкостью одежды своей: короткими платьями, съ *Тирольскими* корсажами, у которыхъ большія выемки на груди и рукава едва закрываютъ плечи.

На прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу, одна модная дама одѣта была въ Amazonское платье, цвѣта *Коринтскаго винограда*. Грудь сего платья убрана была пашью, чернаго цвѣда, брандебургами, съ галунами.

Въ магазинѣ Лепренса и Гая и въ магазинѣ Куршуа продается превосходное сукно, которое, по причинѣ богатства цвѣшовъ его, фабриканшы называютъ *Шотландскимъ*, *Королевскимъ* сукномъ. Оно употребляется для плащей и безъ подкладки. Синіе и зеленые фраки дѣлаюшь съ позолоченными пуговицами.

Новая жилешная матерія, называемая *Лейстеръ*, бываешъ съ синими вытканными полосками разныхъ опшѣнковъ и сверхъ того съ выпечашанными разными узорами.

На приложенной картинкѣ:

Русскій шокъ, изъ булавчашаго бархата, убранный шелковыми снурками. Тюлевое платье убранное воланами, обшишыми апласомъ. Шарфъ изъ леншъ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Путешествіе Англинскаго флота Капитана Кохрена, плшкою, изъ Петербурга въ Камчатку.

(Продолженіе.)

Я пробылъ въ Иркутскѣ не болѣе недѣли и оставилъ его, исполненный признательности къ моимъ тамошнимъ друзьямъ. Я пошелъ къ Ленѣ, гористой спрсною, посреди пастбищъ и иногда полей, покрытыхъ хлѣбомъ. Деревни здѣсь близко одна къ другой и жилили въ нихъ Рускіе.

Въ пятидесяти лѣ отъ Иркутска я переправился черезъ Лену и пришелъ въ Верхоленскъ, большой и населенный городъ. Отсюда, съ моимъ казакомъ я поплылъ порѣкѣ. Мы проплыли миль 80, до Устилги. Берега рѣки живописны и покрыты лѣсомъ. Часто встрѣчаются деревни, лежащія всегда на ручейкахъ, которые впадаютъ въ Лену.

Ч. XI. No 20.

Р

Я продолжалъ день и ночь плыть по рѣкѣ, въ открытой лодкѣ и каждыя сушки ославлялъ за собою миль по сгу. Вездѣ, гдѣ я останавливался, меня славно кормили, благодаря гостепріимству Рускихъ. Столь обыкновенно состоялъ изъ куропатокъ, зайцовъ, прекрасной жареной говядины (росбифа), пироговъ съ говядиной, кромѣ вина и рому (?). Въ Россіи, путешественникъ, Рускій и иностранецъ, все равно, послѣ опличнаго угощенія отправляясь далѣе, всегда бываетъ надѣляемъ провизією на дорогу и адресомъ къ какому нибудь другу въ томъ мѣстѣ, куда онъ идетъ. Я увѣренъ, что человекъ, который хорошо ведетъ себя, можешь пройдши всю Россійскую Имперію безъ копѣйки въ карманѣ и ни въ чемъ не будешь нуждаться: только между двухъ столицъ нужны деньги и лошади. Когда мы приѣхали въ первую Тунгузскую деревню, то въ нашей лодкѣ было столько воды, что мы были принуждены перемѣнить ее. Въ восьмой день я прибылъ въ Вишимъ, находящійся на половинѣ дороги въ Якутскъ.

Вблизи Лены народонаселеніе очень увеличилось: въ двадцать пять лѣтъ оно прибыло какъ при къ пяти. Безмѣрные лѣса видны съ рѣки на всѣ стороны и отъ Киренска уже нѣтъ полей съ хлѣбомъ. И здѣсь множество превосходнаго скоша. Хлѣба на поляхъ нѣтъ, но онъ спомъ

здѣсь не болѣе двухъ су съ половиной за килограммъ. Этимъ обязаны предусмотрительности правительства, которое посылаетъ въ здѣшнюю споронку муку.

Въ Вишимѣ встрѣпились мнѣ первыя льдины на рѣкѣ, но ихъ было мало и онѣ не зашрудняли моего плаванія. Въ четыре дни я сдѣлалъ сто льѣ, до Жербинской. Мы начали чувствовашь холодъ. Термометръ показывалъ до пяти градусовъ ниже нуля. Лодка наша иногда была такъ окружена льдомъ, что гребцы должны были сходиться въ воду по поясъ и выдвигать ее на открытую воду. Когда они всходили на лодку, то первое средство согрѣться было у нихъ — закуришь трубку. Они куряшь не шабакъ — онъ слишкомъ дорогъ для нихъ — а пыль буковаго дерева, къ которому обыкновенно примѣшиваютъ немного шабаку (*). Только-бы покуришь трубки и попишь водки — и они съ весельемъ исправляють самыя тяжелыя работы.

Жербинская составляетъ отдѣляющую линію между Тунгузами и Якутами. Первые взданы въ разныя части Имперіи. Они занимаються скотоводствомъ, звѣрловствомъ и не знаютъ земледѣлія. Ихъ

(*) Сколько намъ извѣстно, жители дальней Сибири жьсьхъ народовъ, куряшь съ примѣсью шабаку, небуковую пыль, а мѣлко искрошенную сосновую кору. Впрочемъ и тушь не безъ исключеній. *Перев.*

раздѣляютъ на Тунгузовъ лѣсныхъ и пустынныхъ. Одни ѣздятъ на охоту, ловятъ рыбу и у нихъ мало оленей; другіе питаются молокомъ и мясомъ оленей, живутъ въ шалашахъ и безпрестанно перемѣняютъ пастбища. Они идолопоклонники: христіанъ очень мало между ними. Происхожденіемъ они, кажется, Манджуры: у нихъ пошъ-же языкъ и узкіе, одинъ отъ другаго далеко находящіеся, глаза. Это удивительно честный и прямодушный народъ: они ужасаются воровства. Ничто, кромѣ осьмидневнаго, совершеннаго голода, не можетъ заставить ихъ убить оленя. Холодъ и усталость переносятъ они непоспужимо; къ услугамъ чрезвычайно признательны, но брани не шеплятъ. Если Тунгуза ударили, онъ почтываетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязанностей къ обидчику. Они сердиты до удивительной степени и отъ нихъ можно добиться чего нибудь только послѣ множества словъ. Это я самъ часто испытывалъ на себѣ, по незнанію.

Тунгузы не велики ростомъ, слабы сложеніемъ и довольно пріятны наружностью — но неопрятны до невѣроятности. Говорятъ, что они хорошіе солдаты, мѣшкіе стрѣлки и очень ловко стрѣляютъ изъ лука. Они носятъ оленьи штаны, шерстью наружу, и также сапоги изъ оленьихъ щепокъ; жилетъ,

сухойку, шубу — все изъ оленьихъ шкуръ; наконецъ: меховую шапку и галстухъ изъ бѣлицыихъ хвостовъ.

Иногда они надѣваютьъ волчьи шкуры, какъ болѣе удобныя для предохраненія отъ холода. Постелю ихъ составляетъ медвѣжья шкура, а сверху оленья, подбитая оленью-же шкурою, которая сшита на подобіе мѣшка. Всѣ ихъ домашнія: утвари суть слѣдующія: грабли, попоръ, серебряная ложка и копелъ. Всего лучше для нихъ снѣжанъ водки и шрубка шабаку.

Оставивъ Тунгузовъ, я перешелъ къ Якутамъ. Последнiя 80 миль до Олекминска я ѣхалъ верхомъ, потому что мой казакъ, по непривычкѣ, не могъ болѣе держаться на лодкѣ. Комисаръ, у котораго я остановился, въ это время былъ въ отлучкѣ, за сборомъ податей; но меня очень учтиво приняла его дочь, молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцать, равно скромная и любезная. Она угощала меня. Тогда же приѣхали ко мнѣ съ визитомъ почтмейстеръ, секретарь, священники и купцы. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ молодой Французъ, сосланный и послѣ получившій право гражданства для торговыхъ дѣлъ.

Почти всѣ остальные 400 миль, отдѣлявшія меня отъ Якутска, я плылъ

на лодкѣ, по Ленѣ. Это случилось между 1-мъ и 6-мъ Октября: шло много снѣгу и погода была холодная; но зима, какъ говорятъ, была поздняя. Обыкновенно Лена покрывается льдомъ въ началѣ Октября. Въ Биопакѣ я былъ принужденъ ѣздить на лошади и ѣхать до Якутска. Его Превосходительство, Губернаторъ (?), принялъ меня къ себѣ. Здѣсь-же встрѣтился я съ Капитаномъ Миницкимъ, который долго служилъ въ Англическомъ флотѣ, и въ томъ числѣ три года съ моимъ родственникомъ, Капитаномъ Кохреномъ. Въ немъ я узналъ прямодушнаго человѣка. Онъ изъявлялъ мнѣ большое участіе въ сужденіи послѣдствій моего путешествія. Между прочими вещами, онъ подарилъ мнѣ теплую одежду, для предохраненія отъ жестокаго холода; но на дѣлѣ она оказалась недоспашочною.

Хотя Якутскъ значительное торговое мѣсто, гдѣ находилась складка товаровъ Американской Компаніи, но онъ дурно въстроено и занимаетъ небольшое пространство, на лѣвомъ берегу рѣки и на самомъ холодномъ, открытомъ мѣстѣ. Здѣсь Лена вывешъ двѣ мили въ ширину зимою и четыре мили лѣтомъ. Это одна изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Теченіе ея оканчивается въ Ледовитомъ морѣ и простирается на тысячу прістапѣ вдлину. Лена вообще течетъ не быстро, что показываетъ

самое имя ея, кошорое значишь: *лѣни-
вый* (*).

Въ городѣ семь тысячъ жителей; но, не смотря на то что меня въ немъ хорошо приняли, мнѣ показался онъ очень грустнымъ. Область здѣшняя зависить отъ Иркутской; въ ней, на безмѣрномъ пространствѣ, сто восемьдесятъ пять тысячъ жителей, которые состоятъ изъ Рускихъ, Тунгузовъ, Якузовъ и Юкагировъ. Налоги плащящъ они звѣрями и всего болѣе соболями. Вишимскіе и Олекминскіе соболи самые дорогіе по ихъ мѣлкости, нѣжности и черношѣ: они споящъ до десяти гиней за шпуку. Здѣшняя торговля пушными шоварами чрезвычайно значительна.

Я принялъ всѣ возможныя предосторожности противъ холода, приговоряясь продолжать свое путешествіе въ такое позднее время года.

Въ Якускѣ общество невелико. Къ моему хозяину каждый вечеръ собиралось нѣсколько дамъ, кошорыхъ я почишаю нѣмыми, потому что не слыхалъ, чтобы онѣ сказали хоть одно слово. Въспо разговора, онѣ грызли небольшіе кедровые орѣхи, кошорыхъ въ округѣ родится такое множество, что это составляетъ предметъ торговли. Я ничего не увеличиваю, говоря, что полдюжины женщинъ, проводятъ цѣлый

(*) Едва-ли. *Прим. Пер.*

вечеръ, не сказавши другъ другу ни одного слова и послѣ этого расходятся, раскусивши и съѣвши по крайней мѣрѣ по сту орѣховъ. Иногда онѣ шептали слова по два по три, болѣе бытъ услышанными. Когда подавали чай, онѣ пили его до четырехъ чашекъ и даже до пѣхъ поръ, пока оставалась вода въ самоварѣ. Здѣшніе жипели употребляютъ сахаръ съ чаемъ какъ Китайцы: каждый, еще не начиная пить чаю, кладетъ въ ротъ кусочекъ сахару. Если по окончаніи питья, в роту оспаеется сколько нибудь сахару нераспаяваго, то его кладутъ на обороченную вверхъ дномъ чашку; послѣ эти-же остатки кладутъ въ чашку. Но такая экономія наблюдается не съ однимъ сахаромъ. Каждая женщина, взявши сухарь или кусокъ пирога (сладкаго), кладетъ ихъ за собою (?), для того чтобы они согрѣлись. Если она не хочетъ болѣе ѣсть, то остатки кладетъ въ корзинку, которую подносятъ ей, и эти остатки не бросаютъ другіе, участвующіе въ полдникѣ.

Въ то время, какъ женщины грызли и ѣли свои орѣхи, пристально глядя вокругъ, мужчины пили ромъ и пуншъ. Ромъ здѣсь дешевъ и получается изъ Камчатки.

Однажды, въ праздникъ, я посѣпилъ одного почпеннаго чиновника. У него накрытъ былъ длинный столъ, но вокругъ не было стульевъ. На столѣ были поставлены: жареная говядина, оленье языки, пироги и шарпы съ смородиной. Прежде

всего намъ подали по рюмкѣ водки: я отказался. За тѣмъ поднесли вина — я взялъ; но Г. Миницкій сказалъ мнѣ, что по обычаю надобно отказаться два раза и въ третій выпить. Я послушался — отказался отъ первой послѣ этого рюмки, отказался и отъ другой, а въ третій разъ не подносили, потому что хорошее вино очень дорого въ Якутскѣ.

Наружное уваженіе къ чинамъ строго наблюдается въ сей части свѣта. Если жена купца посѣщаетъ жену Вице-Губернатора (?), то эта неподвижно остается на софѣ и даетъ поцѣловать свою руку, не сдѣлавъ даже ни малѣйшаго поклона. Вѣроятно, если супругъ Вице-Губернатора случается привѣщать въ Петербургъ — она“бываетъ тамъ совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ.

Г. Миницкій превосходный человекъ и умный правитель. Безъ сомнѣнія онъ могъ-бы чрезвычайно увеличить свои доходы несправедливостью и притязаніями, столь обыкновенными людямъ въ силѣ. Впрочемъ, недавній объѣздъ Генераль-Губернатора, Г-на Сперанскаго, заставилъ всѣхъ Губернаторовъ и Вице-Губернаторовъ быть осторожными.

Когда Лена крѣпко замерзла, я поѣхалъ изъ Якутска. Въсь въ чемъ состояли мои запасы: два мѣшка черныхъ сухарей, кусокъ росбифу, нѣсколько сушеныхъ рыбъ, шесть фуншовъ чаю, двадцать фуншовъ

лучшаго сахару , пятьдесятъ фунтовъ табаку , фляга водки , шрубка , зажига- тельный приборъ и шпоръ. Наконецъ , со мною повхалъ казакъ , кошорый былъ для меня неоцѣненно полезенъ.

Я повхалъ на Сѣверо-Востоукъ , къ Нижней Колымѣ , опстоящей отъ Якутска по- чти на шестьдесятъ льѣ. Ёхашъ надобно было въ самое жестокое время года , въ спранѣ , кошорая почищается одною изъ самыхъ холодныхъ въ мѣрѣ. Эшо не спра- шило меня. Я полагалъ , что въ моей одеждѣ могу прошивишься холоду въ пять- десятъ градусовъ по Реомюру. При моемъ опѣздѣ изъ Якутска термометръ пока- зывалъ 27° ниже шочки замерзанія , но я прѣхаживался по улицамъ въ нанковой курпкѣ , въ шакихъ-же панталонахъ и въ однихъ чулкахъ подъ сапогами. На мнѣ былъ еще фланелевый жилетъ , кошорый уже много ушрашилъ своей шеплошы. За всѣмъ шѣмъ , холодъ меня не безпокоилъ. Жипели жалѣли обо мнѣ : они почишали мое сосполнѣ печальнымъ , ибо не пони- мали , что когда умъ и шѣло въ непре- рывномъ движеніи , шо спихи мало имѣ- юшъ надъ нами власти. Я увѣренъ , что большая часть бѣдшвій нашихъ происхо- дитъ отъ недостатка сильнаго восшпан- нія и безпредѣльной довѣренности къ Про- видѣнію , Кошорое заботишься за насъ , по- тому что въ насъ нѣшъ швердосши и шерпвнѣя при перенесеніи шрудовъ и ли-

шеній, потому что мы не имѣемъ той неизмѣнной рѣшительности для упорнаго исполненія нашего долга, которая не допускаетъ опчаяваться, пока въ насъ есть еще искра жизни. Мнѣ часто случалось бывать въ самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, но, благодаря Бога, никогда не былъ я доведенъ до такой степени скорби, въ какой былъ мой другъ и товарищъ Капитанъ Франклинъ. Между тѣмъ я совсѣмъ не запасся всѣми предосторожностями въ одеждѣ, какими должно было запаснись. У меня не было тулупа, не было одѣяла, нечѣмъ было защищать колѣни, бороды, носа и ушей. Я взялъ только одну пару довольно дрянныхъ перчатокъ и небольшую шапку. Если бы перенесъ весь холодъ, голодъ и упомянутое, то этимъ обязанъ единственно своему столь крѣпкому сложенію, что подобнаго я не встрѣчалъ ни у кого другаго. И нынѣ, съ благоговѣніемъ къ Провидѣнію вспоминаю, что никогда не чувствовалъ я себя столь счастливымъ, какъ во время перенесенія величайшихъ трудностей.

Не могу описать того сердечнаго движенія, какое объяло меня при отъѣздѣ изъ Якутска, когда въ началѣ Ноября я переходилъ послѣднюю границу образованности и спремился далеко, на многія сотни лѣтъ къ Сѣверу, не зная ни одного слова Русскаго и еще менѣе зная языкъ

ствѣхъ дикихъ народовъ, къ которымъ шелъ. Впрочемъ, я почти вездѣ находилъ какого нибудь челоуѣка, который говорилъ по-Англински, по-Французски или по-Нѣмецки.

Толчки саней, отъ неровной поверхности Лены, и холодъ, который безпокоилъ мои ноги, въ первый день принудили меня болѣе идти пѣшкомъ. На другой день я продолжалъ путь попеременно, то пѣшкомъ, то въ саняхъ, вездѣ находя у Якушовъ предупредительное гостепріимство и изобиліе въ говядинѣ и молокѣ. Въ первые два дни я сдѣлалъ пятьдесятъ пять миль, по лѣсистой странѣ, до рѣки Алдана, которая впадаетъ въ Лену.

Въ городъ (?) Алданъ привхалъ я въ четвертый день, проѣхавъ пятьдесятъ миль отъ Якутска. Страна показалась мнѣ очень населенною. По дорогѣ я видѣлъ многихъ князьковъ Татпарскихъ, которые все очень гостепріимны. Лицо мое жестоко пострадало отъ холода.

Въ Алданѣ я долженъ былъ два дни дожидаться лошадей. Бойсь замедлились здѣсь еще долѣе, я далъ знать князьку, что если у меня не будетъ лошадей завтра, то я принужденъ буду возвратиться въ Якутскъ. Мнѣ нужно было послать въ этотъ городъ благодарительное письмо къ Г. Миницкому и я просилъ князька отослать къ нему мое посланіе. Князекъ подумалъ, что это жалоба на него, однакожь дославилъ мое письмо по адресу. Я

узналъ это , возвращаясь через Якушскъ и мнѣ было жаль, что я заставилъ бѣднаго князька безпокоиться , тогда какъ онъ былъ невиноватъ.

Я повхалъ съ полною надеждой. На тѣхъ-же лошадахъ должно было мнѣ прѣхать семнадцать лѣ для привзда въ Колыму. Это будетъ менѣ удивительно, когда я скажу , что здѣшнія лошади возятъ изъ Якушка въ Колыму по два квинтала тяжести , и возвращаются съ такимъ-же грузомъ, по едва проходимымъ дорогамъ. Въ седьмой день достигъ я цѣпи Тукуйскихъ горъ: онѣ называются такъ по имени рѣки и это слово значитъ на Якушскомъ языкѣ шумный. Изъ сей-же цѣпи горъ вытекаеть Яна,

На ночь остановились мы при подошвѣ горы, которая закрывала насъ отъ сѣвернаго вѣтра. Это была первая ночь, проведенная нами на открытомъ воздухѣ: я расскажу, какъ мы всегда располагались тамъ, гдѣ не было жилья. Первое дѣло было снять съ лошадей клажу и сѣдла, разнуздавъ ихъ и привязавъ къ деревьямъ. Въ то время, какъ мой казакъ расчищаль на небольшое пространство снѣгъ, бывающій фута на два, Якуты рѣзали фадинникъ и усыпали землю пихтовыми вѣтвями, для предохраненія себя отъ холодной земли. Мы разводили большой огонь и каждой садился на пюку съ поклажей. На огонь кипѣлъ кошелъ и мы спарались

согрѣться, такъ сказать, засовываясь въ самый огонь, особенно я, хуже другихъ одѣтый. Я всячески старался, чѣмъ бы одна половина меня не замерзла въ это время, какъ другая жарилась; за все время, въ эту ночь я спалъ довольно хорошо; правда, разъ пять-шесть ночью вскакивалъ и бѣгалъ, чѣмъ бы привести въ движеніе кровь. Я открылъ, что Якушы придвигали къ своей сторонѣ весь огонь въ то время, какъ мы спали, и въ слѣдующую ночь рѣшился употребить это средство въ свою пользу. Я замѣнилъ также, что они складывали всю свою одежду со стороны противоположной огню и нагѣ оспавались къ пламени. Во весь день термометръ показывалъ, смотря по вы-сотѣ солнца, отъ 20 до 25 градусовъ ниже точки замерзанія.

Дорога шла по берегамъ Тукулана. Наконецъ я подѣхалъ къ подошвѣ горъ Сѣверной Сибири. Надобно было перевзжать ихъ: соображая прудность этого предпріянія, я сомнѣвался въ успѣхѣ. Какъ всходить на оледенѣлую покатошь, на которой не было слѣдовъ дороги? Мы старались идти тамъ, гдѣ лежало болѣе снѣгу. Лошади задыхались; на каждомъ шагу должно было оспанавливаться. Мы взѣзжали болѣе двухъ часовъ. Взошедши на самую вершину, я съ казакомъ сѣлъ, и въ ожиданіи нашихъ Якушовъ, которые пащились съ поклажей, мы спали было ку-

ринь прубки — но холодъ заспавилъ насъ вспать. Мы начали спускаться. На ногахъ держаться было не возможно, и я сълъ, для того чтобы скашиться по снѣгу. Лошадь моя, которая также скользила позади, могла расшибить меня. Дорожка была такъ узка, что при малѣйшемъ забышии я могъ свалиться въ бездну. Наконецъ мы благополучно достигли юрты, сего чело-вѣколюбиваго убѣжища, предназначеннаго для бѣдспвующихъ путешественниковъ. Это хижина изъ пней, пространствомъ въ квадрашныя двѣнадцать фузовъ. Посре-ди ея мѣсто для огня. Вокругъ небольшія каморки изъ досокъ, для спанья. Снаружи это зданьице осыпано снѣгомъ и нѣтъ опасности, чтобы онъ когда нибудь рас-спаялъ.

Я провелъ сносную ночь, съ путе-шественниками, вхавшими въ Якушскъ. Наконецъ я приѣхалъ въ Вараласъ послѣ шести дней, въ кошорые мы всегда спали на опкрышомъ воздухѣ или въ пусшын-ныхъ юршахъ. Сія юрты разставлены миляхъ на двадцати пяти одна опъ дру-гой: разстоянiе, слишкомъ большое или малое, смотря потому — когда путе-шественуеше, зимою или лѣшомъ. Дорога бы-ла вообще живописна: между двухъ цѣпей горъ, по долинь, обросшей лѣсомъ. Чѣмъ болѣе приближаешся къ вершинамъ горъ, тѣмъ менѣе видите распшельнаго цар-ства — и наконецъ его совсѣмъ нѣтъ.

Видъ прелестный; но и какая пустыня! Нышъ ни одного домика между Алданомъ и Вараласомъ, а это пространство равно половинѣ длины Англіи.

Я былъ очень хорошо принять однимъ Якутскимъ князькомъ, который далъ мнѣ замороженнаго молока. Путь свой продолжали мы на Табалакъ. Въ первый день сдѣлали мы сорокъ миль по сильно-обледенѣлому снѣгу. Дорога шла по небольшой рѣчкѣ Сартану, которая впадаетъ въ Яну. Я встрѣтилъ Якутовъ, охотниковъ, съ луками и со стрѣлами, иные на коняхъ, иные пѣшкомъ. Обхождение ихъ было очень ласково. На другой день мы едва могли сдѣлать сорокъ миль, и то часто шедши пѣшкомъ и съ чрезвычайнымъ истомленіемъ для лошадей. Было вѣтрено и шелъ снѣгъ. Я чувствовала, что бодрость моя пропадаетъ; но выбирать было не изъ чего — надобно было идти впередъ. Если бы положеніе мое и въ десять разъ было хуже, я бы уже не воротился назадъ. Третій день былъ холоднѣе всѣхъ предшествовавшихъ: термометръ показывалъ 30 градусовъ холода. Мы проходили мимо многихъ жилищъ Якутовъ: всѣ они приглашали насъ остановиться у нихъ на день и предлагали намъ пищу. Если я соглашался на гостепріимство жителей, то всегда старался занять мѣсто подъ образами, про-

ливъ огня — это мѣсто старшаго въ семействѣ.

Удаляясь отъ рѣчки Сартана, мы проходили черезъ горы, проспирающіяся на Востокъ. Потомъ пошла плоская страна и дорога лучше прѣжней.

Переходя черезъ Барулакъ, мы увидѣли лань, убишную выстрѣломъ изъ карабина. Мнѣ дали отъ нея лучшее мѣсто, но есть можжечекъ изъ переднихъ ногъ. Его можно есть сырой и онъ показался мнѣ довольно вкусенъ. Животное было фунтовъ въ двѣсти мѣсомъ. Но четверо или пятеро Якутовъ съѣдаютъ такое животное за одинъ обѣдъ; потому что вся ихъ жизнь проходитъ въ пощническихъ или въ обжорствѣ мясомъ.

Въ шестой день по выѣздѣ изъ Вараласа мы прибыли въ Табалакъ, на Борулакъ. Этотъ городъ (?) довольно населенъ, соображая трудный доступъ къ нему. Здѣсь настигъ я экспедицію, назначенную для открытій по рѣкѣ Колымѣ. Подъ нею занято было 150 лошадей, съ тяжелымъ грузомъ. Сверхъ того, при ней находилось множество торгашей или мѣлочниковъ, которые присоединились къ экспедиціи для переезда на Чудскую ярмарку. Жадность къ деньгамъ и честолюбіе заставляютъ пускайся на опасныя предпріятія, но мнѣ ли тому удивляться? Я совершалъ такое-же путешествованіе, не имѣя ни одной изъ сихъ побудительныхъ причинъ.

Ч. XI. No 20.

С

Дорога спановилась часъ опъ часу пруднѣ, по причинѣ множества упавшихъ деревь, которыя лежали на перекрестѣ.

Въ Тобалакѣ я видѣлъ примѣръ непонятной жадности одного пашильтняго дияля. Увидѣвши что онъ подчищаетъ пальцомъ сало, упавшее съ зажженной свѣчи, и ѣсть его, я спросилъ: съ голоду ли онъ это дѣлаешь или опъ того, что сало кажется ему очень вкусно? Мнѣ опсвѣчали, что всякій Якушъ и Тунгузъ ѣсть, когда шолько имѣешь возможность и никогда не упустишь того, что можешь служить пищею. Я далъ эщому-же ребенку свѣчу изъ дурнаго сала: онъ съ жадностью съѣлъ ее, и за ней другую и третью, точно также. Начальникъ экспедиціи, бывшій со мною, далъ ему нѣсколько фуншовъ кислаго и мерзлаго масла: все это онъ съѣлъ, не останавливаясь. Наконецъ онъ еще сожралъ большой кусекъ мыла. Увидя, что эщотъ ребенокъ готовъ съѣсть все, что ему подадутъ — я прекратилъ испытаніе.

Что касается до взрослого человека, изъ Якушовъ, то онъ можетъ съѣсть столько за одинъ разъ, что я боюсь сказать невѣроятность. Все: мясо и рыбу, свѣжее и гнилое — Якушъ пожираетъ безнаказанно. Количество разнится шолько, смотря пощому, сколько онъ доспаетъ и сколько можешь доспашъ пиши. Я много

разъ видалъ, что Якуль или Тунгузь съѣдалъ по сороку фунловъ [мяса въ одинъ день. Когда они вѣяпъ вдоволь, по пошчасъ жирѣюшъ и толснѣюшъ. Вѣрно ихъ желудокъ устроень иначе нежели нашъ, попому что, напримѣръ, они глосаюшъ свой чай и супъ столь горячѣ, что. Европеецъ не могъ-бы прихлебнуть ихъ. Я самъ видѣлъ, какъ прое Якушовъ, въ одинъ обѣдъ съѣли оленя, не оставивъ ничего: даже съѣли всю внутренность его, изъ которой приготовляюшъ они, съ примѣсью крови и жиру, родъ чернаго пудинга (*).

Въ подкрѣпленіе словъ моихъ я привожу слова Адмирала Сарычева, который въ Путешествіи своемъ вопъ что говоритъ о семъ народѣ: «Какъ скоро мы останавливались на ночь, они спановили копелъ на огонь и, вмѣсто сна, ѣли во всю ночь, но за по цѣлый день дремали.» Онъ замѣчаетъ, что Якуты никогда не бываюшъ больны отъ шакого обжорства. «У работниковъ (говоритъ онъ) было по 144 фунша говядины, по 44 фунша жиру и по 72 фунша ржаной муки на человекъ. Черезъ двѣ недѣли они уже жаловались, что имъ нечего ѣсть.» Якуты сказали Адмиралу, что одинъ изъ нихъ съѣлъ, въ двадцать

(*) Все, что говоритъ Г. Кохренъ о прожорливости Якушовъ, есть суцая правда. Это подтвердитъ всякій, кто ѣзжалъ по Охотской дорогѣ. *Прим. Перев.*

четыре часа, четверть заду большого быка, двадцать фунтовъ жиру, и выпилъ соразмѣрное количество распущеннаго масла. Адмиралу любопытно было удостовѣриться въ пожирательной силѣ этого челоуѣка. Онъ велѣлъ сварить ему двадцать восемь фунтовъ пшена съ масломъ, и хопя прожора уже тогда позавтракалъ, когда принесли ему это блюдо, но онъ окончилъ его все, не останавливаясь. Ему ничего и не было послѣ этого: только желудокъ у него раздулся; но на другой день онъ готовъ былъ поже начать снова.

Въ Табалакѣ живетъ казачій унтеръ-офицеръ, который управляетъ здѣшнимъ мѣстомъ и всѣми окружными Якупами. Онъ женатъ и кажется, довольно счастливъ. Вокругъ сего мѣста много озеръ съ превосходною рыбою. Для отдыха я пробылъ здѣсь два дни и 22-го Ноября снова пустился въ дорогу. Холодъ былъ жестокий. У меня сильно зябли ноги; я подумалъ, что это опъ верховой ѣзды, и потому сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ, проходя, сколько мнѣ позволяли силы, а именно опъ пятнадцати до двадцати миль каждый день, и большею частію въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ лошадямъ было трудно всходить.

Въ первый вечеръ мы остановились подлѣ небольшого озера, гдѣ я видѣлъ какъ ловили рыбу неводомъ, хопя ледъ былъ вершковъ на двадцать въ толщину. Вопъ

какъ это производится. Сначала дѣлають большую прорубь на томъ мѣстѣ, гдѣ должно вытаскать неводъ. Послѣ этого прорубають не столь большія отверстія, которыя сославляютъ продолговатую окружность; ихъ прорубають фузахъ въ двадцати одно отъ другаго. Тутъ неводъ кидаютъ въ большую прорубь и съ помощію шестовъ и веревокъ развертываютъ его и проводятъ до ближайшаго отверстія, отъ одного къ другому, пока обойдутъ весь кругъ. Когда оба конца невода сойдутся — тогда его вытаскиваютъ, наполненный рыбою.

На двадцати пяти миляхъ пути мы слѣдовали по рѣкѣ Тоспаку; далѣе мы проходили горами и долинами, до рѣки Догдоя. Мы часто принуждены были оспанавливаться и разгребать снѣгъ, а иначе лошадямъ не лзя было идти; иногда надобно было ихъ развѣючивать и всю поклажу тащить самимъ на нѣсколько сопенъ шуазовъ. Въ этихъ случаяхъ, каждый изъ насъ принимался за работу и при такихъ переходахъ мы перемѣняли лошадей, которымъ должно было идти впередъ, ибо переднія упомялись ужасно. Когда намъ случалось идти по чистому льду, то лошади наши не могли-бы сдѣлать по немъ ни одного шагу, не поскользнувшись, если-бъ мы не дѣлали выбоинъ топорами: и путь надобно было вести ихъ съ большою оспорожносшью. Какъ было мнѣ

жалъ эгихъ бѣдныхъ живошныхъ! они спенали подъ плещами. Такимъ образомъ прошли у насъ прои. сунки. Я велъ двухъ лошадей и старался о нихъ. Якупы были признашельны, что я исправлялъ одну съ ними работу. Перешедши черезъ много горъ и рѣчекъ, мы вышли на плоскую землю и оспановились подлѣ юрты, потерявъ во время пупи одну лошадь, которая пала отъ усталости.

Я спрадалъ сильно, отъ того, что подошвы ногъ у меня вспузырились отъ морозу.

На горахъ мы часпо видали дѣйствія жестокости холода. На нихъ были прецины, отъ расширения воды, переходившей въ состоянiе льда. Большою частiю, горы сiм сушь сланцовыя массы; инныя имѣють въ основанiи гранитъ или обыкновенный камень. На берегахъ рѣки *Камень-да-Масло* (Kamen-da-Maslo) находится окаменѣлое вещество, цвѣтомъ похожее на желшовашныя сливки, которое по-Русски называется *каменное сало* (beurre de pierre) (*). Это вещество довольно прiятно вкусомъ, но вредно въ употребленiи, какъ говорять. Его находятъ на берегахъ многихъ Сибирскихъ рѣкъ, особенно-же около Иртыша и Енисея. Оно твердѣеть на воздухѣ, но отъ дожда размокаетъ.

(*). Тутъ есть какая-то ошибка въ названiяхъ. *Прим. Перес.*

Въ девятый день мы отправились въ Зашиверскъ, на сорокъ миль отъ нашего становища. Половину дороги мы безпрестанно взъѣзжали и наконецъ съ великимъ трудомъ и опасностью взобрались на вершину одной горы. Это положеніе напомнило мнѣ то, что я замѣчалъ на песчаныхъ горахъ вокругъ Вера - Круца, въ Мексикѣ. Здѣсь вѣпръ завивалъ снѣгъ, точно какъ на горахъ Вера - Круцскихъ онъ поднимаетъ облака песку. Въ обоихъ случаяхъ дороги и дорожки засыпаны и сглажены. Тоже безпокойство для ходьбы и здѣсь, какъ на горахъ Мексиканскихъ. Снѣгу по крайней мѣрѣ на шесть футовъ; зелени нѣтъ и слѣдовъ. Одни креспы, разспавленные кой-гдѣ, показывали направление дороги. Якупы не забывали оставлять подлѣ нихъ лошадиные волосы и гривы, въ знакъ признательности за благополучное достиженіе до такого-то мѣста.

Мы быстро прошли сѣверо-западную наклонность, до рѣки Шубуколаха, и наконецъ прѣехали въ Зашиверскъ, гдѣ сливаются Галанима и Индигирка. Кровь во мнѣ застыла, когда я взглянулъ на это печальное мѣсто, называемое городомъ. Опдѣльные горы Испаніи, пустыни Канады, цѣпи горъ Соединенныхъ Штатовъ, Пиренеи, Альпы не представляли мнѣ ничего подобнаго тому, что я увидалъ здѣсь. Этого городъ, первый рас-

тахъ послѣ Якушка, находящійся за тридцать лѣтъ отъ образованнаго общества людей, состоитъ изъ семи хижинъ, въ которыхъ живутъ два священника, сержантъ, почтмейстеръ, купецъ и одна вдова. И видаль корабли съ шестнадцатью пушками, на которыхъ всего было пятнадцать человекъ; но никогда не воображалъ я, что существуетъ городъ, гдѣ все народонаселеніе состоитъ изъ семи жителей.

На дорогѣ между Зашиверскомъ и Табалакомъ, то есть болѣе чѣмъ на восьмидесяти лѣтъ, нѣтъ ни одного обиталища. На ней находится только восемь юртъ для путешественниковъ. Холодъ былъ неслашкомъ великъ: около 25° ниже точки замерзанія. Говорятъ, что лѣтомъ Индигирка есть одна изъ быстрѣйшихъ рѣкъ. Гора, стоящая напротивъ, съ западной стороны совершенно голая; она проспирается по рѣкѣ на сорокъ миль: послѣ сего Индигирка расширяется въ видѣ озера и такъ впадаетъ въ Ледовитое море.

Семеро жителей здѣшнихъ питаются почти единственно рыбою, которой здѣсь много превкусной. Вокругъ на десять лѣтъ нѣтъ травы и на семь атомъ пространства нечѣмъ кормить лошадей; да и для двухъ коровъ здѣшняго города не легко достать сѣна.

Въ Зашиверскѣ я прожилъ три дни въ роскоши: въ мясо волковъ, медвѣдей, оленей, лосей, зайцовъ и лисицъ. Медвѣжье и волчье мясо хороши съ голоду; оленье чрезвычайно вкусно, но лосье вкуснѣе всего, что только случалось мнѣ ѣсть во всю мою жизнь: оно нѣжно, пріятно и спольже питательно какъ говядина.

Изъ всѣхъ лакомствъ Зашиверскихъ, всего болѣе осталась у меня въ памяти по своему вкусу сырая рыба. Не смотря на мое предубѣжденіе, я увидѣлъ, что съ нею ничего не лзя сравнить: не шакъ вкусны усперсы, замороженныя какъ можно лучше. Рыбы здѣсь можно ѣсть много, безъ всякаго вреда. Я самъ, въ одинъ обѣдъ, убралъ замороженную сырую рыбу въсомъ въ три фунта. Я разрѣзывалъ ее на маленькіе кусочки и ѣлъ съ черными сухарями. Спаканъ хлѣбнаго вина довершилъ эшотъ превосходный обѣдъ: только не доставало соли и перцу. Я наполнилъ кожаный мѣшокъ замороженною рыбою прежде нежели опять пустился въ дорогу по Индигиркѣ.

Въ эшотъ день я узналъ всю пользу услугъ, какія могутъ доставить собаки въ санной ѣздѣ. На санкахъ онѣ возятъ все: дрова, ледъ, рыбу, пупешественниковъ и поклажу ихъ. Ледъ, по которому мы ѣхали, былъ очень гладокъ и скользокъ: моя лошадь падала много разъ. Чѣмъ да-

лѣе вѣхалъ я къ Сѣверу, пѣмъ ниже спановились горы за мною и долина казалась безконечною. Мы остановились въ юрпѣ, гдѣ дали намъ сливокъ и лгодѣ.

Я чувствовалъ сильную боль въ ногахъ. Это было не совсѣмъ опъ холода, но, казалось, опъ усталосціа: какая-то тупая боль, съ красноюю. Одинъ разъ-вѣжающій торгашъ, съ которымъ я встрѣтился и обьяснился объ эпомъ, сказалъ мнѣ, что я не обойдусь безъ той части одежды, которая называется *сутуры* (*soutarée*) или *наножники* (*garde genou*). Онъ былъ сполько добръ, что предложилъ мнѣ одну пару, которую я взялъ, сообразивъ, что мнѣ уже случалось шерпвтъ 30 градусовъ холода, что я шелъ къ Сѣверу и былъ еще не среди настоящей зимы. Эта обувь была мнѣ неисчислимо полезна.

Не прошло трехъ дней послѣ нашего отъѣзда изъ Зашиверска, когда мой боченокъ съ водкою опуспѣлъ. Я налилъ въ него воды. Ночи были прелестныя: луна не оставяла горизонта. У меня болѣли глаза: опраженіе свѣта опъ снѣга сдѣлало у меня воспаленіе въ вѣкахъ. Но это не мѣшало мнѣ продолжашъ путь съ весельемъ. Въ шестой день, послѣ прудовъ, которые описывать не нужно въ подробности, мы приѣхали къ одной хижинѣ: обитатели ея готовы были умереть съ голоду, и покорялись своему жребію. Мы старались ободрить

спрадальцовъ и дали имъ горячаго чаю: это нѣсколько оживило ихъ. Они имѣли силы слѣдовать за нами до первой станціи, гдѣ жипели и сами были съ худымъ запасомъ, но съ нами подѣлились. По лѣсамъ и озерамъ я прибылъ къ цѣпи горъ, отдѣляющихъ округу Зашиверскую отъ Колымской, а переѣхавъ черезъ сію цѣпь, привхалъ въ юрту путешественниковъ, гдѣ нашелъ разведенный огонь. Это было благодѣяніе Барона Врангеля: онъ содержалъ лупъ челоувка, которому препоручено было поддерживать огонь до шѣхъ поръ, пока пройдетъ экспедиція.

Въ восьмой день я прибылъ въ Сордакъ, опстояцій на сто двадцать миль отъ Зашиверска. Эта часть пути была чрезвычайно трудна по причинѣ глубокаго снѣга и несчастнаго состоянія лошадей: моя пала. Въперъ замелъ всѣ слѣды дороги и часто принуждалъ насъ возвращаться назадъ для отысканія пути. Наконецъ мы привхали здоровые, не смотря на жестокость холода.

Въ Сордакъ управляетъ унтеръ-офицеръ и съ нимъ нѣсколько челоувкъ казакъ. Тутъ-же есть жилища Якумовъ, которые обязаны доставлять казакамъ дичину, рыбу, сѣно, дрова, и за то они освобождены отъ всякаго налога. Ихъ также заспавляютъ провожать путешественниковъ и они-же содержатъ почту. Между

Якупскомъ и Колымою, то есть на шести стахъ льѣ, восемь такихъ станцій.

Окрестности Сордака болописты. Тутъ много озеръ и лѣсовъ. Сіи послѣдніе вообще лучше, нежели на южной сторонѣ. Содержатель почты есть попомокъ славнаго Владиміра Апласова, который открылъ Камчатку и покорилъ часть ея.

14 Декабря, проѣхавъ сорокъ миль, мы остановились въ юртѣ, хозяйка которой была бранчива. Она ужасно разсердилась за то, что я повѣсилъ свои перчатки на крючокъ, поддерживавшій образа. Желая успокоить ее, казакъ сказалъ ей, что я Англинскій попъ. Моя длинная борода и распрепанные волосы заставляли вѣрить тому — и съ этихъ поръ меня всегда почитали попомъ Англинскимъ.

На слѣдующій день мы остановились въ юртѣ, болѣе просторной и опрятной противъ всѣхъ прежнихъ: въ ней живутъ двое братьевъ, крещеные Якуты. Назавтра я перешелъ черезъ рѣчку Алазею, которая впадаетъ въ Ледовитый Океанъ. Здѣсь много рыбы, дичины и скота. Небольшое число жителей, обитающихъ на берегахъ сей рѣки, живутъ въ изобиліи. Я продолжалъ путь съ однимъ развѣзжающимъ торгашомъ, у котораго отецъ былъ Рускій, а мать Якушка. И въ этомъ человѣкѣ замѣтилъ я то же, что часто замѣчалъ прежде, что хотя Рускіе и Якуты совсѣмъ не ошлично красивы, но

дѣти, отъ соединенія сихъ двухъ родовъ, бывають одарены особенною правильностью лица и красотою кожи.

19 Декабря достигъ я до Колымека: онъ во спа пятидесяти миляхъ отъ Сордака. До этого мѣста я вѣхалъ по долинѣ, но теперь приближался къ цѣпи горъ. Комисаръ очень хорошо принялъ меня и далъ все, что мнѣ было нужно. Я ждалъ пять дней новаго казака и воспользовался этимъ временемъ для прогулокъ въ окрестности, и для записки всего мнѣ встрѣпившагося. Меня посѣтилъ священникъ. По Англинскому обычаю я пропянулъ къ нему руку — онъ благословилъ меня, а я самъ его благословилъ. Онъ опспунилъ назадъ и съ удивленіемъ спросилъ: кто я? Англинскій священникъ, опвѣчалъ казакъ. Тупъ онъ замѣпилъ, что священникъ не можетъ благословлять другаго священника и въ знакъ дружбы прикоснулся къ моей рукѣ.

При этомъ случаѣ я узналъ, что значилъ движеніе, которое часто замѣчалъ я у Якуповъ. Они подспавляли мнѣ правую ладонь, поддерживая ее лѣвою рукою. Я полагалъ, что они просятъ милоспыни, но они упорно опказывались отъ того что я имъ давалъ. Узнавши, что этимъ движеніемъ просятъ у меня благословенія — я великодушно благословлялъ ихъ. Прогуливаясь вдоль рѣки, я встрѣпилъ съ однимъ Якупскимъ князькомъ и благословилъ его по-Русски. Князекъ опвязалъ

небольшой кожаный мѣшокъ и, цѣлуя у меня руку, просилъ принять двѣ куничьи шкуры. Отговорки были щипетны: я увидѣлъ, что отказавшись начисто, оскорблю его.

Жипелей здѣсь сто человекъ. Въ рѣкѣ чрезвычайно много рыбы и рыбная ловля составляетъ главнѣйшую пищу жипелей и собакъ, которыхъ здѣсь множество.

Не смотря на приглашеніе Коммисара, провести у него праздникъ Рождества Христова, я отправился въ дорогу, зная что мнѣ предстоятъ еще величайшія трудности, но твердо рѣшившись побѣдить ихъ. Въ двадцати миляхъ отсюда я былъ у одного Якутскаго князька, девятистолѣтняго старца, но сохранившаго умственныхъ способностей. Онъ сопутствовалъ Шалаурову, который около 1764 года совершилъ двѣ экспедиціи по Ледовитому морю и погибъ въ третью. У сего князька хорошее жилище и онъ живеть охотою, но это средство стало не надежно съ пѣхъ поръ, какъ олени и лоси убѣжали далѣе къ Сѣверу.

Въ слѣдующій день, удаляясь отъ рѣки, я проѣхалъ сорокъ миль по плоской степи, покрытой множествомъ куспарника. Холодъ былъ въ тридцать пять градусовъ. На другой день мы сдѣлали пятьдесятъ миль безъ большихъ затрудненій и поперяли изъ виду горы. Третій и четвертый день были утомительны. Жилища, кошо-

рыя встрѣчались здѣсь, вообще лучше и опрятнѣе. Въ четвертый день я проѣхалъ двадцать лѣ, то есть болѣе всѣхъ предшествовавшихъ дней. Термометръ показывалъ тридцать шесть градусовъ. Я принужденъ былъ много разъ сходить съ лошади и бѣжать, дабы привести въ движеніе кровь. Мы пили чай въ кустарникѣ и въ девять часовъ вечера приѣхали на спанцію, называемую Малонъ.

Я былъ чрезвычайно упомленъ, но скоро оправился, благодаря стараніямъ Русскаго купца, который ѣхалъ по тойже дорогѣ и которому было восемьдесятъ лѣтъ отъ роду. Онъ далъ мнѣ чаю, водки и другихъ провизій, потому что мои уже истощились. Впрочемъ, по гостепріимству жителей, у меня всегда была рыба — моя главная пища, которую я предпочиталъ дичинѣ, также въ изобиліи даренной мнѣ.

Въ Малонѣ кончился дорога, гдѣ можно ѣхать на лошадяхъ. Впрочемъ, иногда ѣздить и до Ледовишаго моря для ловли морскихъ коровъ или для сыска маммушковыхъ зубовъ. Я взялъ тринадцать собакъ подъ мои сани, закрытыя вошчанкою, для смягченія холода. Медвѣжья кожа, шерстяное одеяло и подушка составляли у меня постель, на которой я могъ спать ѣхавши. Но когда я вошелъ въ сани и покрывку зашили, какъ-бы для того, чтобы герметически закрытьъ входъ воздуху, я пошчасъ увидѣлъ, что не могу бытъ

въ этомъ положеніи. Я задыхался и ножомъ прорѣзалъ отверстіе для дыханія. Никогда не былъ я въ такой досадѣ, никогда такъ не сердился на самого себя, какъ теперь, осудивши себя на заключеніе. Я сбросилъ покрывку и оспальную дорогу вѣхалъ въ открытыхъ саняхъ.

Собаки бѣжали очень скоро, но часто должны были останавливаться. Неподвижность заставила меня ужасно терпѣть опъ холода: онъ никогда такъ не беспокоилъ меня. Съ большимъ трудомъ могъ я по временамъ двигаться, для того, чтобы не совсемъ замерзнуть. Меня ужасно помилъ сонъ: проводникъ поминушно долженъ былъ будить меня. Онъ очень обо мнѣ заботился и конечно ему одолженъ я сохраненіемъ жизни. На однѣхъ собакахъ проѣхали мы пятьдесятъ миль и на ночь остановились въ хижинѣ у Юкагира. Наконецъ, на другой день, 31 Декабря 1820 года, на тѣхъ-же собакахъ, я привѣхалъ въ Нижній-Колымскъ. Холодъ былъ, по спиртовому термометру Г. Врангеля, 42 градуса. Путешествіе мое продолжалось пятьдесятъ одинъ день. Безъ ножниковъ, копорые мнѣ дали, какъ я упомянулъ, конечно я не могъ-бы пропитьсѣя холоду, ибо если движеніе крови остановился въ ногахъ — онъ потерянъ. Я былъ одѣтъ легче всѣхъ моихъ провожатыхъ, и почищалъ себя очень счастливымъ, что не ознобилъ ни одного члена, кромѣ кончика носа.

Баронъ Врангель и Г-нъ Машюшкинъ приняли меня очень хорошо, и я скоро забылъ труды года, который оканчивался. Я былъ исполненъ надежды на будущій годъ и на себѣ испыталъ, что даже подлѣ Ледовитаго моря можно быть довольнымъ, если чувствуешь себя здоровымъ.

(Продолженіе въ 23й книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Разсужденіе о семействѣ крестовидныхъ растений, Декандоля, переведенное съ Французскаго П. Троицкимъ, съ фигурами. М. 1826 г. в 8. 165 стр.

Съ тѣхъ поръ (1789), какъ знаменитый Жюзе исполнилъ предначертанія великаго Ливея, расположивъ всѣ роды растительнаго царства ему извѣстные, въ естественныхъ порядкахъ, ботаники преклонились на сторону системы естественной. Стремленіе показать родство между растеніями имѣло слѣдствіемъ своимъ то, что они разобраны почти и часто въ такихъ отношеніяхъ, какія до Жюзе и въ голову не приходили ботаникамъ. Между тѣмъ какъ растенія узнаются болѣе и болѣе, сама система пребываетъ все еще въ хаотическомъ состояніи; причинъ тому двѣ.

Одна заключается въ самомъ планѣ и требованіи системы; другая въ названіи и несогласіи, какіе должно принимать за основаніе признаки; а отъ сего также происходитъ недоумѣніе, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ предѣлахъ представлять раздѣ-

Ч. XI. Но 20.

Т

денія системы; особенно-же сіе замѣтно въ подраз-
дѣленіяхъ дальнѣйшихъ на семейства, порядки и роды.

Требованіе системы постигается высшимъ воз-
рвнїемъ на растительное царство, поему и планъ
ея долженъ быть выведенъ синтетически: онъ
уже и начертанъ, о чемъ публикѣ нашей возвѣстивъ
давно Новый Магазинъ Естественной Исторіи . . .
Но исполненіе такового начертанія еще не соверши-
лось, совершится можетъ быть не скоро, и не
иначе какъ аналитически — только частными, по-
дробными разысканіями. Въ семъ отношеніи, по
принятымъ признакамъ и по своему плану замѣча-
тельно. Разсужденіе Декандоля; въ семъ-же отноше-
ніи заслуживаетъ вниманіе и переводъ онаго: онъ
очень полезенъ; желаемъ, чтобъ нашлось побольше
на Руси для него читателей.

Семейство Крестовидныхъ такъ естественно,
что всѣ расшенія, къ нему принадлежащія, Линней
не могъ не соединить вмѣстѣ и не сдѣлать изъ
нихъ особеннаго 15 го класса въ своей системѣ,
хотя признаки класса (т. е. 4 тычинки длинныхъ
и 2 коротче) и не всѣ Крестовидныя имѣютъ. Раз-
дѣленіе сего класса онъ основалъ на величинѣ плода
(спручка), изъ чего произошли два порядка въ его
системѣ, которые принялъ и Жюзе и большая
часть ботаниковъ, а именно: *спручечковья* (*Silicu-
losae*) и *спручеловья* (*siliquosae*).

Раздѣленіе сіе довольно хорошо и можетъ быть
еще и шеперь принимаемо въ частныхъ книгѣхъ,
но и на примѣръ во Флорахъ и пому подобныхъ;
но для цѣлой системы, для всего семейства оно не
удовлетворительно: *Луникъ* (*Lunaria rediviva*), на
пр. относился вездѣ къ спручечковымъ по сход-

спну съ прочими породами Лунника и по сходству съ другими родами; но въ самомъ дѣлѣ плодъ его есть болѣе стручекъ нежели стручечекъ; подобныхъ примѣровъ очень много. Далѣе — у многихъ Крестовидныхъ плодъ не раскрывается, какъ у *Свербигки* или *Грицыка* (*Bunias*); не раскрывается и даже не имѣетъ простѣнка (*dissepimentum*) у *Вайды*, *Несслин* и проч.; у нѣкоторыхъ онъ раздѣляется на части поперечно, какъ у *Рѣдки* и другихъ; слѣдовательно не есть *струтекъ*.

Изъ сего очевидна неудобность шаковаго раздѣленія и потребность новаго. Гершнеръ, пролившій такой-же свѣтъ на Карпологию, какъ Линней на Системашику всей Ботаники, первый обратилъ вниманіе свое на формы зародыша Крестовидныхъ; впрочемъ онъ никакого не сдѣлалъ приложенія къ ихъ классификаціи: это предоставлено было провидательному и *тогнѣйшему* Англинскому Ботанику Роберту Броуну. Онъ первый призналъ ихъ за одинъ изъ основнѣйшихъ родовыхъ признаковъ Крестовидныхъ растеній и сдѣлалъ очень многія перемѣны въ ихъ родахъ. Декандоль, въ противность Жюсье и другимъ, позналъ важность сего признака (коимъ онъ такъ удачно воспользовался и при распредѣленіи Бобковыхъ или Мотыльковыхъ растеній) и не только включилъ его въ родовые отличительные признаки, но принялъ его за основной. Составляя полную систему растеній, Декандоль простиеръ разсмотрѣніе сего органа на всѣ, сколько могъ, Крестовидныя растенія и издалъ ихъ распредѣленіе и описаніе во впорозъ томъ своей системы (*Regni vegetabilis Systema Naturale*), и поимомъ написалъ опдѣльное Разсужденіе, шеперь на нашъ язмокъ пере-

веденное. «Если-бы Декандоль ничего не писалъ,» говоритъ Шпренгель, «кромя сего Разсужденія, то оно и одно сдѣлало-бы его славнымъ Ботаникомъ.»

И такъ относительно признака (о которомъ скажемъ еще нѣсколько словъ ниже сего) Декандоль избѣжалъ неудобствъ и сбивчивостей прежняго. Но всего поучительнѣе дальнѣйшее раздѣленіе разрядовъ, основанныхъ на зародышѣ. — Ложно то мнѣніе Ботаниковъ, что растенія должны быть расположены въ рядъ, или линію, то восходящую, то нисходящую, и составленную какъ бы изъ дугъ, концы одной конецъ соединяется съ концемъ предыдущей дуги, а другой съ послѣдующею дугою, и представляли бы сими переходъ одного семейства въ другое, средина-же возвышенная каждой дуги представляла-бы настоящій или собственный характеръ семейства, рода и п. д. Въ такую линію царство растительное растянута быть не можетъ. Въ семъ-то ошибся Жюсье; сего также не избѣжалъ и Декандоль въ расположеніи семействъ, хотя въ классахъ (по отношенію сего только) онъ выше, нежели Жюсье.

Новѣйшіе систематики показали намъ, что растительное царство должно быть такъ расположено, чтобы классы, порядки, разряды, семейства и всѣ подраздѣленія, начинались самою несовершенною своею формою и развивались постепенно въ значеніи органовъ, восходя отъ низшаго къ высшему. Тогда видно будетъ, какая существуетъ аналогія въ растеніяхъ и единство въ ходѣ Природы. Такъ точно Декандоль, не сдѣлавши сего надъ семействами, поступилъ въ распредѣленіи Крестовидныхъ: у него чрезвычайно ясно показано единообразіе и гармонія въ развитіи разрядовъ.

Зародышъ (embryo) по формѣ его составляющихъ сѣменныхъ долей (cotyledones) имѣетъ пять видовъ, посему и все семейство раздѣлил онъ на пять отрядовъ; въ каждомъ изъ нихъ повпоряжуются тѣ же формы плода, почему каждый раздѣляется на одинаковыя поколѣнія, свсими формами одно другому соответствующія.

Такимъ образомъ у него вышло 21 поколѣніе и 95 родовъ; многіе роды, особливо многочисленнѣйшіе, подраздѣлены съ большею аккуратностію на отдѣлы или подроды; всѣхъ породъ (species) 970: онѣ описаны въ его системѣ и въ первомъ томѣ Продрома.

Изъ сего можно судить, до какой степени утонченности и остроумія доведенъ анализъ Декандоля, и какъ поучительно для занимающихся Ботаникою Разсужденіе его. Благодаря Г. Троицкаго за переводъ онаго, который приносить ему честь, мы сдѣлаемъ нѣсколько возразительныхъ замѣчаній.

Переводчикъ въ Предисловіи говоритъ: *«Накопецъ славнѣйшему Августу Декандолю предоставлено было Науку о растеніяхъ возвести на высшую степень, каковую только умъ гелотическій способенъ себѣ представить.»* — Этого нѣтъ, да и быть не можетъ, и Г. Троицкій самъ сказалъ сущую иперболу, во всѣхъ отношеніяхъ невыгодную для ума человѣческаго. Наука о Природѣ безконечна по свойству самаго предмета, такъ равно и по свойству ума; человѣку не суждено достигнуть вполнѣ идеала — и какъ-бы что хорошо ни было, все мы представить можемъ еще лучшее. Далѣе — ежели Декандоль сдѣлалъ все — что-же

потомкамъ оспашеся дѣлать? Если Г. Троцкий дѣйствительно такъ думаетъ, какъ сказалъ: то неужели онъ въ самомъ дѣлѣ обрекаетъ умъ и всѣхъ людей отказаться отъ совершенствованія, остановиться на томъ, что уже сдѣлано, и ограничивается систему однимъ анализомъ, а Ботанику одною Систематикою только, забывая и Физиологию и Морфологию растений? . . . Не споримъ, что анализъ есть весьма важное дѣло, но онъ доставляетъ только матеріалъ и прочищаетъ, такъ сказать, дорогу будущему Линнею, который всѣ частныя разысканія приведетъ въ порядокъ и создастъ стройное; органическое цѣлое — систему. Такая система, повторимъ, еще не создана и только находится зародышъ ея; система-же Декандоля еще не чудо ума, и если полагаешся цѣлю системы показаніе постепеннаго развитія и совершенствованія растительной организаціи, отъ первоначальнаго пороства до розы и померанца, развитія какъ всеобщаго, такъ и частнаго; то система самаго Жюсье, во многомъ уступающая Декандолеву, во многомъ и превосходитъ ее. То уже, что Декандоль идетъ отъ верха къ низу въ своей системѣ, что онъ во главу оной полагаетъ Лютики, что принявъ раздѣленіе двуствендольныхъ на однолепестныя и многолепестныя, отлучаетъ Зонщичныя отъ Сложныхъ, и проч., доказываетъ, что онъ не есть *non plus ultra*. У Жюсье также есть отдѣленіе и однолепестныхъ и двулепестныхъ, но у него дуга первыхъ оканчивается, а дуга вторыхъ начинается *надпестичными* (epigyni) растеніями, слѣдовательно, за Сложными, концы оканчивается рядъ однолепестныхъ, слѣдуютъ непосредственно имъ сродныя растенія

Зонвичный, коими начинается ряд многоле-
стных; и такъ, не смотря на неправильность
хода системы вообще, здѣсь видна цѣль и познаніе
естественнаго средства. Декандоль болѣе всѣхъ
замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ простиеръ разысканія
свои по всему царству и одинъ только въ есте-
ственныхъ семействахъ описываетъ хорошо всѣ
породы. Не думая ни мало касаться его славы,
скажемъ, что и относительно анализа точнаго и
проницательнаго, Робертъ Броунъ шанешъ выше
его. Самое даже его Разсужденіе, которое опи-
сывается, какъ мы замѣтили, правильною формою и
аккуратностію анализа, не безусловно хорошо.

1) Основной признакъ его чрезвычайно тру-
днѣе для различенія по немъ растений и требуетъ
для сего много условий; посему въ приложеніи къ
практикѣ неудобенъ. Впрочемъ шрудность въ есте-
ственной системѣ еще не остановка, ибо не все
истинно, что легко. Но кромѣ шрудности, съ ос-
новнымъ признакомъ Декандоля соединена еще *иску-
ственность*, и хотя у него одинаковою формою
наприм. означивается каждый опрядъ, но кпо не
окажетъ, взглянувъ на оныя поколѣнія *колѣнча-
тыхъ* растений, коими заключается каждый изъ
пяти опрядовъ, что гораздо естественнѣе всѣ по-
колѣнія сіи составить въ одинъ особый разрядъ?
Посему-то признакъ, изъ формы зародыша состав-
ленный, кажется, лучше употребленъ бытъ можетъ
какъ вторичный, а не какъ основной, и мы осмѣли-
ваемся думать, что гораздо естественнѣе измѣнить
Декандолево раздѣленіе, принявъ за основаніе разря-
довъ плоды, только раздѣливъ ихъ не на два рода,
какъ у Линнея и Жюсье, и не на 5, какъ у Декан-

доля, но необходимо на 4, т. е. на *Siliquosae*, *Siliquosae*, *Nysamentaceae* и *Lomentaceae*: Признакъ отряда Декандолевскій должно превратить въ признакъ поколѣній: онъ будетъ повторяться во всѣхъ разрядахъ, слѣд. не упустился аналогія. О семь подробнѣе говорить будемъ имѣть другое мѣсто:

2) Въ двухъ послѣднихъ отрядахъ, т. е. Спиральноподольныхъ и Двускладчашодольныхъ, выходитъ не 10, какъ бы слѣдовало, но только 5 поколѣній, да и сіи весьма бѣдны: только одно состоитъ изъ 2 родовъ, а прочія 4 содержатъ только по одному. Если-бы всшнно и совершенно-естественно было раздѣленіе Декандоля, то причиною пропуска можно бы предположить, что многія растения неизвѣстны еще и со временемъ откроются; но скорѣе можно причину тому положить въ искусственности раздѣленій. Что касается до родовъ, коихъ у него очень много, то хотя это имѣетъ свою выгоду въ подробнѣйшемъ обозначеніи характеровъ ихъ и что она, какъ выражаются, суть *omnibus numeris absoluta*, но относительно естественной системы должно сказать, что они слишкомъ мѣлчны: напр. спонло-ль отъ Сухоребрицы (*Draba*) отдѣлишь породу ея называемую *E. весенною* (*D. verna*) съ многими другими и составишь особенный родъ *Erophila* (*Былъникъ*, по переводу Г. Троицкаго), когда она кромѣ выемки на лепесткахъ ничѣмъ даже физиономіею (*Habitus*) не отличается отъ прочихъ породъ. Такимъ родамъ впору быть только подродами. И самъ Декандоль въ Проромѣ отступалъ отъ размѣщенія породъ, принявшаго въ его Разсужденія, напр. въ породахъ горчицы, и проч.

Что касается до перевода, то онъ очень хороше и дѣлаетъ честь Г. Троцкому, что онъ принималъ на себя трудъ столь серьезный и для практическаго изученія Ботаники полезный и поучительный. Касательно номенклатуры замѣнимъ, что онъ побѣдилъ великия трудности, при наименованіи Русскими названіями родовъ встрѣчающіяся: онъ многія составилъ самъ, удачно и благозвучно. Напрасно только онъ отнималъ, хотя впрочемъ и не часто, усвоенныя уже другимъ родамъ, напр. Рокешъ, Торидъ (жешорю и въ простонародіи называется *Spergula*; *Alyssum* же лучше называется Икошникомъ) и проч. — Къ Разсужденію Декандоля Г. Троцкий приложилъ весьма хорошее и подробное собственное *Разсужденіе о пользѣ крестовидныхъ растений*.

Пожелаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ и подобныхъ полезныхъ занятій и попросимъ его болѣе приписывать мощной способности, ему и всему роду человѣческому общей, нежели системѣ Декандоля.

W. W.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1825.

183. (*). *Жизнь и подвиги Князя Милоша Обреновита*, верховнаго вождя и предводителя народа Сербскаго. Спб. 1825 г. in 8. ХХІІ и 118 стр. съ порпешомъ.

(*) Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ, номера Библиографіи 1825 г. вышедшихъ былъ ошибочно.

Новѣйшая Исторія Сербовъ, есего мужествомъ и сильного поколѣнія Славянскихъ народовъ; извѣстна намъ только по спавшимъ, разсыяннымъ въ разнымъ газетамъ, неполнымъ и часто противорѣчающимъ. Между тѣмъ, какъ любопытно было - бы видѣть хорошо сдѣланное изображеніе борьбы народа, не упавшаго духомъ въ теченіе вѣковъ и крѣпко возснавшаго за права свои противъ сильныхъ и свирѣпыхъ повелителей, знать средства, какими поддерживалась эта борьба, и радоваться явленію людей съ твердымъ характеромъ и великою душою: безъ сихъ людей, Сербы не могли бы защищать себя отъ Османовъ.

Въ жизнеописаніи Князя Милоша Обреновича, которое на Нѣмецкомъ языкѣ написалъ Сербскій Литтературъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ (извѣстнѣйшій болѣе всѣхъ своихъ соотечественниковъ по литтературнымъ трудамъ) и которую, съ рукописи, неизвѣстный Переводчикъ издалъ на Русскомъ языкѣ, мы находимъ описаніе происшествій въ Сербіи, во время бывшаго предводителя Сербовъ Георгія Петровича Чернаго и нынѣшняго предводителя ихъ Князя Милоша Обреновича.

Замѣтно, что Переводчику Русскій языкъ не природный. Можно угадывать по нѣкоторымъ идиотизмамъ Сербскаго языка, что онъ соотчичъ неустрашимаго и благоразумнаго вождя, котораго жизнь передаетъ на нашъ языкъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это придаетъ его слогу какую - то особенность, неповреждающую смыслу. Напротивъ, мы думаемъ, что предметъ книги можно - бы изложить съ большею ясностію и въ большемъ порядкѣ. Расположеніе оной сбивчиво и утомительно. Без-

прерывныя описанія сраженій, но ошптривенныхъ одно отъ другаго, упоминають чашашеля и самыя занимательныя анекдоты и яркія черты характеровъ дѣйствующихъ лицъ дѣлаются незамѣтными въ множествѣ подробностей мѣлочныхъ и неважныхъ.

Возстаніе Сербовъ началось въ 1803 г., когда проливъ воли Турецкаго Правительства нѣскольکو сробощниковъ Пасвана-Оглу грабили и олуспощаеда Сербію. Въ 1804 г. Георгій Черный, принявъ предводительство надъ Сербамъ, изгналъ припѣснителей, но шогда, по разнымъ обспоществамъ, задница Сербовъ обрашцалась въ явную войну съ Турками. Въ послѣдствіи, не смощра на храбрость и побѣды Сербовъ, судьба ихъ оспавалась нерѣшенной, а въ 1813 г. Турки съ новыми силами япали на ушомленную Сербію. Здѣсь, кажется, черная шѣнь ложилась на поступки Георгія Чернаго. Онъ распускаешъ войско, зарываешъ въ землю свое имѣніе, бросаешъ въ воду пушки, снаряды и бѣжишь изъ ошечества. Сербія, преданная врагамъ, послѣ нѣкошорыхъ усилій, покоряешся силѣ Турковъ, и шолько шогда, какъ жестокіе, безчеловѣчныя поступки Ошшомановъ вновь показали Сербамъ, что покорность не обезоружилъ свирѣлости ихъ, Сербы принялись снова за оружіе. Здѣсь являешся предводителемъ Сербовъ Милошъ Обреновичъ. Онъ родился въ 1780 г., въ Добринѣ, деревнѣ Ужицкаго уззда, и въ юности занимался продажею скота. При Георгіи Черномъ онъ ошличался подвигами и за шо былъ ненавидимъ Георгомъ, честлолюбивымъ и нешерпѣвшимъ соперниковъ. Милошъ долго проптивилъ послѣднему возстанію Сербовъ, сшараясь избѣжанъ кровопролитій и боясь навлечь на Сербію большія

прежнихъ бѣдствіа; но когда увидѣлъ онъ необходимость сражаться, то въ 1815 г. принялъ главное начальство и своимъ благоразуміемъ, опытностію и мужествомъ отразилъ Турковъ и спасъ отъ бѣдствій отчизну. По послѣднимъ переговорамъ Россіи съ Турціею, въ Акерманѣ, видимъ, что подробности условій, на которыхъ Сербы должны повиноваться Туркамъ; донныя не определены и должны быть устроены при посредствѣ Россіи. Съ 1821 г. Сербскіе послы съ требованіемъ переговоровъ находятся въ Константинополѣ, какъ аманаты, если не какъ плѣнники. Сколько можно повѣсть изъ описаній Сочинителя, Турки занимаютъ нынѣ Сербскіе города и крѣпости своими гарнизонами, но Сербія спокойна. Милошъ съ 1817 г. носитъ почетное званіе *Князя и верховнаго вождя народа Сербскаго*, имѣетъ свое войско и управляетъ Сербіею, вмѣстѣ съ Сенаторомъ Старшиною или *Кнезей Сербскихъ*. Они собираютъ пошлины и судопроизводство происходитъ въ Сербіи съ ихъ согласія. Требования Сербовъ состоятъ въ точнѣйшемъ означеніи границъ ихъ земли, опредѣленіи количества податей, утвержденіи образа правленія по ихъ законамъ, свободѣ вѣры и богослуженія и волѣ учреждать училища и другія заведенія. Милошъ находится нынѣ въ Крагоевацѣ, а главный начальникъ Турецкій въ Бѣлградѣ.

Характеръ Милоша оказывается по дѣламъ его твердымъ и прекраснымъ. Вообще, въ поступкахъ Сербовъ видимъ какое-то патриархальное прямодушіе, въкровепность и мужество. Этотъ народъ заслуживаетъ вниманіе просвѣщеннаго наблюдателя; а

предводилъ ихъ есть лицо, принадлежащее новой
шей. Исторія.

184. *Жизнь и мнѣніа новаго Тристрама.*
Съ эпиграфомъ: *Misce stultitiam consilii brevem.* М.
1825 г. in 8. 70 стр.

До сихъ поръ многие, когда хващятъ похвалить
Стерна, то говорятъ: *какъ онъ былъ оригина-*
лекъ! Правда, но оригинальность его была самая
оригинальная. Известно - ли читателямъ нашимъ,
что можешь бышь немногіе изъ писателей *сказали*
такъ мало своего собственнаго, какъ Стернь?
Не лзя не удивиться, видя, что Стернь смѣется
надъ писателями-похитителями, и въ тоже время
кругомъ обираешь у другихъ, не только мысли,
даже выраженія.

Нѣкоторые думали и думаютъ, что Стерна
должно причислить, къ такъ называемымъ *сантими-*
ментальнымъ писателямъ. Наши лицидературные
вдыхатели (мнимые подражатели Карамзина) въ
егда спавили на одну полку Зигварша и Пупешест-
ствіе Йорика, читали Пупешествіе Верне и Про-
гулку въ Ивердонъ послѣ Тристрама Шанди, какъ
будто это одно и тоже.

Стернь написалъ шесть помовъ проповѣдей,
нѣсколько мѣлкихъ сочиненій и Пупешествіе во
Францію. Обвиняшь - ли насъ въ неуваженіи къ па-
мяти Стерна, если мы скажемъ, что эти сочи-
ненія не вынесли - бы имени его изъ иметь обыкно-
венныхъ писателей? Но *Тристрамъ - Шанди*,
въ свое время сдѣлавшій сподько шуму, всегда оста-
нется въ числѣ памятниковъ необыкновеннаго остро-
умія и веселости очаровательной. Въ Тристрамѣ,
Стернь обобралъ Рабеле, Буршона, Д'Обицье и

другихъ писателей, кошорыхъ не читали уже въ его время и еще меньше читають въ наше. Но въ чемъ — же достоинство Тристрама? Въ чемъ заслуга Спернова? Въ составъ его романа, въ образъ изложенія всего, имъ самимъ изобрѣннаго и у другихъ взятаго. Рабеле и Буртошь — скупцы, накопившіе много хорошихъ вещей и не знавшіе куда съ ними дѣваться. Спернь взялъ у нихъ все лучшее, обдѣлалъ по своему и продалъ дорогою цѣною. Онъ зналъ *конька* (употребимъ сравненіе Сперна), на которомъ охотно будутъ прогуливаться его современники и — мастерски уговорилъ ихъ проѣхаться на эшомъ конькѣ.

Спернь былъ весьма уменъ и ученъ, читалъ много, видѣлъ, что открытія наши часто состоятъ въ открытіи только новыхъ сторонъ воззрѣнія на предметы и спалъ на такую точку, съ кошорой всѣ предметы сливаются въ какую-то забавную пестроту. Какъ хорошо воспользовался онъ эшой точкой зрѣнія! Сперна осуждаютъ многіе и за многое. «Рабеле кошораго Спернь взялъ образцомъ (говоритъ В. Скоттъ, въ біографіи Сперна). — Рабеле привужденъ былъ одѣться въ платье арлекина, чтобы ему, какъ привилегированному шуту, позволено было тогда, подъ маскою глупости смѣяться надъ тѣмъ угодно. Спернь послѣдовалъ его примѣру для того, чтобы обращать на себя вниманіе и изумить публику; потому Сперновы шалости похожи на шалости челоука, кошорый передразниваетъ дурака, — онъ шово онъ холоденъ и ваяннуты. Въ наше время, не запрещено быть умнымъ и остроумнымъ, сколько душъ угодно: шутовскіи гримаски намъ не нужны.» При всемъ уваженіи нашемъ къ В. Скотту,

думаемъ, что онъ слишкомъ строго осуждаетъ все-
 лаго Стерна. Стернь шалмъ для того же, для
 чего самъ В. Скопшь вводилъ читателей въ
 Шотландскіе прапширы и безъ пощады заста-
 ляетъ ихъ выслушивать всѣ прибаутки просто-
 людиновъ. Вотъ другое обвиненіе, выставленное
 В. Скопшомъ: «Стернь впадаетъ въ цинизмъ; и
 если не оскорбляетъ нравственности, то грѣшитъ
 противъ вкуса. Кускомъ грязи не убьешь человѣка,
 но бросанье грязью не можетъ быть забавою людей
 съ нѣжными чувствами, людей благовоспитанныхъ».
 Возраженіе на это могло бы насъ завлечь въ об-
 ширныя изъясненія, и едва-ли и здѣсь Стернь не ока-
 жется правымъ.

Мысль: собрать нѣскольکو добрыхъ чуда-
 ковъ, заставить ихъ говорить, дѣйствовать точ-
 но такъ, какъ-бы въ природѣ они говорили и дѣй-
 ствовали; подъ ихъ словами выказать чудную гиб-
 кость ума своего и что успѣешь схватить чужаго,
 все это одушевить прелестью повѣствованія, шут-
 ливою веселою, удивительною по простотѣ и не-
 принужденности — какъ хорошо Стернь выполнилъ
 эту мысль! . . .

Но, почему до сихъ поръ не подражали Стерну?
 Можно-бы писать новыхъ Тристрамовъ - Шпа-
 дя для всѣхъ странъ Европы, для всѣхъ эпохъ ея
 исторіи? Мы говорили уже, что Стернь *мало*
сказалъ своего: ему принадлежитъ только пре-
 красная рама. Отдѣлились совершенно отъ цѣли
 происшествія и отъ предметовъ, взятыхъ уже
 Стерномъ; перенесите сцену дѣйствія, на при-
 мѣръ, въ Россію, замѣните его портреты сво-
 ими портретами и ми увѣрены, что на этомъ

полѣ, можно еще написать много прекрасныхъ цѣлѣшювъ. Но какъ трудно состязаться съ Стерномъ и сколько требованій должно выполнить писателю, который захочетъ написать новаго Тристрама-Шанди!

Г. Де-Сангленъ не побоялся трудностей. Отдаемъ справедливость его отвагѣ, особливо, видя робость, съ какою пускаются наши литтераторы на предпріятія смѣлыя и обширныя. Мы находимъ много, очень много прекраснаго и умнаго въ его *опытѣ*. И это заставляетъ насъ съ большею строгостію судить о выполнении обязанности имъ взятой. Кажется, Г-нь де С. въ орденомъ выполнить самыя строгія условія Крѣпки.

Во первыхъ, намъ не нравятся, дѣйствующія лица новаго Тристрама-Шанди. Автора представляемъ семейство живущее во Франціи, описываетъ разныя происшествія въ его жизни, мѣшая въ съ мыслями и отступленіями къ разнымъ предметамъ. Таковъ планъ и у Стерна, но для чего же выставилъ Г. де С. *Рускаго* Тристрама-Шанди? Для чего не вывелъ на сцену наши родныя лица, наши повѣрья, не взялъ красокъ нашей народности? Было-бы къ намъ ближе и для него удобнѣе описывать - бы съ насурь. Но чего не сдѣлалъ Авторъ, о помъ и говоритъ нѣчего. Согласны, за что можемъ доказать наше мнѣніе тѣмъ, что въ кругу лицъ и происшествій, которыхъ выбралъ Авторъ, его описанія именно отъ того, что не съ насурь писаны, дѣлаются не-естественны, лица его не занимательны и сверхъ того, они совсѣмъ не похожи на Французовъ. Спрашиваемъ: вообще, какія рѣзкія черты отдѣляютъ ихъ одно отъ дру-

гаго? Гдѣ характеры? — Вотъ другая ошибка. Сочинитель иногда сбивается съ тона своего сочиненія, Читаая нѣкоторыя главы, подумаешь, что вмѣсто подражанія Тристраму читаешь подражаніе Жил-блазу. Не ошъ того - ли это, что Сочинитель еще не привыкъ въ подробностяхъ *заговариваться кслати*, а потому, скачки ошъ одного предмета къ другому, введеніе эпизодическихъ главъ, у него весьма замѣсны. Это не по-Стерновски. Читашель не увлекается переходами, когда видитъ, что Авторъ *старается* бытъ разнообразнымъ, какъ музыкантъ, набирающій варіаціи на одну тему, а не какъ виртуозъ играющій фанпази и невольно увлекающій всѣ чувства наши; но все это касается до общаго. О частныхъ подробностяхъ замѣшимъ, что старинный *манеръ*: представлять *мнимыхъ* читашелей спорящихъ съ Сочинителемъ и ихъ возраженіями занимать *настоящихъ* читашелей, слѣдуетъ ввѣстивать и *еѵ излишкомъ* употребленъ нашимъ Сочинителемъ. Замѣнимъ также, что Стернь, бравши у другихъ, шакъ умѣлъ передѣлывать чужое, шшо оно шочно было какъ - бы его собственное; у Г. Де С. иногда бываетъ это на оборотъ: онъ *очень лжно* подражаетъ Стерну. Если подражать ему, шо надобно *также оригинально подражать, какъ оригинально подражалъ самъ Стернь*. Замѣдимъ, наконецъ, что мы встрѣтили въ Новомъ Тристрамѣ довольно погрѣшностей противъ законъ языка. Надобно вспомнить еще, что шушлявый разсказъ требовалъ бы слога болѣе легкаго.

185. *Любовь и вѣра* или побѣда надъ спра-
стиями. Сочинилъ В. Лившиновъ. 2 части. М. 1825
г. in 8. 191 и 181 стр.

Читая это *Россійское сочиненіе*, нѣсколько
разъ заглядывалъ я на заглавіе книги: мнѣ все каза-
лось, что я читаю *Похожденія Мирамонда, Дми-
трія Магушкина* или *Милорда Георга*. Желая
испытать это дѣйствіе надъ другими, я прочиталъ
страницу первому кто пришелъ ко мнѣ, не сказыва-
вая какую книгу читаю. Слушатель мой также
ошибся какъ я: ему казалось, что я читаю *Похо-
жденія Сифа Царевича Египетскаго* или *Арфа-
ксада Халдейскую повѣсть*. Совѣтую читателямъ
сдѣлать эготъ любопытный опытъ, а книга де-
шевая, напечатана на сѣрѣнкой бумагѣ и если
поторговаться, то вѣроятно, книгопродавцы усту-
пятъ, возьмутъ очень недорого. Что державъ
шопаръ въ лавкѣ.

1826.

144. *Разсужденіе о явленіяхъ въ атмосфе-
рѣ, зависящихъ отъ преломленія и отраженія лу-
чей свѣта*. Сочиненіе ИМПЕРАТОРСКАГО Мо-
сковскаго Университета, Физико-Математическаго
отдѣленія Кандидатомъ Флоромъ Жодейко, для по-
лученія степени Магистра. М. 1826 г. in 8. VIII и
48 стр. съ рисункомъ.

145. *Цезель и Виргилія* Сочиненіе Г-на де
Сентъ-Пьера. Переводъ съ Иностраннаго. Изданіе
Третье: Съ 7-ю Гравированными картинками. Москва
У книгопродавца Василья Логинова на Никольской
улицѣ.

Прочитавъ сѣи пять строчекъ, который мож-
но задавать ученикамъ въ примѣръ *красописанія* (*),
не подумаютъ-ли читатели, что мы въ шулку го-
воримъ о необычайной книгѣ? Нѣтъ, Мн. Гг. это-го
переводъ съ многоязычнаго, это сочиненіе господина
на *Сентъ-Пьера*, существуетъ! Оно продается въ
квасной лавкѣ, означенной на заглавномъ гравиро-
ванномъ и раскрашенномъ листкѣ.

Рецензенту слѣдовало разрѣшить важную зада-
чу: что это за книга? И эта задача довольно за-
труднила Рецензента.

По первой строчкѣ названія книги можно было
догадываться, что это Русскій переводъ Павла и
Виргиніи, соч. Бернардена де Сеиъ-Пьера. Неболь-
шая книжка, изъ 246 страницъ, въ 16 д. листа,
обѣрточной грубой бумаги, напечатанная некраси-
выми, избитыми литтерами, съ ошибками противъ
Грамматики, съ семью картинками лубочной грави-
ровки и такимъ-же заглавнымъ листкомъ — вошь
наружность книги! Но когда печатано это *третье*
изданіе? На гравированномъ заглавномъ листкѣ это-
го не объяснено. Разсмотрѣвъ тщательно, Рецен-
зентъ увидѣлъ, что заглавный гравированный ли-
стокъ склеенъ съ другимъ, печатнымъ. Тутъ слѣ-
довало прислушаться къ химическимъ разложеніямъ.

Листокъ очень легко отдѣлялся отъ книги, а
разность цвѣта бумаги листка и самой книги по-
казывала, что шолько заглавный листокъ и
напечатанъ вновь, а вся книга была прежняго изда-

(*) Слово употребленное Н. И. Гречемъ, измѣну Француз-
скаго *orthographe*: оно хорошо изображаетъ прошивноеолову-
ность *праволитанію* (*Orthographic*).

внѣ. Помощь Рецензентъ опустилъ заглавный ли-
сточекъ съ горячую воду, гдѣ онъ и раздѣлялся на
два листочка. Подъ гравированнымъ листкомъ на-
печатались печатный, съ слѣд. надписью: *Павелъ и
Виргинія. Сочиненіе Г. де-Сентъ-Пьера. Пере-
водъ съ иностраннаго. Изданіе третіе. Москва,
въ типографіи М. Пономарева, 1826.* — На дру-
гой споротъ, одобреніе Цензурнаго Комитета, дан-
ное Октября 16 д. 1824 года.

Послѣ сихъ химическихъ разложеній, Рецен-
зентъ рѣшился не писать разбора книги, а только
извѣстить публику о химическихъ своихъ изслѣдо-
ваніяхъ, которыя доказываютъ, что *сочиненіе Г. де-
де-Сентъ Пьера, переведенное съ иностраннаго,*
есть несчастное старое изданіе романа: *Павелъ и
Виргинія, соч. Б. де Сентъ-Пьера, на Русскомъ язы-
кѣ, въ первый разъ изданнаго въ 1793 г., а во второ-
рой, кажется, въ 1806 г.* — Теперь къ нему при-
клеены новый заглавный листочекъ. *Vive l'industrie!*

146. *Библиотека притомленій мужей зна-
менитыхъ, какъ-то: Колумба, Кука, Бродста,
Турбулла, Барона и многихъ другихъ, съ кон-
кретными замѣчаніями и изобрѣтенными предметами
въ природѣ и жизни человеческой. Переводъ съ
Немецкаго. Съ гравированными картинками. Четыре
части. М.: 1826 г. in 16. 342, 358, 376 и 428 стр.*

Мы хотимъ посоветовать иногороднымъ поку-
пателямъ книгъ слѣдующее: когда увидятъ они въ
газетахъ объявленіе о книгѣ, то пусть вниматель-
но сообразятъ названіе книги. Это часто можетъ
доставить имъ до понятія о достоинствѣ книги. Чего

добраго: ожидать, если предлагають имъ путешествія мужей знаменитыхъ Кука, Бридона, Бурона и многихъ другихъ, въ комъ (т. е. въ мужахъ знаменитыхъ) описаны занимательныя и необыкновенныя предѣлы въ природѣ и жизни словесной?

На Русскомъ языкѣ давно уже есть Кампева Библиотека путешествій. И забавно предлагають выписки изъ Бридонова или Кукова путешествія, какъ новость, въ 1826 году, когда сія путешествія, давнымъ давно, вполнѣ переведены на Русскій языкъ! Если для дѣтей издана эта книга, то въ ней много нелюбопытнаго для нихъ, на примѣръ: некрологія Кука; а взрослые, такихъ книгъ не читають. И кто станеть читать вздорное повѣствованіе о Лиссабонскомъ землетрясеніи, завявшее одинъ изъ чешырехъ шомовъ? Впрочемъ, мы сомнѣваемся, чтобы эта знаменитая Библиотека знаменитыхъ путешествій была переведена съ Нѣмецкаго. Кажется, она Русскаго рукодѣля: сборъ опривковъ изъ путешествій, издаваемыхъ на Русскомъ языкѣ, журнальныхъ описаній и проч. Весь первый шомъ вышло изъ Кукова Путешествія, издавъ въ Спб. въ 1796—1800 г., въ 6 шомехъ, а жизнь Кука изъ Крайняго Описанія его путешествій, напеч. шретьимъ изданіемъ въ Спб., въ 1792 г. въ 8. Мы могли бы сдѣлать выписки изъ сихъ книгъ для удовольствія читателей, но — жалъ бумаги. Довольно, если мы воздержуемъ Библиотеку путешествій мужей знаменитыхъ еще нѣсколькими строчками; она дурно напечатана, правописаніе именъ собственныхъ и описанія Сочинителя, или Выбрателя, доказывають, что оны не знають бездальцы; Гео-

графин, Исторія и Грамматики. Для картикъ при книгѣ, въ Фляшво, взяты въ образецъ, такъ называемыя, Суздальскія картинки; онѣ расширены также по сѣмъ изящнымъ образцамъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Нынѣшнее состояніе Персидскихъ войскъ. Въ то время, какъ наши войска сражаются съ Персіанами и мы видѣли въ стѣнахъ столицъ побѣдоносныя профей ихъ подвиговъ, желательно знать: каковы шѣ войска, на которыхъ такъ много надѣлись Персіане? Какъ они снаряжены и устроены? Представляемъ нѣсколько свидѣній, взятыхъ изъ Путешествія Полковника (Русской службы), Друвиля, въ Персію. Первое изданіе его Путешествія вышло въ Петербургѣ 1819 г., а второе напечатано было прошлаго 1825 г., въ Парижѣ. Извѣщая объ этомъ изданіи, мы упомянули, что Путешествіе Г - на Д. печатается въ Русскомъ переводѣ. До сихъ поръ, по неизвѣстнымъ причинамъ, переводъ сей еще не изданъ.

Хотя Г. Малькольмъ, въ своей *Исторіи Персіи*, и Г. Жоверъ, въ *Путешествіи по Арменіи и Персіи*, представили уже довольно свидѣній, но Г. Друвиль говоритъ много новаго и особенно о переменахъ въ Персидскихъ войскахъ, введенныхъ съ того времени, когда Населднѣй Принцъ Аббасъ-Мирза возведенъ былъ въ достоинство правителя Адербаджана, и опасаясь Русскихъ, рѣшился усовершенствовать Персидское войско Европейскимъ устройствомъ.

Первые уроки въ этомъ важномъ предпріятіи получили Персіяне отъ Русскихъ перебивиковъ, принятыхъ ими весьма ласково; но только съ прибытіемъ Генерала Гарданна и Французскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ его, началась дѣйствительная перемена въ устройствѣ Персидскихъ войскъ. Впрочемъ, даже и нынѣ, перемена эта весьма незначительна. Европейцы занимаютъ ея недѣлительно, а Аббасъ-Мирза никакъ не можетъ исправиться отъ двухъ привычекъ, вредныхъ успѣхамъ. Первая, что въ отсутствіе своё онъ поручаетъ начальство за себя Ханамъ своимъ, которые по невѣжеству и гордости всегда пропиваются Европейцамъ; вторая, что при Персидскомъ дворѣ ничего не лзя сдѣлать тайно: малѣйшее распоряженіе Принца узнаютъ всѣ и начинаютъ ему пропиваться. Въ послѣднюю войну съ Россією (въ 1813 г.) было въ дѣйствиіи Персидскихъ войскъ болѣе 50. т., въ томъ числѣ двѣ трети нерегулярной конницы; но Г-нъ Д. думаетъ, что Персія можетъ выставить до 150 т. конницы и 50 т. пѣхоты, не считая Курдской конницы, которую можно уподобить Мамелюкамъ и положить въ 30 т. человекъ.

Войска Персидскія раздѣляются на двѣ части: регулярныя и нерегулярныя. Въ послѣднихъ, главное отдѣленіе конница, составляющая двѣ трети. Она дѣлится на отряды, различныя по вооруженію ихъ и образу дѣйствованія.

Казаль - баши или *Кивиль - баши* суть нерегулярные кирасиры. Ихъ двадцать тысячъ. Оружіе ихъ копьё и сабля; съ первымъ нападаютъ они на ряды непріятелей, и когда сильнымъ напоромъ раз-

сражать непріятельскія войска, принимаются за сабли, действуя при этом ловко.

Голамы или *голамы-шатъ* (т. е. рабы Шаха) состоятъ изъ четырехъ тысячъ. Это гвардія Шаха, къ которую выбираются цѣль Персидскаго юнго-шества. Принцы имѣютъ своихъ голамовъ, которые считаются послѣ Шаховыхъ. Сие войско обучается действовать всеми оружіями, хотя въ сраженіи употребляютъ только караваны, писто-леты и сабли.

Голамъ - тубанши или *бузальеры* есть третій, многочисленный отрядъ арміи. Они образованы, какъ голамы гвардейскіе и замѣняютъ Каронейскихъ драгуновъ. Въ сраженіи бросаются они туда, гдѣ надобно открыть сильный огонь, и въ сихъ случаяхъ сѣвшиваются. Вместо каравановъ, у нихъ длинные мѣшкеты, съ деревянными сошками. Во время пальбы они становятся на колѣно, кладутъ ружье на сошку и цѣлятъ въ непріятеля.

Въ сими войсками слѣдуютъ *Гатли* или *Атли*, конница, выставляемая областями, по числу жителей, и потому каждый отрядъ атли несетъ имя области, которая выставила его въ поле, и хана или бекъ, имъ начальствующаго. Сіи войска могутъ быть многочисленны, но они худо выучены, еще хуже вооружены; въ одной и той же отрядѣ, иной воинъ сражается копьемъ, другой караваномъ. Однакожъ, атли, области Урумел или Урмія, составленные изъ Афшаровъ, отличаются устройствомъ и порядкомъ.

Есть еще конное войско, *Азары*, но оно такъ худо устроено и такъ худо вооружено, что не заслуживаетъ никакого вниманія.

Нерегулярная пѣхота состоитъ главнѣйше изъ 12-ти-тысячнаго корпуса *Джанбазовъ* (людей играющихъ жизнью) и корпуса отборныхъ войскъ, составленнаго большою частію изъ *Каджаровъ* или *Турецкихъ* покореній, отъ которыхъ происходятъ и знаменитый *Шахъ Джанбазы* суть выборъ лучшихъ молодыхъ людей: они хорошо стрѣляютъ, одними однообразно и составляютъ пѣхоту гвардіи *Шаха*. Ихъ длинныя фузесъ, безъ штыковъ, вѣсятъ около 20 фунтовъ. Они не употребляютъ при зарядѣ кармушей и заряжаютъ безъ штыка (*bourge*), но стрѣляютъ далеко и криво. Вообще *Каджары* или *Шахъ-Туфанджи* (*Шаховы фузилеры*) не составляютъ постоянной войска, но по данному приказу могутъ собраться въ нѣсколько дней и составить 40-тысячный корпусъ.

Всѣ сіи войска сражаются совершенно безъ плана и порядка. Они бросаются на непріятеля, не приготовивъ средствъ предосторожности, такъ, что въ случаѣ шпора, совершаемаго расстройкою ихъ вѣминуема. У *Персіянъ*, какъ у *Турковъ*, важенъ первый ударъ.

Регулярныя *Персидскія* войска, усиленные *Европейцами*, состоятъ изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. Говоря о войнѣ съ *Россією*, какъ главной причинѣ преобразованія войска *Персидскаго*, *Г-нъ Д.* утверждаетъ, что *Англичане* вслѣдствіи опасались разрушить предпріятіи *Персіянъ*, боясь, что они будутъ вредны для ихъ *Индійскихъ* владѣній. Это едва-ли вѣроятно. Нынѣшнее бѣднѣе состояніе *Персіи* доказываетъ по всему, что время завоеваній для *Персіи* прошло и что смерть нынѣш-

того "Шаха" можетъ бытьъ началомъ иагуб-
 ныхъ внутреннихъ смутеній, могущихъ совер-
 шенно разрушить Персію. Вероятно, интриги
 Англичанъ были следствіе частыхъ несогласій
 Англинскихъ офицеровъ съ Французскими, взаимной
 зависти ихъ и корыстолюбія, а не видовъ Англин-
 ского Правительства. Но какъ-бы то ни было, а
 образованіе Персіянъ донынѣ весьма далеко отъ
 большихъ успѣховъ. Кроме того, что самъ Аббасъ-
 Мирза не имѣетъ воли и рѣшительности на обшир-
 ныя предпріянія, ханы и вельможи боятся вліянія
 Европейцевъ, а войско и народъ не могутъ видѣть
 безъ негодованія, что старыя ихъ обычаи и суе-
 верныя повѣрья совершенно уничтожаются ново-
 введеніями. Г-нъ Д. говоритъ еще о важныхъ причи-
 нахъ, происходящихъ отъ разстройства финансовъ,
 упадка промышленности и умножающейся отъ того
 лѣтностіи и безнечности жишелей. У Персовъ не-
 достаетъ артиллерійскихъ снарядовъ, ядеръ, пуль-
 ныхъ получаютъ изъ Индіи, и огнестѣнныя дѣла-
 ютъ въ Персіи; но весьма несовершенно; на при-
 вѣръ, за неизвѣстныя цѣны для фитилей и веревоч-
 она замѣняется хлопчатною бумагою, съ большими
 неудобствами. Въ селитрѣ также недостатковъ: ея
 получаютъ изъ Индіи, она становится дорогою и
 бивается плохой доброты; даже хорошихъ крем-
 ней нѣтъ, и донынѣ не подумали еще придскавать
 и обдѣлывать ихъ порядочно.

Во время бытности Г-на Д. въ Персіи, регу-
 лярная пѣхота состояла изъ 32 полковъ Персид-
 скихъ солдатъ и одного полка Европейцевъ, причи-
 сленного къ гвардіи Аббаса-Мирзы. Полки неравны

числомъ людей и пошому раздѣляются на 60 батальоновъ. Къ нимъ должно еще причислить 10 полковъ (по два батальона каждый) *Шахъ-Сербазки* или Шахова пѣхотнаго войска. Вся регулярная пѣхота дѣлится на старую и новую. Первой 10 полковъ; образовавшихся Французскими офицерами и команда производится въ нихъ на Французскомъ языкѣ; другая часть, образованная Англинскими офицерами и команда въ ней производится на Англинскомъ языкѣ. Слышно было, что въ послѣдствіи, это различіе уничтожено и командовашь должно вообще на Турецкомъ языкѣ.

Регулярная конница вся образована по образцу Французской, хорошо снабжена лошадьми и вооружена кобьями, саблями и пистолетами. Знамена въ эскадроны регулярныхъ войскъ похожи на Французскія и даже вручены были войскамъ съ обрядами, похожими на освященіе знаменъ въ Европѣ. На знаменахъ Персидскихъ изображенъ спящій левъ и восходящее солнце.

Армиллерія Персидская раздѣляется на регулярную и нерегулярную. Последняя состоитъ изъ *Замберековъ* или *Зембурековъ*, небольшихъ пушекъ, которые водятъ на верблюдахъ и изъ которыхъ стрѣляютъ со спины сихъ животныхъ, не употребляя лафетовъ. Но со времени введенія регулярной артиллеріи, зембуреки употребляются только для парадовъ и парадной пальбы. Регулярная артиллерія вся на лафетахъ и ее возятъ лошадьми. При Пендъ она состояла изъ 70 пушекъ, разной величины; артиллеристы раздѣлялись на три эскадрона и главный штабъ ея былъ въ Тебризѣ (Tebriz), гдѣ также устроенъ былъ Арсеналь съ мастерскою.

Статистическія извѣстія. Въ слѣдствіе новаго усовершенствованія винныхъ сборовъ въ Россійской Имперіи, которое положено привести въ дѣйствіе съ новаго 1827 г., обнаружены: оныя. Правительственная извѣстія о подробностяхъ сего важнаго предмета государственнаго финансовъ. Вотъ главные результаты сихъ извѣстій. Все количество хлѣбнаго вина, проданнаго въ 29 Европейскихъ губерніяхъ, состоявшихъ на казенномъ содержаніи, а винъ предназначаемыхъ въ окупку, въ 1819 году составляло 18,544,930 ведръ и уменьшалось постепенно въ послѣдующихъ годахъ, такъ, что въ 1825 г. уже не превышало — 11,946,536 ведръ. Самыя значительныя губерніи, по расходу вина, суть: Московская (въ 1819 г. 1,599,504 в., въ томъ числѣ столица Москва съ уѣздомъ 936,101 в.) и С. Петербургская (въ 1819 г. 1,777,444 в., въ томъ числѣ С. Петербургъ съ уѣздомъ 1,300,621 в.). Продажа вина въ сихъ обихъ губерніяхъ не претерпѣла большихъ измѣненій, напротивъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, она уменьшилась почти на половину: Курская губ. въ 1819 г. потребила 1,091,591 в., а въ 1825 г. 558,128 в.; Тамбовская въ 1819 г. 898,253 в., а въ 1825 г. 537,140 в.; Нижегородская въ 1819 г. 606,625, а въ 1825 г. 353,951 в. Заготовленіе вина обходилось Правительству гораздо дешевле въ послѣдніе годы. Въ С. Петербургской губ. стоило ведро вина на 1819 г. 4 р. 37½ коп., а на 1827 г. 3 р.; въ Курской на 1819 г. 3 р. 7½ коп., а на 1827 г. 1 р. 26 к. — Чистой прибыли, за расходами, получено было Правительствомъ отъ винныхъ сборовъ: въ 1823 г. 69,619,273 р., въ 1824 г. 64,061,593 р.,

въ 1825 г. 64,828,646 р. По особености сей прибыли, расчислена ошкупная сумма, вмененной казна, по соображенію сложнаго дохода прехъ лѣтъ и другихъ обстоятельствъ, не можетъ ошдѣлать сборы въ ошкупное содержаніе. Сія предположенная ошкупная сумма составляетъ на всю 20 губерній 67,000,000. Въ этомъ счетѣ, ошкупъ за столицу С. Петербургъ съ уздомъ полагается въ 6,020,000 руб., а за всю губернію 7,820,000 р.; за Москву съ уздомъ 5,180,000 р., а за всю губернію 7,780,000 р. Важнѣйшія изъ другихъ губерній по количеству ошкупной суммы: Воронежская 2,600,000, Пермская 2,660,000, Саратовская 2,820,000, Рязанская 2,880,000, Тамбовская 3,370,000, Курская 3,510,000, Тульская 3,660,000 и Орловская — 4,230,000 рублей. Ни одна изъ остальныхъ губерній не достигаетъ до двухъ милліоновъ. Самая малая ошкупная сумма, за Олонецкую губернію — 210,000 рублей.

Замѣчанія о послѣдней кометѣ. Астрономы, сообразивъ свои наблюденія, утвердительно говорятъ, что комета, являвшаяся въ 1786, 1793, 1801, 1805, 1818 и 1825 годахъ есть все одна и таже. Сія комета (пишутъ въ *Revue britannique*) въ своемъ нупи никогда не выходитъ изъ орбиты Юпитера. Кратчайшій періодъ ея оборота состоитъ почти изъ прехъ годовъ съ четвертью, и среднее разстояніе ея ошъ солнца не болѣе двухъ разстояній земли вмѣстѣ взяпыхъ (болѣе 42 милліоновъ географическихъ миль или 294 милліоновъ верстъ). Кажется, она связана съ системою планетъ, въ кошорой находится наша земля, и въ те-

Черезъ сама лишь переходить черезъ нашу орбиту не-менѣе *шестидесяти разъ*. Г. Олберсъ, Бременскій Астрономъ (открывшій *Палладу*), съ особеннымъ тщаніемъ наблюдалъ сію комету, и занимался исчисленіемъ возможности вліянія ея на судьбу земли. Слѣдствіемъ его исчисленій было то, что черезъ 83,000 лѣтъ комета приблизится къ землѣ на такое-же близкое разстояніе, въ какомъ находится *мысль* луна. Черезъ 4,000,000 лѣтъ она будетъ отъ земли только на 7,700 географическихъ миль, и если тогда привлекающая сила ея будетъ равна земной привлекающей силѣ (а въ этомъ - то и заключается гинотеза предсказанія; надобно признаться, не имѣющая ничего вроднаго (*)), то отъ давленія кометы воды океана поднимутся на 13,000 фузовъ въ высоту, слѣдовательно покроютъ вершины всѣхъ высочайшихъ Европейскихъ горъ, кромѣ одного Монблана. Только жители Андовъ и Гиммалайскихъ горъ спасутся отъ сего потопа; но они будутъ наслаждаться спокойствіемъ — неболѣе 216,000,000 лѣтъ, ибо по прошествіи сего времени, нашъ земной шаръ будетъ находиться прямо на пути кометы и *можетъ комузгнать* отъ нее столь сильный ударъ, что легко разлетится и разрушится. По крайней мѣрѣ такимъ толчкомъ угрожаетъ намъ Г. Олберсъ, черезъ 216,000,000 лѣтъ! Къ счастью, есть время приготовиться къ этому толчку.

НЕКРОЛОГІЯ. *Жанъ Денисъ Барбье-дю-Бокажъ*, Французскій Географъ, скончался въ Пари-

(*) Мы не выдаемъ исчисленій Г-на Олберса иначе, какъ только *возможностью*, ибо судьбы Божіи неизвѣдому члену.

жъ , 28 Декабря, прошлаго 1825 года. Онъ родился въ Парижъ , въ 1760 г., и съ юныхъ лѣтъ началъ заниматься Географіею , что послѣ обратилось у него въ совершенную страсть. Д'Анвилъ полюбилъ юнаго Барбье, былъ его другомъ и учителемъ. Первое произведеніе Г-на В. былъ апласъ къ Апахарсисову Путѣшествію , сдѣлавшійся классическою книгою для древней Географіи. Можешь быть , успѣхъ сего труда произвелъ то , что и въ послѣдствіи Барбье преимущественно занимался Географіею Греціи. Въ 1785 г. онъ опредѣленъ былъ въ число надзирателей Королевскаго кабинета медалей; еще до того времени, въ 1780 г. причисленъ къ Министерству Иностранныхъ дѣлъ , а въ 1792 г. сдѣлавъ библіотекаремъ Королевской Библіотеки , по части Географіи. Во время революціи онъ содержался вѣскольکو времени въ шюрмѣ , но избавленный отъ смерти , снова ревностно занялся учеными трудами. Въ 1806 г. заступилъ онъ мѣсто Анкешія въ Академіи Надписей ; въ 1819 г. избранъ былъ Профессоромъ Парижской Академіи ; въ 1821 г. вмѣстѣ съ другими учеными людьми основалъ *Географическое Общество* въ Парижъ , уже отличившееся своими предпріятіями. Труды Барбье - дю-Бокажа чрезвычайно многочисленны и почти невозможно исчислить всего , что онъ сдѣлалъ для Географіи. Кромѣ того , что онъ участвовалъ по своей части въ трудахъ Бартеlemi, Сень - Круа , Шуазеля - Гуфье , Пукевиля , Милленя , Валкенаера и другихъ ; всѣ лучшіе журналы и изданія въ печеніе множества лѣтъ , обогащались его любопытными и важными свѣдѣніями и сочиненіями.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Отрывокъ изъ Путешествія въ стихъ (*).

Э. Г. Л. А. В. А. Г. И.

К о л я с к а.

Ma, non trovando mai un po'dipace se non de nel moto et divagazione del correr la posta.

(*Nota di Vittorio Alfieri*)

Томьясь живьемъ однообразнымъ,
 Люблю свой страннический домъ,
 Люблю быть дѣятельно празднымъ
 Въ уединеннѣ кочевомъ.
 Люблю — готовъ сознаюсь въ помъ —
 Ярмо привычекъ свергнувъ съ выи,
 Кидаюсь въ новыя стихии

(*) Разумѣется, что это Путешествіе вымышленное; ученые не найдешь въ немъ статистическихъ свѣдѣній, политиче- государственныхъ обзорѣній, философъ наблюдений нравственныхъ, ошносительно того или другаго народа, сатиричь лукавыхъ намековъ, эпиграмматическихкихъ (дрямълений) и проч. Не для нихъ оно писано, а для благосклонныхъ охри- жиковъ до путешествій за тридевять земель, въ тридесятое царство и покоряющихся правду: *Ne lubo ne sluzhite, a grate ne ljubite.* *Сод.*

147

И обновляясь существомъ.
 Боюсь примерзнуть сиднемъ къ мѣсцу,
 И волю осязать любя,
 Мнѣ нужно убѣждать себя,
 Что я не подлежу аресту.
 Прости шлагбаумъ городской,
 За ночьъ навсегда на дшражѣ!
 Забось безсмысленныхъ вѣстрѣй сшрой,
 А жизнь безцвѣтная все шаже;
 Гдѣ бредашъ, мысляшъ, дышашъ даже,
 Всегда по таксъ цѣховой!
 Прости блестящая столица!
 Великолѣпная шемница,
 Великолѣпный желшый домъ,
 Гдѣ сумасброды съ бришнымъ лбомъ,
 Гдѣ пѣвники слышыхъ дурачествъ,
 Различныхъ званій, лѣшъ и качествъ
 Кряхшяшъ и пляшуть подъ ярмомъ.
 Не разъ мнѣ съ дѣла и съ бездѣлья,
 Не разъ съ унынья и съ веселья,
 Съ излишества добра и зла,
 Съ шоски столичнаго похмѣлья,
 О чешырехъ колесахъ келья
 Душеспасительна была.
 Хоть шѣлу мало въ ней простора,
 Но духомъ на просторѣ я:
 И недоступнаго обзора
 Отъ насъ бѣгущіе края,
 И океанъ воздушной степи,
 Безъ береговъ и безъ границъ,
 Стихи вольности и пилицъ,
 Которой чужды наши цѣци,
 Нашъ хищный духъ и наша злость;

Въ кошорой смертний — ребкой гость
 И прихошь въпроть непослушныхъ,
 Въ досаду Кесарей воздушныхъ,
 Мечшавшихъ въ зыбкой вышнѣ:
 Хозяйничашь, какъ во дольнемъ мѣрѣ —
 Все умъ развязываетъ ширь!
 И все, что въ безпробудномъ снѣ,
 Въ душѣ запущенной, подь ея доломъ
 Таклось на забвенномъ днѣ,
 На вольномъ воздухѣ, какъ чудомъ,
 Все быстро ожило во мнѣ.
 Тѣлесной лѣноши остраска
 Нужна и въ нравственномъ быту!
 Какъ скачешь легкая коллока,
 Такъ мыслишь умъ мой на лешу,
 И по опкрытому листу,
 За подписью воображенья,
 Переносусь съ мечты въ мечту,
 Иль на ночлегъ размышленья
 Съ собой расчишываюсь я:
 Въ расходной книжкѣ бытїя,
 То убыль съ прибылью сличаю;
 И шог и съ страхомъ повѣряю
 И контролирую себя,
 То, чшобъ долги и неуешойки
 Мнѣ выручить въ свою чреду,
 Смѣльчакъ, въ воздушныя постройки
 Надежды капиталъ кладу.

Такъ! опъязкашь люблю порою,
 Чшобъ въ самага себя ройдши
 И говорю другимъ: прости!
 Чшобъ поздоровашься съ собою.

Не понимаю, какъ иной,
 Живетъ и мыслитъ въ тоже время,
 То естъ живетъ, какъ наше племя,
 Подъ вихремъ суесмы мірской;
 Мнѣ — шагу не въ ночь двойное время:
 Когда живу, то ужъ живу,
 Такъ, что и мысль не промелькнетъ;
 Когда-же вздумается мыслить,
 То умираю назву.
 Теперь я мертвъ, ни слава Богу!
 Таюсь въ кочующемъ гробу
 И Муза грѣшному рабу
 Приулыбнулась на' дорогу.
 Глупцы! не миновать ужъ вамъ
 Моихъ дорожныхъ эграммъ!
 Сатиры бить дорогой ксташи:
 Имъ васъ огрѣю по ушамъ,
 Опричники журнальной рати,
 Съ мечемъ гусинымъ по бокамъ.
 Писать мнѣ часто нѣтъ охоты,
 Писать мнѣ часто недосугъ,
 И не люблю лѣпной работы
 Въ стихахъ, рождающихся вдругъ.
 Чернилица, бумага, перья,
 Все это смотришь ремесломъ;
 Иной за письменнымъ столомъ
 Работаетъ, какъ подмастерья
 За цѣховымъ своимъ спанкомъ.
 Я не терплю ни въ чемъ обузы
 И многіе мои стихи,
 Какъ бышь? дорожные грѣхи
 Праздношашающей Музы.
 Равно движеніе нужно намъ,

Чтобы расторгнуть дым узлы : — — — — —
 Люблю по нивамъ , по горамъ — — — — —
 За шридевяшь земель , какъ въ сказкѣ , — — — — —
 Лешашъ за нею до слѣдствъ . — — — — —
 Въ спяхомворипельной коляскѣ . — — — — —
 Земли не слышу* подь собой . — — — — —
 И только на шолчкѣ , или въ ямѣ , — — — — —
 Или на риемъ поупрямъй . — — — — —
 Опомнишся вздохъ земной . — — — — —
 Друзья ! краснью передъ вами — — — — —
 Непостоянноти моей : — — — — —
 Любить разлуку — между нами — — — — —
 Есть не любить своихъ друзей . — — — — —
 Есть призракъ правды въ сей послышкѣ , — — — — —
 Но вась-ли бѣгаю , друзья , — — — — —
 Когда на добровольной ссылкѣ . — — — — —
 Въ коляскѣ поспригаюсь я ? — — — — —
 Кпо завербованъ въ свѣтской службѣ , — — — — —
 Тотъ и себъ уже и дружбѣ . — — — — —
 Худой поварищъ и слуга : — — — — —
 Туть пустослова слушай сказки , — — — — —
 Тамъ грѣй за пазухой врага , — — — — —
 Здѣсь данъ плаши холодной ласки . — — — — —
 Пріятелю по мостодей , — — — — —
 Учись , какъ пруженикъ вной , — — — — —
 Нымѣ спрогого траднеста , — — — — —
 Съ умомъ и сердцемъ на тощакъ , — — — — —
 Донгрываешь съ паршьей вистап . — — — — —
 И паршью жизни на креспатъ ; — — — — —
 Приписанный къ предьяжмъ въ крѣпость , — — — — —
 Ты за нелѣпостью нелѣпость — — — — —
 Впорь , слушай , — дѣлай и читай . — — — — —

И свѣтской барщины: неколю,
 По непризнательному полру,
 Безпрекословно неправдай,
 Гдѣ-жь тушь за общимъ недоутомъ,
 Есть время бышь съ собой, или съ другомъ,
 Знакомый пѣсною намъ пострель (**)
 Смѣшнымъ отказомъ твати: умла,
 Занимодавцовъ изъ прихожей,
 Подъ-спашъ и намъ его ошвѣтъ,
 И для самихъ себя насъ поже,
 Какъ ни спросись, а дома *нѣтъ!*
 По мнѣ ошибочно софисты:
 Твердятъ, что люди эгоисты.
 Гдѣ эгоизмъ? Кшо полный мѣ,
 Кшо не въ драгу предъ вѣнныи *словами?*
 Оно глядишь въ изданьи новомъ,
 Анахронизмомъ словаря,
 Держася круговой поруки,
 Какъ заразительной чужь,
 Забавъ, досадъ, вражды и скуки,
 Взаимно вкладчиками мы,
Мы, выживъ я изъ челоука,
 Есть слово вывѣшняго вѣка,
 Все *мы*, да *мы*; на нареченьи,
 Всѣ на толкучемъ рынкѣ свѣша,
 Судьбой отсчишанныя *лѣта*
 Торопимся прожить въ народѣ,
 Какъ будто совѣсплелъ щечиньсь,
 И днемъ единымъ поживишьсь,
 Изъ жизни, ошданной въ расчодѣ,
 Все для шодца — и вѣчно *жидеи!*

(*) Le ménage de garçon, пѣсня, переведенная Д. В. Давыдовымъ.

Толпою все поглыблено :
 Так жершма въ пучинѣ младой
 Усыяно скупое дно,
 Дробь мѣлкой дробнѣ въ общей смѣтнѣ,
 Такъ жизнь затерянная въ обшнѣ,
 Есть бурнѣ заслѣпанный ручей
 Въ разливъ бунтующихъ зыбей :
 Кипишь, шѣснншь, въ снѣбкахъ рсшонншь,
 Но не прорззавъ ни слѣда,
 Онъ въ маосѣ родѣ беззсннщнхъ шонешъ
 И пропадаешъ навсегда.

Но между шѣмъ какъ спнхотворный
 Скакунъ, заносчнвыиъ подѣ часъ,
 Мой избалованныиъ пегасъ,
 Уздѣ снропшнво ненокорный
 Гуляя, разсудка не спрссясъ,
 И по прсслкамъ стбсвольно
 Бѣсилсѣ подо мной доволно,
Прекраснымъ всадникомъ гордясъ:
 Пегаса сродники земные,
 Пегасы прсшо почтсвые,
 Меня до почшы довели:
 Да чуль и мнѣ ужъ не перн-мн
 Свернушь изъ баснословной даи
 На почву прозы и земли!
 Друзья ! боюсь, чшобъ бѣгъ мой дальншй
 Не упомялъ васъ, еслн вы,
 Простя мнѣ пыль первоначальной,
 Дойдете до конца главы *

Полу - пусшой, полу - моральной,
 Полу - счѣшной, полу - печальной,
 Которой бѣдннй Морнсъ ватшъ
 (Прсснн ему Богъ эту блажь !)

Открыль журналъ саншменцанной
 Въ скажутъ : съ дѣломъ двойной,
 И съ нимъ что даде, то хуже
 Поэшь большацый, отъ нѣшнума
 Какъ путешественникъ большацый,
 Нѣшь! дайте срокъ : спяховъ съ разбѣгомъ
 Не могъ сперва я одолѣть,
 Но обидѣвъ прасиправъ,
 Теперь до новаго ночлега
 Простите дѣлаемъ (и продолженъ въ справѣ) (*)

Кн. Вяземскій.

Подражаніе Арабскому.

Ужъ близокъ день, когда печаль накинется
 На дикое преступника чело,
 Когда въ душъ громацій гомось снажонь,
 Куда его безумье завлекло!
 Убивъ навѣкъ дни радостей живые,
 Не ушолитъ онъ глада своего!
 И кости лишь преступника оуди
 Провозгласятъ о бытїи его!
 На нихъ огонь струею разведется!
 И отъ него раздалащійся дымъ,
 О гибели предвозвѣщая замь,
 На высотахъ далеко пронесется!

(*) Можемъ обещать читателямъ Телеграфа, что въ книж-
 кѣ нашего Журнала на 1827 годъ, будитъ продолженъ на-
 дующіе главы изъ сего Пуджесшїа. Мад.

Но въ сей-же день, при стройном шумѣ водъ,
 Подъ тлѣнью мурты на ножѣ ошдыхая,
 Блженный мужъ, безпечный, познаешь
 Въ радости, вѣхъ; наолаженья рай! . . .
 И гуря — блестящая красой;
 Его дарить любви святой, прищипомъ!;
 И юноша — жемчужною рукой,
 Ему несетъ, алашой, сосудъ съ шербешкомъ!

Романъ К. Бернарде. *Романъ*

Мысли и замѣчанія Наполеона Бо- напарте ().*

Наполеонъ съ удовольствіемъ дерзаетъ
 зывать Павла и Виргинію, соч. Бернарде,
 на де-Сень-Пьера. Многія мѣста всегда
 дурга и, его естественнымъ изложеніемъ
 и простотою; но гдѣ Автюръ впадаетъ въ
 спрашкныя восклицанія, опалеченныя, и
 ложныя идеи. Наполеонъ, бранилъ его.
 Эпошъ вздоръ былъ въ модѣ, говорилъ
 Наполеонъ, когда вышла книга Сень-Пьера.
 Знаете-ли однакожъ, что въ молодости я
 былъ въ восторгѣ отъ Бернарденова ро-
 мана? Когда возвратился я изъ Италіи,
 Бернарденъ явился ко мнѣ, и не съ другаго
 слова начать жадоваться на бѣдность. Я
 бредилъ тогда Давдомъ и Виргиніей, до-

(*) Предвидное продолженіе етнмъ, вѣншой; въ №
 — 16 Телеграфа (Одѣ, II, стр. 136). *Изданіе*

звренкешъ Бернардела казалася мнѣ лестною; я думалъ, что удостоится ее исключительно отъ всѣхъ, за мою известность между другими. Самъ спашу къ Бернардену, ласкою моего любимца я — пошлю къ оспавляю у него на каминѣ свернуто въ 25 лундоровъ. Но какъ же досадно мнѣ было, когда всѣ спали смѣялись надъ моею тонкою въжливостью! Я узналъ, что Бернарденъ дѣлаетъ участникомъ тайны о своей бѣдности встрѣчнаго и поперечнаго; что онъ у всѣхъ проситъ подалія. За то я послѣ не могъ любить его. Братья мои не смолчали на это и безпрестанно давали ему деньги. Но, читая съ удовольствіемъ Павла и Виргинію, Наполеонъ всегда смѣялся надъ *Изученіями Природы*. Бернарденъ былъ хороший писатель, говорилъ Наполеонъ, но не зналъ даже Геометріи и навралъ въ своихъ *Изученіяхъ* столько, что ученые люди смѣялись даже отвѣчая ему. Сень-Пьеръ кричалъ въздъ объ ихъ пренебреженіи. Лагранжъ всегда отвѣчалъ на это: «Видъ Бернарденъ де Сень Пьеръ не нашего общества: онъ не пойметъ нашего языка, а мы не станемъ отвѣчать ему на его языкъ.» Сень-Пьеръ былъ однажды у Наполеона, какъ обыкновенно жаловался на все и между прочимъ, что ученые люди ничего не отвѣчаютъ на предложенія, сдѣланныя въ новой его книгѣ. «Знаете ли вы дѣйствительное исчисленіе?» спросилъ его Наполеонъ. —

Нвизгъ. — «Такъ! поучитесь Математику и вы сами себя будете отвѣчать.» — Какъ же это? — «Лучше всего оставьте ваши ученныя предложенія, дарите насъ Павлаи и Виргиніями, да Индійскими Хижинами: воля ваше исполнѣе дѣло.»

Внимательно прочитывая письма Г-жи Меншенонъ, разсуждая объ ея умѣ, дѣйствіи на политику того времени и связя ея съ Людовикомъ XIV, Наполеонъ называлъ ее *Бланкою Капеллою* (*) — въ жизнь ея, не стоивъ романическаго, шайже занимательна. Меншенонъ была очень умна и даже писала прекрасно. Я предпочитаю ея письма письмамъ Г-жи Севинье: у Меншенонъ больше дѣльнаго. Слогъ, пріятность, чистота языка восхищаютъ меня, а хорошо ширить со вздоромъ, который нахожу въ ея Письмахъ. Севинье пойдетъ своимъ чередомъ: ея Письма прелестны, но побѣда чтенія ихъ, ничего не обтаешя: это легкое пирожное — ѣшь его сколько угодно, а въ желудкѣ все будетъ пусто.

Наполеонъ любилъ драматическія сочиненія. Онъ зналъ наизусть множество стиховъ и въ трагедій, особенно изъ нихъ, которыя читалъ въ молодости. «Тогда я былъ учень» — говорилъ Наполеонъ. Изъ новѣйшихъ трагедій ему нравилась между прочимъ, трагедія Люсь-де-

(*) Которой исторія передана въ романъ Мейснера *Перев.*

Лансивалл, Гекторъ. «Въ ней есть жаръ, чувствво: это трагедія славной квартиры; прочитавъ ее, охотнѣе пойдешь на сраженіе — для чего не пишущъ еще въ этомъ родѣ?» — Драмы называють оны трагедіями горничныхъ дѣвушекъ. Она сносны при первомъ представленіи, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряють свое достоинство; трагедія совсѣмъ не то: чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе она выигрываетъ. Высокая трагедія есть училище великихъ людей. По моему мнѣнію, государя должны ободвлять и снѣрашья распространять трагедію. Судить, хороша-ли она, можешь и не можешь: надобно знать людей и дѣла, имѣшь высокую душу, бывшь государственнымъ чело-вѣкомъ. Трагедія (продолжалъ Наполеонъ съ жаромъ) согрѣваетъ душу, возбуждаетъ сердце, можешь — и должна творить ге-роевъ. Я увѣренъ, что въ нѣкоторомъ от-ношеніи, Корнель обязана Франціи мно-гимъ славными дѣлами. Зачѣмъ шла, не шла въ мое время, Корнель! Я едва-ль-бы себя Княземъ!»

Наполеонъ любилъ Тальму, уважалъ его необыкновенный талантъ и щедро награждалъ его. Послѣ коронаціи Напо-леона, въ Парижѣ говорили, что онъ со-вѣщовался съ Тальмою, какимъ образомъ живописные доказательствъ при торжествахъ и что онъ бралъ у него уроки декламаціи. «Слышали-ль вы Тальма, что говорятъ въ Парижѣ?» спросилъ его Наполеонъ при

первомъ свиданіи — «я учился у васъ.» Тальма смѣшался и не зналъ, что говорить. «Чего вы боитесь?» продолжалъ Наполеонъ: «если-бы мнѣ было досужно, я право не постыдился-бы взять у васъ нѣсколько уроковъ.» Это была учтивость со стороны Наполеона. Известно, что онъ нѣсколько разъ самъ совѣщовалъ Тальма, какъ должно играть роли и Тальма признавался, что сужденія Наполеона всегда были справедливы, что онъ всегда ими пользовался. «Не слушайте трагика, а слушайте природу», говорилъ ему однажды Наполеонъ — «расинь совѣтъ не кстапи обременить роль Оробта трагическими измѣчами; не унывайте ее еще болѣе мѣлочничествомъ; въ *Смерти Помпея*, помните, что Цезарь былъ великій человекъ, въ *Британникѣ*, что Неронъ былъ тиранъ!»

«Вольтеръ худой трагикъ», говорилъ Наполеонъ — «у него надутость, шумаха — онъ лжетъ на людей, не знаетъ ни людей, ни дѣлъ, ни вѣсны, ни величія, ни славы. Удивительно, какъ много пераешь онъ въ членіи. Когда въпть великолѣпной сцены, прекрасной декламации и умъ вашъ прилежно савдуетъ за каждымъ стихомъ — Вольтеръ шерлецъ тысячу прѣнивъ сна. Возьмемъ его Магомета: пусть все нехорошо — и характеры и средства трагедіи, ошибки противъ Исторіи и противъ законовъ сердца человеческого! Вольтеръ обезобразилъ характеръ Магоме-

та, самую чужую и неприюту. Омаръ такъ же обезображенъ. Главная ошибка въ образѣ дѣйствій Магомета. Онъ никогда не спарался дѣйствовать на власнители, но на подвластныхъ. . . .

Перейдя къ Испоріи, Наполеонъ сказалъ, что онъ сомнѣвается въ большей части извѣстій о Магометѣ. На него наговорили много и хорошаго и худаго. Алкоранъ сочиненъ былъ тридцать лѣтъ послѣ него и утверждаетъ множество басень. А между тѣмъ, я не понимаю важнѣйшаго; какимъ образомъ что сдѣлалось? какъ въ такое короткое время покорено было полъсвѣта? Времени было 50—60 лѣтъ и кто-же покорилъ? Жители пустынь, какъ говорятъ, немногочисленные, невѣжды, не привыкшіе къ войнѣ, дѣйствовавшие безъ системы! Кого покорили? Народовъ образованныхъ, богатыхъ всеми средствами. Фанатизмъ этого необъяснелъ: ему никогда было овладѣть народами и всѣ дѣйствія Магомета продолжались тридцать лѣтъ. Я думаю, что кромѣ видимыхъ, чудесныхъ, быстрыхъ перевороновъ, всегда должно искать при нихъ тайныхъ, постоянныхъ причинъ, которыя оспоспешествуютъ великимъ движеніямъ и приготавливать ихъ. Европа упала не предъ Магометовою религіею, но предъ какими нибудь причинами ненавѣстными, ей предшествовавшими. Можешь бышь, эти наро-

да, испоргувшись изъ среды пустынь, прежде были въ сильномъ, внутреннемъ движеніи, можешь быть, у нихъ были войны, образовавшія людей съ сильными характерами, съ непреодолимою волею. Туинъ къспани явился Магомешъ.»

Любя всего болѣе Исторію, Наполеонъ былъ недоволенъ Историками. Онъ говорилъ, что немногіе знаютъ какъ должно писать и еще не многіе какъ можно писать ее. Говоря объ Историкахъ Французскихъ, онъ хвалилъ Верто, но находилъ въ немъ много воды. »Это губить многихъ: я самъ въ молодости разводилъ водою все что писалъ, но послѣ увидѣлъ что этого не должно дѣлать.« Наполеонъ подчеркивалъ карандашомъ фразы, которыя должно-бы выкинуть изъ Верто. »Какъ полезно, какъ хорошо было-бы, если-бъ кто нибудь съ умомъ и вкусомъ взялъ на себя трудъ вычеркнуть изъ нашихъ Историковъ все безполезное, всю болтовню и издастъ сочиненія ихъ въ этомъ видѣ. Кромѣ Монпескѣ, я не знаю ни одного Историка, у котораго не должно-бы было выкинуть чего нибудь.« Часто перебирая Роллена онъ говорилъ, что Ролленъ слишкомъ пролезъ и слишкомъ проситъ. Крѣвье казался ему несноснымъ. Онъ жаловался, что между древними писателями есть много вздорныхъ, надъ которыми заставляють учениковъ терять время. Число оспалось намъ отъ великихъ людей,

ошь государственныхъ людей, это важно, а что написали простые риторы, это скучно и не нужно.

Французской Исторіи онъ не находилъ ни одной хорошей. У Велли много словъ, мало дѣла; продолжалъ еще его хуже. Исторію Франціи надобно написать или въ четырехъ томахъ, или во снѣ томахъ.

Во всѣхъ Исторіяхъ я нахожу много недоспапковъ и много недѣлоспей. На примѣръ: число войскъ у древнихъ. Говорятъ что Картагеняне выдѣлали въ Сицилію безчисленное войско. Зачѣмъ? И если Картагенъ могъ собирать много войскъ, онъ послалъ-бы ихъ съ Аннибаломъ въ Италію, а у Аннибала всего было 50 тысячъ. Я не вѣрю Ксерксовымъ и Даріевымъ милліонамъ войскъ, и вообще вся эта Исторія Ксеркова похода, кажется мнѣ, описана невѣрно. Я полагаю, что обѣ стороны считали себя побѣдителями: Ксерксъ сжегъ Аены, а Греки разбили Персовъ при Саламинѣ. Что касается до подробностей побѣдъ Греческихъ и разбитія безчисленныхъ враговъ — не забудьте, что все это нишушь Греки; они любили шперболы, любили похвасшатъ, а до насъ не дошла ни одна Персидская лѣтопись. Что касается до армій Чингисъ-Хана и Тамерлана, я согласенъ, что онѣ могли быть многочисленны. Таттары вели за собою цѣлыхъ народовъ; они не воевали, а переселялись и на каждомъ шагу умножали

свое войско побѣжденными народами. Можеть бытъ, Европа еще разъ претерпитъ нападеніе изъ Азии: взгляните на Россію — какіе удивительные способы наводнишь всю Европу войсками.

Римская Исторія казалась Цицерону болѣе достоверною. Но я въ ней многое не смизано, а много лишняго. Читалъ извѣстіе о заговорѣ Капилины; онъ гово- рилъ, что ничего шутъ не понималъ. Положимъ, что Капилина была злодѣй; но заговоръ его долженъ же былъ имѣть какую нибудь цѣль? Онъ хотѣлъ захватить Римъ со всѣхъ сторонъ: следовательно, не беретъ его для себя. Чего жъ онъ хотѣлъ? Я думаю, что это была новыи заговоръ въ родѣ Маріева и Силлина; но когда онъ открылся, все опустушилисъ; и живу свалили на Капилину и прогнали его изъ Рима. И про меня тоже сказали бы; что про Капилину; если бы я убилъ былъ въ эпоху Вандемьера, Фронтидора или Брюмера. Что касается до Гракховъ, то я рѣшительно увѣренъ, что на нихъ надѣли испорки. Они представили ихъ обольстившими народа, революціонерами, злодѣями, а между тѣмъ, мелкою замѣчаютъ, что Гракхи были добродѣтельны, безкорыстны, сверхъ того, они были дѣши великой Корнелии, а это, для великихъ душою, сильное предубаждение въ пользу Гракховъ.

«Замѣтите, что въ эту эпоху, въ эпопеяхъ Римскихъ императоровъ пропущены Новѣйшіе склепы Исторіи этого времени: въ доскушковь. Какъ описали ее Ролленъ и Кретье! Что за Исторіки: безъ талантовъ, безъ основаній, безъ цвѣта! Древніе превосходили въ этомъ случаѣ нашихъ новѣйшихъ. Отъ чего? У нихъ государственные люди были учеными, а ученые люди государственными. Они соединяли въ одномъ человѣкѣ нѣсколько званій, мы разделяемъ званія и занятія, рѣшиительно. Знаменитое раздѣленіе работъ полезно для механическихъ производствъ, а для умственныхъ, занятій очень невыгодно. Каждое произведеніе ума шѣмъ лучше, чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствій производителя его.

«Дора-бы отспасть намъ отъ старинныхъ предразсудковъ историческихъ. Въешо того, чтобы повторять ихъ, пора сказать себѣ, что древніе исторіки иногда худо понимали то, чему удивляюшся, что бранить или что хвалить. Не глупо-ли удивляться воздержанію Сципіона, когда онъ отпустилъ невѣсту Аллація, или причать о героизмѣ, когда Александръ и Цезарь спяли наканунѣ сраженій? Только самый пошлый сластолюбецъ будетъ превозносить Сципіона за умѣренность, когда онъ не обезчестилъ невѣсты сильнаго Князя, котораго дружба была нужна Римлянамъ, и въ то время, когда Сципіонъ окруженъ былъ двушкками

и женщинами. Что касается до героического спокойствія человека, который спитъ наканунѣ сраженія, это такая обыкновенная вещь, что каждый солдатъ, каждый офицеръ двадцать разъ въ жизни попыталъ ее на себѣ, и это происходитъ отъ усталости. Я самъ спалъ нѣсколько разъ, даже во время сраженій. И не лзя было иначе: иногда мы дрались при днѣ сраду, и природа беретъ свое. Я всегда бывало ловилъ самый малѣйшій случай ошдохнуть и сыпалъ, гдѣ и какъ могъ. Во время битвы Ваграмской и битвы Бауценской до меня почти долетали ядра, а я — спалъ, и находилъ въ этомъ еще то удобство, что распорядившись напередъ, я могъ спокойно дожидаться свѣдѣнія своихъ распоряженій, вмѣсто того, что глядя безпрестанно на одинъ предметъ, можно разгорячиться и разспроить придуманное въ хладнокровномъ размышленіи.

Однажды Наполеонъ читалъ Новую Элоизу, нѣсколько разъ останавливался и говорилъ объ искусствѣ Авшора, силъ его сужденій, прелести слога и выраженій. Такимъ образомъ прошло около двухъ часовъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, что это чтеніе возбуждаетъ въ душѣ его бывшя минувшя счастья и дѣлаетъ его грустнымъ. Наполеонъ смѣялся этому. «По моему мнѣнію,» сказалъ онъ, «Руссо слишкомъ обременилъ предметъ своей книги. Онъ опи-

сываетъ бышенство любви; она должна быть удовольствіе, а не мученіе.» Собесѣдникъ Наполеона утверждалъ, что въ Элоизѣ нѣтъ ничего такого, чего не могъ-бы человекъ чувствовать и что сама мученія любви есть счастье жизни. »Я вижу,« сказалъ Наполеонъ смѣясь, »что вы любите романизмъ; но были-ль вы опъ этого счастливые? — Не жалуюсь на прошедшее, и если-бы можно было начать снова, я не согласился-бы исключить изъ жизни моей ничего. — Наполеонъ снова началъ читать; опять оспанавливался и наконецъ прелесть слова увлекла его. »Соглашаюсь,« сказалъ онъ; »поживъ книгу — »что въ ней есть огонь: она прогаешь, превозитъ душу.« Здѣсь начался разговоръ и Наполеонъ заключилъ его тѣмъ, что совершенная любовь есть то же что идеальное счастье. И то и другое одинаково эфирны, мгновенны, таинственны и невѣрными. »L'amour,« сказалъ онъ въ заключеніе, »l'amour devait être l'occupation [de l'homme civil, la distraction du guerrier.

(Продолженіе можетъ быть.)

Рыцарь красавой звезды.

(Окончаніе.)

Звонъ огромнаго колокола возвѣстилъ всѣмъ, что въ замкѣ Курпенейскомъ началась обѣдня. Рыцари спѣшили въ замокъ. Паладуръ былъ въ числѣ ихъ. Вездѣ въ замкѣ блискало великолѣпіе; роскошь видна была въ одѣвннн послѣдняго раба. Замѣшанный въ толпѣ поварищей, Паладуръ увидѣлъ жалкаго владышеля Курпенейскаго. Онъ былъ невысокаго роста человекъ, и богатое одѣвннн, казалось, умножало еще его природное безобразіе. Лицо Барона было блѣдно, желто, лобъ покрытъ грубыми морщинами и мушныя глаза его внушали какое-то отвращеніе. Иногда казался онъ задумчивымъ; вдругъ судорожная улыбка появлялась на его губахъ, какъ будто онъ хотѣлъ закрыть усидѣшкою шайное мученіе сердца. Такъ легкимъ покровомъ закрываютъ убійцы шрупъ, обезображенный и ужасный!

Послѣ обѣдни всѣ вошли въ обширную залу. Здѣсь явилась въ полномъ блескѣ красоты и великолѣпія Изабелла, племянница Барона Курпенейскаго. Онъ казался подлѣ нее безобразнымъ спорожемъ соковыща, заклятаго злымъ колдуномъ. Знатнѣйшіе люди составили кругъ около Изабеллы, ловили ея слова, взглядъ, улыбку.

Никогда еще Паладуръ не испытывалъ такого тихаго, сладостнаго спокойствія, какъ теперь, когда онъ, въ простой одеждѣ, заперянный въ толпѣ блестящихъ поварищей своихъ, сидѣлъ въ углу залы и смотрѣлъ на Изабеллу. Ему показалось, что Изабелла мелькомъ обратила къ нему взоры, что невольная, легкая краска пробѣжала по ея щекамъ; но могъ-ли онъ надвѣясь какого нибудь участія или сердечной склонности опъ этой горделивой красавицы, окруженной знаменитѣйшими, богатыми ласкашелями, онъ — безвѣстный родомъ, незнаемый, смѣлый, можешь быть, на полѣ битвы, но тихій, не блестящій, задумчивый въ кругу дамъ и рыцарей?

Наконецъ двери распворились и два кравчіе Бароновы извѣстили, что столъ готовъ. Угощеніе было продолжительно и богато. Въ окончаніи стола загремѣли золотые кубки. Баронъ предложилъ выпить за здоровье защитниковъ замка Куршенейскаго и за здоровье Графа Симона Монфорискаго. Рыцари просили его позволить имъ лучше пить за здоровье красоты и за здоровье Изабеллы Баронессы Куршенейской — первой красавицы Прованса и Франціи.

«Нѣтъ, я не могу согласиться,» ошвѣчалъ Баронъ — «женщина должна уступать мужчинамъ, воину, защитнику православія.

Я вью за здоровье Графа Симона Монфорискаго.

Этотъ маленький споръ доказалъ, какъ не согласны были между собою зовны, мслшптели и шкы вообще: всь они не любили гордаго Графа Монфорискаго. Всеобщий ропотъ негодованія раздался въ залѣ.

— Ошановищесь, Баронъ! кричали ему рыцари — если вы нѣше да здоролье рыцаря, кошорый сражаешся шочно за правашу дѣла, а не за корысть свою, кошорый болше другихъ желаетъ добра вамъ и правой сторонѣ — бросьте жребій между нами, а не выбирайте Графа Монфорискаго!

Баронъ поставилъ свой кубокъ на столъ и обратясь къ Эймару и Амиралю, какъ епаршнимъ въ числѣ рыцарей, сказалъ имъ: — И такъ объявите мнѣ имя рыцаря, болше другихъ отличеннаго подвигами за правое дѣло, болше другихъ безкорыстнаго!

— Между звездами, разсыянными на полѣ небесъ — сказалъ Амираль — кто смѣетъ выбрать звезду ярше и прекраснѣе другихъ? Кто изъ рыцарей не отличился въ войнѣ за святое дѣло наше? Я не смѣю выбирать!

— Баронъ и рыцари благородные! послушайте, — сказалъ Эймаръ — не шопь-ли долженъ быть отличенъ ошъ другихъ, кошу голосъ Папскаго Намѣстника: далъ почетное между всеми наименованіе? Я раз-

ежаку нашъ истинное прощесствіе: Когда
 мы посадили Бесе, Папскій Намѣстникъ бла-
 гославилъ насъ и объявилъ, что тому по-
 зволилъ онъ на щитъ носить почетный
 деизъ, кто принесетъ ему изъ города
 драгоценнѣйшую вещь Вашъ извѣстны по-
 слѣдствія. Богу судить насъ за кровь и безче-
 ловѣчіе наше! Но ввечеру, когда мы явились
 къ Папскому Намѣстнику, каждый ста-
 нилъ предложить свою драгоценность;
 это были — золото, серебро, камни,
 одинъ рыцарь принесъ младенца. Съ
 Ангельскою невинностью улыбалось дитя
 на рукахъ его. Это Албигецъ! вскричали
 мы съ ужасомъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ
 рыцарь — «онъ христіанинъ!» Рыцарь под-
 нималъ руку свою, обвязанную шарфомъ. Онъ
 получалъ эту рану, сказалъ онъ, копьемъ
 мая дитя изъ подъ окровавленнаго меча
 воина который называлъ себя христіани-
 номъ. Я слышалъ, какъ малютка говорилъ
 ему: не убивай меня! — я вѣрю писану
 Богу! Онъ слышалъ это и — хотѣлъ за-
 рвать дитя! Я отнял малютку изъ
 рукъ Бога: начерпалъ крестъ на челѣ его,
 собственною моею кровью, и присоединилъ
 его къ числу вѣрныхъ. Другіе принесли
 золото и серебро — я приношу вамъ
 большую драгоценность — христіанина,
 спасеннаго онъ гибели временной и вѣч-
 ной! — Тутъ все единогласно признали
 приношеніе рыцаря драгоценнѣйшимъ и
 Папскій Намѣстникъ торжественно наз-

валъ рыцаря Звѣздою товарищей и торжественно позволилъ ему поспавить на щитѣ кровавую звѣзду.

— Гдѣ этотъ рыцарь? — сказалъ Баронъ: — и пью за его здоровье.

— Вошь онъ — отвѣчалъ Эймаръ — Рыцарь кровавой звѣзды, Паладуръ!

Мутные глаза Барона обратились на Паладура, въ безмолвіи, съ потупленными глазами сядвшаго за столомъ. Но едва взеръ Барона устремился на рыцаря, едва взглянулъ онъ на него, какъ судорожное движеніе сжало его пальцы, холодный потъ выступилъ на лицѣ его, кубокъ выпалъ изъ рукъ и вино пошекло по столу, красное, какъ кровь. Баронъ упалъ безъ чувствъ.

Общее смѣшеніе заступило мѣсто безпечнаго удовольствія: Барона унесли во внутреннюю комнату и изумленные рыцари въ безпорядкѣ возвратились въ свой лагерь.

Никто не могъ изъяснить этого явленія. Паладуръ самъ ничего не понималъ. Таинственный менестрель не являлся. Только одно видѣлъ генеръ Паладуръ: судьба его чудеснымъ образомъ связана была съ судьбою Барона Куршенейскаго: и менестрель и безумная снорука знали эту тайну, но какое-то страшное предвѣщаніе останавливало слова на устахъ ихъ.

Непріятное происшествіе съ дядею не мѣшало Изабеллѣ насладиться торжествомъ дня, когда вокругъ ея, какъ рабы, поопились знаменитѣйшіе рыцари Франціи и сильные Бароны Прованса и окрестныхъ обласпей. Удалившись въ свои комнаты, Изабелла велѣла снять съ себя поскорѣе все великолѣпное одѣяніе и богашую діадему съ головы своей. Уже было поздно. Ей надобно было отдохнуть. Теперь, и безъ великолѣпной одѣжды, Изабелла казалась царицею, на своемъ возвышенномъ табуретѣ, окруженная усердными своими прислужницами и дочерьми вассаловъ Барона Курпенейскаго: двѣ изъ нихъ, Бланка и Жермонда, любимицы Изабеллы, сидѣли на бархатныхъ подушкахъ, подлѣ табурета своей повелительницы, смѣялись и говорили ей — что говорятъ обыкновенно дѣвушки между собою. Между тѣмъ, двѣ другія подружки завивали длинныя, прекрасныя волосьы Изабеллы, а Маргарита, старая надзирательница ея, съ зеркаломъ въ рукѣ, бранилась на служанокъ за ихъ неловкость, за ихъ неумѣнье и увѣряла, что въ ея время прическа женская бывала гораздо лучше нынѣшней.

Изабелла шутила и была веселѣе обыкновеннаго. Непримѣтно, разговоръ обратился на рыцарей, бывшихъ въ этотъ день въ замкѣ. »Послушайте, милыя,« сказала Изабелла съ улыбкою, »скажице

мнѣ каждая, кто изъ всѣхъ понравился вамъ болѣе другихъ?»

— Щекопливый вопросъ — проворчала Маргарита — да и что нынѣ за рыцаря противъ прежнихъ — что за красавцы противъ шѣхъ, какіе бывали прежде!

— Трудно отвѣчать вамъ — сказала одна изъ подругъ Изабеллы, покраснѣвшись и пошупя глаза — но если я смѣю объявить мое мнѣніе — рыцарь Эззелинъ де-Веракъ лучше всѣхъ. Я никогда не видывала болѣе учтиваго, болѣе . . . прелестнаго собою. . .

«Вы всѣ согласны съ нею?» спросила лукаво Изабелла.

— Кромѣ меня — отвѣчала Жермонда въ полголоса — щеки ея покраснѣли — Баронъ Семонвиль лучше и любезнѣе всѣхъ. Онъ знашнаго происхожденія, богатъ. . .

«Знаю,» сказала безъ вниманія Изабелла. «У него великолѣпный замокъ, множество слугъ, охопа, какой мало сыскаешь можно. . . Ахъ! кто это такъ сильно дернулъ меня за доконъ?» сказала она, оборачиваясь назадъ.

— Виновата — отвѣчала ей Маргарита — вошъ эта дурочка Евдоксія, хотѣла сказать глупость — мнѣ вздумалось ее османовить и я нечаянно дернула вашъ доконъ.

«А какую глупость хотѣла ты сказать, Евдоксія?»

— Она потихоньку назвала человека, назвала послѣ Барона Семонвиля — и кого же? Безроднаго, неизвѣстнаго ищателя приключеній, жалкаго. . . . Маргарита оспановилась, видя что лицо Изабеллы сдѣлалось важно и невесело.

«Кто-жь эпошь осужденный?»

— Рыцарь Паладуръ, эпошь, который сидѣлъ въ углу, глядѣлъ на васъ цѣлый день и не сказалъ вамъ ни слова, потому, что не умѣешь говорить; которому я кланялась два раза, но который и не подумалъ отвѣчать, потому, что не знаетъ рыцарской вѣжливости. . . .

Маргарита замолчала и отошла всторону съ ворчаньемъ.

«Пора спать!» сказала Изабелла. «Евдоксія! дарю тебѣ мое ожерелье, за то, что . . . тебѣ несправедливо бранили. Всякой имѣешь право сказать свое мнѣніе, когда у него спрашиваютъ. Бланка! сего дня Евдоксія оспанешся въ моей комнатѣ — ты уснула и вѣрно хочешь спать. Хорошая ночь!»

Всѣ вышли. «Милая Евдоксія,» сказала ей ласково Изабелла — «спой мнѣ старинную балладу о безродномъ рыцарѣ — мнѣ лучше будешь уснуть подъ звуками джонни.» Голова ея склонилась на шелковую, мягкую подушку.

Евдоксія задернула занавѣски надъ ея постелью и закрыла лампу горящую на столѣ, чтобы снѣтъ не беспокоилъ Иза-

беллу. Потомъ съла она близь мраморна-го стола, въ большихъ креслахъ, подвинувъ къ себѣ сполікъ съ разными амулетами и серебряною жаровнею, гдѣ курилась благоуханія.

Подъ тихими звуками люцни и — можетъ быть, съ мыслью о безродной рыцарѣ, котораго похождения цѣла Евдоксія, Изабелла скоро уснула.

На другой день рыцари собрались въ замокъ на большой военный совѣтъ. Переговоры были жаркіе. Приуготовленія Графа Раймонда Тулузскаго безпокоили многихъ, начинавшихъ уже скучать непрерывною войною. Нѣкоторые рыцари, вновь прибывшіе, объявили, что Графъ Симонъ Монфортскій непременно долженъ быть сего дня въ замокъ Куртений. Положено оспавить всѣ рѣшенія до его прибытія.

Между шѣмъ многіе рыцари и Бароны рады были отсрочкѣ; имъ еще хотѣлось продолжитъ время веселаго пребыванія въ Куртений. по окончаніи совѣта, залы замка Куртенийскаго наполнились блестящими, богато одѣтыми рыцарями. Казалось, это были не войны, пришедшіе сражаться и непрерывно ожидавшіе новыхъ битвъ, но ловкіе придворные щеголи.

Изабелла снова сдѣлалась душою общества. Баронъ Куртенийскій казался многимъ еще мрачнѣе, еще безобразнѣе послѣ

вчерашняго обморока : онъ пробормоталъ нѣсколько словъ въ извиненіе свое и пожалъ руку Паладuru. Но Рыцарь чувствовалъ, что рука Барона дрожала.

Погруженный въ задумчивость оиъ мыслей, быстро пролетавшихъ въ головѣ его, Паладуръ нечувствительно приближился къ Изабеллѣ. Его душѣ было опрадиѣе при взглядѣ на эту красавицу, всегда милую, всегда веселую. Успремивъ глаза свои на Изабеллу, онъ не примѣтилъ Амираля, который пощрепалъ его по плечу съ усмѣшкою.

«Берегись, пріятель, — сказалъ ему Амираль — ты не боишься, что другіе попались уже въ силки и самъ идешь въ толпу пойманныхъ.»

— Развѣ только дуракамъ можно разговаривать съ Изабеллою? отвѣчалъ тихо Паладуръ.

«Такъ подумаешь, смотря на шѣхъ, кто окружаетъ Куртенеюскую богиню. Смотри: какъ на отборъ! Вотъ подлѣ нее два, знатные по породѣ и богатству, но послѣдніе въ битвахъ. У Барона Семонвилля всегда дѣлается лихорадка наканунѣ сраженія, а Веракъ всегда бываетъ раненъ и принужденъ уйти съ поля сраженія, но никто не видитъ его ранъ. Онъ самъ перевязываетъ и лечитъ ихъ послѣ битвы. А эиопъ, на бархатной подушкѣ, съ воробьиными глазками — повѣса . . .»

— Какое сборище! сказалъ Паладуръ и пошелъ всторону, но Амираль остано- виль его. — »Ты сердился, но я хотѣлъ разсмѣшить только тебя! Паладуръ, ты одинъ изъ рыцарей до сихъ поръ не сказалъ ни слова милой царицѣ Куртенея: это неучтиво! Такъ-ли поступаюшь рыцари Короля Французскаго, славнаго въживо- спѣю и услужливостию дамамъ — пойдемъ къ Баронессѣ» —

Въ кучу дураковъ?

»Живемъ двадцать пять лѣтъ на свѣ- тѣ, а еще не привыкъ къ ихъ обществу? Безъ отговорокъ, Паладуръ! Ты прусишь? Что за застенчивость! Развѣ ты до сихъ поръ не знаешь, что ты очень милъ и ловокъ? Будь развязнѣе — ближе къ краса- вицѣ; но постой, постой, я расположу складки твоего плаща живописнѣе: вопъ такъ небрежно, да разбросай немного свои локоны, скинь перчатку и не забудь, когда красавица уронишь плапокъ или перчатку, прежде всѣхъ воспользоваться счастливымъ случаемъ.»

— Ты шутишь, Амираль! Что мнѣ за дѣло до Изабеллы, да и она не по- думаетъ замѣнить меня — смотри, какъ она восхищена своими сосѣдами.

»Если опъ чего! Посмотри, какъ звонитъ такъ и выглядываетъ изъ за Семонвилья! Я вчера долго говорилъ съ красавицей и увѣ- ряю, что прелестные глазки ея нѣсколько разъ искали кого-то въ шолпѣ другихъ...»

Амираль засмѣялся и пошелъ прочь. Паладуръ спалъ недалеко отъ Изабеллы и въ глазахъ рыцаря изобразилось пламенное чувство, горѣвшее въ груди его. Изабелла, казалось, не замѣтила Паладура. Она слушала Эззелина де-Верака, которій, по обыкновенію погдашнихъ щеголей, говорилъ продолжительно, испещряя рѣчь свою всѣми цвѣтами риторики, аллегоріями и спичами.

«Какъ непонятно вы говорили,» — сказала ему Изабелла — «не уже-ли для изъясненія чувствъ сердца надобно говорить такъ много и темно?» — Вдругъ оборотилась она къ Паладуру. — «Бьюсь объ закладъ, рыцарь, что вы говорите съ царницей вашего сердца гораздо проснѣе?»

Маргарита и дѣвушки, стоявшія за креслами Изабеллы, улыбнулись между собою. Рыцарь казался изумленнымъ отъ этого неожиданнаго вопроса, легкій румянецъ пробѣжалъ по щекамъ его.

— До сихъ поръ, я не сказалъ еще ей ни слова. Если она не поняла взоровъ моихъ, я очень несчастливъ.

«Эпопъ языкъ неизвѣстенъ многимъ! И какъ понять его?»

— Глаза внушаютъ любовь, какъ не умѣю я изъяснить ее? — отвѣчалъ рыцарь выразительно.

«Вы даете имъ трудную работу. Говорить, и вопль сей часъ мнѣ дошорили, что самый богашій языкъ не въ соспод-

ни передать того, что подсказываетъ ему любовь.»

— Языкъ людей часто ссорится съ ихъ сердцемъ и я не думаю, чтобы любовь поручила ему выражаться за нее; но прекрасные глаза, въ которыхъ ошсвѣчивается весь рай сердца. . . .

«Вы дадите намъ знать, что у той, которой покорено ваше сердце, прекрасные глаза» — сказала Изабелла задумчиво. «Она счастлива успѣхами вашими въ битвахъ — она вѣрно указала вамъ путь славы. . . .»

— Для нее, отвѣчалъ рыцарь, на что бы я не рѣшился! На все, кромѣ признанія въ любви моей! Но я пошелъ въ походъ, когда еще не зналъ ее. . . .

«А она знаетъ-ли, что вы ее любите?» сказала Изабелла, покраснѣвъ отъ взора, быспро на нее успрямленного.

— Не уже-ли прелесть, съ какимъ я приближаюсь къ ней, чувство почтенія, отъ котораго не смѣю къ ней приблизиться, не показываюшъ ей любви моей! отвѣчалъ Рыцарь, попуслая глаза.

Изабелла замолчала и опустила покрывало свое. Тутъ загрѣмѣла труба: это означало привѣздъ какого нибудь знатнаго челоука. При всеобщемъ вниманія и молчаніи ясно можно было разслушать шумъ цѣпей подъемнаго моста. Вскорѣ, на дворѣ замка раздался говоръ людей, топотъ лошадей и, среди шума, крикъ нѣсколькихъ

голосовъ : »Да здравствуешь Графъ Симонъ Монфорпскій !«

Въ спрашной заботѣ началъ бѣгать по залу Баронъ Куртенеискій, приказывая гошовипш кубки, для вспрѣчи знаменитаго гостя при первомъ шагѣ его въ залу. Рыцари, иные спѣшили на вспрѣчу Графу, другіе остались въ залѣ. Все приготоовлялось къ чему-то необыкновенному. Только Паладуръ оспался на своемъ мѣстѣ, подлѣ Изабеллы, видѣлъ одну ее и какъ будто забылъ о приѣздѣ начальника воиновъ - мшишпелей.

Наконецъ огромныя двери распворились насспежь. Герольды и пажы шли шоржественно впереди и докладывали Барону Куртенеискому о приѣздѣ Графа Симона Монфорпскаго. За ними явился самъ Графъ, великанъ, въ тяжеломъ вооруженіи, съ ногъ до головы закованный въ желѣзо; вслѣдъ за нимъ шла толпа рыцарей и оруженосцовъ.

Тяжелыми шагами, не кланяясь никому, прошелъ по залу гордый Графъ Монфорпскій и сѣлъ въ огромныя кресла. По данному знаку, оруженосцы сняли съ него шлемъ. Онъ съ пренебреженіемъ сбросилъ свое оружіе. Тогда лучше можно было разсмопрѣть его свирѣпое, мрачное лицо, опшѣненное длинными усами и бородою. Окинувъ быспрымъ взоромъ все собраніе, Графъ обратилъ глаза на Изабеллу, зашрепешавшую опъ эпого дикаго взора и улыбки, появившейся на лицѣ Графа, вы-

ражавшей удивленіе и какое-то ужасающее удовольствіе.

«Благородный Графъ Монфортскій!» сказалъ Баронъ Куршенейскій, поднося ко рту кубокъ съ виномъ — «будь здоровъ и благополученъ. Осмѣливаюсь поздравить съ приѣздомъ!»

— Благодарю, Баронъ и не оставлю безъ оповѣща вашу учтивость, но, признаюсь, я не могу еще опомниться отъ удивленія: я не ожидалъ такой красоты, такихъ прелестей — ваша племянница очень красива, Баронъ. — Еще оповѣсть не успѣлъ явиться у Барона, котораго не понималъ, къ насмѣшкѣ или къ похвалѣ принадлежатъ слова Графа, какъ Графъ обратился къ другимъ, поздравилъ Рыцаря Эймара съ избавленіемъ замка Куршенейскаго отъ опасности — большой опасности — прибавилъ онъ громко засмѣявшись — Баронъ спрусилъ-было — и я думалъ, что Богъ знаетъ что надѣлали шутъ Албигойцы. . .

Никто не оповѣчалъ. Это умножило дерзость Графа. — Правда - ли, Рыцарь — продолжалъ онъ — что Албигойцы съ палками напали на васъ? А чѣмъ - же сражались вы съ ними?

«Мечами, Графъ, какъ привыкли сражаться съ врагами вѣры и праваго дѣла.»

— Что за мечи! — вскричалъ Графъ, и обводя глазами блестящее собраніе захопалъ дико и невѣжливо. — Ни у кого изъ здѣшнихъ рыцарей я не вижу мечей — все

женскія булавки и что за золото! что за плашья! Баронъ! Не ошибаюсь - ли я? Не созвали - ль вы шушовъ и панцовщиковъ вмѣсто рыцарей? Пусть они пропляшуютъ что нибудь: я шеперь въ веселомъ расположеніи духа!

Эззелинъ де -Веракъ повернулся на своемъ мѣстѣ, Семонвиль схватилъ рукою кинжалъ, глухой ропотъ негодованія пролетѣлъ по залу. Паладуръ осмался неподвиженъ.

»Графъ Монфортскій!« сказалъ робко Баронъ Куршенейскій, »вы шушите и обижаете благородныхъ госпей моихъ. Кажется, вы встрѣчали каждого изъ нихъ на полѣ брани, подъ знаменемъ воиновъ - мспителей.«

— Я оставилъ воиновъ въ лагерѣ Монпельмарскомъ — сказалъ съ пренебреженіемъ Графъ — имъ не за чѣмъ ѣздить сюда.

»Но не сами-ль вы оставили лагерь прежде насъ?« сказалъ Амираль — »мы поелѣдовали вашему примѣру, Графъ!«

— Я оставилъ Монпельмаръ, думая, что здѣсь найдется дѣло для моей руки: благодаря ужасу моего имени, здѣсь ничего не случилось и налетать толпою на Баронскій обѣдъ — вопль дѣла рыцарей, защитниковъ Куршенея! Хорошо! я послѣдую вашему примѣру: начинайте панцы — ксшати здѣсь много женщинъ; раз-

дѣлимъ ихъ, я возьму себѣ парюю красивую племянницу Барона. . .

Глаза Изабеллы наполнились слезами. Она, блестящая красою и величіемъ, окруженная множествомъ обожателей, въ этотъ день казалась прелестнѣе всѣхъ другихъ дней, какъ будто нарочно для того, чтобы грубыя шушки Графа оскорбили и унизили ее чувствительнѣе. Робко взглянула она вокругъ себя, какъ будто умоляя о защитѣ. Паладуръ спокойно подвинулъ кресла свои впередъ и оборотился къ Графу Монфортскому.

«Когда вы оскорбляли неприличными насмѣшками рыцарей — спаршимъ меня предоставляю я право опивчашъ вамъ, и не здѣсь опивчашъ вамъ должно было! Но если вы осмѣлитесь еще хопя однимъ взглядомъ оскорбить владѣтельница замка или одну изъ дамъ — я не допущу васъ до повторенія обиды.»

— Эпо, кажется, вы рыцарь Паладуръ — сказалъ Графъ, съ усмѣшкою обращаясь къ Паладuru — давно ли стали вы извѣстны такую храбросцію?

«Король Филиппъ, мой и вашъ государь, знаетъ это лучше вашего. Принявъ мечъ рыцаря, я поклялся защищать каждого припѣсеннаго отъ припѣснителя его.»

— Вы не всегда, кажется, этимъ занимаетесь. Иногда вы принимаете на себя трудъ быть крестнымъ отцомъ ерети-

юдь, которыхъ надобно-бы жечь, а иногда близко подсаживаесть къ дамамъ. . .

Паладуръ хотѣлъ отвѣчать, но Баронъ Куртенеискій перебилъ отвѣтъ его и началъ риторическую рѣчь.

— Полно, полно, сказалъ ему Графъ — у меня пересохло въ горль — подайте мнѣ лучше малвоазіи. . .

Изабелла еще разъ взглянула на Паладуръ, и какой ангельскій былъ эгошъ взоръ! Онъ наградилъ его за всѣ оскорбленія, онъ сказалъ ему все что шайлось въ душѣ Изабеллы! Какъ будто боясь другимъ взоромъ обнаружитъ свои чувства, она встала и пошла изъ залы, давъ знакъ сопровождавшимъ ее дѣвушкамъ слѣдовать за нею.

— Что это? вы уже оставляете насъ, прекрасная повелительница Куртенея — сказалъ Графъ Монфорпскій насмѣшливо — вы не хотите послушать моихъ рассказовъ о томъ, какова нынѣшняя модная прическа Королевы, какой у нее теперь любимый поясъ — о! это любопытные предметы для дамъ, особливо, когда рассказываетъ такой ловкій и вѣжливый придворный, какъ я!

„Оставьте это на мою волю, Графъ,“ сказала Изабелла, величественно обратившись къ Графу Монфорпскому — „удовольствие слушать васъ, можно отсрочить.“

— Что я хочу сказать вамъ, то не терпите отсрочки. Я зналъ еще до приезда, что сошны двѣ калекъ, угрожавшихъ

Куршенею, прогнаны были защитниками, и я приѣхалъ только для васъ. Я имѣю важное порученіе отъ Короля.

Онъ вспалъ съ своего мѣста и при взглядѣ на грознаго великана, Изабелла поблѣднѣла, но не измѣнила своего величественнаго положенія.

— Король обѣщаль вашу руку и сердце Барону Обервальскому — сказалъ Графъ Монфоршскій — я ѣду теперь ко Двору и со мною будешь опрядъ, посланный для провожденія васъ въ столицу. Подданные Оберваля! сказалъ онъ, обратясь къ своей свитѣ, преклоните колѣна предъ будущею вашею повелительницею! вопль она!

При сихъ словахъ Графъ хотѣлъ взять руку Изабеллы, но Изабелла отступила отъ него и взглянувъ съ пренебреженіемъ, отвѣчала твердо и рѣшительно:

»Научись лучше знать благородную кровь Куршенейскихъ Бароновъ. Я не уступлю въ значности происхожденія вамъ, Графъ, и не буду рабою вашихъ повелѣній!»

— Это воля Короля! — вскричалъ вспыльчиво Графъ Монфоршскій.

»Король не можешь располагать волею моею въ выборѣ супруга. Последняя раба вольна въ семъ случаѣ и рука моя будешь опдана тому, кого выберешь мое сердце.»

— Воля Короля безгранична — вскричалъ Графъ съ большимъ гнѣвомъ.

«И вы это говорите?» сказала Изабелла съ усмѣшкою — «воля его простирается только на мою собственность. Возвратившись къ вашему Королю, скажите ему, что онъ можетъ отнять у меня мои замки, моихъ вассаловъ, но никогда не покоритъ воли Изабеллы, будетъ-ли она Баронесса Куршенея и Графиня Боревуара, или просто Изабелла Куршеней. . .»

Графъ до крови укусилъ губы, стараясь умѣрить гнѣвъ свой. — Такія условія съ Королемъ довольно справны — промолвилъ онъ.

«Не съ Королемъ: онъ добръ и не захочетъ угнѣвять своихъ подданныхъ; но интригъ его придворныхъ, *вашильб* намѣреніямъ и намѣреніямъ друга вашего Оберваля — я найду средства пропавшись» — сказала Изабелла и голосъ ея пресѣкся отъ горести и чувства оскорбленной гордости.

Всѣ молчали, изумленные смѣлостью и благородствомъ, съ какими слабая дѣвушка защищала себя пропавъ соперника, страшнаго гордостью и могуществомъ. Дядя пререпалъ и спѣшилъ уговорить ее — согласилась на предложеніе Графа. Никто не промолвилъ ни слова и это унылое молчаніе, этою общій страхъ поразили Изабеллу, болѣе нежели угрозы Графа Монфорцскаго. Тихо взглянула она во кругъ себя, увидѣла Паладура, блѣднаго, неподвижнаго, подлѣ окна, въ которое онъ глядѣлъ, не видя ничего. Она не поняла

можешь быть чувствъ его терзавшихъ, въ изнеможеніи упала на свои кресла и опъ сильнаго движенія едва могла дышатьъ. Прислужницы спѣшили снять съ нее покрывало: прелестныя локоны ея упали въ безпорядкѣ и при взглядѣ на ея прекрасное лицо — шумъ негодованія и удивленія раздался въ залѣ. Самъ Графъ Монфортскій былъ пронупъ. — Это не легко сдѣлать — проворчалъ онъ, и я не радъ, что взялся за такое препорученіе. — Онъ подумалъ съ минутою, сѣлъ на свое мѣсто и гораздо спокойнѣе сказалъ Изабеллѣ:

— Есть одно средство, при которомъ можете вы не согласиться съ волею Короля, не лишаясь за это вашего имѣнія и не подвергаясь его гнѣву. Судъ Божій рѣшитъ дѣло. Изберите меня вашимъ защитникомъ: изломашь копье и сбросишь соперника для меня бездѣлица.

«Если вы будете говорить, какъ прилично рыцарю и посланнику Короля, я готова выслушать ваши предложенія.»

— Извините меня: я совсѣмъ не умѣю говорить съ дамами и если супружество съ однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Франціи, послѣ чего вы всегда можете быть при Дворѣ, такъ мало прельщаетъ васъ, то все, что я могу сказать вамъ, вѣрно будетъ неприятно. Я требую руки вашей и вызываю рыцарей, которые осмѣлятся противостать мнѣ. Рука ваша будетъ наградою побѣдишеля или Оберва-

ля, за копораго я дѣлаю вызовъ. — »Вы найдете крѣпость въ осадѣ,« сказалъ мнѣ Король, »но я полагаюсь на крѣпость руки вашей.« — Вѣрьте, Государь, что я привезу съ собою владѣтельница Куршенея и Бореуара. И такъ, если вы соглашаетесь пожертвовать жизнью кого нибудь — я гошовъ. . .

Изабелла съ горестью молчала. Кто могъ осмѣлиться на битву съ ужаснымъ Графомъ Монфорпскимъ? Она замѣтила, что многихъ рыцарей уже не было въ залѣ. Если не робость, то нерѣшительность видна была на лицахъ другихъ.

— Если въ этой позолоченной толпѣ есть смѣльчакъ, которому надобна жизнь, пусть возьметъ онъ знакъ своего сшуда — онъ помѣряетъ своимъ шѣломъ арену Куршенейскую! — Тутъ Графъ одернулъ съ руки и бросилъ на полъ желѣзную перчатку свою, которая упала съ звукомъ, раздавшимся въ сводахъ залы — и Баронъ Куршенейскій запрепепалъ въ своихъ креслахъ.

»Залогъ за залогъ!« вскричала Изабелла и бросила шелковую перчатку, какъ перо полелѣвшую на полъ.

Еще не опомнились присупспвующіе отъ этой быспрой рѣшительности, какъ Паладуръ держалъ уже въ рукахъ своихъ огромную перчатку Графа. Онъ поднесъ ее къ нему и безстрашно глядя въ лицо соперника, сказалъ: — Если владѣтельница Куршенея и Бореуара позволите мнѣ

быть ея защитникомъ, я поднимаю вашу залогъ.

Паладуръ почтительно склонился передъ Изабеллою и преклонилъ одно коленно.

Нервительность, страхъ, радость волновали грудь Изабеллы. «Храбрый рыцарь!» сказала она дрожащимъ голосомъ, «я избираю васъ. Да укрѣпиль Богъ руку вашу для защиты приписанной дѣвушки и пусть ничтожный даръ мой будетъ хранительнымъ талисманомъ в а ш и м ѣ. Она отспегнула пряжку, придерживавшую на плечахъ ея легкую, богато - вышитую шкандь и бросила эту шкандь на плечо рыцаря.

«Рыцарь кровавой звѣзды избранъ!» закричали со всѣхъ сторонъ.

Графъ Монфортскій вскочилъ съ своихъ креселъ и съ бѣшенствомъ вскричалъ: — Проститесь съ нимъ! я руками, завтра, задушю этого бархатнаго рыцаря — я научу смиренію красивую его покровительницу и если завтра онъ не покажетъ на песокъ, какъ великъ ростъ его, то не будь я Графъ Симонъ Монфортскій!

«Одно обѣщаніе! одно обѣщаніе!» сказала Изабелла съ трепетомъ.

— Могу-ли отказать въ немъ — отвѣчалъ Графъ — такой милой невѣстѣ Обервала!

«Требую, чтобы сраженіе не было смертное, чтобы употреблены были оружія турнира!»

— И такъ это будешь шалость? Ничего дѣлашь, согласенъ! Поднимимою перчатку — сказала Графъ пажу — и приколови ее на дворъ замка. Кому угодно, пусть прогаютъ ее копьями и прощуются съ жизнью: я и въ шупку бью больно!

«Помоги мнѣ, Боже!» сказала Изабелла, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу. Всѣ подруги ея перекрестились и тихо читали молитвы за госпожу свою.

Все было готово къ сраженію: мѣсто назначено, герольды избраны. Къ удивленію зрителей, нѣсколько рыцарей явилось на вызовъ Графа Монфортскаго; бросили жребій: Паладуру досталось сражаться послѣдному.

Это не былъ веселый праздникъ, какъ обыкновенно бывали рыцарскія потѣхи. Въ молчаніи всѣ заняли свои мѣста. Началась битва и страшный Графъ Монфортскій легко сбросилъ нѣсколькихъ прошивниковъ. Нѣкоторые заплакали тяжелыми ранами и безпамятствомъ за свою дерзость. Окружавшіе Изабеллу прелепали. Эймаръ, избранный маршаломъ турнира, вѣрнѣе сжималъ въ рукахъ своихъ маршалскій жезлъ и молился усердно. Изабелла, безъ всякаго понятія о томъ, что она дѣлаешь, кланялась и привѣщивала

каждаго изъ рыцарей, являвшихся на битву и — поблѣднѣла какъ смерть, сдѣлалась неподвижна, когда трубы возвѣспили низложеніе послѣдняго прошивника Графа Монфортскаго.

Трубы загремѣли еще разъ. Наступилъ чередъ Паладура. Въ это время, неизвѣстный челоувкъ подошелъ къ Амिरалю, который уныло облокотясь на перила арены, стоялъ безмолвный. «Рыцарь! ты другъ Паладура?» спросилъ его незнакомецъ. Амираль обернулся и узналъ шайнспвеннаго менеспределя. — Что тебѣ надобно, менеспредель? — спросилъ его быспро Амираль. — «Если ты другъ Рыцаря кровавой звѣзды, докажи это теперь: я слышалъ, какъ Графъ Монфортскій поклялся погубить рыцаря, хотя-бы съ нарушеніемъ всѣхъ правъ рыцарскаго поединка — будь его хранителемъ!» Тутъ арену отворили, Паладуръ вхалъ шико и величеспвенно. Его прекрасное лицо и спройный спанъ представляли совершенную пропивоположность съ исполинскимъ роспомъ Графа Монфортскаго. Конь рыцаря шакъ весело, шакъ легко шелъ подъ нимъ, и мысль, что рыцарь идетъ сражаться за ушѣсенную дѣвушку; легко склонила къ нему желанія всѣхъ зрштелей.

Графъ видѣлъ, что новый соперникъ спойлъ всѣхъ прежнихъ. Онъ перемѣнялъ только конья послѣ каждая удара; теперь велѣлъ привестъ новаго свѣжаго коня и осмотрѣлъ шщашельно новое конье

свое. Онъ попотребовалъ вина; оруженосцы поднесли ему кубокъ. Графъ открылъ наличникъ свой и спалъ пить. Паладуръ двинулся съ мѣста, желая приближиться къ Изабеллѣ. Могъ-ли онъ знать, увидишь-ли ее еще разъ? Графъ думалъ, что рыцарь хочетъ застать его въ расплахъ, поспѣшно опустилъ наличникъ и вырвалъ копье изъ рукъ оруженосца. Эймаръ видя, что Паладуръ ждетъ хопя одного взгляда Изабеллы, обратился къ ней:

»Вашъ защитникъ проситъ ободрить его хопя однимъ словомъ, взглядомъ, улыбкою!« Она была неподвижна и казалось, ничего не понимала. »Одинъ вашъ взглядъ!« говорилъ ей Эймаръ — «одинъ взглядъ: это немного для того, кто идетъ на смерть за спасеніе ваше!»

Изабелла опустивъ глаза и совершенно неподвижная, ничего не отвѣчала.

»Несчастный рыцарь! Пусть Богъ защититъ тебя!« вскричалъ Эймаръ, »дама, за которую ты сражаешься, не удостоиваетъ тебя даже взглядомъ!« Прежнее молчаніе, прежняя неподвижность. »Епископъ Тулузскій!« сказалъ Эймаръ съ горестью, »нѣтъ-ли у васъ шалисмана, которъй, какъ вы говорили, дѣлаеть побѣдоноснымъ?« Епископъ опустилъ голову въ молчаніи — и Эймаръ крѣпко сжалъ свои руки. »О почтенный Аббатъ! молишь за нашего Рыцаря! Заклинаю васъ! Святой Бенедиктъ! помоги ему — вѣчно на алпа-

рѣ швоемъ будущъ горѣшь свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ — въ золотыхъ — я продамъ послѣднее. . . Дамы, благородныя дѣвицы! или вы онѣмѣли сегодня? Когда у васъ больна собачка, такъ вы надѣдаете всякому своими просьбами — шеперь благородный, храбрый рыцарь идешь на смерть за избавленіе прекраснѣйшей дамы и — вы молчите! Рыцари, дамы, оруженосцы, дѣвицы — вы всѣ, кто любилъ и любилъ — молились!“

Слова Эймара произвели свое дѣйствіе. Всѣ дамы и дѣвушки молились за Паладура, всѣ давали обѣщанія. Аббатъ Нуаръ-Мупьерскій призывалъ Святаго Бенедикта, но болѣе всего пронула зрѣшелей горестъ Амیرала, когда онъ опустивъ узду коня своего и сложивъ обѣ руки, воскликнулъ: „Обѣщаюсь пѣшкомъ, босыми ногами, и въ власяницѣ сходишь ко гробу Святаго Іакова, если другъ мой, брагъ, счастливо рѣшилъ битву! Помоги намъ, Св. Діонисій!“

Въ это время два соперника, во весь махъ уже лепѣли другъ къ другу. Сшибка была ужасна! Если-бы рыцарь Паладуръ былъ привинченъ желѣзными винтами къ сѣдлу, онъ не могъ бы вынести удара, нанесеннаго первымъ силачомъ изъ всѣхъ Французскихъ рыцарей, но къ счастью цѣпочка на желѣзной збруѣ коня его отъ сильнаго напряженія лоннула и ударила коня Графа Монфортскаго. Ударъ страшный и гибельный скользнулъ по плечу Паладура,

но Паладуръ ударилъ вѣрнѣе — ничто не помогло — ни сила, ни крѣпость, ни бѣшенство Графа: онъ — упалъ съ лошади, кровь хлынула сквозь наличникъ шлема и громкіе клики воспорга раздались во всемъ собраніи.

Но клики радости перемѣнились въ клики ужаса, когда увидѣли, что Графъ Монфорлскій вдругъ вскочилъ, въ то время, когда Паладуръ спрыгнулъ съ лошади и приблизился къ нему для признанія побѣды. Спыдъ бытъ побѣжденнымъ, послѣ столькихъ побѣдъ и хвасповства, ярость, отчаяніе въ разстройкѣ плановъ, успроенныхъ имъ на супружествѣ Изабаллы съ Обервалемъ, привели у него въ забвеніе всѣ законы чести и рыцарства; одно желаніе осталось въ душѣ его: крови и смерти! Графъ бросается къ своему оруженосцу, схватываетъ сѣкиру, нарочно приговоренную, и неистовый бѣжитъ на Паладура. Рыцарь погибъ. . . . Нѣтъ! кранитель его бодрствовалъ! Амираль не спускалъ глазъ съ битвы: съ быспрошою молніи онъ выхватываетъ сѣкиру у одного рыцаря и жидаетъ ее къ Паладуру, черезъ барьеръ.

Между тѣмъ крикъ негодованія раздавался въ галлерейхъ! „Измѣна!“ кричали ошвсюду — „бросайте жезлы; бросьте знамя — условіе нарушено! Знамя! Знамя!“ Эти крики относились къ Изабаллѣ, державшей въ рукахъ своихъ знамя, которое

должно было склонить въ знакъ мира и побѣды, но она совсѣмъ потерялась: она была какъ будто окаменѣлая — ничего не понимала, не видала, и вмѣсто того, чтобы опустить, крѣпко сжимала знамя своими руками, какъ будто боялась, что его вырвутъ у нее насильно.

Маршалы, герольды, оруженосцы бросались черезъ барьеръ, все пришло въ смященіе. Ангеранъ - де - Випри, братъ по оружію, Графа Монфортскаго, и шоварищи его бросились черезъ барьеръ, въ ужасъ, что Графъ нарушаетъ законы битвы. Эймаръ прежде всѣхъ прибѣжалъ къ сражающимся: онъ хотѣлъ заслонить Паладура собою, но увидя въ рукахъ его сэкиру, брошенную Амиралемъ, опспунилъ. «Теперь пришелъ твой часъ, гордый повелитель Монфорта,» — сказалъ Эймаръ, «будь ты самъ Артуръ, нашъ Рыцарь не уступитъ тебѣ — Боже! будь воля Твоя!»

Между тѣмъ, пока герольды и рыцари бѣжали къ сражающимся — битва смертельная и ужасная, съ равнымъ быщенствомъ, равно безъ искусства и расчета съ обѣихъ сторонъ рѣшала судьбу Изабеллы. Иверни полетѣли съ перваго удара, но второй ударъ кончилъ все: оглушенный прежнимъ паденіемъ, Графъ Монфортскій зашатался и — упалъ безъ чувствъ, въ крови. . .

Но дорого досталась побѣда Паладуру: напряженіе, ярость, съ какими онъ сражался.

ел, и жестокіе удары страшнаго соперника, обезсилили его. Только тогда, какъ раздался въ воздухъ всеобщій крикъ: *«Да здравствуетъ Рыцарь Паладуръ, женихъ Баронессы Куртенеиской, Графини Боревуарской!»* только тогда могъ онъ обратиться къ ней и преклонить колѣно передъ нею. Она задрожала, услыша восклицанія; но когда увидѣла своего рыцаря преклонившаго предъ нею колѣно, слезы градомъ покапались изъ глазъ ея — она сама упала на колѣни и простирая къ нему руки, произнесла тихимъ голосомъ: *«Мой избавитель — мой супругъ!»*

* * *

Мы хотѣли показать читателямъ образчикъ романовъ Машюрина. Полная исторія похода на Албгойцовъ и заключенія Паладура и друга его Амिरала составляютъ четыре книги. Если главнѣйшая судьба Рыцаря кровавой звѣзды оказалась занимательною нашимъ читателямъ, если они принимаютъ въ немъ участіе, мы скажемъ, что онъ открылъ наконецъ тайну своего рожденія, женился на Изабелѣ, былъ богатъ, знаменъ и что всего лучше — счастливъ. Но кто онъ былъ? что сдѣлалось съ другими лицами нашей повѣсти?

Онъ былъ сынъ Графа Раймонда Тулузскаго, спасенный отъ убійцы менестрелемъ. Мать его погибла отъ ужаснаго мщенія отверженной любви Барона Куртене-

нейскаго. Спрашная клятва, за копорую взялъ менестрель дияшя опъ Графини Мортемаръ (безумной спарухи), участвовавшей по особеннымъ отношеніямъ въ преступленіи Барона, связывала менестреля. Баронъ погибъ, приговоря гибель Паладуру. Когда миръ положили конецъ бѣдствіямъ Прованса, Женевьева, копорой брата спасъ Паладуръ, послѣ многихъ приключеній, опдала руку и сердце Амидралю.

II. С М Ъ С Ъ.

Парижскія моды.

On voit quelques chapeaux de velours à larges raies bleues et brunes. Une branche, garnie de feuilles jaunes en velours, est fixée autour de la forme de ces chapeaux par de longues boucles en ruban de gaze fond bleu broché en brun.

Quelques dames portent le matin des chapeaux bleu haïti à filets rouges et à doublure écossaise. La passe de ces chapeaux est fort grande; ils sont ornés de noeuds de ruban bleu.

Il y a quelques chapeaux de satin rose qui sont doublés et garnis de satin blanc, et, de plus, ornés d'une blonde tantôt noire tantôt blanche. Sur ces chapeaux, ainsi que sur beaucoup d'autres, car c'est la fleur à la mode, on met une guirlande de clochettes en velours.

Pour les bérets destinés à la grande toilette, les modistes emploient un nouveau tissu d'or broché, et à cannelures bleues ou ponceau. Des galons, des glands et des passemens d'or augmentent encore la richesse de ces bérets, dont la circonférence est énorme.

Les marabouts sont, cette année, d'un usage moins fréquent que les précédentes : nous en avons vu cependant sur quelques chapeaux de velours plain, vert ou bleu de roi ; ils étaient placés entre des pattes et des triangles doublés de satin blanc, qui formaient la garniture principale.

La bruyère du Canada est une des verdureS fleuries à la mode, pour l'ornement des petits bonnets sans fond, ou à fond formé de bandes étroites, croisées.

Quelques dames portent des manchettes à la *Talma*. Ces manchettes ont deux rangs de plis, l'un blanc, l'autre noir ; elles ne flottent pas sur le poignet, elles sont relevées sur le bras.

Замѣтны бархатныя шляпки съ широкими голубыми и шемными полосами. Въшка, съ желтыми бархатными листочками, укрѣплена на сей шляпкѣ вокругъ тульи длинными бантами изъ газovýchъ лентъ, шканными шемнымъ по голубому полю. — Нѣкоторыя изъ дамъ носятъ поутру, шляпки цвѣта голубаго (bleu-haiti) съ красными съшюлками и съ подкладкою изъ Шотландской материи. Поля у сихъ шляпъ огромныя и украшены баншиками изъ голубыхъ лентъ. — Иногда шляпки изъ розоваго апласа подбиваются и украшаются бѣлымъ ашласомъ и блондами, бѣлыми, или черными. На сихъ и многихъ другихъ шляпкахъ бывають гирлянды изъ колокольчиковъ, сдѣланныхъ изъ бархата : это модныя цвѣты. — Для парядныхъ беретовъ, модистки употребляютъ новую золотую ткань съ выемками голубыми или пунцовыми. Галуны, шарфики и снурки — все золотое, прибавляють великолѣпнѣя сими беретамъ, весьма огромнымъ. —

Въ нынѣшній годъ марабу не въ шакомъ большомъ употребленіи, какъ прошлаго года. Между пѣть его употребляютъ для шляпокъ изъ гладкаго бархата, зеленого или голубаго - Королевскаго цвѣта. Марабу находишь на такихъ шляпкахъ, между лапами и шрехъ угольниками, подбишыми бѣлымъ атласомъ, которыя составляютъ главнѣйшую уборку. — Канадскій верескъ съ цвѣтами въ модѣ для уборки небольшихъ чепчиковъ безъ верха, или шапкахъ, у которыхъ верхъ составляютъ узенькія, крестъ на крестъ, баншики. — Дамы носятъ манжеты *à la Talma*. Сія манжета состоятъ изъ двухъ рядовъ складочекъ — одного бѣлаго, другаго чернаго и не спускающа на пальцы, но подныши въ другую сторону.

На приложенныхъ картинкахъ —

1. Атласная шляпка, убранная блондами, лентами и *эгретами* (aigrettes). Гроденаплевый реденгошъ, съ блондами, пуговками, гагашомъ и атласными руладками

2. Фракъ суконный съ бархатнымъ воротникомъ. Бархатный жилетъ сверхъ жилета атласнаго, съ бархатными цвѣточками. Казимирьвые панталоны. Шелковые чулки.

О Г Л А В Л Е Н И Е

О Д И Н Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И.

О Т Д Ъ Л Е Н И Е П Е Р В О Е.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

	Стр.
<i>Путешествія:</i>	
✓ Письма изъ Сибири. - - - - -	5
✓ Путешествіе Англинскаго флота Капитана Кохрена, пшкомбъ, изъ Петербурга въ Камчатку. - - - - -	89 и 243
<i>Статистика.</i>	
Государственные законы и постановленія Ошшоманской Порты. - - - - -	28
✓ Взглядъ на село Иваново (Н. И. Бояркина).	111
✓ О торговль Бухаріи. - - - - -	161
<i>Биографія.</i>	
✓ В. Скоптъ и его сочиненія (статья I).	185

II. КРИТИКА.

Разборъ книгъ :

✓ <i>Voyage d' Orenbourg à Boukhara, etc. Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарію, въ 1820 году, чрезъ степи, простирающіяся на Востокъ отъ моря Аральскаго и древняго Яксарта, опис. Барономъ Е. Мейендорфомъ. Парижъ. 1826 г. (Окончаніе.)</i>	48
✓ <i>HOA-TSIAN etc. ГОА-ТЗИАНЬ, Китайская Поэма, съ разными прибавленіями, пер. П. Томса. Макао. 1824 г. - -</i>	116
<i>Discours sur les révolutions de la surface du globe, etc. Разсужденіе о перемѣнахъ земной поверхности и проч., соч. Барона Кювье. Парижъ. 1825 г. - - -</i>	206
<i>Разсужденіе о семействѣ крестовидныхъ растений, Декандоля, переведенное съ Французскаго П. Троицкимъ. М. 1826 г. -</i>	275

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

Стр.

- Русская Литтература 1825 и 1826 годовъ. - - - - 60, 131, 224 и 283
 Взглядъ на Русскія Географическія карты, изданныя въ 1825 и 1826 гг. (статья I). 137

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

- Французскій переводъ Бахтисарайскаго фонтана — Новая больница въ Лондонѣ — Пожертвованіе Генерала Бойе. — Новое открытіе, касательно горячаго газа — Ибрагимъ-Паша, его полководцы и войско. 74
 Нынѣшнее состояніе Бразиліи — Необыкновенная шаль — Древнѣйшая Арабская рукопись. - - - - 148
 Боливія или Болливарія — Извѣстія о банкахъ Ротшильдахъ — Число произведеній книжной промышленности во Франціи. - - - - 237
 Нынѣшнее состояніе Персидскихъ войскъ — Статистическія извѣстія — Замѣчанія о послѣдней кометѣ. - - - -
 Некрологія: Иоганнъ Петръ Гебель — Графъ Л. Л. Беннигсенъ — Карлъ Робертъ Матюринъ — Жанъ Денисъ Барбье-дю-Бокажъ. - - - - 86, 156. 241 и 304

Увѣдомленія.

- О присланныхъ Антикритикахъ — Объ изданіи Телеграфа на будущій 1827 годъ. 158

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стр.
Астафьева В. И. — Пѣсня. - - - - -	7
Ваземскаго, Князя П. А. — Отрывокъ изъ путеше- ствія, въ стихахъ.	146
И. Ѳ. — Русскія пѣсни. - 7 и	51
Маркевича Н. А. — Къ Инезъ. - - - - -	5
Сердце. - - - - -	50
Орлова В. И. — Къ Помпею Вару. -	49
Ротчева А. Г. — Подражаніе Арабскому.	153
Р. . . . скаго Ѳ. — Четыре сестры. - -	8
(* —) — Къ Гёте. - - - - -	3
Апологъ. - - - - -	52

Проза.

Стражъ знамени (соч. Валтера Скотта):	9
Отрывокъ изъ Вудшока (соч. Валш. Скотта).	53
Рыцарь кровавой звѣзды (отрывокъ изъ ро- мана). - - - - -	109 и 166
Мысли Тальмы объ искусствѣ хорошо говорить.	106
Мысли и замѣчанія Наполеона Бонапарте.	154

II. СМѢСЬ.

Литературныя извѣстія. - - - - -	41
Модные обычаи. - - - - -	43
Анекдоты. - - - - -	45
Педантизмъ. - - - - -	138
Парижскія вѣсти. - - - - -	141
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - - - -	46, 103, 142 и 196

Къ сей части принадлежатъ: *портретъ Валтера Скотта* и *шесть каршинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.*

24

APR 24 1940

